

МИРЫ РОДЖЕРА ЖЕЛЯЗНЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПОЛЯРИС»

WORLDS OF ROGER ZELAZNY

AMBER CHRONICLES

KNIGHT OF SHADOWS

PRINCE OF CHAOS

«POLARIS» PUBLISHERS
1997

МИРЫ РОДЖЕРА ЖЕЛЯЗНЫ

ХРОНИКИ АМБЕРА

РЫЦАРЬ ТЕНЕЙ

ПРИНЦ ХАОСА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОЛЯРИС»
1997 .

*Издание подготовлено
АО «Титул»*

**Миры Роджера Желязны Хроники Амбера / Пер. с англ. —
Рига: Полярис, 1997. — 383 с.**

**Произведения, включенные в данное издание,
охраняются законом об авторском праве. Перепечатка
отдельных романов и всего издания в целом запрещена
без разрешения издателя и переводчика. Всякое
коммерческое использование данного издания возможно
исключительно с письменного разрешения издателя.**

Knight of Shadows

Copyright © 1989 by The Amber Corporation

Prince of Chaos

Copyright © 1991 by The Amber Corporation

© Издательство «Полярис»,
оформление, название серии, 1996

© Издательство «Полярис»,
составление, 1995

Рыцарь Теней

© Е. Доброхотова-Майкова, перевод, 1997

Принц Хаоса

© Е. Волковьский, перевод, 1997

ISBN 5-88132-256-8

РЫЦАРЬ ТЕНЕЙ

Глава 1

Ее звали Джулия, и, когда тридцатого апреля загорелся весь этот сыр-бор, я ничуть не сомневался, что она мертва. Собственно, с этого все и пошло: я наткнулся на растерзанный труп и уничтожил собакоподобное чудище, которое посчитал убийцей. У нас с Джулией был роман, и, строго говоря, началось именно с этого. Задолго до всего остального.

Возможно, мне следовало больше ей доверять. Или уж не затевать прогулки по Теням; тогда не случилось бы размолвки, а значит и разрыва, толкнувшего Джулию на путь колдовства и в студию Виктора Мелмана, чернокнижника, которого мне позже пришлось убить. Того самого Виктора Мелмана, который, в свою очередь, оказался пешкой Люка и Джасры. Впрочем, я, видимо, зря себя казнил, потому что обнаружилось: ничего такого я не совершал. То есть почти не совершал.

Короче, выяснилось, что не я виновник тогдашних своих поступков. Вонзив нож в бок загадочному колдуну-Маске, который некоторое время меня преследовал, я узнал, что за маской таилась Джулия. Мой сводный брат Джарт, дольше и настойчивее других пыгавшийся меня убить, обернулся чем-то вроде живой карты, подхватил Джулию, и оба исчезли.

Я бежал из горящего, рушащегося Стража Четырех Миров, когда упавшая балка заставила меня отскочить вправо. Я оказался в западне из осыпавшейся каменной кладки и пылающих стропил. Мимо пронесся темный металлический шар — казалось, он увеличивается на лету. Шар ударил в стену, прошиб ее, оставив дыру, в которую как раз мог проскочить человек, — что я и сделал, не дожидаясь

повторного приглашения. Очутившись по другую сторону, я силой Логруса опрокинул секцию стены и десятка два солдат, перепрыгнул ров и лишь затем обернулся крикнуть:

— Мэндор!

— Я здесь, — раздался из-за моего левого плеча его мягкий голос.

Я повернулся и увидел, как металлический шар, отскочив от земли, прыгнул в протянутую руку Мэндора.

Тот отряхнул с черного камзола пепел, провел рукой по волосам, потом с улыбкой взглянул на горящую башню.

— Обещание перед королевой ты сдержал, — заметил он, — и ловить тебе здесь, по-моему, больше нечего. Идем?

— Джасра по-прежнему там, — ответил я. — Выясняет отношения с Шару.

— Я думал, у тебя с ней все.

Я покачал головой:

— Мне еще многое надо выпросить.

Над Стражем взвился огненный столп, замер на мгновение и принялся громоздиться выше.

— Об этом я не подумал, — произнес Мэндор. — Ей, похоже, крепко втемяшилось овладеть Фонтаном. Если выдернуть ее отсюда, Фонтан останется за Шару. Тебя это не волнует?

— А если не выдернуть, Шару может ее убить.

Мэндор пожал плечами:

— Сдается мне, что одолеет она. Хочешь пари?

— Может, ты и прав, — сказал я, глядя на пламя, которое, еще помедлив, вновь устремилось ввысь. — Похоже на нефтяной фонтан; надеюсь, победитель сумеет его заткнуть. Если будет победитель. При том, как все тут разваливается на куски, они оба долго не протянут.

Мэндор хохотнул:

— Ты недооцениваешь защиту, которой они себя окружили. И вообще, сам знаешь, как трудно одному волшебнику убить другого чисто чародейскими средствами. Однако в том, что касается инерции материального, ты прав. С твоего позволения?..

Я кивнул.

Мэндор быстрым взмахом руки бросил металлический шар через ров, к пылающему зданию. Шар запрыгал, словно вырастая в размерах при каждом ударе. Всякий раз, касаясь земли, он издавал мелодичный звон, явно несоразмерный кажущимся весу и скорости, причем с каждым скачком звон делался громче. Шар влетел в озаренные

огнем, колеблемые руины ближнего края Стража и на несколько мгновений скрылся из виду.

Я уже собирался спросить Мэндора, что происходит, когда огромная круглая тень промелькнула в дыре, через которую я спасаю. Пламя — кроме огненного столпа из разбитого Фонтана — стало опадать, в крепости что-то глухо зарокотало. Спустя мгновение совсем уже исполинская тень мелькнула вновь, рокот усилился, почва под нашими ногами задрожала.

Мэндор протянул руку. Через минуту металлический шарик скачками направился в нашу сторону. Мэндор поймал его в ладонь.

— Идем, — сказал он. — Жалко будет пропустить самое интересное.

Мы вошли через пролом, благо их было много. В одном месте стена, рухнув, засыпала ров, перейти его не составило труда. Я потратил одно заграждающее заклинание, чтобы спроводить подальше перестроившееся было войско.

За обломками стены стояла Джасра — спина обращена к огненному столпу, руки воздеты. Струи пота разливали черное от сажи лицо, в теле пульсировала чародейская мощь. Футак в десяти выше висел Шару — лицо его побагровело, шея была свернута набок. Профан подумал бы, что Шару чудесным способом покоится на воздухе, но мое логруское зрение различало силовую линию, с которой свисал колдун, подвергнутый, если можно так выразиться, волшебному суду Линча.

— Браво, — похвалил Мэндор, мягко и неспешно сводя ладони. — Видишь, Мерлин? Пари за мной.

— Ты всегда лучше моего оценивал способности, — признал я.

— ...и клянешься служить мне, — донесся до нас голос Джасры.

Шару шевельнул губами.

— И клянусь служить тебе, — выговорил он.

Она плавно повела руками вниз; силовая линия, державшая чародея, начала удлиняться. Шару повис над расстреканным полом Башни. Джасра повелительно взмахнула левой рукой — такой жест я как-то видел у дирижера. Из Фонтана вырвался сгусток пламени, пал на чародея и, стекая с него, ушел в землю. Эффектно, хотя я и не совсем понял зачем.

Шару медленно снижался, словно кто-то в небесах спускал наживку крокодилам. Когда ноги его коснулись земли, я сочувственно затаил дыхание: сейчас натяжение

удавки ослабнет. Но не тут-то было. Пол, словно голограмма, пропустил ноги Шару. Чародей ушел в землю по щиколотку, потом по колено и продолжал погружаться. Я уже не мог бы сказать, дышит ли он. Джасра напевно изрекала череду приказов, и всякий раз от Фонтана отрывалось пламя и заливало Шару. Тот ушел по грудь, потом по плечи. Когда на поверхности осталась одна голова, глаза приоткрылись, однако по-прежнему смотрели бессмысленно.

Джасра вновь взмахнула рукой, движение прекратилось.

— Отныне ты — страж Фонтана, — объявила она, — и покорствуешь мне одной. Признаешь ли ты это?

Потемневшие губы мучительно шевельнулись:

— Да.

— Иди же и запруди огонь, — приказала Джасра. — Приступай к своему служению.

Голова как бы кивнула и тут же начала погружаться дальше. Через мгновение на поверхности остался лишь пушистый хохолок, однако вскоре исчез и он. Силовая линия растворилась в воздухе.

Я прочистил горло. Джасра опустила руки и со слабой улыбкой обернулась к нам.

— Он жив или мертв? — поинтересовался я и добавил: — Чисто научное любопытство.

— Точно не знаю, — отвечала Джасра. — Думаю, того и другого помаленьку. Как мы все.

— Страж Фонтана... — произнес я. — Увлекательная работа.

— Лучше, чем служить вешалкой, — заметила она.

— Тоже верно.

— Ты, видно, думаешь, что я у тебя в долгу?

Я пожал плечами.

— Если честно, мне и без этого есть о чем подумать, — сказал я.

— Ты хотел покончить с распрей, — продолжала она, — а я — вернуть себе Страж. Я по-прежнему не питаю добрых чувств к Амберу, но готова признать, что мы квиты.

— За мной не заржавеет, — отвечал я. — И есть человек, который безразличен нам обоим.

Джасра с минуту глядела на меня сузившимися глазами, потом улыбнулась:

— Насчет Люка не тревожся.

— Я не могу не тревожиться. Этот мерзавец Далт...

Она по-прежнему улыбалась.

— Тебе известно больше моего? — спросил я.

— И намного.

— Может, расскажешь?

— Знание продается и покупается, — заметила она.

Земля под ногами легонько задрожала, огненный столп всколыхнулся.

— Я предлагаю помочь твоему сыну, а ты предлагаешь продать мне сведения, как к этому подступиться? — полюбопытствовал я.

Джасра рассмеялась.

— Если б я считала, что Ринальдо нуждается в помощи, — сказала она, — то была бы сейчас рядом с ним. Видимо, чтоб ненавидеть меня, тебе надо верить, будто я лишена даже и материнских чувств.

— Эй, мы, кажется, условились, что мы квиты!

— Что не мешает взаимной ненависти, — ответила мне Джасра.

— Послушай, может хватит? У меня нет никаких претензий, кроме того, что ты год за годом пыталась меня убить. Так случилось, что ты — мать близкого мне человека. Он в беде, я хочу ему помочь и предпочел бы с тобой не ссориться.

Пламя упало футов на десять, вздрогнуло, упало еще.

Мэндор кашлянул.

— У меня есть отличные поваренные заклинания, — сказал он, — на случай если кто-то проголодался от недавних трудов.

Джасра улыбнулась почти кокетливо и, могу поклясться, стрельнула в Мэндора глазами. Разумеется, такая копна белокурых волос впечатляет, но я бы не назвал его красавцем. Никогда не понимал, что женщины находят в Мэндоре. Даже проверял его на предмет соответствующих чар... Ничего не обнаружил. Видимо, тут какое-то особое колдовство.

— Замечательная мысль, — сказала Джасра. — Если возьмешь остальное на себя, я позабочусь об интерьере.

Мэндор поклонился; пламя опало совсем и ушло в землю. Джасра крикнула Незримому Стражу Шару, чтоб так и оставалось, и повела нас к лестнице вниз.

— Подземный ход, — пояснила она, — в более цивилизованные края.

— Мне подумалось, — заметил я, — что все, кого мы здесь встретим, верны Джулии.

Джасра рассмеялась.

— Как были верны мне, а до того — Шару. Они — честные служаки и привязаны к месту. Им платят, чтоб они

защищали победителей, а не мстили за побежденных. После обеда я официально вступаю во владение, и мне будут служить верой и правдой до прихода следующего узурпатора. Осторожней на третьей ступеньке. Камень шатается.

Она повела нас дальше, в туннель. По моим прикидкам, мы двигались на северо-запад — в направлении цитадели, которую я обследовал прошлый раз. Тогда-то я и спас Джасру от Маски-Джулии и перенес в Амбер, где ей какое-то время пришлось служить вешалкой во дворце.

В туннеле стояла кромешная тьма, но Джасра наколдовала светящуюся точку, и та ярким блуждающим огоньком поплыла перед нами в сыроватый мрак. Пахло затхлостью, по стенам висела паутина. Пол был земляной, только посередине туннеля лежали отдельные каменные плиты, по ним мы и ступали. Там и сям попадались лужи стоячей грязной воды. В воздухе и по земле шныряли темные зверьки.

Я-то в огне не нуждался. Мои спутники, наверное, тоже. Знак Логруса излучал рассеянный серебристый свет, так что я чудесным образом видел в темноте, а заодно мог вовремя распознать колдовскую ловушку. Кстати, и Джасре особенно доверять не приходилось. Колдовским зрением я видел такой Знак и перед Мэндором, который, насколько мне известно, тоже не страдает легковерием. Что-то туманно напоминающее Огненный Путь висело перед Джасрой, замыкая круг настороженности. А впереди порхал огонек.

Мы обошли составленные друг на друга бочки и оказались во вместительном винном погребе. Через шесть шагов Мэндор остановился и бережно взял с левой полки пыльную бутылку. Провел краем плаща по наклейке.

— Ух ты! — воскликнул он.

— Что такое? — осведомилась Джасра.

— Если оно не испортилось, я смогу устроить под него незабываемую трапезу.

— Вот как? Тогда лучше для верности захватить еще несколько. Они стояли тут еще до меня — возможно, даже до Шару

— Вот, Мерлин, держи, — сказал Мэндор, вручая мне две бутылки. — И побережней.

Он внимательно обследовал полку и выбрал еще пару бутылок, которые понес сам.

— Теперь я понимаю, отчего эта крепость вечно в осаде, — заметил он Джасре. — Жалко, я не знал про погребок, а то, может, и сам решил бы попытать счастья.

Та уцпинула его за плечо.

— Есть более простые способы добиться желаемого...

— Запомним, — откликнулся Мэндор.

— Надеюсь, ты поймаешь меня на слове.

Я кашлянул.

Джасра нахмурилась и отвернулась.

Мы следом за ней вошли в низкую арку и поднялись по скрипучей деревянной лестнице в просторную кладовую. За кладовой оказалась громадная, безлюдная кухня.

— Вечно слуги куда-то запропащаются в самый нужный момент, — заметила Джасра, окидывая взглядом помещение.

— Без них обойдемся, — сказал Мэндор. — Покажи мне место, где будем обедать, а я уж управлюсь.

— Отлично! — воскликнула она. — Тогда сюда.

За кухней начиналась анфилада комнат, а за ней — лестница. Мы поднялись на пролет.

— Ледники? — спросила Джасра. — Лавовые потоки? Горы? Или бурная морская пучина?

— Если речь идет о выборе антуража, — сказал Мэндор, — я бы предпочел горы.

Джасра провела нас в длинную, узкую комнату, и мы, распахнув ставни, узрели зубчатую горную гряду. Вдоль всей соседней стены тянулись полки, было холодно и немного пыльно. На полках теснились книги, письменные приборы, кристаллы, лупы, пузырьки с краской, простейшие колдовские инструменты, микроскоп, телескоп. Середину комнаты занимал стол — уложенные на козлы доски; вдоль стола размещались длинные скамьи.

— Сколько займет готовка? — спросила Джасра.

— Минуту-две.

— В таком случае я предпочла бы сперва привести себя в порядок. Может быть, и вы?

— Отличная мысль, — объявил я.

— Верно, — подтвердил Мэндор.

Она отвела нас в соседние — вероятно, гостевые — покои и оставила в компании мыла, воды и полотенец. Мы договорились встретиться в узкой комнате через полчаса.

— Думаешь, она затевает какую-нибудь пакость? — спросил я, стягивая рубаху.

— Нет, — отвечал Мэндор. — Лыщу себя мыслью, что эту трапезу она упустить не захочет. Как, впрочем, и случай показаться нам во всей красе, после того как мы долго видели ее, так сказать, в довольно неприглядном виде. А возможность посплетничать, что-нибудь выведать... — Он покачал головой. — Ты прав, что не доверял ей раньше и,

возможно, не будешь доверять впредь. Но за этим обедом, если я что-нибудь смыслю, можешь свободно расслабиться.

— Как скажешь, — заметил я, намыливаясь.

Мэндор криво усмехнулся, наколдовал штопор и открыл бутылки — «чтоб немного подышали», — прежде чем заняться собой. Я решил поверить, хотя Знак Логруса на всякий случай оставил — вдруг придется сражаться с демоном или отпрыгивать от падающей стены.

Демон так и не появился, стена не рухнула. Я пошел в гостиную и стал смотреть, как Мэндор преобразает ее несколькими словами и движениями рук. Козлы и скамьи исчезли, их сменил крутой стол и кресла без подлокотников, расставленные так, чтобы с каждого открывался вид на горы. Джасры пока не было.

Я прихватил две бутылки, чей букет так восхитил Мэндора. Я собирался водрузить их на стол, но тут Мэндор наколдовал вышитую скатерть с салфетками, тонкую фарфоровую посуду — казалось, ее расписал сам Миро*, — изящные серебряные приборы. С минуту он обозревал результат, потом убрал приборы, заменил на новые, с другим рисунком. Обошел стол, придирчиво разглядывая натюрморт под разными углами и мурлыча себе под нос. Я шагнул было поставить бутылки, но в этот миг посреди стола возникли плавающие в хрустальной вазе цветы. Я отступил на шаг. Появились хрустальные кубки.

Я угрожающе засопел. Мэндор как будто впервые меня заметил.

— А, ставь сюда, ставь сюда, Мерлин! — Возле моего левого локтя возник поднос черного дерева. — Пока дама не пришла, проверим вино, — добавил он и плеснул в два кубка рубиновой жидкости.

Мы пригубили. Вино оказалось чудесным. Много лучше, чем у Бейли.

— Очень даже! — восхитился я.

Мэндор обошел стол, выглянул в окно. Я последовал за ним. Где-то в этих горах скрывается в своей пещере Дэйв.

— Мне почти стыдно вот так отдышаться, — сказал я. — Дел выше головы...

— Может быть, их даже больше, чем ты подозреваешь, — заметил Мэндор. — Считай, что не бездельничаешь,

* Миро, Хуан (1893—1983) — испанский живописец. (Здесь и далее примеч. пер.)

а изыскиваешь наиболее короткий путь. Вдруг да узнаешь что-нибудь у нашей дамы.

— Тоже верно. Интересно только — что.

Мэндор повертел кубок в руке, отпил маленький глоток, пожал плечами:

— Она многое знает. Может, сболтнет что-нибудь ненароком, а может, растает от внимания и захочет расщедриться. Смотри сам, как оно обернется.

Я отхлебнул вина. Могу повредничать и сказать, что у меня заныли кости от дурного предчувствия, но на самом деле это поле Логруса сообщало о появлении в соседней комнате Джасры. Я не стал говорить Мэндору, уверенный, что и он чувствует. Просто повернулся к дверям. Он последовал моему примеру.

Джасра была в длинном белом платье, спущенном с одного (левого) плеча и заколотом на другом бриллиантовой булавкой, в бриллиантовой же прямо-таки инфракрасной тиаре на блестящих волосах. Она улыбалась и распространяла благоухание. Я непроизвольно подтянулся и взглянул на ноги — чистые ли.

Мэндор, как всегда, поклонился учтивее моего. Я почувствовал, что обязан сказать комплимент.

— Ты выглядишь вполне... элегантно, — сообщил я и для вящего впечатления закатил глаза.

— Не часто случается обедать с двумя принцами, — промолвила Джасра.

— Я — герцог Западных болот, а никак не принц, — поправил я.

— Я о доме Савалла, — отвечала она.

— Ты изрядно подготовилась, — отметил Мэндор.

— Не люблю ошибаться в протоколе.

— По эту сторону я редко пользуюсь титулами Хаоса, — объяснил я.

— А жаль, — промолвила Джасра. — По мне, в этом есть своя... элегантность. Ты ведь примерно тринадцатый в череде престолонаследников?

Я рассмеялся:

— Боюсь, даже назвав такую огромную цифру, ты хватила через край.

— Нет, Мерль, Джасра почти права, — сказал Мэндор. — С точностью до двух-трех человек.

— Да что ты? — удивился я. — Когда я в последний раз интересовался...

— Значит, это было давно. Недавно многих не стало.

— Правда?

— За Хаос, — сказала Джасра, подымая кубок, — да волнуется он вечно!

— За Хаос! — подхватил Мэндор, поднимая свой.

— За Хаос! — отозвался я.

Мы сдвинули кубки, выпили.

Меня обдало волной заманчивых ароматов. Я обернулся и увидел, что стол уставлен кушаньями. Джасра обернулась вместе со мной. Мэндор шагнул вперед. По мановению его руки кресла отодвинулись, пропуская нас к столу.

— Прошу садиться и позвольте подать первую перемену.

Мы сели и не пожалели об этом. Несколько минут молчание нарушали лишь восхищенные замечания в адрес супа. Мне не хотелось первым начинать словесный поединок, и, похоже, мои сотрапезники испытывали сходное чувство.

Наконец Джасра прочистила горло. Я поднял глаза и с удивлением заметил, что она нервничает.

— Ну, как дела в Хаосе?

— В данное время — хаотично, — отвечал Мэндор. — Кроме шуток. — Он задумался на мгновение, потом добавил со вздохом: — Политика.

Джасра медленно кивнула, словно решая, спросить ли его о подробностях, которые он явно не рвется разглашать, потом передумала и повернулась ко мне:

— К сожалению, в Амбере мой кругозор был достаточно ограничен, однако с твоих слов я заключила, что и там дела обстоят довольно хаотично.

Я кивнул:

— Хорошо, что Далт отступился. Если ты об этом. Но то была не настоящая угроза, просто лишняя головная боль. Кстати о Далте...

— Давай не будем, — с обворожительной улыбкой перебила меня Джасра. — Я, собственно, хотела поговорить о другом.

Я тоже улыбнулся:

— Совсем забыл. Ты его не жалуешь.

— Дело не в том, — промолвила она. — Далт был по-своему полезен. Просто это... — Она вздохнула. — ...политика.

Мэндор рассмеялся, мы вслед за ним. Жаль, я не догадался сказать это про Амбер. Теперь поздно.

— Я не так давно приобрел картину, — начал я. — Художницы Полли Джексон. Нарисован красный пятидесятый седьмой «шевроле». Мне страшно нравится. Сейчас картина в Сан-Франциско. Ринальдо тоже одобрил.

Джасра кивнула. Она смотрела в окно.

— Вы оба вечно ходите по галереям. Да, он и меня таскал. Верю, что у него хороший вкус. Дарования нет, а вкус есть.

— Что значит «нет дарования»?

— У него твердая рука, но картины ему не удаются.

Я затронул тему живописи с вполне определенной целью, однако разговор внезапно свернул в другое русло. Впрочем, новая сторона, открывшаяся мне в Люке, так меня заворожала, что я все-таки спросил:

— Картины? Я не знал, что он пишет

— Он пытался, и не раз, но картин никому не показывает — они недостаточно хороши.

— Тогда откуда ты знаешь?

— Я время от времени проверяю его комнату

— В его отсутствие?

— Разумеется. Право матери.

Я поехал — вспомнилась горящая женщина в Кроличьей норе. Но мне не хотелось говорить о своих чувствах и уводить разговор с начатой темы. Я решил вернуться к своей первоначальной цели.

— Не в этой ли связи он познакомился с Виктором Мелманом?

Джасра некоторое время изучала меня, сощулив глаза, потом кивнула и доела суп.

— Да, — сказала она, откладывая ложку. — Люк какое-то время брал у Виктора уроки живописи. Ему понравились картины, он разыскал автора. Может быть, что-нибудь купил. Не знаю. В какой-то момент он упомянул свои опыты, Виктор выразил желание посмотреть. Похвалил Ринальдо, предложил научить его нескольким полезным приемам.

Она подняла кубок, понюхала вино. Взглянула на горы.

Я собрался было задать наводящий вопрос, когда она засмеялась. Я ждал.

— Настоящий стервец, — произнесла Джасра, отсмеявшись. — Но даровитый. Этого у него не отнимешь.

— О чем ты? — спросил я.

— Спустя какое-то время он заговорил о развитии личной мощи, со всеми этими многозначительными умолчаниями, которые так любят недоучки. Внушал Ринальдо, что он оккультист, и не из последних. Потом намекнул, что готов поделиться своими знаниями со стоящим человеком.

Она снова засмеялась. Я и сам хохотнул, представив, как этот дрессированный тюлень подъезжает со своим детским лепетом к настоящему мастеру

— Разумеется, он просто почуял, что у Ринальдо водятся деньги, — продолжала она, — а Виктор по обыкновению был на мели. Ринальдо, впрочем, не проявил интереса, а вскоре после этого перестал брать у Виктора уроки — сообразив, что больше ничему не научится. Однако, когда впоследствии он рассказал мне, я поняла: вот человек, из которого выйдет отличное орудие. Он пойдет на все, лишь бы почувствовать настоящую власть.

Я кивнул:

— Тогда-то вы с Ринальдо и начали являться Виктору? По очереди пудрить ему мозги и учить его кое-каким подлинным штучкам?

— В целом так, — отвечала она. — Хотя обучение я в основном взяла на себя. Ринальдо постоянно готовился к экзаменам, ему было некогда. Он ведь учился лучше тебя, верно?

— Он всегда получал высокие оценки, — согласился я. — Когда ты говоришь, что решила натренировать Мелмана и превратить в орудие, мне поневоле думается о причине: ты готовила его убить меня, и убить красочно.

Она улыбнулась:

— Да, хотя, впрочем, не совсем так, как ты думаешь. Он знал про тебя и готовился принять участие в твоём заклании. Однако та попытка, когда ты его убил, целиком на его совести. Я его предупреждала — никакой самостоятельности. Так что поделом ему. Виктор жаждал получить всю власть, которую, он полагал, можно в итоге обрести, и не желал ею делиться. Я же сказала — стервец.

Мне хотелось выглядеть безучастным, чтобы Джасра продолжала. Естественнее всего это было сделать, не прерывая еды, однако, опустив глаза, я заметил, что тарелка с супом исчезла. Я взял булочку, разломил, собрался намазать маслом и тут увидел, что руки у меня дрожат. В следующее мгновение я понял почему: меня подмывало ее придушить.

Поэтому я глубоко вдохнул, выдохнул и отпил вина. Передо мной очутилась тарелка с чем-то невероятно вкусным. Легкий аромат чеснока и дразнящих пряностей говорил: успокойся. Я с благодарностью кивнул Мэндору. Джасра тоже. В следующее мгновение я уже намазывал булочку.

Откусив и прожевав, я сказал:

— Сознаюсь, что по-прежнему не понимаю. Ты говоришь, Мелман должен был принять участие в моем заклании. Значит, он бы действовал не один?

С полминуты Джасра продолжала есть, потом изобразила улыбку.

— Грех было не использовать твой разрыв с Джулией и ее интерес к оккультизму. Я увидела, что их с Мелманом можно свести: пусть обучит Джулию несколькими простеньким приемам и, растравляя горе девушки, обратит его в жгучую ненависть — а там, когда дело дойдет до заклятия, Джулия сама охотно перережет тебе глотку.

Я поперхнулся чем-то вполне вкусным.

Возле моей правой руки возник хрустальный кубок с водой. Я отпил глоток. Потом другой.

— Ах, эта твоя реакция дорогого стоит, — заметила Джасра. — Признайся, мщение пикантнее, если палачом становится бывшая возлюбленная.

Уголком глаза я видел, что Мэндор кивает. Да и сам я не мог не согласиться.

— Да, мщеннице высший сорт, — сказал я. — Ринальдо тоже приложил руку?

— Нет, к тому времени вас было уже не разлить водой. Я боялась, что он тебя предупредит.

С минуту я обдумывал услышанное, потом спросил:

— И что же разладилось?

— Я не учла одного, — сказала Джасра. — У Джулии оказался талант. Несколько уроков у Виктора, и она превзошла его во всем — кроме живописи. Черт! Может, она и пишет. Не знаю. Я сдала себе джокер, а он сыграл со мной злую шутку.

Я поежился, вспомнив разговор в Арбор-Хаус с ти'игой, которая вселилась в Винту Бейли. Она спросила меня, удалось ли Джулии развить способности, о которых та мечтала. Я ответил, что не знаю, что не видел никаких признаков... А потом вспомнил нашу встречу на стоянке у супермаркета, когда Джулия велела собаке сидеть и та не могла двинуться с места... Это я припомнил, но...

— И ты никогда не замечал проявлений ее дарования? — осведомилась Джасра.

— Не совсем так, — отвечал я, и только тут многое стало до меня доходить. — Не совсем.

...Например, как тогда в кафе «Баскин-Робинс» она поменяла вкус мороженого и фунтика. Или когда без зонтика осталась сухой в ливень...

Джасра удивленно нахмурилась, сузила глаза.

— Не понимаю. Если ты знал, то мог бы учить ее сам. Она тебя любила. Вы бы отлично сработались.

Я внутренне содрогнулся. Джасра права. Я и впрямь подозревал, возможно даже догадывался, но гнал от себя эти мысли. Не исключено, что я и разбудил ее дремлющие способности пресловутыми прогулками по Теням, своими телесными энергиями...

— Все непростое, — отвечал я. — И очень лично.

— Ой. Сердечные дела или вполне прозрачны, или совсем для меня загадочны, — промолвила Джасра. — Среднего, кажется, не дано.

— Сойдемся на прозрачности, — сказал я. — Когда я начал что-то замечать, дело уже шло к разрыву, и я побоялся пробуждать силы в бывшей возлюбленной, которая в один прекрасный момент захочет попрактиковаться на мне.

— Логично, — кивнула Джасра. — Очень. Забавная ирония судьбы.

— Весьма, — заметил Мэндор и взмахнул рукой. Перед нами возникли новые дымящиеся блюда. — Пока вы не ушли с головой в беседу о хитроумных интригах и оборотных сторонах души, пожалуйста, отведайте перепелиной грудки в красном вине с диким рисом и побегами спаржи.

Я своей рукой направил Джулию на этот путь, когда показал другие пласты реальности. И оттолкнул от себя нежеланием открыться, своей замкнутостью. Наверное, я не способен по-настоящему любить и доверять. Однако это я чувствовал и раньше. Тут есть что-то еще...

— Восхитительно! — объявила Джасра.

— Спасибо. — Мэндор встал, обошел стол и сам, не прибегая к волшебству, налил ей вина. Я заметил, что при этом он левой рукой слегка коснулся ее оголенного плеча. Потом, словно опомнившись, он плеснул и в мой кубок, вернулся на свое место и сел.

— Да, превосходно, — заметил я, мысленно пробегая глазами внезапно прояснившуюся картину.

Теперь понятно: я что-то чувствовал, что-то подозревал с самого начала. Наши прогулки по Теням — просто самый эффектный из мелких следственных экспериментов, которые я вновь и вновь устраивал Джулии в надежде подловить ее, разоблачить... в чем? В том, что она — потенциальная чародейка?

Я отложил вилку с ножом и потер глаза. Где-то совсем близко — то, что я столько времени от себя скрывал.

— Что-то случилось, Мерлин? — спросил меня голос Джасры.

— Нет Я просто почувствовал, как сильно устал. Все отлично.

Чародейка. Не потенциальная, нет Втайне я боялся, что за покушениями тридцатого апреля на мою жизнь стоит именно она — но запрещал себе об этом думать и продолжал любить. Почему? Потому что она — моя дева Нимианна*? Потому что я любовался своей будущей убийцей и прятал от себя улики? Потому что я не только влюбился без ума, но и одержим желанием смерти, которое с улыбкой следует за мной по пятам, чтобы однажды сбыться вполне?

— Сейчас приду в себя, — сказал я. — Пустяки.

Значит, правду говорят, что я и есть мой самый смертельный враг? Надеюсь, все-таки нет Просто у меня не было времени подлечиться, слишком от многих внешних условий зависела моя жизнь.

— Я бы дорого дала, чтобы прочесть твои мысли, — вкрадчиво произнесла Джасра.

* Дева Нимианна — в легендах артуровского цикла волшебница, погубившая влюбленного в нее Мерлина

Глава 2

— Они бесценны, — отвечал я, — как и твои шутки. Я восхищен. Мало того, что я не подозревал, я близко ни о чем не догадывался, даже когда получил кое-какие факты. Это ты хотела услышать?

— Да.

— Рад, что мы подошли к месту, где твои планы расстроились, — добавил я.

Джасра вздохнула, кивнула, отпила вина.

— Да, это случилось, — призналась она. — Я и не ожидала, что такая простая затея выйдет мне боком. До сих пор не могу поверить, что этот мир настолько пронизан иронией.

— Если хочешь, чтобы я оценил шутку в полном объеме, будь добра, объяснись.

— Придется. С одной стороны, не хочется менять твою недоуменную мину на злорадную. С другой стороны, я по-прежнему в силах огорчить тебя каким-нибудь новым способом.

— Что-то находишь, что-то теряешь, — заметил я. — Держу пари, кое-какие мелкие подробности тех событий смущают тебя до сих пор.

— Как то? — спросила она.

— Почему не удалось ни одно из тридцатоапрельских покушений на мою жизнь?

— Полагаю, Ринальдо так или иначе вставлял мне палки в колеса, выручая тебя.

— Не угадала.

— Так кто же?

— Ти'ига. На ней заклятие меня защищать. Ты должна ее помнить, она обитала в теле Гейл Лэмпрон.

— Гейл? Девушки Ринальдо? Мой сын встречался с демоницей?

— Не впадай в предрассудки. На первом курсе он и не такое выкидывал.

Джасра на мгновение задумалась, потом медленно кивнула:

— Верно подмечено.. И ты по-прежнему не знаешь, что за этим кроется — только то, что она в Амбере?

— Не знаю, — подтвердил я.

— Это проливает довольно странный свет на весь временной отрезок, — пробормотала Джасра, — особенно учитывая, что наши пути снова пересеклись. Интересно..

— Что?

— Какова ее истинная цель: оберегать тебя или вредить мне? Кто она: твой телохранитель или мое проклятие?

— Трудно сказать, поскольку результат так и так один.

— Однако больше похоже на первое — она явно крутится возле тебя.

— Если дело не в другой, известной ей одной причине.

— Например?

— Она предполагает, что мы снова схлестнемся.

Джасра улыбнулась:

— Тебе надо было податься в адвокаты — ты хитроумен, как твоя амберская родня. Однако — положи руку на сердце — я не задумывала ничего, что можно было бы истолковать подобным образом.

Я пожал плечами:

— Это лишь предположение. Пожалуйста, расскажи, что было дальше с Джулией.

Джасра отщипнула кусочек перепелиного крылышка. Я последовал ее примеру и вскоре обнаружил, что не могу перестать есть. Я взглянул на Мэндора. Тот оставался непроницаемым — ни за что не сознается, что заворожил кушанье или наложил на едоков заклятие очистки тарелки. Так или иначе мы закончили перемену, прежде чем Джасра заговорила снова. Сказать по совести, грех мне было бы роптать.

— После вашего разрыва Джулия училась у многих, — начала Джасра. — Мне, раз решившись, было несложно воздействовать на ее учителей, побуждать их к словам и поступкам, которые оттолкнули бы Джулию, заставили искать другого наставника. Довольно скоро она вышла на Виктора, которого мы к тому времени уже опекали. Я велела ему всячески обхаживать Джулию и, пропустив многие

обычные формальности, готовить к выбранному мною обряду посвящения...

— Какому именно? — перебил я. — Обрядов посвящения уйма, и результат у каждого свой.

Джасра улыбнулась, кивнула, разломила и намазала маслом булочку.

— Я сама провела ее по моим собственным стопам — через Нарушенный Огненный Путь.

— Судя по названию — что-то опасное с амберской стороны Тени.

— Географически ты прав. Но опасного тут ничего нет, если понимаешь, что делаешь.

— Насколько мне известно, — упорствовал я, — теневые миры, обладающие тенью Пути, содержат лишь его искаженную проекцию. В этом и кроется риск.

— Риск лишь для тех, кто не умеет с ним справиться.

— И ты заставила Джулию пройти этот... Нарушенный Путь?

— О прохождении Пути я знаю лишь со слов покойного мужа и Ринальдо. Если я правильно понимаю, вы идете по линиям от определенного внешнего начала до внутренней точки, где на вас и нисходит сила?

— Да, — подтвердил я.

— В Нарушенном Пути, — объяснила Джасра, — тыходишь сквозь брешь и добираешься до центра.

— Как следовать линиям, если они нарушены или оборваны? Истинный Путь уничтожит тебя, стоит отклониться от рисунка.

— Здесь не надо следовать линиям. Только промежуткам, — отвечала она.

— А когда путь пройден? — спросил я.

— В тебе остается Образ Нарушенного Пути.

— И как с его помощью колдовать?

— Используя брешь. Ты призываешь Образ, и он предстает тебе в виде темного колодца, из которого ты черпашь силу.

— А как ты путешествуешь между Тенями?

— Примерно как и вы, если я правильно понимаю ваш способ передвижения. Но брешь остается в тебе.

— Брешь? Не понимаю.

— Изъян в Пути. Он следует за тобою и в Тень. Сопровождает тебя в твоих странствиях, порой — щелочка не шире волоса, порой — зияющая пустота. Он перемещается: может возникнуть когда угодно, где угодно — провал

в реальности. Это — опасность, подстерегающая тех, кто прошел Нарушенный Путь. Упасть в него — смерть.

— В таком случае он должен таиться во всех твоих закланиях — этакая ловушка.

— Каждая профессия имеет свои опасные стороны, — заметила Джасра. — В том и мастерство, чтобы их избегать.

— И сквозь это посвящение ты провела Джулию?

— Да.

— И Виктора?

— Да.

— Понятно... Но ты должна сознавать: Нарушенные Пути черпают свою силу из Подлинного.

— Конечно. Что с того? Если соблюдать меры предосторожности, Образ почти ничем не уступает оригиналу.

— Для сведения. Сколько существует пригодных Образов?

— Пригодных?

— Они неизбежно вырождаются от Тени к Тени. Где можно подвести черту и сказать: дальше этого нарушенного Образа я сунуться не решусь?

— Понимаю. Можно иметь дело примерно с первыми девятью. Дальше я не заходила. Первые три — самые лучшие. Следующие три — туда-сюда. Дальше идут три более опасных.

— В каждом следующем брешь все шире?

— Именно так.

— Зачем ты открываешь мне эти тайны?

— Ты — посвященный высокого уровня, так что беды не будет. Кроме того, ты ничего не сможешь изменить в исходных условиях. И, наконец, без этого ты не поймешь остального.

— Хорошо, — сказал я.

Мэндор постучал по столу; перед нами возникли хрустальные чашечки с лимонным шербетом. Мы поняли намек и освежили горло, прежде чем продолжать беседу. За окном бежали по горным склонам облачные тени. Откуда-то из коридора доносилась тихая музыка. С другой стороны что-то звенело и скрежетало, словно там работали лопатой или киркой.

— Значит, ты посвятила Джулию, — начал я.

— Да, — отвечала Джасра.

— И что дальше?

— Она научилась призывать Образ Нарушенного Пути, видеть с его помощью и творить заклания. Научилась

черпать силу из разрыва в нем. Научилась перемещаться по Теням..

— Все время помня о пропасти?

— Разумеется. У нее к этому положительный талант. Вообще Джулия удастся все, за что бы та ни взялась.

— Удивительно, что смертный может пройти пусть и Нарушенный Путь и остаться в живых.

— Не всякий смертный, — возразила Джасра. — Кто-то наступает на линию или загадочно гибнет в поврежденной области. Проходит примерно один из десяти. Это хорошо. Сохраняется ореол исключительности. Из прошедших немногие способны освоить хотя бы начальные навыки воровбы, чтоб их стоило принимать во внимание.

— И ты говоришь, когда Джулия поняла, что к чему, она обогнала Виктора.

— Да. Я не понимала, в какой мере, пока не оказалось слишком поздно.

Джасра глядела на меня, словно ожидая отклика. Я поднял глаза от тарелки, изогнул бровь.

— Да, — продолжала она, очевидно удовлетворенная. — Ты не знал, что возле Фонтана ударил кинжалом именно Джулию?

— Не знал, — сказал я. — Маска все время оставалась для меня загадкой. Я не мог взять в толк, что ею движет. Цветы просто ставили меня в тупик, и я не понял, кто — ты или Маска — скрывался за историей с голубыми камнями.

Джасра рассмеялась:

— Голубые камни и пещера, откуда они — наша маленькая семейная тайна. Они сделаны из магического изолятора, однако внутри пары, однажды разрозненной, сохраняется связь, и человек чуткий, владея одним камнем, может добраться до другого..

— Через Тень?

— Да.

— Даже если он не обладает требуемыми способностями?

— Даже и в таком случае, — подтвердила Джасра. — Это все равно что следовать за умеющим перемещаться в момент перемещения. Довольно проворства и чутья. Владелец камня делает примерно то же, только он следует не за тем, кто умеет перемещаться, а скорее по его следу.

— Ты хочешь сказать, что Джулия прицепилась к тебе?

— Вот-вот

Я поднял глаза и увидел, что Джасра краснеет

— Джулия? — переспросил я.

— Ты начинаешь понимать.

— Нет, — признался я. — Впрочем, может быть, немного. Она оказалась даровитее, чем ты думала. Это ты уже говорила. У меня создалось впечатление, что она тебя в чем-то перехитрила. Но я не знаю, в чем и когда.

— Я перенесла ее сюда, — сказала Джасра, — забрать кой-какое снаряжение в первый круг Теней возле Амбера. В тот раз она и увидела мой кабинет в Страже. И, возможно, я наболтала лишнего. Но кто знал, что она все ловит на лету? Я считала ее слишком робкой для подобных мыслей. Должна признать, что Джулия — замечательная актриса.

— Я читал дневник Виктора. Если я правильно понял, ты была в маске или капюшоне и, возможно, прибегла к каким-то чарам, искажающим голос?

— Да, но, вместо того чтобы запутать Джулию, подavit, я раздражила в ней вкус к волшебному. Полагаю, тогда-то она и стащила один из моих траголитов — голубых камней. Остальное — история.

— Только не для меня.

Передо мной очутилась тарелка с абсолютно неведомыми, но аппетитно пахнущими овощами.

— Подумай.

— Ты провела ее через Нарушенный Путь, совершила обряд посвящения... — начал я.

— Да.

— И при первой же возможности она с помощью... траголита вернулась в Страж разнюхать другие твои секреты.

Джасра негромко зааплодировала, попробовала овощи и тут же с жадностью на них накинулась.

— Дальше сдаюсь, — признался я.

— Будь умницей, скупай овощи, — сказала Джасра.

Я подчинился.

— Исходя исключительно из знаний человеческой природы, — внезапно заметил Мэндор, — я заключил бы, что, опробовав крылышки, она решила опробовать и коготки. Полагаю, Джулия вернулась назад, бросила перчатку своему первому наставнику — Виктору Мелману, — и произошел чародейский поединок.

Джасра негромко ойкнула.

— Это и правда только догадка? — спросила она.

— Правда, — подтвердил он, крутя в пальцах кубок. — Мало того, позволю себе предположить, что ты обошлась со своим наставником в точности так же.

— Какой дьявол тебе сказал? — спросила она.

— Я всего лишь догадываюсь, что Шару был твоим учителем — а может быть, и не только учителем, — отвечал Мэндор. — Но это объясняет и поочередные захваты Стража Четырех Миров, и то, как ты сумела заставить прежнего владельца врасплох. Вероятно, перед своим поражением он даже нашел время наложить на тебя проклятие, злорадно пообещав тебе ту же участь. А если и нет, в нашем ремесле подобные события имеют обыкновение описывать полный круг

Джасра хохотнула.

— Значит, дьявол зовется Умозаключением, — произнесла она с ноткой восхищения в голосе. — Однако ты вызываешь его с помощью интуиции, а это уже искусство.

— Приятно знать, что он по-прежнему является на зов. Полагаю, неожиданно для Джулии Виктор сумел за себя постоять.

— Верно. Она не учла, что мы ограждаем учеников одним-двумя слоями защиты.

— Все же сама она была защищена по крайней мере не хуже.

— Тоже верно. Одно это было, конечно, равносильно поражению. Джулия понимала, что я узнаю про бунт и вскоре явлюсь ее усмирить.

Я охнул.

— Да, — продолжала Джасра. — Вот почему она инсценировала свою смерть, чем, признаю, надолго ввела меня в заблуждение.

Я вспомнил, как вошел в квартиру Джулии, наткнулся на тело и подвергся нападению. Лицо трупа было частично изуродовано, частично залито кровью. Однако ростом и фигурой убитая разительно напоминала Джулию. И лежала в ее квартире. А тут на меня набросилось яростное собачьеподобное существо, и мне стало не до вдумчивого опознания. Когда смертельная схватка завершилась под аккомпанемент приближающихся сирен, я думал, как бы унести ноги, а не о детальном расследовании. Однако, мысленно возвращаясь к той сцене, я ни разу не усомнился, что видел именно Джулию.

— Невероятно, — сказал я. — Что же я обнаружил?

— Спроси кого-нибудь другого, — отвечала Джасра. — Может быть, одно из ее теневых отображений, может быть — случайную прохожую. Или выкраденный из морга труп. Не знаю.

— На трупе был один из твоих голубых камней

— Да. А парный — на ошейнике твари, которую ты убил. Таким образом был создан коридор.

— Зачем? И к чему вся эта история со Скрофом?

— Чистейшей воды отвлекающий маневр. Виктор решил, что Джулию убила я, я — что Виктор. Он считал, что я открыла путь из Стража и выпустила зверя, я думала на Виктора и досадовала, что он скрыл от меня свои быстрые успехи. Такие вещи хорошо не кончаются.

Я кивнул:

— Ты разводишь здесь этих тварей?

— Да, — отвечала она, — и дажеставляю в нескольких соседних Тенях. У меня есть и медалисты.

— Предпочитаю питбулей, — сказал я. — Они попрямее и нравом подороже. Значит, Джулия оставила тело и скрытый коридор сюда, а ты посчитала, что Виктор ее прикончил и готовится посягнуть на твою святая святых?

— Примерно так.

— А он решил, что Джулия стала для тебя слишком опасной — из-за коридора — и ты ее устранила?

— Не знаю, обнаружил ли Виктор коридор. Сам помнишь, там была неплохая маскировка. В любом случае ни Виктор, ни я не подозревали, что сделала Джулия на самом деле.

— А что же она сделала?

— Прицепила ко мне кусочек траголита. Позже, после посвящения, она с помощью парного камня последовала за мной через Тень в Бегму

— В Бегму? За каким дьяволом тебя туда понесло?

— Да ни за чем особенно, — сказала Джасра. — Я упомянула это, чтобы показать, какая она хитрая. В тот раз она ко мне не приблизилась, я и узнала-то позже, с ее слов. Джулия крадась за мной по периметру Золотого Кольца до самого Стража. Остальное тебе известно.

— Не уверен.

— Она положила глаз на это место. Ее нападение и впрямь оказалось для меня полной неожиданностью. Так я превратилась в вешалку

— А она стала здешней хозяйкой и надела маску Жила здесь, наращивала силу, совершенствовалась, вешала на тебя зонтики...

Джасра предостерегающе засопела. Я вспомнил, что ей действительно пришлось несладко, и переменял тему

— Мне все равно неясно, почему она следила за мной и время от времени осыпала цветами.

— Мужчины раздражающе непонятливы, — сказала Джасра и осушила кубок. — Ты сумел разобраться во всем, кроме ее мотивов.

— Она была одержима идеей власти, в чем тут еще разбираться? Я припоминаю, что у нас был долгий разговор о власти.

Мэндор хихикнул. Я глянул в его сторону. Он отвернулся и покачал головой.

— Очевидно, — сказала Джасра, — она по-прежнему равнодушна к тебе. И даже очень. Она заигрывала с тобой. Пыталась разбудить твоё любопытство. Чтобы тебе захотелось ее разыскать. Тогда она скорее всего попробовала бы с тобой потягаться. Доказать, что заслуживала всего того, в чем ты ей отказал, когда не удостоил своим доверием.

— Значит, тебе и это известно.

— Были времена, когда она говорила со мной откровенно.

— Выходит, Джулия настолько равнодушна ко мне, что послала убийц с траголитами выслеживать меня в Амбере?

Она отвела взор, кашлянула. Мэндор тут же встал, обогнул стол и налил ей вина, заслонив Джасру от меня. Тогда-то, пока Мэндор стоял между нами, она тихо произнесла:

— Не совсем так. Убийцы были... мои. Я считала, что Ринальдо тебя защищает, и воспользовалась его отсутствием, чтобы попытаться еще разок.

Я прищелкнул языком.

— И много их еще бродит?

— Те были последние.

— Приятно слышать.

— Я не прошу прощения. Просто объясняю, чтоб между нами не осталось непонимания. Готов ли ты списать и это? Мне нужно знать.

— Я уже сказал, что мы квиты. Мои слова остаются в силе. Когда в этой истории появился Джарт? Я не понимаю, как они столковались и что их связывает.

Мэндор, прежде чем сесть, подлил в мой кубок вина. Джасра подняла глаза.

— Не знаю, — сказала она. — Когда мы сражались, ей никто не помогал. Наверно, это случилось, пока я была без движения.

— Есть у тебя догадки, куда они с Джартом могли бежать?

— Ни малейших.

Я взглянул на Мэндора. Тот покачал головой.

— У меня тоже, — сказал он. — Однако мне пришла занятная мысль...

— Да?

— Во-первых, он совладал с Логрусом, и приобрел силу. А главное, надо ли говорить, что Джарт, при всех своих шрамах и увечьях, ужасно похож на тебя?

— Джарт? На меня? Ты шутишь!

Мэндор взглянул на Джасру.

— Твой брат прав. Ваше с Джартом родство написано у вас на лицах.

Я отложил вилку и покачал головой.

— Ерунда, — сказал я, скорее затравленно, чем уверенно. — Никогда не замечал.

Мэндор еле заметно пожал плечами.

— Прочешь тебе лекцию о психологии отрицания? — спросила Джасра.

— Не надо. Лучше дайте мне время осознать.

— Тогда пора подавать следующую перемену, — объявил Мэндор и взмахнул рукой. Перед нами возникли тарелки.

— Твои родственники не станут укорять тебя за мое освобождение? — поинтересовалась Джасра несколько минут спустя.

— Пока еще они обнаружат твое отсутствие!.. Успею что-нибудь сочинить, — отвечал я.

— Другими словами, станут, — сказала она.

— Может быть, немного.

— Посмотрим, чем я могу помочь.

— О чем ты?

— Не люблю быть обязанной, — промолвила она, — а ты сделал для меня больше, чем я для тебя. Постараюсь придумать, как отвлечь их гнев на себя.

— Что ты затеваешь?

— Давай не будем это обсуждать. Порой лучше не знать лишнего.

— Мне не нравится, как это звучит.

— Прекрасный повод сменить разговор, — сказала Джасра. — Насколько враждебно настроен Джарт?

— Ко мне? — спросил я. — Или тебя интересует, не явится ли он за добавкой?

— И то и другое, если ты так ставишь вопрос.

— Думаю, он убил бы меня, если б мог, — сказал я и взглянул на Мэндора.

Тот кивнул:

— Боюсь, это правда.

— А вернется ли он сюда за тем, что недополучил, — продолжал я, — судить тебе. Как по-твоему, взял он от Фонтана всю возможную силу?

— Точно не скажу, — отвечала она, — Джарт опробовал ее второпях. Навскидку я бы оценила вероятность в пятьдесят процентов. Удовлетворится ли он этим?

— Возможно. Насколько он станет опасен?

— Очень и очень. Как только вполне освоится. Однако он должен сознавать, что это место надежно защищено — даже от таких, как он. Думаю, Джарт все же поостережется. Один Шару — в его теперешних обстоятельствах — препятствие более чем серьезное.

Я продолжал есть.

— Джулия, вероятно, ему отсоветует, — продолжала Джасра, — она достаточно хорошо знает это место.

Я кивнул. Мы встретимся, когда встретимся. И нечего тут гадать.

— Можно задать вопрос? — спросила Джасра.

— Давай.

— Ти'ига...

— Да?

— Я уверена, что даже в теле дочери герцога Оркуза она не просто вошла в замок и забрела в твой покой.

— Разумеется, — отвечал я, — она была в составе официальной делегации.

— Можно спросить, когда делегация прибыла?

— Сегодня утром. Боюсь, однако, что не могу разглашать подробности...

Джасра, словно отмахиваясь, подняла унизанную кольцами руку

— Государственные тайны меня не волнуют, — сказала она. — Знаю, что Найда обычно сопровождает отца в качестве секретарши.

— И?

— Сестра была с ней или осталась дома?

— Ты про Корэл? — уточнил я.

— Да.

— Была с ней.

— Спасибо, — кивнула Джасра и вернулась к еде.

Черт Куда она клонит? Неужели она знает про Корэл что-то, мне неизвестное? Что-то, относящееся к теперешнему ее местопребыванию? И, коли так, во что мне обойдется узнать?

— А что? — спросил я.

— Просто любопытно. Я знавала ее семью в... более счастливые времена.

Джасра расчувствовалась? Никогда не поверю. Так что же?

— Допустим, у семьи кое-какие неприятности...

— Кроме того, что в Найду вселилась ти'ига?

— Да, — сказал я.

— Мне грустно это слышать, — промолвила Джасра. — Что за неприятности?

— Маленькая история с исчезновением Корэл.

Джасра со звоном уронила вилку в тарелку.

— Что ты сказал?

— Она утодила, куда не надо.

— Кто, Корэл? Когда? Куда?

— Зависит от того, как много ты о ней знаешь, — сообщил я.

— Я к ней привязана. Не тяни жилы. Что стряслось?

— Ты близко знала ее мать?

— Кинту? Встречала по дипломатическим делам. Милейшая дама.

— Расскажи мне про ее отца.

— Ну, он член королевского дома, но не наследной ветви. До того как стать премьер-министром, Оркуз был послом Бегмы в Кашфе. Семья жила с ним, так что мы, естественно, часто виделись...

Джасра подняла глаза, почувствовав, что я гляжу на нее в упор — через Знак Логруса, сквозь ее Нарушенный Путь. Наши глаза встретились. Она улыбнулась.

— Ох. Ты спросил об ее отце. — Джасра замолчала. Я кивнул. — Значит, слухи все-таки не лгали, — заметила она наконец.

— А ты не знала?

— Слухов так много, все не проверишь. Откуда мне знать, какой принимать всерьез? И зачем забивать себе голову?

— Ты, конечно, права. И все же...

— Еще одна побочная дочь старого гуляки, — заметила Джасра. — Кто-нибудь их считал? Удивляюсь, как у него хватало времени на государственные дела.

— Все удивляются.

— Откровенно говоря, в дополнение к слухам, существует разительное фамильное сходство. Впрочем, не могу судить, поскольку не знаю лично всю семью. Говоришь, это правда?

— Да.

— Только на основании сходства, или есть что-то еще?

— Есть что-то еще.

Джасра улыбнулась, взяла уроненную вилку.

— Меня восхищает, как просто иногда объясняется стремительная карьера.

— Меня тоже, — сказал я, возвращаясь к еде.

Мэндор кашлянул.

— По-моему, нечестно рассказать только часть истории, — промолвил он.

— Ты прав, — согласился я.

Джасра перевела взгляд на меня и вздохнула.

— Ладно, — сказала она. — Спрошу. Откуда ты знаешь намер... Ах да, конечно. Огненный Путь.

Я кивнул.

— Ну, ну, ну. Маленькая Корэл, повелительница Пути... Это произошло совсем недавно?

— Да.

— Думаю, теперь она где-то в Тени — отмечает.

— Если б я сам знал!

— А что такое?

— Она исчезла неведомо куда. И это сделал Путь.

— Как?

— Хороший вопрос. Не знаю.

Мэндор прочистил горло.

— Мерлин, возможно, есть что-то, — он сделал враждебное движение левой кистью, — что ты по зрелом размышлении предпочел бы...

— Нет, — сказал я. — Скрытность была бы уместна в разговоре с тобой, брат мой, как лордом Хаоса. И, разумеется, в беседе с Вашим Высочеством, — я кивнул в сторону Джасры, — если бы не ваше знакомство с упомянутой дамой и то, что вы, возможно, питаете к ней приязнь. — Я решил не пересаливать и быстро добавил: — По крайней мере, не испытываешь злобы.

— Я уже сказала, что люблю девочку, — объявила Джасра, подаваясь вперед.

— Ладно. Мне немножко не по себе, я чувствую себя виновным перед маленькой обманщицей и хотел бы исправить положение. Хотя и не знаю как.

— Что все-таки случилось? — спросила Джасра.

— Я развлекал ее. Она пожелала взглянуть на Огненный Путь. Я согласился. По пути она стала задавать мне вопросы: что да как. Разговор казался мне вполне безобидным, и я отвечал. Слухи о ее происхождении до меня

не доходили, а то бы я насторожился. Я ничего не подозревал. Мы дошли. Она встала на Путь — и вперед.

Джасра охнула:

— Путь уничтожил бы всякого, кто не вашей крови, ведь так?

Я кивнул.

— Даже и любого из нас, — сказал я, — если хоть в чем-то ошибиться.

— А если б ее мать согрешила с лакеем или поваром? — хохотнула Джасра.

— Корэл — мудрая дочь, — отвечал я. — Как бы там ни было, ступив на Путь, нельзя поворачивать назад. Мне пришлось наставлять ее в Пути — иначе я нарушил бы долг гостеприимства и поставил под удар отношения Амбера и Бегмы.

— И сорвал деликатные переговоры? — полушутя предположила Джасра.

Ей явно хотелось сбить меня на разговор об истинной причине бегманского посольства, но я не поддался.

— Можно сказать и так. В любом случае она прошла Путь, а затем он ее перебростил.

— Покойный муж говорил мне, что из центра Огненного Пути можно перенестись, куда пожелаешь.

— Верно, — подтвердил я, — но загвоздка в том, что Корэл пожелала нечто неординарное. Она велела Пути перенести ее, куда он сам захочет.

— Не понимаю.

— Я тоже. Но она пожелала, а он исполнил.

— Ты хочешь сказать, она произнесла: «Отправь меня, куда тебе угодно» — и тут же оказалась неведомо где?

— Все правильно.

— Это подразумевает, что Путь в каком-то смысле разумен.

— Если, конечно, он не откликнулся на ее подсознательное желание очутиться в каком-то определенном месте.

— Что ж, это возможно. Но неужто ты не можешь ее разыскать?

— У меня есть ее карта. Мне удалось дотянуться до Корэл. Такое впечатление, что она заключена в темноте. Потом связь оборвалась, и все.

— Давно это было?

— По моим ощущениям — несколько часов назад, — сказал я. — Здешнее время хоть как-то сопоставимо с амберским?

— По-моему, да. Почему ты не повторил попытку?

— Как-то не до того было. И потом, я прикидывал, нет ли другого способа.

Что-то звякнуло, тренькнуло, запахло черным кофе.

— Если ты спрашиваешь, согласна ли я помочь, — промолвила Джасра, — то ответ — да. Только я не знаю, с какого бока подходить. Может быть, если ты еще раз обратишься к карте — с моей поддержкой — мы сумеем до нее дотянуться.

— Ладно, — сказал я, ставя чашку и вынимая карту. — Попробуем.

— Я с вами, — сказал Мэндор, поднимаясь со стула и вставая справа от меня.

Джасра обошла стол и встала слева. Я держал карту так, чтоб всем было хорошо видно.

— Начали, — сказал я и сосредоточился.

Глава 3

Колечко света, которое я принимал за солнечный зайчик, перебралось с пола поближе к моей кофейной чашке. Мэндор и Джасра не подавали виду, что заметили, поэтому я тоже промолчал.

Я шарил в поисках Корэл и не находил ничего. Джасра и Мэндор присоединились ко мне. Я напрягся.

Что-то есть?

Что то...

Помнится, я гадал, чем руководствуется Вайол, когда прибегает к картам. Не привычными нам зримыми приметами. Чем-то вроде того, что я чувствовал сейчас.

Что-то.

Я ощущал присутствие Корэл. Ее изображение на карте не оживало. Сама карта стала заметно прохладнее на ощупь, однако то не был обычный холодок козырного контакта. Я поднатужился. Мэндор и Джасра тоже старались изо всех сил.

Изображение Корэл на карте померкло, но на смену ему никто не явился. Тем не менее, вглядываясь, я ощущал ее присутствие. Более всего это походило на попытку вступить в общение со спящим.

— Трудно сказать, то ли она просто в каком-то мало-доступном месте, — начал Мэндор, — то ли...

— Думаю, она заколдована, — объявила Джасра.

— Это объясняет некоторые странности, — кивнул Мэндор.

— Но только некоторые, — произнес совсем близко знакомый негромкий голос. — Папа, ее удерживают ужасающие силы. Я никогда ничего подобного не видел.

— Призрачное Колесо прав, — сказал Мэндор. — Я начинаю это чувствовать.

— Да, — подтвердила Джасра, — что-то...

Тут пелена расступилась, и я увидел Корэл — она без движения и, по всей видимости, без чувств лежала в темноте, в огненном кольце, озаренная лишь его багровыми отблесками. Она не могла бы призвать меня, даже если бы захотела...

— Призрак, ты можешь перенести меня к ней? — спросил я.

Он не успел ответить, как Корэл исчезла и на меня дохнуло холодом. Прошло несколько секунд, прежде чем я осознал, что тянет из заиндеветшей карты.

— Думаю, нет, не испытываю желания и не вижу необходимости, — отвечал он. — Сила, которая ее удерживает, осознала твой интерес и сейчас тянется к тебе. Ты можешь как-то отсоединить карту?

Я провел ладонью по картинке — обычно этого оказывается довольно. Никакого результата. Сквозняк вроде даже усилился. Я провел еще раз, сопроводив жест мысленным приказанием, и почувствовал, что неведомая сила фокусируется на мне.

Знак Логруса упал на карту, меня отбросило назад, ударило плечом об угол двери. Мэндор завалился было на правый бок, но удержался за стол. Логрусским зрением я успел заметить, как из выпавшей из руки карты рвутся яростные линии света.

— Помогло? — крикнул я.

— Связь оборвалась, — отвечал Призрак.

— Спасибо, Мэндор.

— Однако сила, которая тянулась к тебе через карту, знает теперь, где тебя искать, — сказал Призрак.

— Почему ты так уверен?

— Это заключение, основанное на факте, что она по-прежнему к тебе тянется. Правда, теперь она движется не напрямик, а через пространство. До тебя она доберется секунд через пятнадцать.

— До тебя? — сказала Джасра. — То есть до Мерлина? Мы ее не интересуем?

— Затрудняюсь ответить. Она сфокусирована на Мерлине.

Пока они говорили, я нагнулся и подобрал карту.

— Ты можешь нас защитить? — спросила Джасра.

— Я уже начал перебрасывать Мерлина далеко отсюда. Вас тоже?

Подняв глаза, я увидел, что все в комнате истончается, становится прозрачным, словно отлитым из цветного стекла.

— Уж пожалуйста, — попросила витражная Джасра.

— Да, — прошелестел мой тающий брат.

Сквозь огненный обруч и в темноту...

Я наткнулся на стену, ошупью двинулся вдоль нее. Впереди брезжил слабый свет, мерцали яркие точки...

— Призрак?

Нет ответа.

— Я не в восторге от этого прерванного разговора, — закончил я.

Я шел, пока не оказался у выхода из пещеры. Передо мной было ночное небо. Я шагнул вперед и очутился на пронизывающем ветру. Дрожа, отступил назад.

Я не имел ни малейшего представления, где очутился. Впрочем, какая разница, главное, можно передохнуть. Я напрям логрусское зрение и не сразу нашел теплое одеяло. Завернулся в него, сел. Снова взгляделся. Уже быстрее нашел дрова, совсем скоро их подпалил. Теперь бы еще чашечку кофе... Интересно...

А почему бы нет? Я снова стал искать глазами, и тут в поле зрения вкатилось яркое колечко.

— Папа! Перестань! — произнес обиженный голос. — Мне стоило большого труда упрятать тебя в этот безвестный уголок Тени. А ты своими приказами привлекаешь к себе внимание.

— Ну тебя! — сказал я. — Мне всего лишь захотелось кофе.

— Я сделаю. Просто не прибегай некоторое время к собственным силам.

— А разве твои действия не будут так же заметны?

— А я окольным путем. Вот!

На полу справа от меня появилась темная керамическая кружка. От нее шел пар.

— Спасибо, — сказал я, беря кружку и вдыхая запах. — Что ты сделал с Мэндором и Джасрой?

— Отправил в разные стороны вместе с кучей мечущихся туда-сюда фальшивых образов. Все, что от тебя требуется, — на время затаиться. Пусть немного ослабит бдительность.

— Кто ослабит?

— Сила, которая завладела Корэл. Нельзя, чтоб она нас отыскала.

— Почему? Помнится, ты спрашивал, уж не бог ли ты... Чего же тебе бояться?

— Есть чего. Похоже, она сильнее меня. С другой стороны, я вроде проворнее.

— И то хорошо.

— Постарайся выспаться. Утром я сообщу, по-прежнему ли она тебя ищет.

— Если я сам раньше не узнаю.

— Не обнаруживай себя, разве что от этого будет зависеть твоя жизнь.

— Я не о том. Что, если она сама меня отыщет?

— Действуй по обстоятельствам.

— Почему мне кажется, что ты темнишь?

— Полагаю, это твоя природная подозрительность, папа. Она у тебя в крови. Мне пора.

— Куда? — спросил я.

— Проверить, как остальные. Выполнить несколько поручений. Позаботиться о саморазвитии. Взглянуть на мои опыты. Все такое... Пока.

— Как насчет Корэл?

Однако светлое кольцо передо мной уже потускнело и исчезло. Вот это называется оборвать разговор. Призрак все больше становится таким же, как мы — хитрым и скрытым.

Я отхлебнул кофе — вполне сносный, хотя и похуже, чем у Мэндора. Интересно, где теперь Мэндор и Джасра? Я решил не предпринимать попыток с ними связаться. Лучше и впрямь оградить себя от колдовского вторжения.

Я призвал Знак Логруса, который ускользнул от меня во время переборски. Велел ему поставить заслон у входа в пещеру. Потом отпустил его. Отпил еще глоток. И сразу понял, что кофе не прогонит сон. Как-никак, я пережил утомительное нервное потрясение. Внезапно навалилась усталость. После третьего глотка я почувствовал, что еле держу кружку. Еще глоток, и глаза начали слипаться.

Я поставил кружку, плотнее закутался в одеяло и удобнее устроился на каменном полу — благо хрустальный грот приучил меня спать на жестком. Костер отбрасывал дрожащие тени, и сквозь закрытые веки мне чудились призрачные армии. Дрова потрескивали, а казалось — сталь бряцает о сталь. Пахло смолой.

Я отрубился. Сон, прекраснейшее из наслаждений жизни, в отличие от других, не утомляет и не приедается. Он наполнил меня, и я поплыл. Куда и надолго ли — не знаю.

Не могу сказать, что меня разбудило. Просто я был где-то в другом месте и внезапно очнулся в пещере.

Я немного откатился во сне, ноги замерзли, и я чувствовал: рядом кто-то есть. Я не открывал глаз и дышал ровно, как спящий. Может, это Призрак решил меня навестить. А может, кто-то проверяет мой заслон.

Я чуть-чуть приоткрыл веки, глянул из-под ресниц. У входа в пещеру стоял кто-то маленький, горбатый, отблески пламени озаряли на удивление знакомое лицо. В его чертах было что-то от меня, что-то от моего отца.

— Мерлин, — произнес незнакомец мягко. — Проснись. Тебя ждут новые края и новые свершения.

Я открыл глаза и вытаращился. Он безусловно подходил под описание.

Фракир дернулась, я погладил ее, успокаивая.

— Дворкин?

Незнакомец хихикнул:

— Он самый.

Старик заходил перед устьем пещеры, то и дело останавливаясь, чтоб протянуть мне руку через заслон, но так ни разу и не решился.

— В чем дело? — спросил я. — Зачем ты здесь?

— Пришел вернуть тебе нить.

— Что за нить?

— В поисках заблудившейся дамы, которая вчера прошла Огненный Путь.

— Корэл? Ты знаешь, где она?

Дворкин поднял руку, опустил, скрипнул зубами.

— Корэл? Это ее имя? Впусти меня, поговорим.

— Мы и так прекрасно беседуем.

— Не уважаешь предка?

— Уважаю. Но у меня есть меняющий обличья брат, который, стоит зазеваться, охотно оторвет мне башку и украсит ею свое логово. — Я сел и потер глаза, одновременно пытаясь собраться с мыслями. — Так где Корэл?

— Идем, покажу.

Он двинулся ко мне. Его рука прошла заслон и тут же вспыхнула. Он, похоже, не заметил. Темные звезды его глаз притягивали. Повинуясь их велению, я встал и двинулся к выходу. Рука начала размягчаться. Горящее мясо плавилось, как воск, капало на землю. Под ним не было костей, только странный геометрический рисунок, словно кто-то сделал объемный набросок руки, а потом наскоро обтянул его грубым подобием плоти.

— Держись за меня.

Я против воли протянул руку к пальцеподобным кри-вым спиралям костяшек. Меня тянула неудержимая сила, и

я беспомощно гадал — что будет, если коснуться этой жуткой ладони?

Чтобы не испытывать судьбу, я призвал Знак Логруса и послал его впереди себя.

Возможно, это было не лучшее решение.

Меня ослепило. Когда зрение вернулось, оказалось, что Дворкин исчез. Я проверил заслон — держит. Коротким простым заклинанием я раздул костер, заметил, что кружка по-прежнему полна; тем же заклинанием, только сокращенным, разогрел кофе. Потом снова закутался в одеяло, сел поудобнее и начал пить. Сколько я ни ломал голову, объяснений происходящему не подыскивалось.

Я знал, что никто уже много лет не видел полубезумного демиурга, хотя, по словам отца, когда Оберон починил Путь, рассудок Дворкина должен был в значительной мере восстановиться. Трудно представить, чтобы Джарт в попытке меня прикончить выбрал именно это обличье. Если на то пошло, Джарт вряд ли вообще знает, как выглядел Дворкин. Я уже раздумывал, не вызвать ли Призрачное Колесо, чтоб послушать его нечеловеческое мнение. Однако, прежде чем я что-нибудь решил, звезды у входа в пещеру заслонила новая фигура — много выше Дворкина, можно даже сказать — исполинская.

Новоприбывший шагнул вперед, и отсвет костра упал на его лицо.

Я расплескал кофе. Нам не доводилось встречаться, но я сразу узнал его по многочисленным портретам из замка Амбера.

— Я считал, что Оберон погиб, восстанавливая Путь...

— Ты при этом был? — спросил он.

— Нет, — отвечал я, — но ты явился сразу за чудноватым призраком Дворкина и потому должен извинить мою недоверчивость.

— А, то был поддельный Дворкин. Я — настоящий.

— Так кто ж это был?

— Астральное тело одного глупого шутника — чародея Джолоса из четвертого круга Теней.

— Откуда мне знать, — сказал я, — что ты — не отображение какого-нибудь Джаласа из пятого круга?

— Я могу перечислить всю генеалогию амберского царствующего дома.

— У нас это может сделать любой мало-мальски грамотный человек.

— Я включу незаконных.

— Кстати, сколько их?

— Я знаю сорок семь.

— Ничего себе! Как ты успел?

— Разные временные потоки, — отвечал он с улыбкой.

— Если ты не погиб, восстанавливая Путь, то почему не вернулся в Амбер? Почему позволил Рэндому занять трон и наломать дров?

Он рассмеялся:

— А я погиб. Перед тобой — дух, явившийся призвать живого защитника Амбера на растущую мощь Логруса.

— Даже если ты — тот, за кого себя выдаешь, ты все равно обратился не по адресу. Я — посвященный Логруса и сын Хаоса.

— Но ты также посвященный Пути и сын Амбера, — отвечал исполн.

— Верно. Тем больше у меня поводов оставаться над схваткой.

— Каждому раньше или позже приходится выбирать, — молвил он. — И для тебя это время наступило. На чьей ты стороне?

— Даже допуская, что ты — это ты, я все равно не чувствую себя обязанным делать выбор, — сказал я. — А во Владениях бытует легенда, что сам Дворкин был посвященным Логруса. Если так, я всего лишь следую примеру почтенного предка.

— Но он отрекся от Хаоса, когда основал Амбер.

Я пожал плечами:

— Хорошо, что я ничего не основал. Если я должен что-нибудь сделать, объясни, докажи, зачем это надо. Я, может быть, и соглашусь.

Он протянул руку:

— Идем со мной, я поставлю тебя пред новым Путем, который ты должен пройти в состязании между Силами.

— Я по-прежнему не понимаю, о чем ты говоришь, но уверен, что настоящего Оберона не остановил бы такой простенький заслон. Подойди, пожми мне руку, и я охотно отправлюсь взглянуть, что там у тебя.

Он выпрямился и стал еще огромнее.

— Испытываешь меня?

— Да.

— Человеком я сделал бы это без труда, но не знаю, можно ли положиться на эту барахляную призрачную субстанцию. Предпочту не рисковать.

— В таком случае я тоже с благодарностью отклоню ваше предложение.

— Внучок, — произнес он спокойно, и в глазах его вспыхнули красные огоньки. — Ко мне, даже к мертвому, не смеет так обращаться мое порождение. Ну, держись! Не идешь добром — поведу силой.

Он двинулся на меня, я отступил на шаг.

Он ударил по моей защите. Я заслонился ладонью, как от фотовспышки. Щурясь сквозь пальцы, я наблюдал, как с Обероном происходит примерно то же, что раньше с Дворкином. Он частично просвечивал, частично плавился. Внешняя оболочка стекала, под ней проступали извивы и протоки, параболы и перемычки — схематический чертеж, вписанный в абрис высокого мускулистого мужчины. Впрочем, в отличие от Дворкина, он не исчез, а лишь замедлился, миновав мой заслон. Не знаю, кто это был, но ужас он вызывал непомерный. Продолжая отступать, я поднял руки и снова воззвал к Логрусу.

Знак Логруса возник между нами. Абстрактная версия Оберона надвигалась, призрачные руки уперлись в извивающие щупальца Хаоса.

Я не управлял изображением Логруса в его схватке с призраком — мне было слишком страшно. Я скорее швырнул Знак в подобие короля, пригнулся, проскочил мимо них обоих и покатился, цепляясь руками и ногами за склон. Ударился о валун, задержался и успел втянуть голову в плечи, когда пещера рванула, словно пораженный снарядом склад боеприпасов.

С минуту я лежал зажмурясь. Меня била дрожь. Сейчас он явится по мою душу, если, конечно, мне не удалось вполне затаиться и прикинуться булыжником...

Тишина. Открыв глаза я увидел, что свет погас, а пещера стоит, как стояла. Я медленно поднялся, еще медленнее приблизился к устью. Знак Логруса куда-то подевался, и мне что-то не хотелось его возвращать. Я заглянул в пещеру. Никаких признаков стычки, если не считать преломленной защиты.

Я вошел. Одеяло лежало на месте. Потрогал стену — холодная. Видимо, взрыв произошел на другом уровне реальности. Костерок еле тлел. Я раздул пламя и не увидел ничего нового — разве что кофейная кружка раскололась.

Я продолжал держаться за стену. Потом привалился к ней боком. Внезапно меня разобрал смех. Почему — не знаю. Слишком многое навалилось на меня после тридцатого апреля. Если бы я не рассмеялся, то, наверное, взвыл и принялся колотить себя в грудь.

Я думал, что знаю всех участников этой запутанной игры. Люк и Джасра вроде бы оказались на моей стороне, вместе с Мэндором. Безумный брат Джарт жаждет меня убить, теперь он объединился с моей бывшей возлюбленной Джулией, которая тоже настроена кровавадно. Еще есть тигр — сверхзаботливая демоница, вселившаяся в тело Найды, сестры Корэл, — ее я оставил в Амбере, погруженную в колдовской сон. Есть профессиональный вояка Далт, который, кстати, приходится мне дядей, — он с неведомой целью умыкнул Люка, предварительно смешав его с грязью на глазах у двух армий в Арденах. Далт точит зубы на Амбер, но способен лишь на мелкие партизанские вылазки. Есть Призрачное Колесо, мой кибернетический банкомет и второстепенный механический полубог, который из пылкого маньяка превратился в рассудительного параноика — не знаю, куда это его заведет, но, по крайней мере, он демонстрирует и некое сыновнее почтение вкуче с нынешней трусостью.

Вот вроде и все.

Однако последние события подразумевают, что в игру включилось что-то еще и это «что-то» пытается увлечь меня в третьем направлении. Призрак утверждает, что это «что-то» — сильное. У меня не было ни малейших догадок касательно его природы. И ни малейшего желания ему доверять. Неловкие отношения.

— Эй, малыш! — раздался знакомый голос ниже по склону. — Тебя поди разыщи! Ты на месте не засиживаешься.

По склону поднималась одинокая фигура. Крепкий мужчина. Черт лица в темноте не разобрать.

Я отступил на шаг и начал заклинание, которое восстановило бы заслон.

— Эй, не убегай! Мне надо с тобой поговорить!

Защита встала на место, я вытащил меч и повернулся боком ко входу, пряча клинок за правой ногой. Велел Фракир незаметно свеситься с моей левой руки.

Второй посетитель оказался сильнее первого, раз сумел разметать мой заслон. Если третий окажется сильнее второго, мне потребуются все средства самозащиты.

— Кто ты? — крикнул я. — И чего тебе надо?

— Проклятье! — отозвался он. — Да никто особенно. Просто твой отец. Мне нужна помощь и не хочется обращаться к чужим.

Он вышел на свет. Должен признать, это и впрямь был вылитый принц Корвин из Амбера — черный плащ, сапоги,

штаны, серая рубаша, серебряные запонки, пряжка, даже серебряная роза на месте — и улыбался так же язвительно, как и настоящий Корвин, когда давным-давно рассказывал мне свою историю.

У меня заныло под ложечкой. Я так хотел познакомиться с ним ближе, но он исчез, и мне больше не удалось его разыскать. И теперь это призрачное чучело принимает облик моего отца, чтобы я размяк. Меня разобрала злость. До чего же подлая уловка!

— Первым был самозванный Дворкин, — сказал я. — Вторым — Оберон. Карабкаемся по родословному дереву, а?

Он сощурился и недоуменно склонил голову набок. Еще один правдоподобный штрих.

— Не понимаю, о чем ты, Мерлин. Я...

Призрак коснулся заслона и вздрогнул, словно напав на оголенный провод.

— Тысяча чертей! — вскричал он. — Ты, что ли, совсем никому не доверяешь?

— Семейная традиция, — отвечал я, — подкреплённая недавним опытом.

Впрочем, меня несколько смутило отсутствие пиротехнических эффектов. Когда он начнет превращаться в трехмерный чертеж?

С новым проклятием призрак перебросил плащ через левую руку, правая метнулась к превосходной копии отцовских ножен. Украшенный серебряной насечкой клинок со свистом описал дугу и ударил в самое средоточие заслона. Искры брызнули на фут, лезвие зашипело, словно его раскалили и окунули в воду. Серебряный девиз вспыхнул, снова взметнулись искры — в этот раз на высоту человеческого роста, — и я почувствовал, что моему заслону пришел конец.

Призрак вступил в пещеру; я развернулся и взмахнул мечом. Однако клинок, очень похожий на Грейсвандир, вновь описал круг, отбил мой выпад и нацелился мне в грудь. Я применил четвертую позицию, однако его клинок ушел вниз, продолжая мне угрожать. Я применил шестую, но поразил лишь воздух, купившись на ложный выпад. Клинок надвигался снизу. Я снова парировал. Противник отклонился вправо, выбросил мне в лицо растопыренную левую ладонь, опустил острие и, словно фокусник, перехватил эфес.

Слишком поздно я заметил, как взметнулась правая рука. Левая коснулась моего затылка. Головка грейсвандирова эфеса двигалась прямо мне в челюсть.

— Так ты и вправду... — начал я, но договорить не успел.

Последним, что я видел, была серебряная роза.

Такова жизнь: доверяй — и тебя обманут, не доверяй — обманешься сам. Как большинство парадоксов, он неразрешим. Да и поздно было думать. Сделанного не воротишь.

Я очнулся в полной темноте, встревоженный и сбитый с толку. Как всегда в таких случаях, я оставался лежать неподвижно и дышал ровно, будто еще сплю. И вслушивался.

Ни звука.

Я чуть-чуть приоткрыл глаза.

Маловразумительное зрелище. Я снова зажмурился.

Может быть, удастся уловить колебания поверхности, на которой я лежу ничком?

Не колеблется.

Я полностью открыл глаза и с трудом поборол желание тут же закрыть обратно. Приподнялся на локтях, потом подобрал под себя колени. Повернул голову. Ничего чуднее я не видел с тех пор, как пьянствовал с Люком и Чеширским Котом.

Все вокруг было совершенно лишено красок, только черное, белое и серое. Как фотографический негатив. Зияющая черная дыра — надо полагать, солнце — висела невысоко над горизонтом по правую руку от меня. По темно-серому небу лениво проплывали чернильно-черные облака. Я сам превратился в негра, зато камни подо мной и вокруг лучились ослепительной белизной.

Я медленно встал, огляделся. Да. Земля сверкает, небо темно, я — серая тень между ними. Прямо скажу, приятного мало.

Воздух был сухой, морозный. Я стоял у подножия кипенно-белых гор, наводящих на мысли об Антарктиде. Они уходили влево. Справа, в направлении восходящего — если моя догадка верна — солнца тянулась черная равнина. Пустыня? Мне пришлось заслониться ладонью от ее пронзительно... чего? Антисвета?

— Черт! — попытался сказать я и обнаружил сразу два обстоятельства.

Во-первых, мое восклицание осталось беззвучным. Во-вторых, челюсть болела там, куда ударил отец или его подобие.

Я повторил свое беззвучное соображение и вытащил карты. Если тебя забросило куда-то не туда, лучше не строить пустых догадок. Я вытащил карту Призрачного Колеса, сосредоточился.

Никакого отклика. Но, может быть, Призрак, который и велел мне затаиться, попросту не хочет отвечать на зов. Я перетасовал колоду. Остановился на Флоре. Она всегда охотно выручала меня в трудную минуту. Я взгляделся в ее милое лицо, сосредоточился...

Ни один золотистый локон не шелохнулся. Температура не снизилась и на градус. Карта оставалась картой.

Я удвоил усилия и даже подкрепил их заклинанием. Дохлый номер.

Тогда Мэндор. Несколько минут я убил на его карту — тот же результат. Попытался связаться с Рэндомом. Ничего. Бенедикт, Юлиан. Нет и нет. Фиона, Люк, Билл Рот. Еще три облома. Я даже вытащил пару карт Судьбы, но не смог достучаться ни до сфинкса, ни до сооружения из костей на горе зеленого стекла.

Я сложил колоду, убрал ее в футляр и в карман. Раньше такое случилось только в хрустальной пещере. Впрочем, карты можно блокировать самыми разными способами. Сейчас не время гадать, что же произошло. Важнее придумать, как перебраться в какое-нибудь более приветливое место, а выяснением причин заняться на досуге.

Я пошел. Ноги мои ступали совершенно бесшумно. Я пнул гальку. Она запрыгала вперед, но я ровным счетом ничего не услышал.

Белое налево, черное — направо. Горы или пустыня. Я свернул влево. Ничто не двигалось, кроме черных-пречерных облаков. Каждый выступ отбрасывал режущую глаз белизну — сумасшедшую тень на сумасшедшей земле.

Еще раз свернуть налево. Три шага... обогнуть валун. Вверх по склону. Через холм и вниз. Вскоре слева между камнями покажется алая полоска...

Ничего подобного. Ладно, в следующий раз...

Острая боль в лобной пазухе. Ни намек на красное. Вперед.

Расселина справа, за следующим поворотом.

Я потерял виски, которые начало ломить, когда никакой расселины не обнаружилось. Я засопел, на лбу выступил пот

Болотная зелень в мелких синих цветочках у подножия следующего косогора...

Заломило в затылке. Никаких цветов. Никакой болотной зелени...

Тогда пусть облака разойдутся, и солнце изольет черноту...

Ничего подобного.

...и журчание бегущего ручейка донесется из следующей расщелины...

Мне пришлось остановиться. Голова раскалывалась, руки тряслись. Я тронул каменную скалу слева. Твердая. Несокрушимая реальность. Почему же она так на меня давит?

И как я здесь очутился?

И что это за место?

Я расслабился. Замедлил дыхание, перераспределил энергию. Боль в голове утихла, отпустила.

Я двинулся дальше.

Птичий гомон и легкий ветерок... Цветы на растрескавшейся почве...

Черта с два! И вновь упрямая боль...

Что за заклятие на мне, если я не могу перемещаться внутри Тени? Я как-то всегда полагал, что эту способность отнять нельзя.

— Не смешно, — попытался сказать я. — Кто бы и где бы ты ни был, зачем тебе это? Чего ты добиваешься? Где ты?

Вновь никакого отклика.

— Я не знаю, как ты это сумел. И зачем? — силился выкрикнуть я, потом задумался. — Я не чувствую на себе заклятия. Но зачем-то я здесь очутился? Давай выкладывай, чего тебе нужно!

Ничегошеньки.

Я пошел дальше, рассеянно продолжая попытки пройти сквозь Тень и размышляя. У меня было чувство, будто я упустил что-то ужасно простое.

И маленький алый цветок за вот тем валуном..

Я обошел валун и увидел цветочек, который полусознанно наколдовал. Я рванул к нему, желая убедиться, что вселенная, в сущности, симпатизирует Мерлину и желает ему только добра.

Я запнулся о камень, взметнул облако пыли, удержался на ногах, выпрямился, огляделся. Еще минут десять—пятнадцать я потратил на поиски цветка. Потом чертыхнулся и пошел прочь. Никто не любит, чтобы вселенная упражнялась на нем в остроумии.

Внезапно меня осенило. Я обшарил карманы — не завалялся ли там хоть крохотный голубой осколок. Вот что может перенести меня через Тень к своему первоисточнику. Однако нет — даже голубой пылинки не засыпалось за подкладку. Все они в отцовской могиле. Видимо, это было бы слишком просто.

Чего же я все-таки недопонимаю?

Лже-Дворкин, лже-Оберон и человек, назвавшийся моим отцом, — все они хотели отвести меня в какое-то неведомое место, где, как утверждал Оберон, предстоит сражение между Силами. Корвину — или не Корвину — это, похоже, удалось. Я потерял ушибленную челюсть. Только что это за игра? И как расставлены Силы?

«Оберон» что-то болтал, будто я должен выбрать между Амбером и Хаосом. Однако в этом же разговоре он несколько раз солгал. К чертям и Амбер, и Хаос! Я не просил втягивать меня в борьбу. У меня своих забот хватает. Не желаю даже узнавать правил, по которым это безобразие разыгрывается.

Я пнул белый камешек, проводил его взглядом. На проделки Джарта или Джулии непохоже. То ли в игру вступил новый фактор, то ли какой-то старый изменился до неузнаваемости. С чего все началось? Похоже, это как-то связано с силой, которая выслеживала меня после попытки связаться с Корэл. Остается допустить, что она таки меня разыскала... Но что это за сила? Похоже, было нужно, чтоб я увидел Корэл в кольце огня. Надо думать, то, что кроется за нынешней ситуацией, обреталось где-то поблизости. Но где Корэл? Она попросила Огненный Путь отправить ее, куда следует... Сейчас я не могу спросить Путь, где это... и не могу пройти его, чтоб попросить отправить меня вслед за ней.

Однако пора твердо сказать, что я в эти игры не играю, и поискать иной выход. Раз мои карты заколодило, а способность перемещаться по Тени загадочным образом улетучилась, значит, надо прибегнуть к более мощному средству. Я призову знак Логруса и проломлюсь сквозь Тень силою Хаоса.

Фракир врзалась мне в запястье. Я быстро огляделся в поисках надвигающейся угрозы, но ничего не увидел. Еще несколько минут я оставался начеку, всматривался в местность. Все было тихо, Фракир больше не дергалась.

Что ж, она не первый раз всполошилась на пустом месте — может, в ответ на блуждающие астральные токи, а

может — на какую-то мою случайную мысль. Однако в таком месте лучше не рисковать.

Шагах в ста и чуть левее торчала довольно высокая глыба. Я добрался до нее и полез вверх. Вскрабкался на меловую верхушку и огляделся. Насколько хватал глаз, молчаливый мир был совершенно безжизненным.

Я убедился, что тревога ложная, слез с камня. Снова собрался призвать Логрус, и Фракир чуть не перерезала мне руку. Черт. Не обращая на нее внимания, я позвал.

Знак Логруса возник и ринулся на меня. Он трепетал, как бабочка, а налетел, как грузовик. Черно-бело-серый мир померк, словно оборвалась старая кинохроника.

Глава 4

Я очнулся с раскалывающейся головой, с привкусом грязи во рту. Я лежал ничком. Из сумятицы мыслей всплыло воспоминание. Я открыл глаза. Все по-прежнему белое, черное и серое. Я выплюнул песок, протер глаза, сморгнул. Знак Логруса исчез, и я не мог понять, что между нами произошло.

Я сел, обхватил руками колени. Похоже, я угодил в переплет. Все мои сверхъестественные способности к передвижению или общению заклинило. Я не мог придумать ничего лучше, чем встать и двинуться куда глаза глядят.

Меня передернуло. Куда я приду? Просто в другую точку все той же однообразной страны?

Внезапно рядом негромко кашлянули.

Я мигом вскочил и огляделся. Никого.

— Кто здесь? — выговорил я одними губами, отчаявшись задать вопрос вслух.

Снова покашливание, где-то совсем близко.

Потом:

— Мне надо кое-что тебе сообщить, — прозвучало в голове.

— Что? Кто ты? Что сообщить? — попытался спросить я.

— Извини, — отвечал приглушенный голос, — мне это пока внове. Если отвечать по порядку, я там же, где всегда — на твоём запястье Логрус, пробившись, добавил мне возможностей, чтобы я смогла передать тебе его сообщение.

— Фракир?

— Да. Первое, что я приобрела, когда ты пронес меня через Логрус, — это способность чувствовать опасность, подвижность, боевые рефлексy и зачатки сознания. В этот раз

Логрус добавил способность к прямому телепатическому контакту и усилил мое сознание, чтобы я смогла пересказать его слова.

— Зачем?

— Он торопился, поскольку мог пробыть здесь лишь долю секунды, и это был единственный способ ввести тебя в курс дела.

— Я не знал, что Логрус обладает сознанием.

Послышалось что-то вроде смешка.

Затем:

— Трудно дать определение разуму такого порядка, и, полагаю, ему нечасто приходится говорить, — отвечала Фракир. — Его энергии обыкновенно направлены на другое.

— Ладно, а зачем он меня вырубил?

— Нечаянно. Это побочное следствие того, что он сделал со мной, когда увидел, что не может объясниться с тобою иначе.

— Почему он не мог пробыть здесь дольше? — спросил я.

— Такова природа этой страны, которая лежит между Теньями и в основном недоступна как для Пути, так и для Логруса.

— Своего рода демилитаризованная зона?

— Нет, дело не во взаимном соглашении. Просто и тому и другому крайне трудно сюда проникнуть. Вот почему местность выглядит практически первозданно.

— То есть они не могут сюда попасть?

— Примерно так.

— Как вышло, что я ничего об этом не слышал?

— Может быть, потому что сюда вообще трудно попасть.

— Так что ты хотела сообщить?

— Главным образом, чтоб ты больше не вызывал Логрус, пока остаешься здесь. Проводящая среда крайне ненадежна, и неизвестно, как спроецированная энергия поведёт себя без заземления. Это может быть для тебя опасно.

Я потер пульсирующие виски. По крайней мере, новая боль отвлекла от мыслей об ушибленной челюсти.

— Ладно, — согласился я. — Он намекнул, зачем я здесь оказался?

— Да. Это испытание. Какого рода — не знаю

— Есть ли у меня выбор?

— В каком смысле?

— Могу ли я взбунтоваться?

— Полагаю, да. Но тогда не знаю, как ты отсюда выберешься.

— Значит, меня отсюда выпустят, если я исполню их требования?

— Если останешься в живых, да. Если не останешься, наверное, тоже.

— Значит, выбора у меня все-таки нет.

— Выбор будет.

— Когда?

— Где-то впереди. Где именно, не знаю.

— Почему бы просто не повторить мне свои инструкции?

— Рада бы, да не могу. Они всплывают в ответ на вопрос или ситуацию.

— А душишь ты от этого не разучилась?

— Нет.

— И то хлеб. Есть у тебя какие-нибудь предположения, что мне делать дальше?

— Да. Взбираться на самую высокую гору слева.

— Которую... Ага, кажется, вижу, — сказал я, наткнувшись взглядом на ослепительно белый утес.

Я двинулся вперед и вверх по склону. В сером небе медленно поднималось черное солнце. Стояла зачарованная тишь.

— А ты знаешь, что именно мы должны в итоге найти? — попытался выговорить я в сторону Фракир.

— Я уверена, что информация во мне есть, — последовал ответ, — но вряд ли ее удастся извлечь, пока мы не дошли до места.

— Надеюсь, ты не ошибаешься.

— Я тоже.

Склон становился все круче. Я не мог знать, сколько прошло времени, но, вероятно, не меньше часа, прежде чем я одолел предгорья и начал собственно подъем. За всю дорогу мне не встретилось ни одного следа и вообще никаких признаков жизни, но несколько раз я натыкался на длинные, видимо, природные рытвины, ведущие к высокому белесому обрыву. Должно быть, на его штурм ушло несколько часов, потому что черное солнце перевалило через зенит и начало клониться к западу, за вершину. Меня бесила невозможность рутнуться вслух.

— Откуда мне знать, что я делаю именно то? Или иду, куда надо? — спросил я.

— Ты по-прежнему движешься в верном направлении, — отвечала Фракир.

— А долго еще?

— Понятия не имею. Но когда доберешься, сразу пойму.

— Солнце вот-вот скроется за горой. Ты не обозначаешься в темноте?

— Думаю, когда солнце сядет, небо просветлеет. У негативного пространства есть свои забавные особенности. Одним словом, здесь что-нибудь всегда светло и что-нибудь всегда темно. Не заблудишься.

— Как по-твоему, что мы тут вообще делаем?

— Полагаю, участвуем в одном из этих дурацких рыцарских приключений.

— Воображаемом? Или настоящем?

— Они все состоят из того и другого помаленьку, но, чувствую, в нашем здорово преобладает второе. С другой стороны, все, что ты встречаешь между мирами, излишне тяготеет к аллегории, к символу — ко всей той дряни, которую люди выпихивают в область бессознательного.

— Другими словами, этого ты тоже не знаешь.

— Наверняка не знаю, хотя пробавляюсь гениальными догадками.

Я уцепился руками, подтянулся, вылез на следующий уступ. Некоторое время шел по нему, потом снова полез вверх.

Солнце наконец скрылось, но темнее от этого не стало. Тьма и свет просто поменялись местами.

Я вскарабкался на пяти-шестиметровый обрыв и остановился, увидев за ним в скале углубление — даже не пещеру, а явно рукотворный свод, такой высокий, что под него можно было бы въехать верхом.

— Надо же, — восторженно воскликнула Фракир. — Оно.

— Что? — спросил я.

— Первый привал, — отвечала она. — Ты должен остаться здесь и кое-что сделать, прежде чем пойдешь дальше.

— Что именно?

— Не проще ли войти и поглядеть?

Я вылез на площадку, встал и пошел вперед. Углубление заполнял все тот же рассеянный, непонятно откуда идущий свет. Я потоптался у входа, заглянул внутрь.

Это походило на домовое святилище. Крохотный алтарь, на нем — две свечи в ореоле дрожащей тьмы. В стенах вырублены каменные скамьи. Я насчитал пять входов, кроме того, в котором стоял. три в дальней стене, один справа и один слева. Посредине на полу — две груды доспехов. И нигде никаких религиозных символов, никаких объектов поклонения.

Я вошел.

— И что мне здесь делать?

— Стеречь свои доспехи. Всю ночь.

— Допустим, — сказал я, подходя к грудам. — А зачем?

— Это мне неизвестно.

Я поднял щегольскую белую кирасу, в которой стал бы похож на сэра Галахада. Как на меня сделана!.. Я покачал головой, положил кирасу на место. Перешел к другой куче, поднял странноватого вида стальную перчатку. Тут же бросил ее, перевернул кучу. Все тоже на меня. Только...

— В чем дело, Мерлин?

— Белое, — сказал я, — судя по всему, придется мне впору прямо сейчас. Черное — подобно тому, что носят во Владениях, и, полагаю, будет мне впору в моем хаотическом обличье. То есть оба комплекта на меня, но для разных обстоятельств. Однако я могу надеть либо один, либо другой. Какой мне стеречь?

— Полагаю, в этом-то вся и соль. Похоже, ты должен сделать выбор.

— Конечно! — Я щелкнул пальцами, не услышал ничего. — Какой я тупица, если мой же шнурок должен объяснять мне очевидные вещи!

Я плюхнулся на колени, сгреб доспехи в одну безобразную кучу.

— Раз уж стеречь, — сказал я, — так буду стеречь обе. Не желаю ничего выбирать.

— Мне кажется, кое-кому это придется не по вкусу, — отвечала Фракир.

Я отступил на шаг и обозрел кучу.

— Объясни мне еще раз про это ночное бдение, — попросил я. — Что от меня требуется?

— Сидеть до рассвета и стеречь оружие.

— От кого?

— Полагаю, от любых посягательств. Силы Порядка...

— ...или Хаоса.

— Я понимаю, куда ты клонишь. Кто угодно может подкрасться и что-нибудь ухватить из кучи.

Я сел на скамью у дальней стены, между двумя входами. Приятно было расслабиться после утомительного подъема. Однако какая-то мысль не давала покоя. Наконец я спросил:

— К чему все это?

— О чем ты?

— Сидеть ночь напролет и глядеть на кучу железяк. Допустим, кто-нибудь правда войдет и попробует что-нибудь взять. Допустим, я даже его убью. Наступает утро, оружие

по-прежнему здесь, я по-прежнему здесь. Что дальше? Что я выиграл?

— Ты должен будешь облачиться в доспехи, препоясаться мечом и идти дальше.

Я подавил зевок.

— Знаешь, мне это как-то ни к чему, — сказал я, немного помолчав. — Я не ношу доспехов, и меня вполне устраивает мой меч. — Я похлопал рукой по эфесу. Он показался непривычным, как, впрочем, и все в этом странном мире. — Почему не оставить железяки здесь и не двинуться к следующему испытанию? В чем оно, кстати, состоит?

— Не знаю. Логрус заложил в меня информацию таким образом, что она всплывает по мере развития событий. Например, я не знала про эту пещеру, пока ее не увидела.

Я потянулся, сложил руки на груди. Прислонился к стене, вытянул ноги, скрестил их.

— Значит, мы должны торчать здесь, пока тебя снова не осенит.

— Верно.

— Разбуди меня, когда все кончится, — сказал я и закрыл глаза.

Запястье резануло почти болезненно.

— Эй, так нельзя! — воскликнула Фракир. — Весь смысл в том, чтобы ты сидел и смотрел.

— Ну и дурацкий смысл, — сказал я. — Я отказываюсь играть в эти глупые игры. Если кому-то нужны эти доспехи, пусть берет, я еще и приплачу.

— Валяй, засыпай. Но что, если кто-то придет за доспехами и решит для начала тебя убраться?

— Во-первых, — ответил я, — мне не верится, что кто-то польстится на груду средневекового железного лома. А во-вторых, это твое дело — предупреждать меня об опасности.

— Есть, командир. Только вот место непривычное, что, если оно как-то ослабило мои способности?

— Ты уже взрослая, — сказал я, — как-нибудь выкрутишься.

Я задремал. Мне снилось, что я стою в заколдованном круте, куда все пытаются проникнуть. Касаясь преграды, они оборачивались ходульными, карикатурными персонажами и сразу пропадали — все, кроме Корвина из Амбера, моего отца, который чуть заметно улыбнулся и покачал головой.

— Раньше или позже, но тебе придется отсюда выйти, — сказал он.

- Тогда пусть это будет позже, — отвечал я.
— И все твои сложности останутся при тебе.
Я кивнул:
— Зато я отдохну.
— Что ж, это компромисс. Удачи.
— Спасибо.

Затем сон распался на несвязные образы. Помню, я вроде бы стоял вне круга и гадал, как в него вернуться...

Не скажу наверняка, что меня разбудило. Уж конечно, не шум. Просто я ни с того ни с сего оказался на ногах, совершенно бодрый, и первое, что увидел перед собой, — рябого гнома, который, стиснув свое горло, неподвижно лежал возле кучи с оружием.

- Что происходит? — попытался спросить я.

Тишина.

Я подошел к лежащему крепышу, встал на колени, поискал на горле пульсирующую жилку, но так и не нащупал. И в тот же миг мне защекотало запястье — Фракир, попеременно становясь то зримой, то незримой, вползла на свое место.

- Это ты его так? — спросил я.

Она легонько затряслась:

- Самоубийцы не душат себя сами.

- Почему ты меня не разбудила?

— Тебе надо было отдохнуть, а я отлично справилась сама. Однако наше сопереживание слишком сильно. Извини, что разбудила.

Я потянулся.

- Долго я спал?

- Думаю, несколько часов.

— А знаешь, мне даже жаль, — сказал я, — эта мусорная свалка не стоит ничьей жизни.

- Теперь стоит, — отвечала Фракир.

— Верно. Ну, раз кто-то за нее погиб, ты, наверно, можешь сказать, что делать дальше.

— Картина и впрямь немного прояснилась, хотя пока не настолько, чтобы действовать. Надо дождаться утра.

— Тебе, случаем, не сообщили, где здесь поблизости еда и питье?

— За алтарем должен быть кувшин с водой. И хлеб. Но это на утро. Ночь ты должен провести в посте.

— Я бы так и поступил, если б принимал эту нудятину всерьез, — сказал я и повернулся к алтарю.

Я сделал два шага, и мир начал разваливаться на куски. Пол задрожал, и я услышал первый за все время звук —

воющий скрежет откуда-то из недр горы. В бесцветном воздухе замелькали яркие краски, такие насыщенные, что я едва не ослеп. Потом краски исчезли, и комната разделилась. Стена со стороны входа налилась белизной. С другой стороны повисла крошечная тьма, скрывающая три выхода.

— Что... это? — спросил я.

— Что-то ужасное, — отвечала Фракир. — Недоступное моему разумению.

Я стиснул рукоять меча и быстро проверил, какие остались чары. Раньше, чем я успел сделать что-нибудь еще, комнату наполнило жуткое ощущение присутствия — такого мощного, что я передумал вытаскивать меч или произносить заклинание.

В обычных обстоятельствах я бы призвал Знак Логруса, но и этот путь был для меня отрезан. Я попытался прочистить горло, но не сумел извлечь никакого звука. И тут в середине света что-то зашевелилось, замерцало...

Из стены выступил Единорог; светло горящий, словно блейковский тигр*, он лучился так, что я поневоле отвел взгляд.

Я посмотрел на глубокую, прохладную тьму, чтобы успокоить глаза, но не тут-то было: в темноте что-то ворочалось.

Снова заскрежетало, словно железом о камень. Скрежет перерос в громкое шипение. Даже раньше, чем лучи Единорога пронизали густой мрак, я понял, кто вползает в святилище: огромная одноглазая змея. Я перевел взгляд на середину пола, чтоб видеть обоих краем глаза — все лучше, чем пялиться в упор. Я чувствовал, что они смотрят на меня — Единорог Порядка и Змея Хаоса. Ощущение малоприятное. Я попятился, уперся спиной в алтарь.

Они надвигались. Единорог опустил голову и наставил на меня рог, Змея высунула подрагивающий язык.

— Если вы за доспехами, — сказал я, — то беритесь, не возражаю.

Змея зашипела, Единорог ударил копытом оземь. Трещина черной молнией побежала к моим ногам.

— У меня и в мыслях не было обидеть Ваши Преосвященства, — сказал я. — Мое дело предложить...

— Опять не то, — слабым голосом вмешалась Фракир.

— Скажи, как надо, — мысленным шепотом ответил я.

* Имеется в виду строка из стихотворения У. Блейка: «Тигр, о тигр, светло горящий в глубине полночной чащи...» (пер. С. Маршака).

— Я не... Ой!

Единорог встал на дыбы; Змея подняла голову и закачалась на хвосте. Я рухнул на колени и отвел глаза — их взгляды ранили почти физически. Я дрожал, все мое тело ломило.

— Они хотят, — перевела Фракир, — чтобы ты играл по правилам.

Не знаю, какой сталью налился мой хребет, но я вскинул голову и посмотрел сперва на Змею, потом на Единорога. Хотя глаза наполнились слезами и болели, как если бы я смотрел на солнце, тем не менее мне удалось произвести нужное впечатление.

— Вы можете принудить меня к игре, но не к выбору. Моя воля свободна. Я буду стеречь оружие всю ночь, как было велено. Утром я уйду без него, потому что так захотел.

— Без него ты можешь погибнуть, — сказала Фракир, словно повторяя чужие слова.

Я пожал плечами:

— Если выбор между вами, я выбираю не отдавать первенства никому.

Меня обдало раскаленно-пронизывающим ветром, словно вздохнула Вселенная.

— Ты выберешь, — продолжала Фракир, — сам того не зная. Все останавливаются на чем-то одном. Тебя лишь просят оформить свой выбор.

— Почему именно меня? — спросил я.

Новый порыв ветра.

— Ты обладаешь двойным наследством и наделен огромной властью.

— Я не хочу ссориться ни с кем из вас.

— Нам этого мало, — последовал ответ.

— Тогда убейте меня прямо сейчас.

— Игра уже начата.

— Значит, не мешайте мне ее продолжать.

— Мы недовольны твоим отношением.

— Взаимно, — отвечал я.

Ударил гром, и я потерял сознание. Если я отважился на такую откровенность, то лишь по глубокому внутреннему убеждению, что участника для этой игры не так-то легко сыскать.

Я очнулся на куче наколенников, кирас, перчаток, шлемов и тому подобного добра, исключительно угловатого и шипастого, причем каждый острый выступ впивался в

мое тело. Я осознавал это постепенно, потому что отлежал себе все, что можно.

— Привет, Мерлин.

— Фракир, ты? — отозвался я. — Долго я провалялся?

— Не знаю. Я сама только-только очухалась.

— Я и не знал, что можно оглушить кусок веревки.

— Я тоже. Со мной это первый раз.

— Ладно. Спрошу по-другому. Сколько, по-твоему, мы провалялись без сознания?

— Мне кажется, долго. Поднеси меня к выходу, тогда я скажу точнее.

Я с трудом оттолкнулся от пола, выпрямился, но не устоял и рухнул на четвереньки. Тогда я пополз к выходу, отметив по дороге, что из кучи вроде бы ничего не пропало. В полу зияла самая настоящая трещина, в глубине комнаты лежал самый настоящий мертвый гном.

Я выглянул наружу, увидел яркое небо, испещренное черными точками.

— Ну? — спросил я после недолгого молчания.

— Если не ошибаюсь, скоро утро.

— Перед рассветом небо всегда ярче, да?

— Что-то в этом духе.

Кровь возвращалась в затекшие члены, все тело колело, словно иголками. Я с трудом выпрямился, прислонился к стене.

— Есть какие-нибудь новые указания?

— Пока нет. Думаю, к утру появятся.

Я доковылял до ближайшей скамьи и рухнул на нее.

— Если сейчас кто-нибудь войдет, мне придется отбиться какими ни на есть чарами. Спать на доспехах — извращение. Почти как спать в них.

— Брось меня во врага, я, по крайней мере, выиграю тебе время.

— Спасибо.

— Давно ты себя помнишь?

— Да, наверное, с раннего детства. А что?

— Я помню свое первое пробуждение к жизни, тогда, в Логрусе. Но до вчерашнего дня все было как во сне. Я плыла по течению.

— Что ж, многие так живут

— Правда? Я не могла ни думать, ни общаться.

— Верно.

— Как по-твоему, это теперь навсегда?

— Что именно?

— Может, эти способности даны мне только на время? Только для этой страны, а потом пропадут?

— Не знаю, Фракир, — сказал я, растирая левую икру. — Думаю, не исключено. А ты уже вошла во вкус?

— Да. Глупо, конечно. Зачем переживать о том, о чем не смогу пожалеть, когда утрачу?

— Хороший вопрос, и я не знаю ответа. Может, ты бы так и так до этого дошла.

— Не уверена. Но точно не знаю.

— А ты боишься стать прежней?

— Да.

— Знаешь что? Когда мы поймем, как отсюда выбраться, ты останешься здесь.

— Не могу.

— А почему бы нет? Конечно, ты была мне большим подспорьем, но я и сам способен за себя постоять. Заживешь своей жизнью, сознательной.

— Но я урод.

— Да мы все такие. Я просто хочу сказать, что понимаю тебя, и по мне ты очень даже хороша.

Она дернулась и замолкла.

Я пожалел, что боюсь выпить воды.

С час я сидел, мысленно перебирая недавние события и пытаюсь отыскать хоть какие-нибудь зацепки или намеки.

— Я вроде как подслушала твои мысли, — произнесла вдруг Фракир. — И могу кое-что подсказать.

— Да? Что именно?

— Тот, кто доставил тебя сюда...

— Похожий на моего отца?

— Да.

— И что он?

— Он был не такой, как первые два. Он — человек, они — нет.

— То есть это и вправду был Корвин?

— Мы прежде не встречались, так что наверняка не скажу. Но одно точно — он не такой, как эти, геометрические.

— Ты знаешь, кто они?

— Нет. Я только знаю за ними одну странность, и она ставит меня в тупик.

Я наклонился, сжал руками виски. Несколько раз глубоко вздохнул. В горле у меня пересохло, все мышцы болели.

— Говори, я жду.

— Я не знаю, как объяснить, — сказала Фракир. — Однако давно, в мои бессознательные дни, ты необдуманно пронес меня на себе через Огненный Путь.

— Помню. Тебе это так не понравилось, что у меня долго не проходил рубец.

— Порождения Хаоса плохо уживаются с порождениями Порядка. Однако я осталась жива. И событие записано в моей памяти. Так вот, Дворкин и Оберон, которые приходили к тебе в пещеру...

— Да?

— Под их человеческим обличем пульсировали энергетические поля, заключенные в геометрические контуры.

— Что-то вроде компьютерной анимации?

— Может, и так. Не знаю.

— А мой отец — он был не такой?

— Ничего общего. Но я подвожу к другому. Я распознала источник.

Я внезапно встрепнулся:

— То есть?

— Завихрения — геометрические линии внутри фигур — воспроизводят участки Пути.

— Ты что-то путаешь!

— Нет. У меня не было сознания, зато фотографическая память. Обе фигуры — трехмерное отображение частей Пути.

— А зачем Пути подсылать мне свои подобия?

— Я всего лишь удавка и пока не научилась рассуждать.

— Раз тут замешаны Единорог и Змея, то почти наверняка и Путь.

— Логрус уж точно.

— И сдается, Путь действительно показал себя разумным в тот день, когда Корэл его прошла. Если так и если он и впрямь способен создавать свои подобия — сюда ли он намеревался меня отправить? Или Корвин перенес меня в какое-то иное место? И чего Путь от меня хочет? И чего хочет отец?

— Везучий — ты можешь пожать плечами, — сказала Фракир. — Кажется, это называется «риторические вопросы»?

— Наверное.

— Мне начали поступать новые указания, из чего я заключаю, что ночь на исходе.

Я вскочил.

— Значит, можно есть и пить?

— Думаю, да.

Я не заставил себя упрашивать.

— Знаешь, я еще не совсем освоилась в новой роли и потому не знаю, уважительно ли вот так прыгать через алтарь, — заметила Фракир.

(Черное пламя моргнуло, когда я перемахнул между свечами.)

— Черт, я даже не знаю, чей он, — сказал я, хватая кувшин, — а неуважение, по-моему, должно быть адресным. Земля легонько вздрогнула, я поперхнулся водой.

— И опять-таки, ты права, — заметил я.

Я пронес кувшин и хлеб в обход алтаря, мимо закоченевшего гнома, и пристроил на скамье у задней стены. Уселся и уже без спешки принялся за еду.

— Что дальше? Ты сказала, поступили новые указания.

— Ты выдержал искуc, — ответила Фракир. — Теперь надо выбрать себе оружие и латы и пройти сквозь один из выходов в этой стене.

— В который?

— Один принадлежит Порядку, другой — Хаосу, про третий я ничего не знаю.

— И как в таком случае принимать взвешенное решение?

— Думаю, для тебя будет открыт лишь один путь — назначенный.

— Значит, выбора у меня нет?

— Вопрос о выходах, полагаю, решится выбором оружия.

Я доел хлеб, запил последними глотками воды. Встал.

— Ладно. Посмотрим, что будет, если я не возьму ничего. Гнома жалко.

— Он знал, на что идет

— В отличие от меня.

Я подошел к правой арке, потому что до нее было ближе. За ней открывался светлый коридор, чем дальше, тем ярче освещенный, так что в нескольких шагах я уже ничего разобрать не мог, настолько слепило глаза. Я продолжал идти и чуть не расшиб себе нос. Как об стеклянную стену. Здорово, ничего не скажешь. Вот и иди после этого к свету

— Ты становишься циником прямо на глазах, — заметила Фракир. — Это я про твою последнюю мысль.

— Ладно тебе.

К следующей арке я приблизился осторожнее. За ней было серо. Здесь тоже начинался коридор, причем видеть я мог чуть дальше, чем в первом. Впрочем, разглядывать было особенно нечего — пол, стены, потолок. Я протянул руку и не нащупал преграды.

— Похоже, нам сюда, — заметила Фракир.

— Все может быть.

Я перешел к левой арке. В коридоре за ней было черно, как у Бога в кармане. Здесь стеклянной стены тоже не обнаружилось.

— Хм-м. Похоже, выбор все-таки есть.

— Странно. Меня на этот счет не предупреждали.

Я вернулся к средней двери, сделал шаг и тут же обернулся на звук. Гном сидел на полу и покатывался со смеху, держась за бока. Я попробовал шагнуть к нему и уперся в невидимую стену. Внезапно святилище начало уменьшаться, словно я с огромной скоростью удаляюсь спиной назад.

— Я думал, он — покойник, — сказал я.

— Я тоже. Все признаки были налицо.

Я повернул обратно, в ту сторону, куда шел. Никакого движения. Похоже, я все-таки стоял на месте, а удалялось святилище.

Я сделал шаг, другой. Ни звука. Я пошел вперед. Через несколько шагов мне вздумалось потрогать левую стену. Я протянул руку, но ничего не нащупал. Ладно, тогда правую. Опять ничего. Я шагнул вправо и вновь выставил руку. Безрезультатно. До обеих серых стен было по-прежнему одинаково. Я засопел и двинулся дальше.

— В чем дело, Мерль?

— Ты чувствуешь стены справа и слева от нас? — спросил я.

— Нет, — отвечала Фракир.

— Как ты думаешь, где мы?

— Идем между Тенями.

— Куда?

— Пока не знаю. Знаю только то, что мы идем по пути Хаоса.

— Что? С чего ты взяла? Я же должен был для этого прихватить что-нибудь из соответственной кучи?

Я быстро охлопал себя и нашел заткнутый за левое голенище кинжал. Даже в тусклом свете сразу стало видно, что сделан он у меня на родине.

— Нас обманули, — сказал я. — Теперь понятно, отчего смеялся гном. Он заткнул мне это в сапог, когда я проходил мимо.

— Но у тебя все равно оставался выбор — между этим коридором и темным.

— Верно.

— Почему же ты выбрал этот?

— Здесь светлее.

Глава 5

Шагов через пять исчезли даже кажущиеся стены, а с ними потолок. Я обернулся и не увидел ни коридора, ни арки, только гнетущую пустоту. Хорошо хоть пол остался. Единственное, что отличало мою дорогу от окружающего мрака, — это видимость. Я шел сквозь сероватое марево в долине сплошной тени, хотя, строго говоря, шел я между Тенями. Вот жлобы! Могли бы не экономить на освещении.

Я слушал зловещую тишину и гадал, сколько Теней осталось позади и можно ли ставить вопрос так прямолинейно. Вряд ли.

Однако не успел я углубиться в высшую геометрию, как справа что-то зашевелилось. Взгляд выхватил из тьмы высокую черную колонну. Впрочем, она не двигалась. Я заключил, что то был обман зрения: я иду, колонна стоит, а кажется — наоборот. Толстая, ровная, гладкая — я всматривался, пока черный силуэт не заволокло мглой. О высоте колонны судить не берусь, поскольку не знаю, сколько до нее было.

Через несколько шагов я увидел новую колонну — теперь уже впереди и справа. Вглядываться я не стал, а продолжал идти. Вскоре показалась еще одна — по левую руку. Колонны уходили во тьму, лишенную и намека на звезды — светлые ли, темные; мой мир венчала ровная, беспросветная чернота. Чуть позже колонны начали встречаться группами и уже не казались одной высоты.

Я остановился потрогать ближайшую — почудилось, что смогу дотянуться. Не тут-то было. Я сделал шаг в сторону, и сейчас же мне стиснуло запястье.

— На твоём месте я бы не стала этого делать, — заметила Фракир.

— А что? — спросил я.

— Так легко заблудиться и заработать кучу неприятностей.

— Может, ты и права.

Я перешел на бег. Колонны — колоннами, мое дело маленькое: побыстрее отстреляться и вернуться к тому, что мне действительно важно — разыскать Корэл, выручить Люка, разобраться с Джулией и Джартом, найти отца...

Колонны мелькали, то далекие, то близкие, между ними стали попадаться другие архитектурные излишества. Одни были низенькие, кособокие, другие — высокие — сходили на конус, часть привалилась к соседям, некоторые лежали в обломках. Беззаконное многообразие радовало глаз победой силы над формой.

Почва утратила былую ровность, но сохранила некое подобие геометрии в виде уступов, ступеней и террас различного порядка. Я трусил через развалины тысячи Стоунхенджей, сквозь которые вел по-прежнему гладкий, тускло мерцающий Путь.

Я поднажал и вскоре уже мчался мимо галерей, амфитеатров, каменных роц и лесов. Иногда мне мерещилось какое-то шевеление, но, возможно, дело было опять-таки в моей скорости и невозможности что-нибудь толком разглядеть.

— Как по-твоему, есть тут кто живой? — спросил я Фракир.

— Нет, — последовал ответ.

— А мне казалось, что-то движется.

— Когда кажется, креститься надо.

— Говоришь меньше дня, а уже выучилась язвить.

— Не обессудь, начальник, но выучиться я могла только от тебя. Больше не у кого было набраться манер и того-сего.

— Туше*, — сказал я. — Наверное, в данном случае я должен был предупредить тебя об опасности.

— Туше, начальник. А мне нравятся эти воинственные сравнения.

Спустя несколько мгновений я замедлил шаг. Впереди и справа что-то мигало, отсвечивая то красным, то голубым. Я замер. Вспышки прекратились, но я уже насторожился и

* Фехтовальный термин, означающий «касание».

теперь всматривался в темноту, пытаясь понять, что это было.

— Да, — промолвила Фракир через какое-то время. — Оставайся на чеку. Только не спрашивай меня, чего ждать. Я чувствую лишь общую неопределенную угрозу.

— Может, удастся обойти ее стороной.

— Не советую, — отвечала Фракир. — Дорога идет через каменное кольцо, где только что мигало, и, чтобы пройти в обход, пришлось бы с нее свернуть.

— Мне никто не говорил, что с дороги сходить нельзя. А тебе?

— Я знаю, что ты должен идти по дороге. Впрочем, мне не объяснили, что будет, если от нее отступить.

— Гм-м.

Дорога повернула вправо, я тоже. Она вела напрямик к сплошному каменному кольцу, и я, хоть и замедлил бег, не отклонялся от нее и на дюйм. Ближе стало видно, что дорога ныряет в кольцо и больше не появляется.

— Ты прав, — сказала Фракир. — Как в логовище дракона.

— Однако нам туда?

— Верно.

— Значит, пошли.

Я совсем сбавил шаг и прошел между двумя каменными плитами, куда указывал тускло фосфоресцирующий путь.

Внутри круга мне предстал все тот же черно-белый набросок, а вот освещение изменилось — сделалось более ярким, мерцающим, колдовским. Впервые я видел хоть какое-то подобие жизни. Ноги ступали по блестящей — как от росы — серебристой траве.

Я замер, а Фракир непривычно дернулась — мне показалось, не столько предостерегающе, сколько от любопытства.

Справа виднелся алтарь — ничего общего с тем, через который я сигал в пещере. Два валуна поддерживали грубо обтесанную плиту. Никакие свечи, покровы и прочие религиозные завитушки не скрашивали общество лежащей на алтаре дамы, связанной, кстати, по рукам и ногам. Я сам как-то побывал в сходном положении, поэтому сразу проникся сочувствием к даме — беловолосой, чернокожей и смутно знакомой — и ненавистью к странному субъекту за алтарем, в чьей занесенной левой руке сверкал нож. Правая его половина была черна как ночь, левая — ослепительно бела.

Я рванул вперед, словно меня ударили током. Мой концерт для поваренных и микроволновых чар мигом превратил бы его в паровую котлету, но увы — я не мог произнести ключевых слов.

Он, казалось, сверлил меня глазами, хотя точно не скажу — одна половина его тела была слишком светла, другая — слишком темна, чтобы вглядываться. Нож, описав дугу, вонзился даме под ложечку. Она вскрикнула; алая-преалая на черном негативе кровь, брызнув, обогрела мужчине руку, и я понял: надо было произнести заклинание. У меня бы вышло. Я бы ее спас.

В следующее мгновение алтарь рухнул, и серый смерч скрыл от меня остальное. Кровь вращалась, словно в тазике цирюльника, постепенно розовея, расплываясь в прозрачной серебристости. Когда я добежал до места, на росистой траве не осталось ни алтаря, ни жреца, ни жертвы.

Я остановился как вкопанный.

— Спим мы, что ли? — спросил я вслух.

— Сомневаюсь, что я могла бы спать, — ответила Фрак-ир.

— Тогда скажи, что ты видела.

— Я видела, как некий тип заколол лежащую на каменной плите женщину. Потом все рухнуло и взвилось в воздух. Тип был черно-белый, кровь — алая, а женщина — Дейрдре...

— Что?! Господи, конечно! Так она и выглядела — только на негативе. Но ведь она умерла раньше...

— Должна напомнить, что я вижу лишь то, что воспринимает твой мозг. Я не знаю, каков был изначальный сигнал, мне попадает результат его обработки твоей нервной системой. Мои ощущения говорят, что то были не обычные люди, а существа типа давешних твоих гостей — Дворкина и Оберона.

И тут мне в голову пришла совершенно жуткая мысль. Дворкин и Оберон напомнили о трехмерных компьютерных моделях. А способность Призрачного Колеса сканировать тень основана на цифровой развертке тех секторов Пути, которые вроде бы за эту способность отвечают. И Призрак спрашивал — насколько я припоминаю, с надеждой, — может ли он считать себя божеством.

Неужели мое собственное порождение играет со мной в кошки-мышки? Что, если это Призрак перенес меня в отдаленную пустынную Тень, отрезал от всякой связи и теперь экспериментирует? Если он превзойдет меня, своего создателя, к которому питает что-то вроде благоговения, —

не поднимется ли он в собственных глазах? Не поменяемся ли мы статусом в его персональной вселенной?... Может, и так. Если постоянно натыкаешься на компьютерные модели, *cherchez le deus ex machina**.

Интересно, насколько силен сейчас Призрак? Разумеется, его способности в какой-то мере аналогичны способностям Огненного Пути, но тем не менее до Пути или Логруса ему далеко. Не могу представить, как бы он преградил им дорогу сюда.

С другой стороны, достаточно изолировать меня. Вполне в его силах было явиться в образе Логруса на несколько кратких мгновений. Но это бы значило, что и Фракир получила свои новые способности от Призрака. Нет, это уже невероятно. И как насчет Змеи и Единорога?

— Фракир, — спросил я, — ты уверена, что именно Логрус пробудил в тебе сознание и загрузил инструкциями?

— Да.

— Почему ты так уверена?

— Ощущения были те же, что при нашем первом знакомстве, когда Логрус поднял меня на первую ступень.

— Ясно. Теперь дальше: Единорог и Змея в святилище — не могли они быть из того же теста, что Оберон и Дворкин в пещере?

— Нет. Я бы почувствовала. Ничего общего. Они были ужасные, и могучие, и в общем-то такие же, как с виду.

— Ладно, — сказал я. — Просто мне подумалось, не Призрака ли это штучки.

— Я понимаю, о чем ты. Хотя не вижу, почему реальность Змеи и Единорога опровергает твою посылку. Они могли вступить в игру Призрака и приказать, чтобы ты не взбрыкивал, потому что хотели досмотреть спектакль.

— Такое мне в голову не пришло.

— И, возможно, Призраку удалось проникнуть в место, недоступное для Логруса и Пути.

— Верно замечено. К сожалению, это возвращает меня в самое начало.

— Нет, потому что это место не создано Призраком. Оно было всегда. Это я знаю от Логруса.

— Утешительно слышать, но...

Я так и не закончил мысль, потому что внезапное движение заставило меня повернуться к противоположному сектору круга. Я увидел алтарь, которого не замечал

* Ищите (фр.) Бога из машины (лат.).

прежде, женщину за ним, связанного половинчатого мужчину на алтаре. Они очень походили на первых двух.

— Нет! — закричал я. — Довольно!

Однако я не успел сделать и шагу. Нож опустился. Вновь брызнула кровь, алтарь рассыпался, и все завертелось в вихре. Пока я добежал, от жертвенника не осталось и следа.

— А на это ты что скажешь? — спросил я Фракир.

— Те же силы, что раньше, только в обратном соотношении.

— Чего-чего? Что тут творится?

— Стягиваются силы. И Путь, и Логрус уже некоторое время пытаются сюда проникнуть. Жертвоприношения, которые ты только что видел, должны открыть им путь.

— А что им здесь надо?

— Это ничейная полоса. Древнее равновесие колеблется, и тебе предстоит склонить чашу весов в ту или иную сторону.

— Понятия не имею, как такое сделать.

— Придет время — узнаешь.

Я вернулся на тропу и двинулся дальше.

— Скажи, я случайно поспел к жертвоприношениям? — спросил я. — Или их нарочно приурочили к моему приходу?

— Они должны были произойти при тебе. Ты — связка.

— Тогда следует ли ожидать...

Из-за камня слева с негромким смешком выступил мужчина. Я схватился за меч, но тот приближался медленно, с пустыми руками.

— Говорим сами с собой. Дурной знак.

Он был написан белой, черной и серой красками. Собственно, правая его половина отливала в черноту, левая отсвечивала белизной, так что он вполне мог быть исполнителем первого заклания. Впрочем, кто его знает. Так или иначезнакомиться мне не хотелось.

Я пожал плечами.

— Что до знаков, меня интересует лишь один — на котором написано «выход», — сказал я, обходя незнакомца.

Тот ухватил меня за плечо и легко развернул к себе.

Снова смешок.

— Поосторожней, когда высказываешь пожелания в этом месте, — сказал он тихим размеренным голосом, — потому что они иногда исполняются. Что, если «выход» будет ошибочно понят как «исход»? Тогда — пуфф! — и тебя нет. Обратишься в дымок. Или провалишься в ад.

— Я там уже был, — отвечал я, — и много где еще.

— Ба! Только погляди! Твое желание сбылось! — заметил он. Его левый глаз отразил луч света и направил в меня, словно солнечный зайчик. Как я ни шурился, правого глаза разглядеть не удавалось. — Сюда смотри, — указал он.

Я повернул голову. На вершине каменного дольмена* стояла табличка «выход», в точности как в театре недалеко от нашего студенческого городка.

— И правда...

— Пойдешь?

— А ты?

— Не вижу надобности, — отвечал он. — Я и сам знаю, что за ней.

— И что же?

— Другая сторона.

— Очень остроумно, — сказал я.

— Получить искомое и не воспользоваться — значит смертельно оскорбить Силы.

— Это они тебе сказали?

Что-то заскрежетало — я не сразу понял, что незнакомец скрипнул зубами. Я двинулся к табличке, желая рассмотреть поближе, что там за ней.

На двух каменных плитах лежала третья, так что получались как бы ворота — довольно высокие, пройти можно. Только темно там что-то...

— Идешь туда, начальник?

— А почему нет? Это тот редкий случай в моей жизни, когда я чувствую, что незаменим для устроителей шоу.

— Я бы на твоём месте слишком не зарывалась... — начала Фракир, но я уже нырнул под плиту.

Три шага — и я увидел каменный круг, росистую траву, черно-белого незнакомца, дольмен с табличкой «выход» и темный силуэт под ней. Я повернул назад. Снова черно-белый незнакомец на фоне дольмена и темный силуэт в каменном проеме. Я поднял правую руку. Силуэт тоже. Я обернулся. Смутный силуэт напротив стоял с поднятой рукой. Я вышел наружу.

— Маленький мир, — заключил я. — Но мне не хотелось бы писать его маслом.

Незнакомец рассмеялся:

* Древнее погребальное сооружение в виде большого каменного ящика, накрытого плоской плитой.

— Тебе напомнили, что всякий выход в то же время и вход.

— Увидев тебя, я вспомнил скорее пьесу Сартра*.

— Зло, — отвечал он, — однако философски неоспоримо. Я всегда считал, что ад — это окружающие. Только не понимаю, чем я тебе досадил.

— А разве не ты заколол женщину тут неподалеку? — спросил я.

— Если бы и я — тебе-то какое дело?

— У меня странное отношение ко всяким мелочам, вроде ценности человеческой жизни.

— Зря кипятиться. Даже Альберт Швейцер**, при всем своем преклонении перед жизнью, не распространял его на глисту, муху цеце и раковую клетку.

— Ты знаешь, о чем я говорю. Ты или не ты убил женщину на каменном алтаре с полчаса назад?

— Покажи алтарь.

— Не могу, он исчез.

— Покажи женщину.

— Она тоже исчезла.

— Значит, нет и обвинения.

— Мы не в суде, черт возьми! Хочешь говорить, ответь на вопрос, а нет — перестанем сотрясать воздух.

— Я ответил.

Я пожал плечами:

— Отлично. Я тебя не знаю и очень этому рад. Счастливо оставаться.

Я шагнул к тропе, и в то же мгновение незнакомец промолвил:

— Дейдрре. Ее звали Дейдрре, и я действительно ее убил.

С этими словами он шагнул в дольмен, из которого я только что вышел. Я ждал, что он появится с другой стороны, но этого не произошло. Я повернулся на сто восемьдесят градусов и тоже шагнул под табличку. Через три шага я вышел и увидел себя, выходящего с противоположной стороны. Незнакомец куда-то делся.

— Что ты на это скажешь? — спросил я Фракир, снова направляясь к тропе.

* Сартр, Жан-Поль (1905—1980) — французский философ и писатель. В его пьесе «Нет выхода» ад описан как ярко освещенная комната, куда можно войти, но откуда нельзя выйти.

** Швейцер, Альберт (1875—1965) — врач, философ, гуманист. Основал больницу в Африке, где бесплатно лечил местное население.

— Дух места? Злой дух недоброго места? — предположила она. — Точно не знаю, но, кажется, он из этих же чертовых моделей — и они здесь сильнее.

Я ступил на тропу и двинулся дальше.

— Ты на глазах начинаешь говорить живее и образней.

— Твоя нервная система — хороший учитель.

— Спасибо. Если этот тип появится снова и ты заметишь его раньше меня — предупреди.

— Ладно. Но вообще все это место производит впечатление чего-то искусственного. На каждом камне написана частица Пути.

— Когда ты это поняла?

— Когда ты впервые шагнул под табличку. Тогда я проверяла их на опасность.

Мы подошли к внутренней периферии круга, и я похлопал по камню — вроде бы настоящий.

— Он здесь! — внезапно предупредила Фракир.

— Эй! — послышалось сверху и я поднял голову. Черно-белый незнакомец сидел на стене и курил тонкую сигару. В руке он держал кубок.

— Ты меня заинтриговал, малыш, — продолжал он. — Как твое имя?

— Мерлин. А твое?

Вместо ответа незнакомец оттолкнулся от стены и, словно в замедленной съемке, опустился передо мной. Разглядывая меня, он сощурил левый глаз. По правой его половине мелкой рябью пробегала тень. Он выпустил клуб серебристого дыма.

— Ты живой, — объявил незнакомец. — Отмечен и Путем, и Логрусом. В тебе кровь Амбера. Какого ты рода, Мерлин?

Тень на мгновение разошлась, и я увидел на правом глазу повязку.

— Я — сын Корвина. А ты — предатель Брэнд.

— Имя — мое, — сказал он. — Но того, во что верю, я не предавал.

— То есть своей гордыни. На дом, семью и силы Порядка тебе всегда было плевать.

Он фыркнул:

— Я с наглыми щенками не спорю.

— Я тоже не хочу с тобой спорить. Как-никак, твой сын Ринальдо — вероятно, мой лучший друг.

Я повернулся и пошел прочь. Брэнд ухватил меня за плечо.

— Погоди! Что ты мелешь? Ринальдо еще мальчик.

— Ошибаешься, — сказал я. — Мы примерно одних лет.

Он выпустил мое плечо. Я обернулся. Брэнд выронил сигару — она осталась дымиться на дороге — и переложил кубок в правую, теневую руку. Левой он тер лоб.

— Сколько же лет прошло на основной линии...

Под влиянием внезапного порыва я вынул колоду, отыскал карту Люка и протянул ему.

— Это Ринальдо.

Брэнд схватил карту, я, сам не знаю почему, не стал ее вырывать. Смотрел он долго.

— Почему-то связь через карты тут не работает, — заметил я.

Брэнд поднял глаза, тряхнул головой, вернул мне карту.

— Да, не работает. Как... он?

— Ты знаешь, он убил Кейна, чтобы отомстить за тебя?

— Нет, не знаю. Впрочем, меньшего я от этого парня и не ждал.

— Ты ведь не совсем Брэнд?

Он запрокинул голову и расхохотался:

— Я — Брэнд с головы до пят, и все же не тот Брэнд, которого ты мог знать. Любая другая информация дорого тебе обойдется.

— Во что станет узнать, кто ты на самом деле? — спросил я, убирая карты.

Брэнд поднял кубок, протянул двумя руками, словно чашку для подаяния.

— В порцию твоей крови, — сказал он.

— Ты стал вампиром?

— Нет. Я — призрак Пути. Отворишь себе кровь — объясню.

— Ладно, — согласился я. — Смотри, не обмани моих ожиданий, — и, вытащив кинжал, резанул запястье.

Из руки полыхнуло, словно я опрокинул керосиновую лампу. Разумеется, в моих жилах течет не огонь, но в некоторых местностях кровь жителя Хаоса исключительно быстро воспламеняется, и эта, похоже, была как раз из таких.

Пламя хлестало и в кубок, и мимо, на его руку, на локоть. Брэнд вскрикнул и начал съеживаться. Я отступил на шаг. Он превратился в смерч, — примерно как после жертвоприношения, только более мощный, — с ревом взвил-

ся в воздух и через мгновение исчез, а я остался стоять с открытым ртом, глядя вверх и зажимая вену на дымящейся руке.

— Ух, впечатляющий исход, — заметила Фракир.

— Семейная черта, — отвечал я. — Кстати, об исходах и выходах...

Я обогнул камень и вышел из круга в темноту. Она стала еще чернее, и казалось, что тропа светится ярче. Я разжал пальцы — дым больше не шел.

Я припустил рысью, торопясь оказаться подальше от этого места. Когда через некоторое время я обернулся, камней уже не было — только бледный смерч тянулся вверх, вверх, затем исчез.

Я продолжал бежать. Дальше дорога шла под уклон, я разогнался и вскоре уже вприпрыжку летел по пологому склону. Тропа сверкающей лентой убегала вниз и вдаль, постепенно теряясь из виду.

К своему изумлению, я увидел, что не так далеко ее пересекает другая светлая ниточка. Правее и левее она таяла во мгле.

— Есть какие-нибудь специальные указания касательно перекрестков? — спросил я.

— Пока нет, — отвечала Фракир. — Думаю, там придется принимать решение, а какое — станет ясно только на месте.

Впереди расстилалась огромная темная равнина с разбросанными там и сям островками света — все они были неподвижны, но одни горели ровно, другие зажигались и гасли. Ниточек, впрочем, было всего две — моя тропа и другая, поперечная. В полной тишине слышалось лишь мое дыхание да звук шагов. Ни ветерка, ни запаха, даже воздух не теплый, не холодный, а просто никакой. Справа и слева снова маячили какие-то силуэты, но у меня не было ни малейшей охоты в них вглядываться. Я хотел одного: побыстрее со всем покончить, выбраться отсюда и вернуться к своим делам.

По обочинам стали попадаться туманные пятнышки света — расплывчатые, дрожащие, они возникали и пропадали сами собой. Казалось, вдоль дороги протянут пятнистый прозрачный занавес, и поначалу я не обращал на него внимания, но он постепенно светлел, изображение проступало, как если бы я настраивал подзорную трубу: стулья, столы, припаркованные машины, витрины. Вскоре прозрачная картина начала обретать цвет.

Я остановился как вкопанный. Передо мной был красный «шевроле» пятьдесят седьмого года, присыпанный снегом, припаркованный на знакомой улице. Я подошел и протянул левую руку.

Она вошла в полумрак и сразу поблекла. Я потрогал радиатор — твердый, холодный, — стряхнул с него снег. Вытащил руку — к ней прилипли снежинки. И сразу картина померкла.

— Я нарочно щупал левой рукой, — сказал я, — где ты. Что это было?

— Спасибо. По-моему — заснеженная красная машина.

— Это либо компьютерная модель, либо что-то извлеченное из моей памяти. Дело в том, что это картина Полли Джексон из моей коллекции, увеличенная до натурального размера.

— Значит, дела все хуже, Мерль. Я не почувствовала, что это — модель.

— Выводы?

— То, что этим управляет, набирает умения. Или силы. Или того и другого.

— Черт, — заметил я и потрусил дальше.

— Может, оно хочет показать, что способно полностью сбить тебя с толку.

— Тогда ему это удалось, — признал я и крикнул: — Эй, что-то! Слышишь? Твоя взяла! Я полностью сбит с толку! Могу я теперь отправляться домой? Если ты хотело чего-то другого, тебе это не удалось! Я ровным счетом ничего не понял!

Вспышка молнии бросила меня на землю, я полностью ослеп на несколько минут. Я лежал ничком и трясся, но грома не последовало. Когда зрение вернулось, а дрожь улеглась, я увидел прямо перед собой исполинскую фигуру Оберона.

Правда, всего лишь статую — копию той, что стоит в дальнем конце вестибюля в Амбере, а может, и ее саму, потому что, взглядевшись, я различил на плече великого человека птичий помет.

— Настоящий или модель? — спросил я.

— По-моему, настоящий, — отвечала Фракир.

Я медленно встал.

— Мне понятно, что это ответ, только непонятно, что он означает.

Я потрогал статую — на ощупь она казалась скорее полотняной, чем бронзовой. Перед глазами поплыло, и я

понял, что держусь за огромный — больше, чем в рост — портрет Отца Страны. Потом края его начали расплываться — передо мной была картина, одна из многих в блеклой череде вдоль тропы. Затем она пошла рябью и растаяла.

— Сдаюсь, — сказал я, проходя там, где только что стоял Оберон. — Ответы еще загадочнее, чем ситуация, породившая вопрос.

— Поскольку мы идем между Тенями, это может означать, что все сущее хоть где-нибудь реально. А?

— Может. Но это я знал и так.

— И что все сущее реально в разном смысле, в разное время и в разных местах?

— Ладно. Положим, оно и впрямь хотело выразить то, о чем ты говоришь. Только я сомневаюсь, чтобы кто-то пошел на такие крайности с единственной целью доказать философские положения, возможно, новые для тебя, но вообще-то порядком избитые. Должна быть какая-то причина, и ее я ухватить не могу.

До сих пор мне показывали только неживую натуру. Теперь на картинах появились люди и животные. Здесь были воинственные сцены, любовные и просто домашние.

— Да, развитие есть. Возможно, это куда-то ведет.

— Когда они выпрыгнут на меня, я соображу, что мы у цели.

— Кто знает? Насколько я понимаю, искусствоведение — наука разносторонняя.

Однако картины вскоре исчезли, и тропу вновь обступила тьма. Я бежал по пологому склону вниз, к перекрестку. Где же Чеширский Кот, когда мне и впрямь понадобилась логика Кроличьей Норы?

Я бежал к отчетливо видимому перекрестку. Вдруг я заморгал. Передо мной был по-прежнему перекресток, но декорации полностью сменились. Справа на углу стоял фонарный столб. Под ним кто-то курил.

— Фракир, как они это сделали? — спросил я.

— Очень быстро, — отвечала она.

— Что говорит нам внутренний голос?

— На тебе сосредоточено внимание. Впрочем, ничего угрожающего.

Я замедлил бег. Тропа сменилась асфальтовой дорогой, по бокам появились бортики и тротуары. Я перешел с проезжей части на правый тротуар. Сразу натянуло серого тумана, и фонарь скрылся из виду.

Я пошел еще медленнее и вскоре увидел, что асфальт под ногами — мокрый. Шаги отдавались глухо, словно от ближних домов, но туман еще сгустился, так что есть дома или нет, было не разглядеть. Впрочем, что-то вроде зданий все же угадывалось — сгустки мрака по правую руку. В спину подул холодный ветер, на голову упали несколько капель. Я поднял воротник. Где-то высоко в скрытом туманом небе загудел самолет. Я постоял, пока гудение смолкло, затем пошел дальше. Очень тихо — возможно, на другой стороне улицы — пианино заиграло смутно знакомую мелодию. Я плотнее закутался в плащ. Туман клубился и густел.

Еще три шага, и он расступился.

Она стояла совсем близко. На голову ниже меня, в берете и пальто военного покроя, черные волосы поблескивали под фонарем. Она бросила окурочек и медленно растирала его высоким каблуком черной лаковой туфельки. Ножка — очень даже ничего. Потом она вынула из кармана пальто плоскую серебряную коробочку с выпуклой розой на крышке, достала сигарету, вставила в рот, закрыла и убрала портсигар. Не оборачиваясь, спросила:

— Прикурить не найдется?

Спичек не было, но такой пустяк меня не остановил.

— Конечно, — сказал я и медленно поднял руку к ее тонко очерченному лицу, ладонью к себе, чтоб не видно было, что в ней ничего нет. Я шепнул ключевое слово, искра скакнула с пальца на кончик сигареты, и тут женщина придержала мою руку, чтобы прикурить. При этом она подняла глаза — огромные, синие-пресиние, с длинными ресницами — и встретила мой взгляд. Женщина вскрикнула и выронила сигарету.

— Mon Dieu!* — Она бросилась мне на шею, прижалась всем телом и зарыдала. — Корвин! Нашел-таки! Тебя не было целую вечность!

Я обнимал ее крепко, боясь заговорить, боясь грубой правдой разрушить ее счастье. К чертям правду! Я погладил черные волосы.

Очень скоро она оторвалась от меня, подняла глаза. Еще секунда, и она поняла бы, что обманулась сходством, приняла желаемое за действительное. Поэтому я спросил:

— Что такая девушка делает в таком месте?

* Боже мой! (фр.)

Она тихо рассмеялась.

— Ты придумал, как? — И тут глаза ее сузились. — Ты не...

Я кивнул.

— Мне не хватило духу, — сказал я.

— Кто ты? — спросила она, отступая на полшага.

— Меня зовут Мерлин, и я влип в дурацкое приключение, смысла которого не понимаю.

— Амбер, — мягко произнесла женщина, не снимая руки с моего плеча.

Я кивнул.

— Я тебя не знаю, — сказала она, — а вроде должна бы знать, но... я... не...

Она снова прижалась ко мне, спрятала голову у меня на груди. Я пытался что-то сказать, объяснить, но незнакомка приложила палец к моим губам.

— Не сейчас, а может, и совсем не надо. Не говори ничего. Но ты-то должен знать, призрак ты Пути или нет.

— Что такое призрак Пути?

— Его порождение. Путь запоминает всех, кто его прошел. Он может воссоздать нас, когда пожелает — такими, какими мы были в то время. Он может распоряжаться нами по своему усмотрению, отправлять куда угодно с любыми заданиями. Разрушать и создавать снова.

— Часто он это делает?

— Про других не знаю — только про себя. — И вдруг: — Ты не призрак! Я чувствую! — вскричала она и вцепилась в мою руку. — Только ты не такой, как другие, в ком течет кровь Амбера...

— Наверное, — отвечал я. — Я веду свой род и от Амбера, и от Владений Хаоса.

Незнакомка поднесла мою руку к губам, словно хотела поцеловать, но губы ее скользнули ниже, к разрезанному по просьбе Брэнда запястью. Внезапно до меня дошло: кровь Амбера чем-то притягательна для духов Пути.

Я попытался вырвать руку, но и она обладала силой Амбера.

— Во мне иногда струится пламя Хаоса, — сказал я, — как бы оно не причинило тебе вреда.

Она медленно подняла голову и улыбнулась. Губы ее были в крови. Я опустил глаза, увидел алую влагу на своем запястье.

— Кровь Амбера имеет власть над Путем, — начала она, и тут у ее щиколоток за клубился туман.

— Нет! — закричала она и снова припала к моей руке.

Смерч обвинил ее колени, бедра. Зубы рвали мою руку. Я не знал, каким заклинанием это остановить, поэтому просто обнял ее и погладил по волосам. Через мгновение она растаяла в моих объятиях, обернулась кровавым вихрем.

— Иди направо! — выкрикнула она, устремляясь ввысь. На асфальте, рядом с лужицей моей крови, осталась тлеть ее сигарета.

Я повернулся и пошел прочь. Далеко-далеко за туманной мглой пианино по-прежнему тихо наигрывало мелодию из давнего прошлого.

Глава 6

Я шел вправо, и везде, где капала моя кровь, реальность немного подтаивала. Впрочем, порез вскоре затянулся, кровь остановилась. Даже запястье больше не дергало.

— Ты меня всю кровью залил, начальник.

— Скажи спасибо, что не огнем.

— Тогда в камнях немного и подпало.

— Извини. Можешь объяснить, что происходит?

— Если ты о новых указаниях, то их еще нет. Однако я думала — теперь, когда я это умею — так вот, это место становится все более интересным. Взять хоть призраков Пути. Путь не может проникнуть сюда сам, но засылает агентов. Как ты полагаешь, не способен ли на то же Логрус?

— Все может быть.

— У меня сложилось впечатление, что здесь, за изнанкой реальности, между Тенями, у них идет поединок. Вдруг это место существовало раньше? До Тени? Вдруг они сражаются здесь изначально, неким загадочным метафизическим способом?

— А нам-то что?

— Тогда, возможно, и сама Тень — побочный продукт напряжения между полюсами.

— Боюсь, Фракир, ты недослышала мой вопрос.

— Вдруг и Амбер, и Владения Хаоса созданы лишь затем, чтобы поставлять агентов для борьбы?

— А вдруг эта мысль внушена тебе Логрусом вместе со способностью говорить?

— Зачем?

— Да все за тем же. Чтоб я поверил, будто борьба важнее людей. Еще один способ принудить меня к выбору

— Мне не кажется, что мной управляют.

— Ты сама призналась, что научилась думать совсем недавно. А для новичка ты рассуждаешь уж больно отвлеченно.

— Правда?

— Поверь.

— И что это означает?

— Нежелательное внимание сверху.

— Я бы выбирала выражения, пока мы остаемся в зоне их боевых действий.

— Сифилис на оба их дома!* Не знаю почему, но я им нужен. Они все проглотят.

Впереди глухо заворчал.

— Видишь, о чем я?

— Блеф.

— Чей?

— Думаю, Пути. Похоже, этот сектор реальности контролируют его призраки.

— Сам понимаешь, мы можем кардинально заблуждаться. Все наши догадки — выстрелы наугад.

— Мне кажется, это по мне стреляют наугад. Вот почему я отказываюсь играть по чужим правилам.

— И что ты предлагаешь?

— Расслабься и виси спокойно, а скажу «Убей!» — выполняй. Пошли, куда идем.

Я снова побегал, прочь из тумана — пусть призраки останутся призраками в призрачном городе.

Яркая дорога на темной равнине, я бегу — обратное смещение Теней, словно местность пытается изменить меня. А впереди — вспышки и снова гром, по бокам возникают и пропадают виртуальные уличные сценки.

И вдруг оказалось, что я бегу наперегонки с самим собой — на яркую дорогу выскочила темная фигура, и я не сразу понял, что это — отражение. Движения бегущего справа повторяли мои, мимолетные сценки справа от меня зеркально воспроизводились слева от него.

— Что происходит, Мерль?

— Не знаю, — сказал я, — только мне надоели символы, аллегории и прочая метафорическая шелуха. Если это означает, что жизнь — состязание с самим собой, то можно было придумать и что-нибудь посвежее — разве что силы,

* Перефразировка из «Ромео и Джульетты» В Шекспира: «Чума на оба ваших дома!»

устроившие это шоу, расписываются в своей банальности. Вполне в их духе. Как ты думаешь?

— Думаю, что тебя вполне может испепелить молнией.

Молнии не последовало. Мой зеркальный двойник все бежал. Это продолжалось дольше, чем прежние придорожные сценки. Я совсем было решил не обращать на него внимания, когда мое отражение внезапно поднажало и вырвалось вперед.

— Охо-хо-хо.

— М-да, — согласился я и тоже прибавил скорости, чтоб сократить разрыв.

Мы сравнялись и теперь бежали параллельно, в нескольких метрах друг от друга. Он снова начал отрываться. Я еще приналег и нагнал. Потом, сам не зная почему, вдохнул, пригнулся и рванул вперед.

Мой двойник заметил это, ускорился, начал догонять. Я тоже прибавил шаг, сохраняя разрыв. Куда это мы чешем?

Впереди дорога расширялась, и поперек нее, похоже, была натянута ленточка. Отлично. Что бы это ни означало, я должен прийти первым.

Метров сто я лидировал, потом моя тень вновь начала нагонять. Я припустил быстрее и какое-то время удерживал сократившуюся дистанцию. Тут он взял скорость, которую, мне казалось, не сможет сохранить до ленточки. Впрочем, кто его знает. Я поднажал еще. Я бежал со всех ног.

Сукин сын все нагонял, наконец мы сравнялись, и он меня обошел. Потом вдруг споткнулся — я мигом оказался рядом, но он больше не оступался и сохранял прежний бешеный темп. Я решил не останавливаться, пока не разорвется сердце.

Мы бежали голова к голове. Я не знал, есть ли у меня силы на последний рывок, не знал, бегу ли я чуть впереди, вровень или чуть позади. Мы мчались по параллельным сверкающим дорожкам к яркой полоске, и вдруг ощущение зеркального раздела исчезло. Две узких дорожки превратились в одну широкую. Руки и ноги двойника двигались независимо от моих.

Чем меньше оставалось до финиша, тем ближе мы бежали друг к другу и наконец оказались совсем близко. И тут стало видно: я состязался отнюдь не со своим отражением. Волосы его развевались на ветру, и я заметил: левого уха нет.

Силы для финального рывка нашлись. И у него тоже. Мы достигли ленточки почти одновременно. Кажется, я все-таки раньше, но точно не скажу.

Мы, задыхаясь, рухнули на землю. Я сразу перекатился на бок, чтобы не спускать с соперника глаз, но он просто лежал и судорожно глотал воздух. Я положил руку на эфес. Кровь стучала в висках.

Когда я более-менее отдышался, то заметил:

— Не знал, что ты умеешь так быстро бегать, Джарт.

Он хохотнул:

— Ты много чего обо мне не знаешь, брат.

— Это уж точно.

Он утер лоб тыльной стороной ладони. Я заметил, что палец, оставшийся в пещерах Колвира, — на месте. Либо это Джарт с другой временной линии, либо...

— Как Джулия? — спросил я. — С ней все в порядке?

— Джулия? — переспросил он. — Кто это?

— Извини. Ты не тот Джарт.

— А кто тот? — Он приподнялся на локте и устремил на меня здоровый глаз.

— Настоящий Джарт и близко не подходил к Пути Амбера...

— Я — настоящий Джарт!

— У тебя все пальцы целы. А настоящий недавно одного лишился. В моем присутствии.

Он вдруг отвел глаз.

— Должно быть, ты — призрак Логруса, — продолжал я. — Видимо, он и тут не отстаёт от Пути — тоже записывает всех, кто его прошёл.

— Значит, это... и случилось со мной? Я не могу вспомнить... зачем оказался здесь. Только то, что должен был бежать с тобой наперегонки.

— Могу поспорить, что твои последние воспоминания связаны с прохождением Логруса.

Он снова поднял лицо. Кивнул:

— Верно. И что это значит?

— Точно не знаю, — ответил я, — но кое о чем догадываюсь. Это место — своего рода вечная изнанка мира. Она практически недосыгаема и для Логруса, и для Пути. Однако оба могут проникать сюда через своих призраков, искусственно смоделированных по снятым с нас записям...

— Ты хочешь сказать, я — своего рода запись? — Он чуть не плакал. — А все казалось так замечательно! Я про-

шел Логрус. Все Тени лежали у моих ног! — Джарт потерял виски. Потом: — Ты!.. Я попал сюда из-за тебя! Чтоб обогнать тебя в этой гонке, утереть тебе нос.

— Здорово пробежал. Я и не знал, что ты так можешь.

— Я начал тренироваться, когда услышал, что ты бегаешь в колледже. Не хотел уступать.

— Молодец.

— Если б не ты, меня бы в этом дурацком месте не было. Или... — Он покусал губу. — Не совсем так, да? Меня бы вообще не было. Я всего лишь запись... — Он посмотрел в упор. — На сколько мы рассчитаны? Как долго живут призраки Логруса?

— Понятия не имею, — отвечал я, — как они создаются и управляются. Но я встретил нескольких призраков Пути, и у меня сложилось впечатление, что моя кровь может их поддерживать, сделать вроде как автономными, независимыми от Пути. Только одному из них — Брэнду — достался огонь, и он растаял. Дейдре досталась кровь, но ее тут же унесло. Не знаю, успела ли она выпить достаточно.

Он покачал головой:

— У меня есть чувство — не знаю, откуда оно взялось, — что и мне сгодилось бы нечто подобное, и что кровь — для Пути, огонь — для Логруса.

— Я не умею определять, где моя кровь окажется горючей.

— Здесь вспыхнет, — отвечал он. — Зависит от того, кто контролирует данную местность. Откуда-то я это знаю.

— А почему тогда Брэнд был на территории Логруса?

Джарт ухмыльнулся:

— Может, Путь решил использовать предателя для какой-то диверсии. А может, Брэнд ведет свою игру — что-то вроде двурушничества в квадрате.

— Очень на него похоже, — сказал я, наконец-то окончательно отдышавшись.

Я выхватил из-за голенища кинжал из Хаоса, резанул левую руку, убедился, что из нее хлещет огонь, и протянул Джарту:

— Быстрее! Глотай, пока Логрус не отозвал тебя назад!

Он схватил мою руку и почти что вдохнул рвущееся из нее пламя. Я посмотрел на его ноги — ступни, затем и лодыжки стали прозрачными. Логрус, похоже, торопился забрать его, как Путь забрал обратно Дейдре. Внутри призрачных конечностей вспыхнули завихрения. Внезапно

они погасли, вновь проступили очертания ног. Джарт все поглощал горячую кровь, но языков пламени я больше не видел — он, как и Дейдраре до него, пил прямо из раны. Ноги его начали уплотняться.

— Ты, похоже, стабилизируешься, — сказал я. — Давай еще.

Что-то больно ударило меня в поясницу, я отлетел в сторону и обернулся в падении. Надо мной стоял высокий мужчина — он-то и пнул меня сапогом. На нем были зеленые штаны и черная рубашка, лоб повязан зеленым головным платком.

— Это что за извращения? Да еще в святом месте?

Я перекатился на колени и начал вставать, правой рукой прижимая к бедру кинжал. Левую я протянул вперед. С нее капал уже не огонь, но кровь.

— Не твое собачье дело, — сказал я и уверенно добавил: — Кейн.

Он с улыбкой поклонился, скрестил руки на груди и сразу развел их в стороны. За секунду до этого они были пусты, сейчас в правой блестел нож. Видимо, Кейн вытаскивал его из спрятанных в правом пышном рукаве ножен. Надо думать, он долго тренировался — без подготовки такого не сделаешь. Я попытался вспомнить, что слышал про Кейна и ножи. Лучше б не вспоминал. Он слыл первоклассным бойцом на ножах. Черт.

— К сожалению, не могу назвать тебя, — отметил он. — Лицо у тебя знакомое, но не помню, чтобы мы встречались.

— Мерлин, — сказал я. — Сын Корвина.

Он медленно обходил меня, но при этих словах застыл.

— Извини, если скажу, что затрудняюсь поверить.

— Не хочешь — не верь. Но это правда.

— А этот второй — его ведь зовут Джарт?

Он указал на моего брата, который только что поднялся на ноги.

— Откуда тебе это известно?

Кейн нахмурил брови, сощурился.

— Мм-м... не знаю, — сказал он, помолчав.

— Зато я знаю. Постарайся вспомнить, где ты и как сюда попал.

Он отступил на два шага. Потом закричал:

— Вот кто! — в то самое мгновение, когда я сообразил и заорал:

— Джарт! Берегись!

Джарт кинулся наутек. Я бросил кинжал — последнее дело, честно говоря, но, к счастью, у меня оставался меч, которым я мог достать Кейна раньше, чем Кейн достанет меня.

Проворство не изменило Джарту — в мгновение ока он оказался вне досягаемости. Кинжал, вопреки моим ожиданиям, угодил острием Кейну в правое плечо и вошел примерно на дюйм.

И тут, не успев Кейн повернуться ко мне, его тело разлетелось во все стороны, взорвалось множеством крошечных смерчей, которые в одну секунду поглотили всякое подобие человеческого. Они со свистом вращались, описывая концентрические спирали, потом два слились в один большой и быстро поглотили остальные, причем с каждым захваченным смерчем свист все нарастал. Наконец остался лишь один. Он качнулся было в мою сторону, затем резко устремился ввысь и рассеялся. Выброшенный воздушной струей кинжал упал в шаге от меня. Клинок был теплый и еще несколько секунд негромко гудел, пока я не спрятал его обратно в сапог.

— Что случилось? — спросил, возвращаясь, Джарт.

— Видать, оружие, сделанное во Владениях, сокрушительно действует на призраков Пути, — сказал я.

— Хорошо, что кинжал оказался при тебе. А чего этот тип на меня набросился?

— Думаю, Путь послал его, чтоб помешать тебе обрести самостоятельность — или убить тебя, если это уже произошло. По-моему, он не хочет, чтоб вражеские агенты в этом месте набирались силы и стабильности.

— Но я ему не угроза. Я — сам за себя и ни за кого больше. Я хочу одного — выбраться отсюда и заняться своими делами.

— Может, это само по себе угроза?

— Как так?

— Кто знает, что ты способен натворить, действуя самостоятельно — учитывая твоё несколько необычное происхождение? Вдруг ты нарушишь баланс сил? Вдруг владеешь — или можешь завладеть — информацией, которую стороны предпочли бы не разглашать? Это как с непарным шелкопрядом. Никто и предположить не мог, что он делает в природе, пока он не расползся из лаборатории. Ты можешь...

— Хватит! — Джарт поднял руку. — Не желаю ни о чем таком знать. Если меня выпустят отсюда и оставят в покое, я их тоже трогать не стану.

— Меня можешь не убеждать, — сказал я.

С минуту он таращил глаза, потом вскочил и описал полный круг. Кроме светлой дороги, все было темно, и заорал он, надо полагать, в пространство:

— Слышите меня? Я не хочу ни во что лезть! Я хочу лишь убраться отсюда! Жить самому и не мешать жить другим. Устраивает вас это?

Я рванулся, схватил его за руку и дернул на себя. Дело в том, что в воздухе над его головой начало сгущаться маленькое призрачное подобие Логруса. В следующее мгновение оно с резким, словно от бича, хлопком молнией пало на место, где только что стоял Джарт, прожгло дыру в дороге и исчезло.

— Похоже, от них так просто не отвертишься, — сказал Джарт. Взглянул вверх. — Может, он готовит новый удар и нанесет его, когда я меньше всего буду ждать.

— Это как жизнь, — согласился я. — Но, думаю, ты вправе счесть это предупредительным выстрелом и на время выкинуть из головы. Важнее другое — поскольку мне дали понять, что это мое приключение — так вот, знал ли ты заранее, поручено тебе помогать мне или мешать?

— Теперь припоминаю, что надеялся тебя обогнать, а потом мы вроде бы должны были сразиться.

— Тебе и сейчас этого хочется?

— Мы с тобой никогда не ладили. Но мне не по душе быть орудием в чужих руках.

— Готов ты заключить перемирие, пока я не закончу, что мне здесь назначено, и не сумею выбраться?

— А какой мне в этом интерес? — спросил он.

— Я придумаю, как отсюда выбраться. Если поможешь мне — или, по крайней мере, не будешь чинить помех, — выведу и тебя.

Джарт рассмеялся:

— Не уверен, что отсюда можно выбраться, если Силы сами не соизволят нас выпустить.

— Тогда ты ничего не теряешь, — сказал я, — и, возможно, еще увидишь, как я погибну в попытке отыскать лазейку.

— Ты правда владеешь обоими способами колдовства — и Логруса, и Пути? — спросил он.

— Да. Но в логрусском я сильнее.

— Можешь ты использовать тот или иной способ против его источника?

— Весьма занимательный метафизический вопрос. Я не знаю ответа, — сказал я, — и сомневаюсь, что когда-нибудь

узнаю. Здесь опасно призывать Силы. Так что я остался с пятком заклинаний. Не думаю, что мы выберемся отсюда с помощью колдовства.

— А как же?

— Понятия не имею. Впрочем, уверен, что не увижу полной картины, пока не дойду до конца тропы.

— Черт. Мм-м... Мне как-то не улыбается провести здесь остаток дней. С другой стороны, вдруг это единственное место, где подобные мне могут существовать? Вдруг ты отыщешь дверь, я пройду сквозь нее и растаю?

— Если призраки Пути могут появляться в Тени, то, думаю, сможешь и ты. Призраки Дворкина и Оберона навещали меня до того, как я сюда попал.

— Это обнадеживает. Стал бы ты на моем месте испытывать судьбу?

— Твоя жизнь, тебе и решать.

— Понял. Я пойду с тобой и посмотрю, что из этого выйдет. Помощи не обещаю, но и вредить не буду.

Я протянул руку, Джарт покачал головой.

— Давай не заходить слишком далеко, — сказал он. — Если ты не веришь мне без рукопожатия, то и с рукопожатием не согласишься, так ведь?

— Наверно, да.

— А меня никогда не тянуло пожать тебе руку.

— Извини, что предложил, — произнес я. — Может, все-таки объяснишь почему? Я всегда удивлялся.

Джарт пожал плечами:

— Разве обязательно должна быть причина?

— В противном случае это сумасбродство, — отвечал я.

— Или замкнутость, — добавил он, отворачиваясь.

Я вновь двинулся по тропе. Вскоре меня нагнал Джарт. Некоторое время мы шли в молчании. Когда-нибудь я научусь держать язык за зубами — или вовремя замолкать. Что, в общем, тоже хорошо.

Дорога шла прямо, но чуть впереди, похоже, исчезала. Мы дошли до того места, где она вроде бы кончалась, и тут я понял, в чем дело: она сворачивала за невысокий пригорок. Мы пошли дальше и вскоре оказались перед новым поворотом. Потом тропа начала петлять, и стало ясно, что мы спускаемся по крутому серпантину.

Миновав еще несколько поворотов, я вдруг увидел впереди яркий зигзаг. Он, казалось, висел в воздухе прямо перед нами. Джарт поднял руку, указал и начал: «Что?..» — и тут мы одновременно поняли, что это: продолжение нашей же дороги, только уже на подъеме. Все сразу стало

на свои места, и я осознал, что мы спускаемся в глубокий ров. В воздухе заметно холодало.

Мы продолжали спуск, и вскоре что-то холодное, мокрое задело мою правую руку. Я посмотрел и увидел тающую снежинку. Вскоре ветром занесло еще несколько. Впереди что-то белело.

— Я тоже не знаю, что это, — сказала в голове Фракир.

— Спасибо, — мысленно отозвался я, решив, что Джарту лучше про мою помощницу не знать.

Вниз. Вниз и кругом. Назад. Назад и снова вперед. Температура продолжала падать. В воздухе реяли снежинки. Камни поблескивали.

Странно, я не понимал, что это, пока не поскользнулся.

— Лед! — воскликнул Джарт. Он едва не упал, но вовремя ухватился за камень.

Вдалеке что-то вздохнуло; сперва тихо, потом все громче, и, только когда порыв ударил нам в спины, мы поняли, что это — ветер. Причем холодный. Он пронесся, словно последнее дуновение ледникового периода. Я поднял воротник. Затем ветер немного потеплел, но дул все с той же силой. Мы продолжали спуск.

К тому времени как мы добрались до самого низа, окончательно подморозило. Ступени либо обледенели, либо были вырублены во льду. Ветер гудел на ровной, скорбной ноте, сверху сыпался то снег, то снежная крупа.

— Отвратительный климат, — проворчал Джарт, лязгая зубами.

— Вот уж бы не подумал, что призраки чувствительны к материальному, — заметил я.

— Призраки! — возмутился он. — Я мерзну в точности как обычно. Тот, кто отправил меня сюда, мог бы по крайней мере предусмотреть такую возможность. И вообще, не такое оно и материальное, это место, — добавил Джарт. — Могли бы проложить нам тропу попрямее. А то пока мы доберемся, куда им надо, от нас останутся ледышки.

— Не думаю, чтобы Логрус или Путь обладали здесь большой властью, — сказал я. — По мне, пусть лучше не мешаются под ногами.

Дорога шла по сверкающей равнине — такой ровной и такой сверкающей, что я испугался, уж не ледяная ли она. Так оно, разумеется, и оказалось.

— Скользко, — пробормотал Джарт. — Я сейчас расширю себе ступни.

— Порвешь сапоги и отморозишь ноги, — сказал я. — Почему бы просто не перераспределить вес, не опустить центр тяжести?

— Все-то ты знаешь, — недовольно нахмурился он. — Впрочем, на этот раз ты прав.

Мы простояли несколько минут, пока Джарт уменьшался в росте и раздавался вширь.

— А ты не будешь себя менять? — спросил он.

— Нет. Так быстрее идти.

— И проще плюхнуться на задницу.

— Посмотрим.

Мы вступили на лед и пошли, стараясь не падать. Ветер здесь был еще сильнее. Впрочем, ледяная дорога скользила совсем не так сильно, как можно было подумать, глядя сверху: мелкая рябь создавала хоть какое-то трение. Воздух обжигал легкие. Снег закручивался в могучие торнадо, которые исполинскими волчками вращались у нас на пути. От дороги шел голубоватый свет, и снежинки над ней тоже вспыхивали голубизной. Мы прошли с четверть мили, прежде чем вдоль дороги вновь стали появляться призрачные видения. Сперва я сам, распростертый в святилище на груде доспехов, затем Дейдрэ под фонарем — она смотрела на часы.

— Что это? — спросил Джарт, когда картинки мелькнули и исчезли.

— Я не знал, когда впервые увидел, и не знаю до сих пор, — ответил я. — Когда наша гонка началась, я думал, что ты тоже из них. Они возникают и пропадают — по всей видимости, случайно. И я ума не приложу зачем.

Следующей возникла гостиная. На столе стояла ваза с цветами. Людей в комнате не было. Потом гостиная исчезла...

Нет. Не совсем. Исчезла комната, но цветы остались, прямо на льду. Я остановился, потом ринулся к ним.

— Мерлин, я не знаю, стоит ли сходить с тропы...

— Ко всем чертям, — отвечал я, подбегая к несообразной пестроте у подножия ледяной глыбы, напомнившей мне недавний Стоунхендж.

Их было много — розы всевозможных сортов и оттенков. Я нагнулся и вынул одну. Она казалась почти серебряной.

— Что ты тут делаешь, мой мальчик? — донесся знакомый голос.

Я тут же выпрямился. Высокий мужчина, выступивший из-за ледяной глыбы, обращался не ко мне. Он с улыбкой кивал Джарту.

— Похоже, дурака валяю, — отвечал Джарт.

— А это, видимо, и есть дурак, — отвечал мужчина. — Вырвал чертов цветок. Серебряную розу Амбера... лорда Корвина, я полагаю. Здравствуй, Мерлин. Отца разыскиваешь?

Я отстегнул от подкладки плаща английскую булавку и приколол розу на грудь. Говорящий был лорд Борель, герцог королевского дома Свейвилов и, по слухам, один из любовников моей матери. Он также считался одним из самых опасных бретеров во Владениях Хаоса. Убить моего отца, или Бенедикта, или Эрика многие годы было его навязчивой идеей. На свою беду он встретился с Корвином, причем отец торопился — и они даже не скрестили клинков. Отец обвел его вокруг пальца и убил, насколько я понимаю, отнюдь не в честном поединке. И правильно. Я его никогда не любил.

— Ты мертв, Борель. Знаешь? — сказал я. — Ты — призрак того человека, каким был в день прохождения Логруса. В реальном мире Бореля больше нет. А хочешь знать почему? Тебя убил Корвин.

— Лжешь, паршивец! — вскричал он.

— Нет, — вмешался Джарт. — Мерль прав, ты действительно погиб. Заколот, как я слышал. Впрочем, я не знал, что это сделал Корвин.

— Он самый, — подтвердил я.

Борель отвернулся — я увидел, как по его щекам заходили желваки.

— А здесь — своего рода посмертный мир? — спросил он наконец, по-прежнему не глядя на нас.

— Можно выразиться и так, — сказал я.

— Здесь можно умереть снова?

— Думаю, да.

— Что это?

Он внезапно опустил глаза, я проследил его взгляд. Подо льдом что-то лежало. Я шагнул в ту сторону.

— Рука, — отвечал я, — похоже на человеческую руку.

— Как она здесь оказалась? — спросил Джарт, подходя и пиная руку.

Та дернулась, так что стало видно — она не просто лежит, а скорее торчит из льда. После того как Джарт ее пнул, она еще несколько секунд судорожно сжималась и

разжималась. Потом я заметил еще одну, чуть дальше, а рядом, похоже, ногу. Еще дальше — плечо с рукой, ладонь...

— Людоедский морозильник, — предположил я.

Джарт хохотнул.

— Значит, вы оба мертвы, — произнес Борель.

— Отнюдь, — отвечал я. — Я — настоящий. Так, забрел мимоходом по пути в куда более приятное место.

— А Джарт?

— Джарт — любопытный феномен, как физически, так и теологически. Ему повезло странным образом раздвоиться...

— Не скажу, что считаю это везением, — заметил Джарт, — но, учитывая альтернативу, все-таки рад, что оказался здесь.

— Вот пример позитивного мышления, которое столько лет творило во Владениях чуда, — сказал я.

Джарт снова хохотнул.

Я услышал металлический свист, который так просто не забывается. Если Борель хочет проткнуть меня сзади, я все равно не успею вытащить меч, обернуться и парировать. С другой стороны, он всегда гордился, что убивает с соблюдением всех тонкостей этикета. Он фехтовал честно, потому что знал свою непобедимость. Славу поддерживал. Я тут же поднял обе руки, как будто он хочет напасть на меня сзади — нарочно, чтоб ему досадить.

— Оставайся невидимой, Фракир. Как только я обернусь и взмахну рукой — отцепляйся. Долеетишь, ухватишься и ползи к шее. А там ты уж знаешь, что делать.

— Хорошо, начальник, — отвечала она.

— Обнажи клинок и поворачивайся, Мерль.

— Ты как-то неспортивно себя ведешь, Борель.

— Ты смеешь обвинять меня в чем-то отходящем от правил?!

— Трудно сказать, я же не вижу, что ты задумал, — отвечал я.

— Тогда обнажи меч и повернись.

— Я поворачиваюсь, но меча не трогаю.

Я быстро повернулся, взмахнул левой рукой, почувствовал, как соскользнула Фракир. И тут ноги мои поехали. Я слишком резко повернулся на гладком льду. В падении я видел, как ко мне метнулась темная тень. Когда я поднял глаза, передо мной — дюймах в шести от правого глаза — было острие Борелева меча.

— Вставай медленно, — сказал он.

Я подчинился.

— Вытаскивай меч.

— А если я откажусь? — спросил я, чтобы протянуть время.

— Значит, ты — не джентльмен, и я поступлю соответственно.

— То есть все равно на меня нападешь?

— Правила это позволяют, — ответил он.

— Подавись своими правилами! — Я поставил правую ногу за левую, отпрыгнул, вытащил меч и закрылся.

Он настиг меня в одно мгновение. Я продолжал отступать за ледяную глыбу, из-за которой он вышел. Мне совсем не улыбалось состязаться с ним в мастерстве, особенно теперь, когда я почувствовал его прыть. Отступая, парировать было легче. Меч, впрочем, казался каким-то непривычным, и я быстро глянул на него, чтобы понять причину. Это был не мой меч.

Дрожащий свет тропы, отраженный от льда, вспыхивал на узорной насечке. Я знал лишь один такой меч и видел его совсем недавно в руке, вполне возможно, отцовской. Передо мною мелькал Грейсвандир. Я улыбнулся. Какая ирония! Этот самый клинок сразил настоящего лорда Бореля.

— Ты смеешься над своей трусостью? — спросил тот. — Стой и сражайся, подлец!

Словно в ответ на его слова меня что-то остановило. Впрочем, пока я глядел на свои ноги, острое не пронзило меня насквозь, поскольку, судя по выражению Борелева лица, с ним случилось нечто подобное.

Торчащие из льда руки крепко держали нас за щиколотки. Теперь был черед Бореля улыбаться. Он не мог больше наступать, но и я не мог сделать шага назад. А значит...

Он сделал выпад, я парировал из четвертой позиции, атаковал из шестой. Он закрылся. Сделал ложный выпад. Снова кварте и новый выпад. Ответный удар. Применить сиксте.. нет, это обманный ответ. Поймать его в четвертой. Обман. Снова обман. Укол...

Что-то белое и твердое пролетело над его плечом и угодило мне в лоб. Я отклонился назад, но не упал — руки держали крепко. Впрочем, хорошо, что так вышло — не то он пропорол мне печеньку. Инстинктивно — или по волшебству, которое, я слышал, обитает в Грейсвандире — я выбросил руку вперед как раз тогда, когда мои колени подогнулись. На клинок я не смотрел, но почувствовал, как

он входит во что-то упругое. Борель удивленно фыркнул и чертыхнулся. Джарт тоже ругнулся. Его я не видел, он стоял сбоку, вне моего поля зрения.

Впереди что-то вспыхнуло. Я напрягнул колени, устоял, отбил удар, чуть не снесший мне голову, и начал выпрямляться. Оказывается, я царапнул Бореля плечо, и теперь из раны водопадом хлестало пламя. Тело его начало светиться, контуры ног расплывались.

— Ты одолел меня не умением! — вскричал он.

Я пожал плечами.

— А это и не Зимняя Олимпиада, — сказал я.

Он перехватил эфес, занес руку к плечу и бросил в меня меч — как раз перед тем, как рассыпаться фонтаном искр и растаять в небе.

Я отбил меч, и он упал левее, до половины вонзился в лед и остался стоять, дрожа — как бы скандинавский перепев артуровской легенды. Джарт подбежал ко мне, пинками заставил руки выпустить мои щиколотки и сощурился на мой лоб.

Что-то упало на меня сверху.

— Извини, начальник. Я приземлилась ему на колено. Пока доползла до горла, он уже вспыхнул, — сказала Фракир.

— Все хорошо, что хорошо кончается, — отвечал я. — Хоть не обожглась?

— Даже жара не почувствовала.

— Извини, что попал в тебя ледышкой, — сказал Джарт. — Я метил в Бореля.

Я пошел прочь от долины рук, обратно к тропе.

— Косвенно это помогло, — сказал я, но благодарить не стал. Кто его знает, куда он на самом деле целил?

Я оглянулся. Руки, которые Джарт только что пинал, показывали нам кукиш.

Откуда у меня взялся Грейсвандир? Смогло бы другое оружие так же поразить призрак Логруса? Значит ли это, что меня принес сюда все-таки отец? И что он знал: его меч мне понадобится? Мне хотелось думать так, хотелось верить, что это был он, а не призрак Пути. А если это был он, то какова его роль во всей этой истории? Что он про нее знает? И на какой он стороне?

Ветер улегся. Мы шли по тропе, и торчащие изо льда руки держали факелы, освещая путь на далекое расстояние — до начала подъема. Больше никто не мешал нам идти по ледяной равнине.

— Из того, что ты рассказал и что я сам видел, — промолвил Джарт, — складывается впечатление, будто билет тебе выдал Путь, а Логрус пытается сделать в нем дырку.

В это самое время лед начал взламываться. С обеих сторон к нам бежали трещины, однако у тропы замедлялись. Я впервые заметил, что она немного возвышается над равниной. Мы шли как бы по дамбе, справа и слева ломался лед, но нам ничего не грозило.

— Вот вроде того, — прокомментировал Джарт. — А как ты вообще вляпался в эту историю?

— Все закрутилось тридцатого апреля, — начал я.

Глава 7

Мы карабкались на склон. Некоторые руки махали нам на прощание. Джарт показал им нос.

— Ты меня осуждаешь, что я хочу отсюда сбежать? — спросил он.

— Ничуть.

— Если это твое переливание действительно освободило меня от власти Логруса, я могу прожить тут неопределенно долго.

— Возможно.

— Вот почему я швырнул ледышкой в Бореля, а не в тебя. Помимо того, что ты сообразительнее и можешь отыскать-таки выход, он — порождение Логруса и в случае нужды не сумел бы поддержать меня своим огнем.

— Мне тоже об этом подумалось, — сказал я. Правда, в голову пришло другое возможное решение, но его я оставил при себе. — К чему ты клонишь?

— К тому, что буду помогать тебе чем сумею, только бы ты меня здесь не бросил. Конечно, мы не ладили, но, если ты согласен, я готов все забыть.

— Я всегда был согласен. Ты вечно первым затевал ссоры.

— Ничего не первым, — возразил Джарт. — Ладно, ладно, ты прав. Я никогда тебя не любил, и, возможно, не люблю и теперь. Но не буду тебя подначивать сейчас, когда мы так друг другу нужны.

— Насколько я понимаю, это я тебе нужен.

— Не спорю и не могу убедить тебя, что говорю искренно, — сказал он. — А жаль.

Мы еще немного поднялись. По-моему, воздух начал теплеть. Наконец Джарт продолжил:

— Попробуй взглянуть с другой стороны. Я похож на твоего брата Джарта. Я — примерно такой, каким он был некоторое время назад — примерно, да не такой же. С того мгновения когда мы пустились наперегонки, я двигаюсь в свою, отличную от его, сторону. Моя ситуация — только моя, и я не перестаю размышлять с тех пор, как обрел самостоятельность. Настоящий Джарт знает то, чего я не знаю, обладает силами, которых у меня нет. Однако я помню все, что было с ним до прохождения Логруса, и лучше, чем кто-либо другой, могу угадать ход его мыслей. Так вот, если он действительно так опасен, как ты говоришь, я тебе пригожусь, если надо будет предвосхитить какие-то его поступки.

— Тут ты прав, — согласился я. — Если, конечно, ты не встанешь на его сторону.

Джарт покачал головой:

— Он не будет мне доверять. А я — ему. Мы слишком хорошо себя знаем. Самоанализ подсказывает. Понимаешь, о чем я?

— Это значит, что ни тебе, ни ему доверять нельзя.

Он нахмурился. Потом кивнул:

— Да, наверное.

— Так почему я должен тебе верить?

— Сейчас — потому что держишь меня за горло. Дальше — потому что не сможешь без меня обойтись.

Еще несколько минут мы поднимались в молчании. Потом я сказал:

— Что меня больше всего в тебе тревожит... Джарт прошел Логрус совсем недавно. Добро бы ты был повзрослевшей, подбравшей версией моего нелюбезного братца — так ведь нет, ты — весьма новая модель. Касательно же твоего расхождения с оригиналом — не верю, что за такое короткое время можно измениться всерьез.

Он пожал плечами:

— Что я могу добавить к прежним словам? Если так, ограничимся понятием власти и шкурного интереса.

Я улыбнулся. Мы оба понимали, что в любом случае так и будет. Впрочем, разговор помогает скоротать путь.

Пока мы лезли вверх, мне пришла в голову интересная мысль.

— Как по-твоему, ты сумел бы пройти сквозь Тень?

— Не знаю, — ответил Джарт, подумав. — Последнее, что осталось в моей памяти, — это как я прошел Логрус. Думаю, тогда и была закончена запись. Поэтому я не помню, чтобы Сухай наставлял меня в движении по Теням, не

помню, чтобы пытался это сделать. Думаю, сумел бы. А ты как считаешь?

Я остановился перевести дух.

— Вопрос настолько сложный, что мне не хватает знаний даже на догадки. Я думал, может, ты явился сюда начиненный готовыми ответами — чем-то вроде сверхъестественного знания своих возможностей и ограничений.

— Увы, нет. Если не считать предчувствия сверхъестественными.

— Я бы счел, если бы ты часто оказывался прав.

— Черт. Еще рано судить.

— Черт. Ты прав.

Вскоре мы оставили внизу полосу тумана, из которой сыпался снег. Спустил какое-то время ветер заметно ослабел, потом совсем улегся. Впереди показался гребень, и мы довольно быстро выбрались на него.

Я обернулся и увидел лишь поблескивающий туман. Вперед телеграфной лентой из точек и тире уходил серпантин — видимо, тропа то и дело ныряла за камни. По ней мы и пошли — сперва направо, потом налево.

Я поглядывал на Джарта — не узнает ли он местность. Разговор — всего лишь слова, а он — куда ни кинь — все тот же Джарт, с которым я вырос. И если он заведет меня в ловушку, я первым делом всажу в него Грейсвандир.

Мерцание...

Камни справа, что-то вроде пещеры — будто дыра в другую реальность. Странноватый автомобиль мчится по крутой городской улице...

— Что?.. — начал Джарт.

— Я по-прежнему не понимаю, что это должно значить. Впрочем, я здесь такого уже навидался. Я и про тебя сперва подумал, что ты — из них.

— С виду как настоящее. Прямо бери и входи.

— Все может быть.

— Вдруг это и есть выход?

— Вряд ли все так просто.

— А давай попытаемся.

— Валяй, — сказал я.

Мы сошли с тропы и направились к окну в реальность. В следующее мгновение Джарт был уже на тротуаре рядом с улицей, по которой ехала машина. Он обернулся и помахал рукой. Рот его открывался и закрывался, но я не слышал ни звука.

Если я отряхнул снег с красного «шевроле», почему бы мне не войти в одну из этих картинок? А если я войду,

удастся мне уйти отсюда сквозь Тень куда-нибудь в более подходящее место, прочь из этого мрачного мира?

Я шагнул вперед.

И сразу для меня включился звук. Я глядел на дома, на круто уходящую улицу. Я слышал гул машин, вдыхал городской воздух. Это вполне могла быть одна из теней Сан-Франциско. Я побежал за Джартом, который уже огибал угол. Догнал его, пошел рядом. Мы завернули за угол. И встали как вкопанные.

Перед нами не было ничего. Стена мрака. Даже не мрака — абсолютной пустоты, от которой мы тут же отпрянули.

Я медленно протянул руку. По телу пробежали мурашки, потом холодок, потом накатил страх. Я отступил на шаг. Джарт тоже протянул руку и тоже попятился. Потом вдруг резко поднял с обочины отбитое бутылочное донышко, размахнулся, бросил в ближайшее окно. И тут же побежал следом.

Я — за ним. Возле разбитого окна мы остановились, заглянули внутрь.

Опять чернота. За окном не было ровным счетом ничего.

— Мираж, — заметил я.

— Угу, — кивнул Джарт. — Как будто нас пускают в разные Тени, но только очень недалеко. Что ты об этом думаешь?

— Я гадаю, может, мы должны что-то искать в одном из этих мест?

Внезапно тьма за окном раздвинулась, появился стол и на нем свеча. Я потянулся сквозь разбитое стекло, и все тут же исчезло. Осталась одна тьма.

— Я так понимаю, это положительный ответ на твой вопрос, — сказал Джарт.

— Думаю, ты прав. Но не можем же мы искать неизвестно что в каждой встречной картинке.

— Мне кажется, кто-то пытается привлечь твоё внимание, и как только ты поймешь и начнешь вглядываться, тебе покажут нужную.

Свет. За окном появился уставленный свечами стол.

— Ладно, — согласился я. — Если это то, что от меня требуется, я согласен. Здесь я еще должен что-нибудь искать?

Наступила тьма. Она выползала из-за угла и медленно подбиралась к нам. Свечи погасли, тьма лилась из окна. Здание напротив исчезло за плотной стеною тьмы.

— Я так понимаю, это означает «нет», — вскричал я и побежал по суживающемуся темному коридору к тропе. Джарт бежал следом.

— А ты догадливый, — сказал я, пока мы, стоя на тропе, провожали глазами исчезающую улицу. — Как по-твоему, картинки просто выбрасывались случайно, пока мы не додумались войти в любую?

— Да.

— Зачем?

— Наверное, он свободнее распоряжается в этих картинках и легче может ответить на твои вопросы.

— Он — то есть Путь?

— Вероятно.

— Я войду в следующую же, которая откроется. Я готов сделать все, что от меня хотят, лишь бы мне быстрее отсюда выбраться.

— Нам, брат, нам.

— Конечно, — отвечал я.

Мы пошли дальше. Ничего нового и интригующего по сторонам не появлялось. Дорога однообразно вилась то вправо, то влево, и я уже начал гадать, кого мы встретим следующим. Если я действительно на территории Пути и выполняю его волю, Логрус наверняка пошлет мне перехват кого-нибудь из старых знакомых. Однако никто так и не возник. Мы миновали последний поворот, дальше дорога шла прямо, затем упиралась во что-то черное.

Ближе стало видно, что она уходит в большую черную гору. Я почувствовал что-то вроде клаустрофобии. Джарт тихо ругался на ходу. Однако не успели мы добраться до горы, как справа что-то блеснуло. Я повернулся и увидел спальню Рэндома и Вайол в Амбере. Я глядел на комнату с юга, видел диван и ночной столик, дальше стул, ковер, подушки перед камином и окно рядом с ним. В окно лился солнечный свет. Ни в постели, ни в комнате никого не было, поленья на решетке почти прогорели и слабо потрескивали.

— Что теперь? — спросил Джарт.

— Это оно, — отвечал я. — Так и должно было быть, понимаешь? Как только до меня дошло, что происходит, мне показали настоящее. Думаю, я должен действовать быстро — как только соображу...

Один из камней камина загорелся красным. Он на глазах наливался светом. Это никак не отблеск углей. Значит...

Я ринулся вперед. За спиной что-то кричал Джарт, но слова его как отрезало, едва я вошел в комнату. От кровати слабо веяло любимыми духами Вайол. Я чувствовал — это настоящий Амбер, а не какое-нибудь теневое факсимиле. Я быстро шагнул к камину.

Джарт ворвался следом.

— Скорей выходи сражаться! — вопил он.

Я развернулся к нему, крикнул: «Заткнись!» — и поднес палец к губам.

Он подошел, ухватил меня за руку и хрипло зашептал:

— Борель опять пытается материализоваться! К тому времени как ты выйдешь, он будет ждать!

Из гостиной донесся голос Вайол:

— Есть здесь кто?

Я вырвал руку, опустился на колени перед камином и взял за светящийся камень. Он казался вмазанным в кладку, но легко вынулся, едва я потянул.

— Как ты угадал, какой дергать? — прошептал Джарт.

— По свечению.

— Какому свечению?

Вместо ответа я запустил руку в образовавшуюся дыру, надеясь, что там не окажется колдовского капкана. Дыра была глубже, чем просто выемка от камня. Я нащупал что-то висящее на крючке или выступе — цепь, — ухватился и потянул. Джарт затаил дыхание.

Последний раз я видел его на Рэндоме в день похорон Кейна. В моей ладони лежал Судный Камень. Я быстро перекинул через голову цепь и опустил камень на грудь. В то же мгновение дверь отворилась.

Я поднес палец к губам, взял Джарта за плечо и развернул к отсутствующей стене, за которой виднелась наша тропа. Он было запротестовал, но я с силой толкнул его вперед.

— Кто здесь? — спросила Вайол.

Джарт в недоумении обернулся ко мне.

Объяснять жестами или шептать, что она слепая, было некогда. Я снова ткнул Джарта в спину, но он извернулся, выставил ногу и толкнул меня вперед. Я чертыхнулся и упал. Сзади Вайол снова спросила: «Что?..» — и тут голос ее оборвался.

Я грохнулся на тропу, успев в падении выхватить кинжал, перекатился и вскочил на ноги. Передо мною стоял Борель.

Он улыбался. Меч его был в ножнах.

— Здесь из земли руки не торчат, — заметил он, — так что теперь никакая случайность тебя не спасет.

— Жалко, — сказал я.

— Если только я сниму эту цапку с твоей шеи и верну ее в Логрус, мне позволят прожить новую жизнь вместо предшественника, предательски убитого твоим отцом, как ты сам говоришь.

Видение монарших покоев в Амбере померкло. Джарт стоял рядом с тропой, возле черты, недавно отделявшей ее от древнего королевства.

— Я знал, что не одолею его, — сказал он, почувствовав на себе мой взгляд, — а ты уже раз с ним справился.

Я пожал плечами.

Борель повернулся к Джарту:

— Ты предашь Логрус и Владения Хаоса?

— Напротив, — отвечал Джарт. — Может быть, я спасаю их от серьезной ошибки.

— Какой ошибки?

— Скажи ему, Мерлин. Повтори, что говорил мне, когда мы карабкались из морозильника.

Борель вновь взглянул на меня.

— Эта история запутанная с самого начала, — сказал я. — Мне кажется, идет поединок между Силами — Логрусом и Путем. Амбер и Владения, возможно, вторичны. Понимаешь...

— Чушь! — перебил он, вытаскивая меч. — Ты нарочно выдумываешь на ходу, чтоб оттянуть наш поединок.

Я переложил кинжал в левую руку, а правой вытащил Грейсвандир.

— Ну и черт с тобой! — вскричал я. — Подойди и возьми!

Тяжелая рука опустилась мне на плечо, придавила и одновременно крутанула, так что я волчком вылетел с тропы. Уголкем глаза я видел, что Борель отступил на шаг.

— Ты похож на Эрика или на Корвина, — сказал мягкий знакомый голос, — хоть я тебя и не знаю. Но на тебе — Камень, а значит, ты — слишком важная особа, чтобы рисковать жизнью в мелкой потасовке.

Я перестал катиться и повернул голову. Это был Бенедикт — Бенедикт с двумя нормальными руками.

— Я — Мерлин, сын Корвина, — сказал я. — А это — первый фехтовальщик Владений Хаоса.

— Ты, похоже, куда-то спешишь, Мерлин. Вот и иди, — сказал Бенедикт.

Острие Борелева меча замерло в десяти дюймах от моего горла.

— Никуда ты не идешь, — заявил герцог, — тем более с этим камнем.

Бенедикт беззвучно обнажил меч и отбил клинок Бореля.

— Я сказал, иди, Мерлин!

Я вскочил на ноги, отпрыгнул подальше от Бореля и осторожно обошел дуэлянтов.

— Если ты его убьешь, — сказал Джарт, — он со временем материализуется снова.

— Любопытно, — сказал Бенедикт, отбивая выпад и отступая на полшага. — Как скоро?

— Через несколько часов.

— А сколько вам нужно, чтобы закончить свою миссию?

Джарт взглянул на меня.

— Не знаю, — отвечал я.

Бенедикт парировал необычным легким движением, как-то странно шаркнул ногой вперед и яростно атаковал. От рубашки Бореля отлетела пуговица.

— Тогда я не буду торопиться, — сказал Бенедикт. — Удачи, малыш.

Он быстро отсалютовал мечом. В это мгновение Борель перешел в нападение. Бенедикт применил итальянскую шестую, так что оба клинка отошли вбок, шагнул вперед и левой рукой потянул противника за нос. Потом оттолкнул его от себя, отпрыгнул на шаг и улыбнулся.

— Сколько вы обычно берете за урок? — долетел нам в спину его голос.

— Интересно, много времени надо Силе, чтобы материализовать призрака? — сказал Джарт на бегу — мы трусили к скальной громаде, в которую нырjala дорога.

— Несколько часов на одного только Бореля, — сказал я. — Если я не ошибаюсь, и Логрусу действительно позарез нужен Камень, он бы, коли мог, прислал целую армию призраков. Теперь я убежден, что обеим Силам очень трудно сюда проникнуть. Подозреваю, что они просачиваются в виде слабейших ручейков энергии. Будь это иначе, мне бы так далеко не забраться.

Джарт протянул было руку потрогать Камень, передумал и отдернул.

— Похоже, ты бесповоротно на стороне Пути.

— Сдается мне, ты тоже. Если, конечно, ты не намерен в последнюю секунду всадить мне нож в спину.

Он хихикнул и тут же добавил:

— Не смешно. Мне придется быть с тобой заодно. Теперь я вижу, что Логрус создал меня оружием и выбросил бы на свалку, как только я отработал бы свое. Думаю, если б не твое переливание, я бы давно растаял. Поэтому, хочешь — не хочешь, я с тобой, и твоей спине ничего не грозит.

Мы бежали по прямой тропе и уже видели ее конец. Джарт некоторое время молчал, потом спросил:

— А что в ней такого, в этой твоей подвеске? Зачем она Логрусу?

— Это — Судный Камень. Говорят, он старше самого Пути и послужил его созданию.

— Как по-твоему, почему он так легко отыскался, можно сказать, сам пошел тебе в руки?

— Понятия не имею, — отвечал я. — Если чего надумаешь, скажи мне, я охотно выслушаю.

Вскоре мы оказались у места, где тропа уходила в полную тьму. Мы остановились и попытались хоть что-нибудь разглядеть.

— Никакой тебе таблички, — сказал я, осматривая скалу по сторонам и сверху от входа.

Джарт взглянул удивленно:

— Знаешь, Мерлин, у тебя всегда было извращенное чувство юмора. Ну кто вешает таблички в таких местах?

— Кто-нибудь с извращенным чувством юмора, — отвечал я. — Не один же я такой.

— Ладно, чего стоять, пошли, — сказал Джарт, вновь поворачиваясь к пещере.

Над темным провалом зажглась красная табличка «Выход». Джарт с минуту смотрел на нее, потом медленно покачал головой. Мы вошли.

Коридор вилял, и это меня немного удивило. Пока все, что мы встречали в этой стране, было явно искусственным, и я ожидал увидеть штольню с гладкими стенами, а в ней — прямой, как по линейке прочерченный путь. Однако в действительности это больше походило на природную пещеру — сталактиты, сталагмиты, колонны и озерца.

Камень бросал зловещие отблески на все, что я оставался рассматривать.

— А ты умеешь им пользоваться? — спросил Джарт.

Я вспомнил отцовский рассказ.

— Думаю, сумею, когда время придет, — сказал я, поднимая Камень к глазам. Секунду я смотрел на него, потом отпустил цепочку. Сейчас меня больше занимал не Камень, а дорога.

Я вертел голову по сторонам, пока мы шли из сырого грота в просторный, словно собор, каменный зал, по узким переходам, вдоль высохших водопадов. Что-то это напоминало, только я не мог сообразить что.

— Ничего не кажется знакомым?

— Мне — нет, — отозвался Джарт.

Мы пошли дальше и миновали естественную нишу с тремя человеческими скелетами. Я поделился своими соображениями: впервые с начала путешествия появились, если можно так выразиться, настоящие признаки жизни.

Джарт медленно кивнул.

— Начинаю сомневаться, между Тенями ли мы идем, — сказал он, — или уже вошли в Тень — возможно, сразу за устьем пещеры.

— Можно призвать Логрус и проверить, — сказал я (Фракир тут же дернулась на запястье), — но, учитывая определенную метафизичность ситуации, лучше все-таки воздержаться.

— Я сужу по цветам минералов на стенах, — продолжал Джарт. — Там, позади, все тяготело к монохромности. На декорации мне, собственно, плевать. Но если мы вошли в Тень, это уже своего рода победа.

Я указал на землю.

— Пока тут светится эта тропа, мы по-прежнему под колпаком.

— А что, если просто с нее сойти? — Джарт сделал шаг вправо.

Сталактит задрожал и рухнул на землю меньше чем в футе от Джарта. Тот мигом очутился рядом со мной.

— Конечно, было бы ужасно жалко не выяснить, куда же мы все-таки шли.

— Приключения — они такие. Невежливо пропускать самое интересное.

Мы почесали дальше. Ничего аллегорического по сторонам не происходило. Наши голоса и звуки шагов отдавались от стен. Где-то в гротах капала вода. Минералы поблескивали. Тропа шла под уклон.

Сколько мы шагали, не скажу. Через какое-то время каменные гроты начали повторяться — словно нас вновь и вновь телепортировали в одни и те же пещеры и коридоры.

Это несколько притупило во мне ощущение времени. Однообразие убаюкивает и...

Внезапно туннель расширился и повернул влево. Хоть какая-то перемена. Справа открылся боковой ход. Джарт заглянул туда и быстро прошел мимо.

— Там может таиться любая мерзость, — сказал он.

— Верно, — кивнул я, — но бояться, по-моему, не стоит.

— Почему же?

— Кажется, я начинаю понимать.

— Может, и мне объяснишь?

— Слишком долго. Погоди, скоро все выяснится.

Мы миновали еще одно боковое ответвление — похожее, но не такое же. Разумеется.

Я прибавил шагу, торопясь удостовериться. Еще ответвление. Я побежал...

Еще...

Джарт бежал рядом, по коридорам раскатывалось эхо. Вперед. Уже скоро.

Опять поворот.

И здесь я остановился. Коридор вел дальше, тропа — нет. Она сворачивала влево и упиралась в большую, окованную железом дверь. Я пошарил справа от косяка, где должен быть крюк, нащупал его, снял ключ. Вставил в скважину, повернул, вынул, повесил на место.

— Мне тут не нравится, начальник, — заметила Фракир.

— Знаю.

— Похоже, ты понимаешь, что делаешь, — сказал Джарт.

— Ага, — промолвил я и добавил: — До определенной степени, — поняв, что дверь открывается на меня, а не внутрь.

Я ухватился за большую дверную скобу слева и потянул.

— Может, все-таки объяснишь, куда мы пришли? — спросил Джарт.

Я шагнул назад. Тяжелая дверь скрипнула и повернулась.

— Это поразительно похоже на пещеры в Колвице под замком Амбер.

— Класс, — отвечал он. — А что за дверью?

— Очень похоже на вход в комнату, где в Амбере помещается Путь.

— Еще лучше! Я, надо думать, обернусь стружкой дыма, если ступлю туда ногой.

— Похоже, но не во всем, — продолжал я. — Сухай приходил взглянуть на самый Путь, прежде чем мне его пройти, и ничего, не пострадал.

— Наша мать его прошла.

— Верно. Если честно, я думаю, всякий истинный уроженец Владений Хаоса в состоянии пройти Путь — и то же с моими амберскими родственниками в отношении Логруса. Считается, что где-то в туманной глубине веков у нас были общие предки.

— Ладно, пойду с тобой. Там ведь можно повернуться и не наступить на эту штуковину, так?

— Да.

Я распахнул дверь до конца, подпер ее плечом и заглянул внутрь. Светящаяся тропа обрывалась в нескольких дюймах за порогом.

Я чертыхнулся и отпустил дверь.

— Что?.. — спросил Джарт, пытаясь заглянуть мне через плечо.

— Не то, что я ждал. — Я посторонился и дал ему посмотреть.

Несколько секунд он глядел, потом произнес:

— Ничего не понимаю.

— Я тоже, — сказал я, — но собираюсь разобраться.

Я вошел в комнату, Джарт за мной. Это был не тот Путь, который я знал. Вернее и тот, и не тот. Очертаниями он в общем повторял тот Путь, но линии кое-где стерлись, исчезли, сдвинулись — а может, никогда и не были нанесены правильно. Обычно темное пространство между линиями лучилось голубоватой белизной, сами линии были черны — словно жизненная суть ушла из диаграммы и пропитала фон. По освещенным участкам пробегала мелкая рябь.

Но главное — другое: посреди амберского Пути никогда не было огненного кольца вокруг мертвой, бесчувственной или заколдованной девушки.

А девушка, разумеется, могла быть только Корэл. Я сразу это понял, хотя лишь через несколько минут разглядел ее лицо за пляшущими огненными языками.

Пока я смотрел, тяжелая дверь захлопнулась. Джарт долго стоял неподвижно, затем произнес:

— Этот твой Камень явно проснулся. Видел бы ты свое лицо в его свете.

За бело-голубым сиянием Пути и дрожанием огненного кольца я и не заметил, что Камень тоже рубиново горит.

Я сделал шаг вперед, и меня обдало холодом, как от включенной карты. Видимо, это один из Нарушенных

Путей, о которых говорила Джасра — Путей; на которых прошли посвящение она и Джулия. Значит, я в одной из ранних Теней, где-то поблизости от Амбера. Мысли понеслись галопом.

Совсем недавно я заподозрил, что Путь обладает разумом. Очень вероятно, что разумен и Логрус — одно подтверждает другое. Впервые эта мысль пришла мне в голову, когда Корэл прошла Путь и попросила его перенести ее куда следует. Он исполнил приказание, и вот где она оказалась. Без сознания — видимо, поэтому-то я не мог связаться с ней через карту. Когда она исчезла, я обратился к Пути, и тот, словно в насмешку, перенес меня из одного конца комнаты в другой — видимо, хотел доказать мне, что все понимает.

А ведь он не просто разумен, решил я, заглянув в Судный Камень. Он очень и очень умен. В камне возникали картинки, они говорили, что я должен сделать. Так вот, в нормальных обстоятельствах я бы этого делать не стал. Выйдя из странного царства, сквозь которое вела тропа, я бы вытащил карту и попросил кого-нибудь меня отсюда забрать — или даже призвал бы Знак Логруса, и пока бы они с Путем разбирались, благополучно улизнул через Тень. Однако посреди Нарушенного Пути спала в огненном кольце Корэл... Настоящий Путь знал, что я ее не брошу. Видимо, он понял что-то, когда она по нему шла, выстроил план и придумал, как меня подловить.

Он хотел, чтобы я восстановил именно это его подобие, починил вот этот Нарушенный Путь — прошел бы по нему, неся с собой Судный Камень. Так Оберон вернул целостность оригиналу. Правда, ценою собственной жизни...

С другой стороны, король имел дело с прообразом, а это — лишь одно из отображений. И потом, мой отец создал собственный эрзац из обрывка и остался жив.

Но почему я? Потому что мой отец сумел создать новый Путь? Существенно ли, что я несу в себе образ не только Пути, но и Логруса? Или просто я оказался под рукой и меня удалось принудить?.. Все вместе? Что-то совсем другое?

— Что скажешь? — крикнул я. — Можешь ты мне ответить?

Живот пронзила резкая боль, голова пошла кругом — комната завертелась, расплылась перед глазами, остановилась. Я смотрел на Джарта через Путь, за спиной у него была дверь.

— Как ты это сделал? — завопил он.

— Это не я.

— Ох.

Джарт бочком двинулся вправо, пока не коснулся рукой стены. Держась за нее, он пошел по периферии Пути, словно боясь сделать лишний шаг в сторону черных линий или отвести от них глаза.

С этой стороны я чуть яснее видел Корэл за яростно пляшущими языками. Забавно. Нас ничто особо не связывало. Между нами не было влюбленности, ни даже такой уж бешеной дружбы. Мы познакомились только третьего дня, долго гуляли — по замку, вокруг него и под ним, посидели вместе за столом, выпили и посмеялись. Может, познакомься мы ближе, выяснилось бы, что мы друг друга терпеть не можем. И все-таки мне с ней было хорошо и хотелось получить ее узнать. И еще я чувствовал определенную вину за то, что с ней случилось — как-никак, это и мой недосмотр. Иными словами, Путь держал меня за горло: хочешь освободить ее, изволь восстановить линии.

Пламя кивнуло в мою сторону.

— Подлая уловка, — сказал я вслух.

Пламя снова кивнуло.

Я продолжал разглядывать Нарушенный Путь. Почти все, что я знал об этом явлении, было почерпнуто из разговора с Джасрой. Но она говорила, что посвященные Нарушенного Пути идут в промежутках между линиями, а картинка в Судном Камне понуждала меня идти вдоль линий, как если бы я проходил сам Путь. Это разумно, если вспомнить отцовский рассказ. Так я протяну верный маршрут через разрушенные участки. Мне ж не нужно недоделанное промежуточное посвящение.

Джарт обошел дальний край Пути, повернулся и двинулся ко мне. Когда он проходил мимо разрыва во внешнем контуре, оттуда по полу начал распространяться свет. Подобрался к его ноге. Джарта перекосило. Он страшно закричал и принялся оседать.

— Прекрати! — заорал я. — Или ищи себе другого починщика! Ну-ка верни ему нормальный облик и больше не трожь, а то я до тебя не коснусь! Я серьезно!

Съежившиеся ноги вновь распрямились. Охватившее тело голубоватое свечение погасло, свет немного отхлынул. Выражение муки сошло с лица Джарта.

— Знаю, что он — призрак Логруса, — сказал я, — и сделан по подобию самого малопривлекательного из моих родственников, но ты, скотина, эти штучки брось, а то я по тебе не

пойду! Можешь подавиться Корэл и оставайся нарушенным!

Свет вполз обратно через зазор, и все стало таким, каким было минуту назад.

— Пообещай! — велел я.

Пламя взметнулось от Нарушенного Пути к потолку и снова опало.

— Я так понимаю, это означает «да».

Пламя кивнуло.

— Спасибо, — прошептал Джарт.

Глава 8

И так я двинулся. Черная линия вела себя под ногой иначе, чем сияющая в настоящем Амбере. Я ступил, как на утоптанную землю, а вот оторвал подошву с трудом и при этом услышал щелчок.

— Мерлин! — позвал Джарт. — Что мне делать?

— В каком смысле? — крикнул я.

— Как мне отсюда выбраться?

— Выйди в дверь и двигай по Теням. Или иди со мной по Огненному Пути, а потом перенесешься, куда захочешь.

— Вряд ли можно перемещаться по Теням так близко от Амбера, как по-твоему?

— Может, мы и впрямь слишком близко. Тогда уходи ногами и перемещайся, когда сможешь.

Я продолжал идти. Линии потрескивали всякий раз, как я отрывал ногу.

— Я заблужусь в пещерах.

— Тогда иди за мной.

— Путь меня уничтожит.

— Он обещал тебя не трогать.

Джарт хрипло хохотнул:

— И ты поверил?

— А куда он денется, если хочет, чтобы я прошел его до конца?

Я добрался до первого разрыва в Пути. Один взгляд на Камень подсказал, как должна пролечь линия. Не без трепета я сделал шаг за пределы видимого рисунка. Потом второй. Третий. И вот я снова на линии. Хотелось оглянуться, но я выждал, пока линия повернула сама и мне открылся вид на пройденный участок. Мой путь светился,

как в настоящем Пути. Линия словно впитывала разлитое свечение, светлые промежутки темнели.

Джарт успел подойти к началу. Он поймал мой взгляд.

— Не знаю, Мерлин, просто не знаю...

— Джарту, которого я помню, не хватило бы на это духу.

— И мне не хватает

— Как ты сам сказал, наша мать его прошла. Все за то, что ты унаследовал нужные гены. Да и какого черта! Если я ошибаюсь, все кончится раньше, чем ты успеешь сообразить.

Я сделал шаг.

Джарт обреченно хохотнул, потом со словами: «А какого черта!» ступил на Путь.

— Смотри-ка, я еще жив! — крикнул он. — Что дальше?

— Иди, не останавливайся. Следуй за мной и не сходи с линии, иначе тебе каюк.

Тут рисунок вновь повернул, и я потерял Джарта из виду. Вскоре у меня заболела левая лодыжка — находился, налазил, решил я. С каждым шагом боль усиливалась. Лодыжку жгло как огнем. Неужели я умудрился порвать связку? Или...

Ну конечно. Я уже чувствовал запах паленой кожи.

Я запустил руку за голенище и вытащил кинжал из Хаоса. От клинка веяло жаром — так действовала на него близость Пути. Пора было от него избавляться.

Я размахнулся и бросил кинжал вперед по ходу, к двери, машинально проводив взглядом. В темноте, куда он летел, что-то шевельнулось. Там, лицом ко мне, стоял человек. Кинжал ударился о стену и со звоном упал на пол. Незнакомец нагнулся. Послышался смехок. Потом незнакомец выпрямился и бросил клинок в меня.

Кинжал упал впереди и справа и сразу окутался голубым пламенем. Сноп искр, шипя и плюясь, взметнулся выше моей головы. Я вздрогнул и замедлил шаг, но не остановился, понимая, что мне ничего всерьез не грозит. Я двигался по дуге, ступать приходилось медленно.

— Оставайся на линии, — крикнул я Джарту, — и не обращай внимания на такие штучки.

— Ясно, — отвечал он. — А кто этот тип?

— Хрен его знает

Я шел вперед и уже заметно приблизился к огненному кольцу. Интересно, что бы сказала обо всем об этом тиги?

За следующим поворотом открылся большой кусок пройденного пути. В его ровном свете Джартт уверенно шел вперед, пламя доставало ему до щиколоток. Сам я шел уже по колено в огне. Уголком глаза я видел шевеление в той части комнаты, где стоял незнакомец. Он выбрался из-под укрытия темноты — медленно, осторожно, держась дальней стены. Во всяком случае, он явно не рвался проходить Огненный Путь, потому что двигался к точке, прямо противоположной началу.

Мне ничего не оставалось, кроме как идти дальше, а поскольку рисунок вилял, незнакомец скоро оказался у меня за спиной. Я дошел до следующего разрыва, соединил и его. При этом тихо, едва различимо заиграла музыка. Бело-голубой фон бледнел, свечение перетекало в линии, за мной вился яркий, четко очерченный след. Время от времени я подавал советы Джартту, который немного отставал, но, поскольку линия крутила, иногда сталкивался со мной почти что лицом к лицу — я мог бы его коснуться, возникни вдруг такая странная необходимость.

Голубоватое пламя росло, подбиралось к моему поясу, волосы наэлектризовались и стали дыбом. Началась серия частых поворотов. Музыка играла, линии потрескивали. Я мысленно спросил Фракир, как она там, но не услышал ответа.

Я повернул, преодолевая растущее сопротивление среды. Наконец трудный участок остался позади. Передо мной была сердцевина Пути, и в ней — Корэл в огненном узилище. Линия шла в обход пылающего кольца, и постепенно мне предстала дальняя сторона Пути.

Незнакомец ждал. Ворот его плаща был высоко поднят, на лицо падала тень, я видел лишь блестящие в улыбке зубы. Меня поразило, что он стоит посреди Пути, и лишь в следующую минуту я понял, как он там оказался — вошел через промежуток, тот самый, что мне предстояло восстанавить.

— Прочь с дороги! — крикнул я. — Я не могу останавливаться и не позволю тебе меня остановить!

Он не шелохнулся. Я вспомнил, как отец рассказывал о поединке в первозданном Пути, и хлопнул по рукояти Грейсвандира.

— Я иду!

Голубоватое пламя с каждым шагом взвивалось все выше, в бледном свете я увидел лицо незнакомца. Мое лицо.

— Нет, — сказал я.

— Да, — сказал он.

— Ты — последний из призраков Логруса на моем пути.

— Вот именно.

Я сделал еще шаг.

— И все же, — заметил я, — если ты повторяешь меня, каким я проходил Логрус, то зачем явился мне мешать? Я тогдашний не взялся бы за подобное поручение.

Ухмылка сошла с его лица.

— В этом смысле я — не ты, — сказал он. — Насколько я понял, чтобы все устроилось, как надо, мою личность пришлось неким образом синтезировать.

— Значит, ты — это я после лоботомии и с приказом убивать.

— Не говори так. У тебя выходит, будто это дурно, а то, что я делаю, — правильно. У нас даже много общих воспоминаний.

— Пропусти меня, а поговорим после. Думаю, Логрус вывернулся наизнанку, чтобы учинить эту пакость. Ты не хочешь убивать себя, а я и подавно. Объединившись, мы победим, а в Тени достанет места больше чем для одного Мерлина.

Я замедлился, но продолжал идти. На этом отрезке нельзя было терять разгон.

Он сжал губы и потряс головой:

— Извини. Мне отпущен лишь час жизни — если я тебя не убью. Если убью, получу твою жизнь.

Он выгнул клинок.

— Я знаю тебя лучше, чем ты полагаешь, — сказал я, — пусть даже и переименованного. Не думаю, что у тебя поднимется рука. Более того, я, возможно, смогу отменить твой смертный приговор. Я кое-что узнал про вас, призраков.

Он выставил клинок — очень похожий на тот, что был у меня годы назад, — и едва не коснулся моей груди.

— Извини, — повторил он.

Я выхватил Грейсвандир, чтобы парировать — только дурак не стал бы защищаться. Кто знает, что там Логрус наворочал в его мозгах. Я судорожно припоминал, какие фехтовальные приемы узнал после посвящения.

Вот оно. Поединок Бенедикта с Борелем! Я брал уроки итальянского фехтования уже после того, как прошел Логрус. Перехваты шире, как бы небрежнее, зато выпады глубже.

Грейсвандир отвел нацеленное в меня острие. Выпад. Двойник повернул запястье во французскую четвертую, но

я уже проскользнул ниже и по-прежнему тянул руку — запястье прямое, правая нога вперед. Клинки зазвенели, ударившись почти у самых рукоятей, я тут же выставил вперед левую ногу и продолжал выпад, так что гарда уперлась в гарду. Я продолжал давить вбок.

И тогда я просунул левую руку под его правый локоть — этому приему научил меня в колледже друг, обладатель черного пояса. Кажется, он называл это «задзенить». Я присел и резко круганул бедрами против часовой стрелки. Двойник не устоял на ногах и начал заваливаться вбок. Только я не мог позволить ему упасть, коснуться узора и взорваться праздничным фейерверком. Я еще чуть-чуть добавил его, перехватил руку на плечо и с силой толкнул. Он упал в разрушенный промежуток.

И тут я услышал крик. Слева пронеслось что-то пылающее.

— Нет! — заорал я, пытаясь его поймать.

Поздно. Джарт соскочил с линии, метнулся в обход меня и, уже охваченный огнем, вонзил клинок в моего двойника. Из раны польхнуло пламя. Двойник попытался встать, но тут же рухнул обратно.

— Не говори, что я ничем не послужил тебе, брат, — успел сказать Джарт и, обратившись смерчем, растаял под потолком.

Я не мог дотянуться до своего *doppelganger**, а в следующую секунду пропало и желание, потому что тот быстро превращался в живой факел.

Глаза его были устремлены вверх, где исчез Джарт. Потом он взглянул на меня и криво усмехнулся.

— А ведь правду сказал, — произнес он и тоже взвился к потолку.

Я не сразу, но снова набрал разгон и продолжил ритуальный танец вокруг огня. Когда я описал круг и вернулся к тому месту, ни Джарта, ни двойника уже не было, только лежали их мечи — как упали, крест-накрест. Проходя, я ногой спихнул их с Пути. Пламя уже доходило мне до груди.

Кругом, назад, поворот. Время от времени я заглядывал в Камень, чтобы не ошибиться, и шаг за шагом латал Нарушенный Путь. Свет впитался в линии, и, если не считать польхающего центра, Путь все больше напоминал знакомый Амберский.

* Второе «я» (нем.).

Первая Преграда вызвала мучительные воспоминания о Владениях Хаоса и Амбере. Я дрожал, но сохранял отчужденность, и это прошло. Вторая Преграда добавила память и страсти Сан-Франциско. Я задышал ровно и прикинулся сторонним зрителем. Пламя плясало у моих плеч, и я, проходя дугу за дугой, представлял себе череду полумесцев. Сопротивление росло, я от натуги обливался потом. Но все это было не впервой. Путь не только окружал меня, он был и во мне.

Я шел дальше и достиг отрезка, на котором каждое следующее усилие давало все меньший результат. В огне я по-прежнему видел тающего Джарта и мое собственное, искаженное смертной мукой лицо. Я понимал, что воспоминания внушены Путем, но от этого было не легче. Образы мучили меня и дальше.

Перед Большим Изгибом я разок обвел глазами комнату и увидел, что Путь полностью восстановлен. Я соединил линиями все разрывы, и теперь Путь горел, словно застывший фейерверк на черном беззвездном небе. Еще шаг...

Я поднял Камень к глазам. В рубиновой глубине я уже миновал Большой Изгиб и шел прямиком через огненную стену, будто так и надо. Я счел видение советом, но вспомнил трюк Давида Штейнберга, который украл Дроппа. Оставалось лишь надеяться, что Путь меня не разыгрывает.

Я начал Изгиб, и пламя окутало меня с головой. Усилий требовалось все больше, шел я все медленней. Каждый мучительный шаг приближал меня к Последней Преграде. Я чувствовал, что превращаюсь в сгусток чистой воли, все мое существо сфокусировалось на единственной цели. Еще шаг... Словно тяжелые доспехи тянут меня к земле. Кажется, трех последних шагов не сделать вовеки.

Еще...

Движение утратило смысл, осталось одно усилие. Неважно, что будет, главное — пройти еще шаг. Воля — сгусток огня, тело — дым или тень...

И еще...

Голубое свечение слепит зрачки, оранжевые языки пламени кажутся серебристо-серым колеблющимся частотой. Сквозь треск и шипение я вновь различил музыку — медленное адажио, низкое, дрожащее, словно Майкл Мур играет на большом барабане. Я старался подстроиться под ритм, двигаться в такт. Видимо, у меня получилось — или я окончательно утратил чувство времени, — последние несколько шагов дались почти легко.

А может, Путь смиростивился и чуть уменьшил давление. Теперь не узнаешь.

Я миновал Последнюю Преграду и оказался перед огненной стеной — снова оранжевой. Следующий вдох я сделал уже в огне.

Корэл покоилась в середине Пути, почти такая же, какой я видел ее последний раз — в рыжей рубаше и темно-зеленых бриджах, только сейчас она лежала на своем плотном коричневом плаще и, похоже, спала. Я встал на одно колено и тронул ее за плечо. Она не шевельнулась. Я поправил рыжую прядь, погладил щеку.

— Корэл? — позвал я.

Молчание.

Я снова взял ее за плечо, легонько потряс.

— Корэл?

Она глубоко вздохнула, но не проснулась.

Я потряс чуть сильнее.

— Очнись, Корэл.

Ничего.

Я просунул руки ей под спину, усадил. Глаза девушки оставались закрытыми. Очевидно, ее как-то заколдовали. Призывать Знак Логруса посреди Пути, если не хочешь сгореть дотла, явно неразумно. Поэтому я обратился к рецепту из старой сказки: наклонился и поцеловал ее.

Корэл что-то пробормотала, ресницы вздрогнули. Однако она так и не очнулась. Я повторил попытку. Тот же результат.

— Черт! — сказал я. Чтобы снять такое заклятие, нужно место, где развернуться, кой-какие орудия моей профессии и возможность безопасно прибегнуть к источникам силы.

Я приподнял Корэл и велел Пути перенести нас в мои амберские покои, где ее одержимая ти'игой сестра лежит в точно таком же трансе, усыпленная моим заботливым братом.

— Отнеси нас домой, — произнес я громко и твердо.

Ничего.

Я отчетливо представил свою комнату и вновь мысленно приказал.

Мы не двинулись с места.

Я аккуратно уложил Корэл на плащ, встал и взглянул на Путь сквозь ту часть огненного кольца, где пламя было пониже.

— Слушай, я оказал тебе большую услугу с риском для жизни и ценою больших усилий. Теперь я хочу выбраться отсюда и забрать с собой даму. Будь добр, помоги.

Пламя поникло и на несколько мгновений погасло совсем. В наступившем полумраке стало видно, что Камень мигает, словно лампочка гостиничного телефона. Я поднял его и заглянул внутрь.

Чего я не ожидал увидеть, так это короткого мультфильма для взрослых, но именно это происходило в Камне.

— Кажется, я включил не ту программу, — сказал я. — Если хочешь что-то сообщить — сообщай. Если нет, я всего лишь хочу домой.

Ничего не изменилось, только я заметил, что двое в Камне — это Корэл и я. Мы занимались любовью на плаще, по-видимому, в самом центре Пути, в дурной бесконечности по принципу старой конфетной обертки, только неприличной — если разглядеть нас в Камне, который держал в руках и рассматривал я в Камне...

— Довольно! — вскричал я. — Что за чушь собачья! Если хочешь устроить тантристский ритуал, я пришлю тебе профессионалов! Дама даже не проснулась...

Камень снова мигнул, так сильно, что я чуть не ослеп. Я отпустил цепочку. Потом наклонился к Корэл, поднял ее на руки и встал.

— Не знаю, проходил ли Путь кто-нибудь вспять, — сказал я, — но не вижу причины, почему мне этого не сделать.

Я шагнул к Последней Преграде. И тут же передо мной взметнулась огненная стена. Я отпрянул назад, споткнулся, упал на расстеленный плащ. Корэл я прижал к себе, чтоб не уронить в огонь. В падении она оказалась на мне и выглядела почти проснувшейся.

Руки ее обвили мне шею, щека прижалась к моей щеке. Я крепко обнял ее и задумался.

— Корэл?

— Мм-м, — прошептала девушка.

— Похоже, чтобы выбраться отсюда, мне придется тобой овладеть.

— Я думала, ты никогда не попросишь, — прошептала она, не открывая глаз.

Так уже меньше похоже на некрофилию, сказал я себе, перекладывая ее на бок, чтобы добраться до медных пуговиц. Она что-то сонно бормотала, но в разговор это так и не перешло. Однако тело ее вполне отзывалось на мои касания, и дальнейшее не представляет интереса для знатоков. Занятный способ снимать заклятие. Может быть, Путь и впрямь обладает чувством юмора. Не знаю.

Огонь угас примерно тогда же, когда, так сказать, угас огонь.

Корэл наконец открыла глаза.

— Вот, похоже, с огненным кольцом и покончено, — сказал я.

— Когда это перестало быть сном? — спросила она.

— Интересный вопрос. И никто, кроме тебя, на него не ответит.

— Ты меня от чего-то спас?

— Коротко и ясно, — сказал я. Она немножко отодвинулась и оглядела комнату. — Видишь, что случилось, когда ты попросила Путь перенести тебя куда следует? Что с тобой надо было после этого сделать?

— Отодрать, — предположила она.

— Вот именно.

Мы раскатились в стороны и привели в порядок одежду.

— Хороший способ познакомиться поближе... — начал я, когда вся пещера содрогнулась от сильных подземных толчков.

— Поздновато откликнулся, — заметил я, вновь прижимая к себе Корэл — если не ради поддержки, то ради ее спокойствия.

Толчки прекратились. Путь вспыхнул, как никогда прежде. Я потряс головой. Потер глаза. Что-то было не так, хотя вроде как раз и правильно. Окованная железом дверь распахнулась — внутрь! — и я понял, что мы — в Амбере. В настоящем Амбере. Ко входу по-прежнему вела светящаяся тропа, но она быстро меркла. На тропе стояла маленькая фигурка. Я не успел даже взглянуть в темнеющий коридор, когда перед глазами привычно поплыло и мы оказались в моей спальне.

— Найда! — вскричала Корэл при виде женщины на моей постели.

— Не совсем, — возразил я. — То есть тело — ее, а дух — нет.

— Не понимаю.

Я судорожно думал, кто же подбирается к Пути. При этом у меня болела половина мышц, нервы были взведены до предела, а в теле скопились ядовитые продукты усталости. Я подошел к столу, где стояла открытая для Джасры — когда это было? — бутылка. Нашел чистые бокалы. Наполнил. Передал один Корэл.

— Твоя сестра недавно тяжело болела?

— Да.

Я отпил большой глоток.

— Она была при смерти. А когда тело стало ей не нужно, в него вселилась ти'ига — такой демон.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Что сама Найда мертва.

Корэл взглянула мне в глаза, поняла, что я не разыгрываю, и отхлебнула вина.

— Я чувствовала, что-то не так, — промолвила она. — Найда очень изменилась после болезни.

— К худшему? Стала скользкой?

— Наоборот, очень милой. Найда была ужасно противная.

— Вы не ладили?

— До последнего времени — да. Ей ведь не больно?

— Нет, она просто спит. Заколдована.

— А почему ты не снимешь заклятия? По-моему, она не может причинить никакого вреда.

— Теперь — конечно. Скорее наоборот, — сказал я. — И мы ее скоро разбудим. Только для этого нужен мой брат Мэндор — это его чары.

— Мэндор? Я почти ничего не знаю про тебя и твою семью.

— А я — про тебя. Слушай, я даже не знаю, какой сегодня день. — Я подошел к окну, выглянул. Там было светло. — Есть одна вещь, которую ты должна сделать, не откладывая. Иди к отцу и скажи, что с тобой все хорошо. Ты заплутала в пещерах или нечаянно забрела в Зеркальный Коридор и оказалась в ином плане бытия. Наплети, что хочешь, лишь бы не произошло дипломатического скандала. Идет?

Корэл допила вино и кивнула. Потом взглянула на меня, покраснела и отвела глаза.

— Мы еще побудем вместе до моего отъезда?

Я похлопал ее по плечу, не зная, что сам об этом думаю. Потом понял — так не пойдет, обнял ее и прижал к себе.

— Конечно, — сказал я, глядя ее волосы.

— Спасибо, что показал мне город.

— Мы сделаем это еще, — добавил я, — как только уляжется суета.

— Угу.

Мы подошли к двери.

— Давай встретимся поскорее, — сказала она.

— Знаешь, я просто падаю, — ответил я, открывая дверь. — Черт-те сколько пришлось пройти! И вообще...

Корэл погладила мою щеку.

— Бедненький Мерлин, — сказала она. — Ну ложись, спи.

Я залпом допил вино и вытащил карты. Мне хотелось последовать совету Корэл, но прежде надо было сделать кое-что еще. Я нашел карту Призрачного Колеса, вытащил ее и взгляделся.

Не успел я толком сформулировать желание, не успело толком похолодать, как передо мной очутился Призрак — в воздухе закружилось алое кольцо.

— Ух, привет, папа, — объявил он. — Я тебя обыскался. Заглядываю в пещеру — нет, шарю по Теням — нет. Мне и в голову не пришло, что ты просто вернулся домой.

— Потом, — оборвал я. — Сейчас не до того. Перенеси меня в комнату к Пути.

— Прежде я должен кое-что тебе сказать.

— Что?

— Сила, которая искала тебя в Страже Четырех Миров — ну та, от которой я спрятал тебя в пещеру...

— Да?

— Это был сам Путь.

— Я догадался, — сказал я, — позднее. Мы встретились и вроде как договорились. Перенеси меня к нему немедленно. Это важно.

— Сэр, я его боюсь.

— Тогда доставь меня так близко, как решишься, и сматывай. Мне надо кое-что выяснить.

— Отлично. Давай сюда.

Я шагнул вперед. Призрак поднялся в воздух, качнулся на девяносто градусов, упал на меня, прошел через голову, плечи, грудь и растворился под ногами. Свет погас, я немедленно призвал логрусское видение. Оно показало, что я стою перед большой дверью во вместилище Пути.

— Призрак? — позвал я тихо.

Никто не ответил.

Я обогнул угол, подошел к двери, надавил плечом. Она была не заперта и сразу поддалась. Фракир дернулась на запястье.

— Фракир? — спросил я.

И снова никто не ответил.

— Лишились дара речи, сударыня?

Она дважды дернулась. Я погладил ее и вошел в дверь.

И сразу увидел, что Путь горит ярче. Однако сейчас меня занимало другое. В центре Пути стояла темноволосая женщина, спиной ко мне, руки ее были воздеты. Я хотел

выкрикнуть имя, на которое, я думал, она скорее всего отзовется, но женщина исчезла раньше, чем сработали мои голосовые связки. Я прислонился к стене.

— Похоже, мною воспользовались, — сказал я. — Ты заставил меня покорячиться, из-за тебя моя жизнь несколько раз висела на волоске, я тут ломал комедию, чтоб удовлетворить твой метафизический вуайеризм, а в итоге ты выпихнул меня в ту секунду, как получил искомое — чуть более яркое свечение. Я так понимаю, боги, или силы, или кто вы там есть, не говорят «спасибо» или «извини» или «вали к черту» исполнителям своей воли. И, похоже, ты не считаешь, что должен передо мной оправдываться. Так вот, я — не детская колясочка. Мне не нравится, как вы с Логрусом перебрасываетесь мной в своих играх. А если я вскрою себе вены и залью тебя кровью?

И тут же меня обдало волною энергии со стороны Пути. Передо мной с шипением встала стена голубого огня, уплотнилась и приняла бесполье очертания невиданной человеческой красоты. Мне пришлось заслониться ладонью.

— Ты не понимаешь, — проревело пламя.

— Разумеется. Потому я и здесь.

— Твои усилия не остались незамеченными.

— Рад слышать.

— Иначе этого было не исполнить.

— А теперь все исполнено к твоему удовольствию?

— Да.

— Видимо, я должен сказать: «Пожалуйста, на здоровье».

— Ты дерзишь, Мерлин.

— А мне терять нечего. Я чертовски устал, и плевать мне на то, что ты со мной сделаешь. Так что я зашел сообщить: по-моему, за тобой должок. Все.

Я повернулся спиной.

— Даже Оберон не смел так со мной разговаривать, — сказала пламя.

Я пожал плечами и шагнул к двери. Открыл ее, сделал шаг и оказался в своей спальне.

Я снова пожал плечами, подошел к умывальному тазу и плеснул в лицо воды.

— Он тебя не тронул, папа?

Вокруг умывального таза лежало светлое кольцо. При зрак поднялся в воздух и поплыл за мной по комнате.

— Все отлично, — сказал я. — А как ты?

— Замечательно. Он не обратил на меня внимания.

— Ты знаешь, к чему все это?

— Похоже, он состязается с Логрусом за власть над Тенями и только что выиграл раунд. Не знаю, что произошло, но его это укрепило. Ты ведь как-то в этом замешан, да?

— Ага.

— Где ты был после пещеры, в которую я тебя перенес?

— Ты знаешь про землю между Тенями?

— Между?! Нет. Чушь какая-то.

— Ну, так я был там.

— А как ты туда попал?

— Не знаю. Полагаю, с большим трудом. Мэндор и Джасра живы-здоровы?

— Были, когда я справлялся в последний раз.

— А что Люк?

— Не интересовался. Проверить?

— Позже. Пока отправляйся наверх и загляни в королевские покои. Я хочу знать, на месте ли хозяева. Если да, то кто из них. Взгляни на камин. Там справа был вынут из кладки камень. Проверь, вставлен ли он обратно или по-прежнему лежит в камине.

Призрак исчез, я заходил по комнате. Сесть или лечь я боялся, чувствуя, что сразу усну и потом меня будет не будить. Впрочем, я не успел много намотать на счетчик, как в комнату снова вкатился Призрак.

— Королева, Вайол, на месте, в мастерской. Камень вставлен обратно, а в прихожей карлик стучит в двери.

— Черт, — сказал я. — Значит, они знают. Карлик?

— Карлик.

— Похоже, мне придется пойти наверх, вернуть Камень и объяснить, что произошло. Если Вайол понравится мой рассказ, возможно, она любезно забудет поставить в известность Рэндомы.

— Я тебя перенесу.

— Нет, это будет невежливо. Лучше на этот раз я постучу в дверь и войду с разрешения.

— Как люди узнают, когда стучаться, а когда нет?

— Обычно, если дверь закрыта, в нее стучат.

— Как сейчас карлик?

Снаружи донесся приглушенный стук.

— Он что, просто идет и колотит во все двери без разбора? — спросил я.

— Ну, он стучит во все по порядку, так что не знаю, можно ли назвать это «без разбора». Пока все комнаты на

его пути оказывались пустыми. Через минуту он дойдет до твоей.

Я подошел к двери, отпер ее, открыл и вышел в коридор.

Ко мне действительно приближался кто-то маленький. Он взглянул в мою сторону, улыбнулся, блеснув спрятанными в бороде зубами, и заспешил ко мне.

Почти сразу стало видно, что это — горбун.

— Господи! — вскричал я. — Вы ведь — Дворкин? Настоящий Дворкин!

— По крайней мере, я так думаю, — ответил он довольно приятным голосом. — И надеюсь, что ты — Мерлин, сын Корвина.

— Он самый, — сказал я. — Какая неожиданная радость в самую неожиданную минуту.

— Я не просто в гости, — объявил он, подходя поближе и обнимая меня. — А! Вот и твоя комната.

— Да. Заглянете?

— Спасибо.

Я провел его внутрь. Призрак притворился мухой на стене — сжался до полудюйма и устроился на шкафу, где его можно было принять за солнечный зайчик. Дворкин быстро прошел по гостиной, заглянул в спальню, взглянул на спящую Найду, пробормотал: «Все они хороши, когда спят», на обратном пути коснулся Камня, мрачно покачал головой и сел в кресло, в котором я боялся уснуть.

— Бокал вина? — предложил я.

— Нет, спасибо. Это ты починил ближайший Нарушенный Путь в Тени?

— Я.

— Зачем?

— Мне как-то не пришлось выбирать.

— Расскажи подробно. — Старик потянул себя за кудлатую, неопрятную бороду. Волосы у него были длинные, их тоже не мешало бы подровнять. Однако ни в словах его, ни во взгляде не чувствовалось безумия.

— История долгая, и, чтобы не заснуть по ходу, мне потребуется кофе, — сказал я.

Он развел руками, и между нами возник маленький, накрытый белой скатертью столик с двумя приборами и дымящейся серебряной кофеваркой над короткой свечкой. Был здесь и подносик с печеньем. Я бы не сумел наколдовать все это так быстро. Интересно, сумел бы Мэндор?

— В таком случае я составляю тебе компанию, — сказал Дворкин.

Я вздохнул и налил кофе. Поднял Судный Камень.

— Наверно, прежде чем начать рассказ, мне стоит вернуть его на место. Иначе потом хлопот не оберешься. — Я начал вставать.

Дворкин покачал головой.

— Думаю, не стоит, — сказал он. — Если ты снимешь его сейчас, то скорее всего погибнешь.

Я медленно опустился на стул.

— С молоком и с сахаром? — спросил я.

Глава 9

Я медленно пришел в себя. Знакомая голубизна — теплое озеро обволакивающего первобытия. Ах да, я здесь, потому что... я здесь, как поется в песне. Я повернулся в спальном мешке, поджал колени к животу и снова заснул.

Когда я снова очнулся и огляделся по сторонам, мир был по-прежнему голубым. Ну и замечательно, всегда бы видеть его в голубом свете. Потом я вспомнил, что в любую минуту может войти Люк. Он же меня убьет!.. Пальцы сомкнулись на рукояти лежащего рядом меча, слух напрягся: не идет ли кто.

Что сегодня? Весь день рубить мечом стену хрустального грота? Или вновь явится Джасра и попытается меня прикончить?

Что-то не так. Произошла чертова уйма событий с участием Джарта и Корэл, Люка и Мэндора, и даже Джулии. Неужели все это мне приснилось?

Паника накатила и прошла, сознание окончательно пробудилось, а с ним вернулись и воспоминания. Я зевнул. Все снова было прекрасно.

Я потянулся. Сел. Протер глаза.

Да, я действительно в хрустальной пещере. Нет, все, что случилось с тех пор, как Люк меня сюда заточил, — не сон. Я вернулся добровольно, потому что: (а) здесь можно хорошенько отоспаться за ничтожное по амберскому счету время; (б) потому что тут никто не достанет меня через карту, и (в) вполне вероятно, что даже Путь и Логрус не могут сюда проникнуть.

Я откинул с лица волосы, встал и пошел в сортир. Правильно я придумал, что велел Призраку перенести меня сюда сразу после разговора с Дворкином. Я проспал не

меньше двенадцати часов — крепко, без сновидений, лучше не бывает. Я выпил кварту воды из бутылки, остальное плеснул на лицо.

Одевшись и спрятав постель в кладовую, я вышел в прихожую и стал под отверстием в потолке. Оттуда лился дневной свет. Я и сейчас помнил слова Люка в день, когда он меня здесь заточил, и я узнал, что мы с ним в родстве.

Я вытащил из-под рубахи Судный Камень, поднял его, взглянул на просвет. Никаких картинок.

Ну и хорошо. Мне лишние помехи ни к чему.

Я сел по-турецки, продолжая смотреть на Камень. Самое время покончить с этим раз и навсегда, покуда я бодр и полон сил. Как и советовал Дворкин, я стал отыскивать в рубиновой глубине Путь.

Через какое-то время он начал проступать. Не так, как если бы я его вообразил, но то и не была тренировка воображения. Контуры обретали четкость. Казалось, они не возникают, а были там все время, а я только сейчас пригляделся. Вероятно, так оно и обстояло на самом деле.

Я набрал полную грудь воздуха, выдохнул, позволил изображению померкнуть, потом повторил все с самого начала. Теперь я внимательно изучал рисунок линий. Отец рассказывал, как настраиваются на Камень, но я многое позабыл. Когда я сказал об этом Дворкину, тот велел не беспокоиться — дескать, различишь в Камне трехмерное подобие Пути, отыщешь точку входа и пройдешь насквозь. На дальнейшие мои подробные расспросы он только хихикнул и еще раз велел не беспокоиться.

Ну и ладно.

Я медленно повернул Камень, приблизил его к глазам. Внезапно справа открылось маленькое отверстие. Я сфокусировался на нем, и отверстие как бы ринулось на меня.

Я вошел и оказался внутри драгоценного камня. Больше всего это походило на американские горки в Луна-парке. Я то летел вдоль извилистых линий, чувствуя переходящее в тошноту головокружение, то усилием воли сокрушал рубиновые преграды, карабкался, падал, скользил или протискивался вперед. Я почти забыл про руку с цепью, про свое тело — о нем напоминал лишь заливающий глаза пот.

Не знаю, как долго я подстраивался в лад Судному Камню, высочайшей октаве Пути. По словам Дворкина, Путь хотел уничтожить меня сразу по завершении странного приключения. Он сказал, это не только и не столько из-за моей грубости, но в подробности входить отказался —

это-де повлияет на мой возможный дальнейший выбор, который следует сделать свободно. Бред собачий, хотя в остальном Дворкин поражал своим здравомыслием, вопреки всему, что гласят о нем предание и молва.

Мой рассудок блуждал в багровом нутре Камня. Участки Пути, которые я прошел и которые мне предстояло пройти, змеились слепящими молниями. Я был уверен: сейчас мой рассудок врежется в невидимую Преграду и разобьется вдребезги. Меня несло неостановимо, все быстрее и быстрее. Я знал: из Камня нет выхода, пока не пройдешь его до конца.

Дворкин считал, что от Пути, когда я вернулся проверить, кто по нему идет, меня спас Камень. Однако оставить его при себе надолго — тоже губительно. Дворкин посоветовал настроиться на Камень — как отец и Рэндом, — а потом вернуть его на место. Тогда во мне останется образ более высокого порядка, который защитит от Пути не хуже самого Камня. Спорить с человеком, который предположительно создал Путь с помощью Камня, не приходилось. Я согласился. Только я слишком устал, чтобы сразу последовать совету. Вот почему я велел Призраку вернуть меня в хрустальное убежище, где можно хорошенько выспаться.

А теперь, теперь... я плыл. Я кружился. Иногда я застревал. Тело мое было снаружи, но Преграды не стали от этого более проницаемыми. После каждой я чувствовал себя выжатым, словно пробежал мило с олимпийским результатом. На одном уровне я сознавал, что держу в руке Камень, в котором прохожу посвящение, на другом — чувствовал, как колотится мое сердце, на третьем — припоминал отрывки из лекции по антропологии, читанной нам Джоан Галифакс многие годы назад. Пространство вращалось, как «Гейзер Пик» урожая 1985 года в бокале — а кто сидел тогда напротив меня? Неважно... Вверх, назад, вспять. Кроваво-алый прилив ослабевал.

В моей душе запечатлелся образ. Вначале было слово — мне не произнести... Ярче, ярче. Быстрее, быстрее. Меня несет к рубиновой стене, ударяет со всего размаху... Ну что же, Шопенгауэр, померяемся волей, чья возьмет. Прошли год или два, и вдруг преграда исчезла. Меня влекло, меня несло в сияние взорвавшейся звезды. Алое, алое, алое, и я в нем, как моя «Звездная вспышка» — лечу, расправив паруса, к цели...

Я рухнул на пол. Я находился в сознании, но при этом в очень странном состоянии души. То был гипноз, из

которого я мог выйти когда и куда угодно. Но зачем? На мою долю редко выпадала такая порция эйфории. Я чувствовал, что заслужил ее, и потому парил прямо здесь долгое-долгое время.

Когда эйфория спала до того уровня, когда уже не жалко было с ней расстаться, я поднялся, пошатываясь, по стеночке дошел до кладовой и выпил еще воды. Есть хотелось зверски, но консервы и замороженные продукты меня не прельщали, тем более что так просто было добраться до чего-нибудь свеженького.

Итак, совет Дворкина исполнен. Жаль, что я отвернулся раньше, чем вспомнил длинный перечень вопросов, которые хотел задать. Когда я повернул назад, Дворкин уже исчез.

Я выбрался из пещеры и встал на голубом мысу, в котором помещался единственный известный мне вход. Стояло свежее, солнечное весеннее утро, на западе плыли редкие белые облачка. Я глубоко и с удовольствием вдохнул. Потом нагнулся и завалил вход голубым валуном. Не хватало только в следующий раз обнаружить в своем убежище хищника.

Я снял Судный Камень, повесил на выступ валуна и отошел шагов на десять.

— Привет, папа.

Призрачное Колесо сияющим атлетическим диском летел с запада.

— Доброе утро, Призрак.

— Зачем ты его бросаешь? Это мощнейшее оружие.

— Я его не бросаю, просто хочу призвать Знак Логруса и боюсь, они не поладят. Я немного беспокоюсь, как пойдет у меня с Логрусом теперь, когда я настроен на Путь более высокого порядка.

— Мне, наверное, стоит убраться подальше, а к тебе вернуться позднее.

— Нет, останься. Если что пойдет не так, попробуй меня выручить.

Я призвал знак Логруса. Он повис передо мной. Ничего дурного не произошло. Я частично переключил внимание на Камень и увидел сквозь него Логрус под несколькими углами. Чудно. Однако вполне безболезненно.

Я мысленно вернулся в свои глазницы, просунул руки в отrostки Логруса, пошарил...

Меньше чем через минуту передо мной стояли тарелка с оладьями, порция сосисок, чашка кофе и стакан апельсинового сока.

— Я бы все доставил куда быстрее, — заметил Призрак.

— Не сомневаюсь. Просто проверяю, работает ли.

Я жевал и думал, что в каком порядке делать. Доел, отправил тарелки обратно, снял с валуна Камень, повесил на шею и встал.

— Ладно, Призрак. Пора возвращаться в Амбер, — сказал я.

Он увеличился, открылся и снизился, чтобы я мог пройти в золотую арку. Я шагнул вперед...

...и в комнату.

— Спасибо.

— Не за что, папа. Слушай, у меня вопрос: когда ты потребовал завтрак, не заметил ли ты чего-нибудь странного в поведении Логруса?

— То есть? — спросил я, подходя к рукомойнику.

— Начнем с телесных ощущений. Как он, по-твоему... упирался?

— Я бы такого слова не употребил, — сказал я, — но вообще-то, когда я его отпустил, он исчез не сразу. А что?

— Так, возникли некоторые соображения. Ты ведь можешь колдовать и с помощью Пути?

— Да, но с Логрусом мне сподручнее.

— Попробуй при случае испытать обоих и сравнить.

— Зачем?

— У меня возникли кое-какие предчувствия. Расскажу, как только проверю.

Призрак исчез.

Я вырвался и умыл лицо.

Когда я выглянул в окно, там кружился снег. Я выдвинул ящик стола, нашел ключ. Кое-что надо было сделать незамедлительно.

Я вышел в коридор, но после первых же нескольких шагов меня остановил звук. Я постоял, потом двинулся мимо лестницы. Звук нарастал. К тому времени как я добрался до длинного коридора, идущего мимо библиотеки, стало ясно, что вернулся Рэндом. Никто другой не умеет так барабанить — да никто и не посмел бы коснуться королевских барабанов, даже если б умел.

Я миновал приоткрытую дверь в конце коридора и повернул направо. Моим первым движением было войти, отдать Судный Камень и объяснить, что произошло. Однако я вспомнил слова Флоры: честность, прямота и открытость тут до добра не доведут. Мне не хотелось верить, что это — общее правило, однако сейчас честность и прямота вынудили бы меня долго и нудно объясняться, в то

время как я хотел бы заняться совсем иным; мало того, очень может быть, что Рэндом запретил бы мне этим заниматься.

Я дошел до дальнего входа в столовую, заглянул внутрь. Пусто. Справа, насколько я помнил, панель отодвигается. Стена между библиотекой и столовой полая, а на ней — не то веревочная лестница, не то крючки, по которым можно добраться до потайного входа на библиотечную галерею. Если мне память не изменяет, там же можно спуститься по винтовой лестнице в пещеру. Я надеялся, что эти сведения мне не понадобятся, но уже достаточно проникся семейным духом, чтобы меня потянуло подслушивать и подглядывать, тем более что, судя по приглушенным голосам из полуоткрытой двери, Рэндом был в библиотеке не один. Если знание и вправду сила, то лишним оно не окажется, особенно в моем уязвимом положении.

Панель легко отодвинулась, я посветил внутрь волшебным светом и одним махом запрыгнул сам. Довольно быстро вскарабкался по стене, медленно и тихо отодвинул следующую панель — спасибо, кто-то поставил перед нею большое кресло. Я мог, оставаясь невидимым, смотреть из-за правого подлокотника в северный угол комнаты.

Играл действительно Рэндом, а Мартин, весь в коже и металлических цепочках, сидел перед ним и слушал.

Рэндом вытворял нечто невиданное. Он играл палочками — держал по одной в руках, под мышками и в зубах. По ходу игры он перекладывал их — изо рта — под мышку, из-под мышки — в правую руку, из нее — в левую, из левой руки — под мышку, а оттуда — в зубы. И ни разу не сбился с ритма.

Это завораживало. Я смотрел, пока он не перебрал все. Старые королевские ударные меньше всего напоминали пластиково-люминесцентную мечту джаз-рокмена: тарелки размером с боевые щиты, куча тамтамов и пара больших барабанов, освещенные, словно Корэл в кольце огня. Они были сделаны до того, как малые барабаны стали тонкими и нервными, большие — съежились, а тарелки гипертрофировались и начали гудеть.

— Никогда такого не видел, — сказал Мартин.

Рэндом пожал плечами:

— Валяю дурака помаленьку. Научился у Фредди Мура в тридцатых, в Виктории, когда он играл с Артом Ходсом и Максом Камински. А может, и не там. Не помню. Это еще была эстрада, никаких тебе микрофонов и плохой свет.

Приходилось напаяливать на себя черт-те что или откалывать такие вот штучки, чтоб народ ходил слушать.

— Жалко, что им приходилось искать дешевой популярности.

— Ага, вы никогда не рядились черт-те во что и не швыряли в толпу инструментов.

Наступило молчание. Мартинова лица я не видел.

— Я не о том, — наконец произнес Мартин.

— И я не о том, — отозвался Рэндом. Он бросил три палочки на пол и заиграл снова.

Я прислонился к стене и стал слушать. Через какое-то время я вздрогнул, услышав саксофонное соло, и выглянул.

Играл Мартин — стоя по-прежнему спиной ко мне. Видимо, саксофон лежал прежде за стулом. Мелодия отдавала Риччи Колем, я даже удивился, как мне нравится. И чем больше мне нравилось, тем сильнее я чувствовал себя лишним. Поэтому я тихонько отодвинул панель, пролез внутрь и задвинул ее снова. Спустился, выбрался в столовую и решил выйти в другую дверь, чтобы не проходить мимо входа в библиотеку. Музыка еще слышалась, и я пожалел, что не умею, как Мэндор, заключать ее в самоцветы. Впрочем, не знаю, как бы Судному Камню понравилось нести в себе «Блюз дикаря»*.

Я собирался пройти по восточному коридору до пересечения с северным, то есть почти до своей комнаты, повернуть налево, подняться по лестнице в монарший покой, постучаться и отдать Камень Вайол. Я надеялся, что она удовлетворится самыми краткими объяснениями. А если нет, все равно лучше рассказывать ей, чем Рэндому. О многом она не догадается спросить. Разумеется, со временем Рэндом меня поймает и все равно будет пытаться. Однако чем позже, тем лучше.

Я как раз проходил мимо отцовской комнаты. Ключ был со мной, я собирался заглянуть сюда позже — зачем, по-моему, ясно и так. Впрочем, если я уже здесь, почему бы не сэкономить время?

Я отпер дверь и вошел.

Из вазы под зеркалом исчезла серебряная роза. Странно. Я сделал шаг. В дальней комнате разговаривали, но тихо — слов было не разобрать. Я замер. Возможно, он там. Но не ворвешься же к человеку в спальню, особенно если

* Композиция Луи Армстронга.

он, судя по всему, не один — тем более к отцу, тем более после того, как отпер дверь своим ключом.

Я вдруг страшно смутился. Мне захотелось убраться как можно скорее. Я расстегнул перевязь с Грейсвандиром в чужих ему ножнах и повесил на одежную вешалку возле двери, рядом с коротким военного покроя пальто, которого прежде не видел. Потом выскользнул за дверь и тихонечко ее запер.

Неловко получилось. Неужто отец и впрямь время от времени здесь появляется, загадочным образом избегая внимания? Или в его комнате происходят явления совсем иного порядка? Я слышал, будто в некоторых старых помещениях есть двери в подпространство, надо только уметь ими пользоваться. Там тебе и дополнительный чуланчик, и возможность приходить и уходить незамеченным... Об этом тоже стоило спросить Дворкина. Может, у меня под кроватью — карманная вселенная. Никогда не проверял.

Я быстро пошел прочь, но возле угла остановился. Дворкин считает, что Судный Камень защитил меня от Пути (если тот и впрямь хотел меня уничтожить). Однако, если носить Камень слишком долго, он погубит владельца. Поэтому Дворкин посоветовал мне отдохнуть, а затем мысленно пройти сквозь Камень, чтобы приобрести большую силу того же Пути и заодно и щит от его возможных атак. Интересное умопостроение. Вот и все остальное тоже: умопостроения.

Я добрался до коридора, ведущего влево к лестнице и вправо к моей комнате, и остановился в сомнении. Впереди, слева, напротив обычно пустующих комнат Бенедикта, была гостиная. Я вошел и плюхнулся в глубокое кресло. Мне так мало надо: разделаться с врагами, помочь друзьям, очистить мое имя от налипшей на него грязи, разыскать отца и хоть как-то договориться со спящей ти'игой! А там можно было бы продолжить прерванный *Wanderjahr**. Из этого следует, что я вновь должен задать себе уже почти риторический вопрос: насколько я хочу посвящать Рэндома в свои дела?

Я вспомнил, как он в библиотеке играет дуэт с почти чужим ему сыном. Когда-то мой дядюшка вел довольно разгульный образ жизни и вовсе не хотел править этим архитипическим миром. Однако отцовство, брак, выбор

* Год странствий (нем.) — время после завершения образования, посвященное путешествиям.

Единорога, видимо, сильно его изменили — укрепили характер и заставили отказаться от многих былых увлечений. Сейчас, по-видимому, он увяз в заботах о Кашфе и Бегме, вероятно, вынужден был недавно прибегнуть к убийству и пойти на унижительный мир ради сохранения политической стабильности в пределах Золотого Кольца. А кто знает, какие хлопоты и неурядицы готовит ему завтрашний день? Хочу ли я взваливать на него дополнительный груз, когда вполне могу разобраться своими силами, не тревожа и не беспокоя его? И наоборот, если я втяну Рэндом в эту историю, он скорее всего запретит мне многое, стеснит мою свободу действий. Хуже того, может всплыть вопрос, о котором давно и благополучно позабыли.

Я не присягал Амберу. Никто меня и не просил. В конце концов, я — сын Корвина, явился в Амбер по своей воле и жил здесь какое-то время, прежде чем отправиться на теневую Землю, где учатся и учились многие уроженцы Янтарного Королевства. Я часто возвращался и, кажется, со всеми ладил. Что-то вроде двойного гражданства.

Впрочем, я бы предпочел, чтоб эта тема не возникала вовсе. Не хочу, чтоб меня принуждали выбирать между Амбером и Владениями. Я не пошел бы на это ради Единорога и Змеи, Пути и Логруса, тем более ради того или иного правителя.

Из чего следует, что Вайол нельзя передавать мою историю даже в самых общих чертах. Что бы я ни сказал, от меня рано или поздно потребуют полного отчета. Если же я верну Судный Камень на место без всяких объяснений, никто не станет меня допытывать, и все еще может обойтись. Зачем лгать, если есть способ избежать расспросов?

Я размышлял дальше. Все, чего я хочу, — оградить усталого, занятого человека от лишних забот. Он ничем или почти ничем не может мне помочь. Противостояние Логруса и Пути важно лишь в метафизическом смысле, на практическом уровне оно не должно иметь никаких последствий — ни хороших, ни дурных. В крайнем случае я всегда успею сказать Рэндому.

Отлично. Чем хороши рассуждения — всегда можно убедить себя, что поступаешь благородно, а не, скажем, трусливо. Я потянулся, хрустнул суставами.

— Призрак? — спросил я тихо.

Нет ответа.

Я потянулся за картами, но не успел их достать, как в комнату вкатилось светящееся кольцо.

— Ты ведь слышал!..

— Я почувствовал, что нужен тебе, — отвечал он.

— Ладно, — сказал я, снимая через голову цепочку и держа Камень рядом с собой. — Сможешь ты незаметно вернуть его в монарший покой, в потайное укрытие возле камина?

— Я боюсь его трогать, — сообщил Призрак. — Не знаю, как его структуры повлияют на мои.

— Ладно, — сказал я, — видимо, придется мне сделать это самому. Однако пора проверить одну гипотезу. Если Путь попробует причинить мне вред, пожалуйста, перенеси меня в безопасное место.

— Хорошо.

Я положил Камень на соседний столик.

В следующие полминуты я понял, что весь напрягся, ожидая нападения со стороны Пути. Я расслабил плечи. Глубоко вздохнул. Я был цел. Возможно, Дворкин прав и Путь оставит меня в покое. К тому же теперь я могу призывать Путь из Камня, как призывал Знак Логруса. По словам Дворкина, некоторые магические действия совершенствуются только таким способом, хотя он и не удосужился объяснить мне, какие именно — мол, чародей сумеет разобраться сам. Я решил, что это не горит. Сейчас у меня не было охоты связываться с Путем в любом из его воплощений.

— Эй, Путь, — сказал я. — Идешь на мировую?

Ответа не последовало.

— Мне кажется, он знает, где ты и что сейчас сделал, — промолвил Призрак. — Я чувствую его присутствие. Возможно, ты и впрямь счастливо отделался.

— Возможно, — кивнул я, доставая карты.

— С кем ты хочешь поговорить?

— Меня интересует Люк, все ли с ним хорошо. Еще меня заботит Мэндор. Ты вроде отправил его в безопасное место?

— В самое что ни на есть, — отвечал Призрак. — Королеву Джасру тоже. Хочешь видеть и ее?

— Вовсе нет. Вообще не хочу никого из них видеть. Только узнать...

Я не успел договорить, как Призрак уже исчез. Даже не знаю, что лучше — его прежняя враждебность или теперешнее желание угодить.

Я вытащил карту Люка и сосредоточился.

В коридоре раздались шаги. Кто-то, не задерживаясь, миновал мою комнату.

Люк явно ощутил мое появление, однако я ничего не видел.

— Люк, ты меня слышишь? — спросил я.

— Ага, — отвечал он. — С тобой все хорошо, Мерль?

— Со мной-то да, а с тобой? После такого сражения...

— У меня все замечательно.

— Я слышу твой голос, но ни шиша не вижу.

— Я поставил на карту заглушку. Ты разве не умеешь?

— Никогда не пробовал. При случае научишь. А зачем это?

— Чтобы ко мне нельзя было заглянуть и проникнуть в мои ближайшие планы.

— Если ты вздумал совершить разбойный набег на Амбер, я сильно обижусь.

— Да ну тебя! Я же поклялся! Это совсем другое.

— Я думал, ты в плену у Далта.

— Мое положение не изменилось.

— Слушай, раз он тебя чуть не убил, а на днях разгромил в пух и прах...

— Первый раз он наступил на оставленное Шару заклятие-ловушку, второй раз это было по делу. А сейчас — молчок, и вообще, мне пора бежать. Пока.

Люк отключился.

Шаги смолкли. Я слышал, как открылась и закрылась дверь, но не слышал, чтобы кто-нибудь разговаривал. Странно. Стучали близко, то есть либо ко мне, либо к Бенедикту. Бенедикта точно нет, а я, кажется, забыл, уходя, запереть дверь. А значит...

Я взял Судный Камень, пересек комнату и вышел в коридор. Подергал дверь к Бенедикту. Заперта. Заглянул в поперечный коридор, дошел до лестницы — никого. Вернулся к своей двери и прислушался. Оттуда не доносилось ни звука. Оставались комнаты Джерарда в боковом коридоре и Брэнда — следующие за моими. Одно время я подумывал сломать стенку — в духе затеянных Рэндомом переустройств — и расширить свои апартаменты за счет Брэндовых. Остановили меня слухи о якобы водящихся там привидениях да ночные стоны из-за стены.

Я постучал сперва к Брэнду, потом к Джерарду, подергал ручки. Никто не ответил. Обе двери были заперты. Все страннее и страннее.

Когда я тронул дверь к Брэнду, Фракир дернулась. Я насторожился, но ничего дурного не произошло. Я уже решил списать это на обрывки зловещих чар, которые

иногда проплывают по коридору, когда увидел, что Судный Камень пульсирует.

Я поднял цепочку и заглянул в Камень. Да, там обретала очертания картинка. Отчетливо виднелись коридор за углом и две мои двери. Левая — та, что ведет в спальню — была обведена красным и мигала. Означает ли это, что я должен бежать туда — или оттуда? Беда с мистическими советами.

Я вернулся за угол. Камень, видимо, уловил мои сомнения и решил уточнить — я на картинке открыл очерченную красным дверь и вошел. И, разумеется, она-то и оказалась заперта.

Я перерывал карманы в поисках ключа и думал, что не смогу даже ворваться в комнату с обнаженным мечом в руке — Грейсвандир остался у отца. Правда, я вооружился парой хороших заклятий. Может, они меня и спасут. Может, и нет.

Я повернул ключ и рывком открыл дверь.

— Мерль! — вскрикнула женщина, и я увидел, что это — Корэл. Она стояла над своей мнимой сестрой — ти'гой и при моем появлении спрятала руку за спину. — Ой, ты меня напугал.

— А ты — меня, — сказал я. — Что случилось, сударыня?

— Я вернулась сказать тебе, что нашла отца и успокоила его твоей историей про Зеркальный Коридор. А здесь и впрямь такой есть?

— Есть. Хотя в путеводителях ты его не найдешь. Он исчезает и появляется. Значит, с отцом ты разобралась?

— Угу. Но теперь он гадает, куда запропастилась Найда.

— Это хуже.

— Ага.

Корэл покраснела и прятала глаза. Она явно видела, что от меня не скрылось ее смущение.

— Я сказала, что она, наверное, тоже бродит по замку

— Мм-м.

Я перевел взгляд на Найду. Корэл тут же встала между нами, положила руку мне на плечо, приникла к груди.

— Я думала, ты собираешься лечь, — сказала она.

— Я и собирался. И даже лег. А сейчас занимался кое-какими делами.

— Не понимаю.

— Временные линии, — объяснил я. — Удалось выгадать несколько часов и отдохнуть.

— Здорово, — сказала она, касаясь губами моих губ. — Я рада, что ты отдохнул.

— Корэл, — произнес я, слегка обнимая ее плечи, — нечего мне вкручивать. Когда ты уходила, я падал от усталости, и ты это прекрасно видела. Идя сюда, ты ожидала застать меня спящим.

Левый кулак она по-прежнему держала за спиной. Я поймал ее запястье, крепко сжал и вытащил вперед. Корэл сопротивлялась — я не ожидал, что она окажется такой сильной. Я не стал разжимать ей пальцы, поскольку и без того видел, что у нее в кулаке — колдовской шарик Мэндора. Я отпустил ее запястье. Корэл не отпрыгнула, а наоборот — подняла голову, взглянула мне прямо в глаза и твердо заявила:

— Я все объясню.

— Уж пожалуйста, — сказал я. — Хотя это следовало бы сделать раньше.

— Может, это и правда, что тебе сказали насчет Найды — будто она умерла и в нее вселился демон. Только в последнее время она была ко мне добра. Наконец-то у меня появилась сестра, о которой я всегда мечтала. И вот я вижу ее у тебя в таком состоянии и не знаю, как ты собираешься с ней поступить...

— Поверь, Корэл, я не сделаю ей ничего дурного, — перебил я. — Хотя бы в благодарность за... ну, за прошлое. На теневой Земле — я тогда был молодым и наивным — она несколько раз спасала меня от смерти. Можешь за нее не тревожиться.

Корэл склонила голову и прищурила глаз.

— Из того, что ты мне сказал, это никак не следовало, — промолвила она. — Я вернулась, рассчитывая, что ты спишь, что мне удастся снять заклятие — хотя бы настолько, чтоб с ней поговорить. Я хотела убедиться сама, моя ли это сестра или кто-то другой.

Я вздохнул и собрался потрепать ее по плечу, но тут заметил, что левой рукой по-прежнему держу Судный Камень. Поэтому я правой сжал ее локоть и произнес:

— Слушай, я все понимаю. Конечно, это было свинство — показать тебе ее спящей и ничего толком не объяснить. Постарайся меня простить — я действительно страшно замотан. Уверяю тебя, ей не больно. Только прошу — не пытайся снять заклятие прямо сейчас. Не я его наложил, и...

В это самое мгновение Найда тихо застонала. Я с минуту глядел на нее, но ничего больше не произошло.

— Откуда ты взяла этот металлический шарик? — спросил я. — Не из воздуха же?

Корэл помотала головой:

— Он был у нее на груди. Под ладонью.

— Как ты догадалась туда заглянуть?

— Рука лежала неестественно. Вот и все. На, держи.

Она протянул мне шарик. Я взял, взвесил его на ладони. Я понятия не имел, как им пользоваться. Металлические шарики для Мэндора — то же, что Фракир для меня: сугубо личное колдовское орудие, вызванное в сердце Логруса из его подсознания.

— Ты положишь это на место? — спросила Корэл.

— Нет. Как я уже говорил, это не мое заклятие. Я не знаю, как оно действует, и предпочитаю с ним не шутить.

— Мерлин? — прошептала Найда, не открывая глаз.

— Поговорим-ка в другой комнате, — сказал я. — Только прежде я наложу на нее свое собственное заклятие. Обычное снотворное...

Воздух за спиной Корэл заискрился, закружился. Увидев по моим глазам, что там что-то не так, она обернулась.

— Что это, Мерлин? — воскликнула она, отступая от возникающей золотой арки.

— Призрак? — спросил я.

— Он самый, — последовал ответ. — Джасры я не нашел, зато доставил сюда твоего брата.

Появился Мэндор, весь в черном, с огромной копной серебристо-белых волос, взглянул на Корэл, на Найду, увидел меня, начал расплываться в улыбке и шагнул было вперед. Тут он заметил что-то еще и замер, вытаращив глаза. Я никогда не видел его таким испуганным.

— Око Хаоса! — закричал он, взмахом руки воздвигая перед собой заслон. — Откуда это у тебя?

Мэндор отступил на шаг. Арка немедленно съежилась до написанной золотом каллиграфической «О»; Призрак метнулся к моей левой руке и укрылся здесь.

Внезапно Найда села. Взгляд ее лихорадочно блуждал по комнате.

— Мерлин! — вскричала она. — Ты жив-здоров?

— Пока да, — отвечал я. — Не волнуйся. Все в порядке.

— Кто убрал мое заклятие? — спросил Мэндор.

Найда тем временем спустила ноги с кровати. Корэл сжалась в комочек.

— Это получилось нечаянно, — сказал я и разжал правую ладонь.

Металлический шарик тут же поднялся в воздух и устремился к Мэндору, чуть не задев Корэл, которая приняла боевую стойку, но явно не знала, от кого ей

защищаться, и поэтому вертела головой: Мэндор, Найда, Призрак, снова Мэндор...

— Спокойно, Корэл, — сказал я. — Никто тебя не тронет.

— Левое Око Змеи! — взвизгнула Найда. — Освободи меня, о Бесформенный, и я вернусь к своим!

Фракир тем временем предупреждала: не все, дескать, в порядке — на случай если я сам этого не заметил.

— Что, черт возьми, происходит? — взревел я.

Найда спрыгнула с кровати, метнулась вперед, с нечеловеческой силой вырвала из моей руки Судный Камень, оттолкнула меня и выбежала в коридор.

Я пошатнулся, но устоял.

— Держите ти'игу! — завопил я.

Призрачное Колесо устремился следом, за ним неслись Мэндоровы шары.

Глава 10

В следующее мгновение я уже гнался за ти'игой по коридору. Она бежала быстро, но и я не отставал.

— Ты же должна была меня защищать! — крикнул я ей в спину.

— Это — важнее, чем приказ твоей матери, — отвечала она.

— Чего? — не понял я. — Моей матери?!

— Когда ты отправлялся в колледж, она наложила на меня узы: оберегать тебя. Теперь заклятие снято. Я — свободна!

Я ругнулся на бегу.

Она была уже у лестницы, когда перед ней возник Знак Логруса — огромный, больше, чем я когда-либо вызывал, он заполнил коридор от стены до стены. Знак дрожал, колыхался, тянулся огненными щупальцами в грозном багровом мареве. Какова дерзость — проникнуть в Амбер, в самые владения Пути! Видать, здорово приперло.

— Прими меня, о Логрус! — вскричала Найда. — Ибо со мною — Око Змеи!

Логрус раскрылся, в середине его возник огнедышащий туннель. Я чувствовал, что ведет он отнюдь не в наш коридор.

Но тут Найда остановилась, словно уткнувшись в стеклянную перегородку, и застыла как в столбняке. Три сверкающих Мэндоровы сферы вращались вокруг ее каменного тела.

Меня отбросило к стене. Я упал, загородился правой рукой и оглянулся.

За мной из воздуха соткалось подобие Пути, огромное, вровень с Логрусом. Найда оказалась между двумя полю-

сами бытия, и я — вместе с нею. Со стороны Пути воздух лучился, словно солнечным утром, со стороны Логруса сгустились зловещие сумерки. Неужели мне придется стать мгновенным невольным свидетелем нового Большого Взрыва?

— Э-э, ваши милости, — начал я, пытаюсь их заботать. Жалко, я — не Люк, ему такой подвиг оказался бы вполне по плечу. — Самое время прибегнуть к незаинтересованному посреднику, и поскольку я, силою обстоятельств, гождусь на эту роль, как никто, то предлагаю вам поразмыслить и...

Золотое колечко — Призрачное Колесо — внезапно опустилось. Найде на голову и вытянулось в трубу. Призрак проник за орбиты Мэндоровых сфер и, видимо, как-то одолел идущую от них силу, потому что шарики один за другим замедлились и упали на пол — два ударились о стену прямо передо мной, третий скатился по лестнице.

Знаки Пути и Логруса начали сближаться, я быстро пополз прочь.

— Не приближайтесь, ребята, — потребовал вдруг Призрак. — Я так перетрусил, что за себя не отвечаю.

Оба Знака остановились. Слева по коридору приближался Дроппа, пьяным голосом выводил разухабистую балладу. Голос смолк, потом, уже неуверенно, начал «Камень эпох». Эта песня тоже оборвалась, донесся шум падающего тела и звон стекла.

Мне подумалось, что с этого расстояния я бы мог перенести свое сознание в Камень. Впрочем, кто его знает, что бы из этого вышло, учитывая, что все четыре главных участника столкновения — не люди.

Кто-то вызывал меня через карту.

— Да? — спросил я шепотом.

Голос Дворкина произнес:

— Насколько это в твоей власти, не позволяя Логрусу завладеть Камнем.

И тут из багрового зева раздался голос — хриплый, он от слога к слогу менял высоту и казался то мужским, то женским:

— Верни Око Змеи. Вначале Единорог взял его силой. Оно краденое. Верни его. Верни.

Голубое лицо над Путем не материализовалось, но голос был тот же:

— Оно оплачено кровью и болью. Оплачено сполна.

— Судный Камень и Око Хаоса или Око Змеи — разные названия одной драгоценности?

— Да, — отвечал Дворкин.

— Что будет, если Змея его себе вернет? — полюбопытствовал я.

— Вселенная скорее всего погибнет.

— Ох.

— Что мне за него дадут? — спросил Призрак.

— Дерзкий механизмишко! — прогремел Путь.

— Наглая конструкция! — взвыл Логрус.

— Оставьте комплименты себе, — сказал Призрак, — и предложите что-нибудь посущественней.

— Я могу выхватить его у тебя, — отвечал Путь.

— Я могу изорвать тебя в клочки и отнять его силой, — объявил Логрус.

— Ничего подобного вы не сделаете, — заявил Призрак, — потому что сосредоточиться на мне — значит подставиться противнику.

Я услышал, как Дворкин хихикнул.

— Объясните, — продолжал Призрак, — зачем спустя столько времени ворошить старую ссору.

— Вот этот перебежчик, — Логрус выбросил в мою сторону протуберанец, чтоб не оставить сомнений в личности перебежчика, — нарушил равновесие в пользу моего врага.

Запахло паленым волосом, я загородился рукой.

— Минуточку! — вскричал я. — Мне не оставили выбора!

— Выбор был, — проревел Логрус. — И ты его сделал.

— Сделал, — отвечал Путь, — но лишь восстановил равновесие, которое ты нарушил в угоду себе.

— Восстановил?! Перегнул в другую сторону! В твою! А склонил его отец предателя... — От Логруса снова оторвался огненный шар, я снова закрылся рукой. — ...без моего участия.

— Но, вероятно, по твоему внушению.

— Если бы ты сумел передать Камень мне, — сказал Дворкин, — я бы спрятал его до выяснения обстоятельств.

— Не знаю, смогу ли я до него добраться, — отозвался я, — но буду иметь в виду.

— Дай его мне, — прорычал Логрус, — и я сделаю тебя своим первым служителем!

— Ты — машина для обработки данных, — загремел Путь. — Я дам тебе знание, каким не обладает вся Тень.

— Я дам тебе власть, — сказал Логрус.

— Оставьте себе, — ответил Призрак.

Цилиндр закрутился и был таков.

Девушка, Камень и все остальное исчезло.

Логрус взвыл, Путь взревел, Знаки ринулись один на другой. Они должны были столкнуться где-то возле комнаты Блейза.

Я вызвал все защитные чары, какие мог Мэндор за моей спиной сделал то же самое Я закрыл голову, подобрал колени и...

Я падал. Меня ослепило беззвучным взрывом. Обломки сыпались со всех сторон. У меня было такое чувство, будто я угодил в авиакатастрофу и погибну, не возвестив миру свое открытие: Путь так же мало печется о детях Амбера, как Логрус — о Владениях Хаоса. Силы заняты собой, противником, основными принципами мироустройства, Единорогом и Змеей, геометрическими проекциями которых скорее всего являются. Им плевать на меня, на Корэл, на Мэндора, возможно — даже на Дворкина и Оберона. Мы — букашки; в крайнем случае — порою орудия, порою — докучная помеха, нас можно использовать по мере надобности, а потом ломать...

— Дай руку, — сказал Дворкин из карты. Я ухватился за него и...

...грохнулся к его ногам на цветастый ковер, в комнате без окон (ее мне описывал отец), среди книг и заморских дикушинок, под чашами света, которые висели в воздухе без всякой видимой опоры.

— Спасибо, — сказал я, вставая, отряхиваясь и потирая ушибленное бедро.

— Я поймал отголосок твоих мыслей, — произнес горбун. — Все не так просто.

— Уверен. Просто мне иногда нравится впадать в пессимизм. Много ли правды в том, что мололи здесь силы?

— Все правда, — отвечал Дворкин, — с их точки зрения. Главная загвоздка в том, как они толкуют действия противника, да еще — привычка на каждое событие припоминать другое, более древнее. Скажем, разрыв в Пути был на пользу Логрусу, и не исключено, что Логрус и впрямь исподволь руководил Брэндом. Но в таком случае Логрус может сказать, что это — возмещение за День Сломленных Ветвей несколько столетий назад.

— Никогда о таком не слышал, — сказал я.

Дворкин пожал плечами:

— Ничего удивительного. Все эти события важны, в сущности, только для них самих. Я о другом — такой спор всегда сводится к первопричинам, а те весьма сомнительны.

— Каков же ответ?

— Ответ? Мы не в классе. Ответа, который устраивал бы кого-нибудь, кроме философов — то есть который имел бы какие-либо практические следствия, — не существует.

Дворкин достал серебряную фляжку, плеснул из нее зеленой жидкости, протянул мне бокал:

— Выпей.

— Я так рано не пью.

— Это не спиртное, а лекарство, — пояснил он. — Ты на грани срыва, хотя, вероятно, сам того не понимаешь.

Я осушил бокал; жидкость обожгла, как спирт, хотя по вкусу была чем-то другим. В следующую минуту я начал отходить от напряжения, которого до того не замечал.

— Корэл, Мэндор... — начал я.

Дворкин взмахнул рукой, и передо мною повис светящийся золотой шар. Новый взмах руки — знакомый, — и на меня снизошло что-то вроде Знака Логруса, но без Логруса. В шаре возникла картинка.

Часть коридора, где произошло столкновение, была разрушена, а заодно — лестница, комнаты Бенедикта, а может быть, и Джерарда. Исчезли покои Блейза, часть моих, гостиная, где я недавно сидел, западный угол библиотеки, а также пол и потолок. Внизу я видел раскуроченную кухню и арсенал. Я поднял глаза (удобная все-таки штука — волшебный шар) и увидел небо. Значит, взрывом разнесло третий и четвертый этажи, возможно, задело и королевские апартаменты, и лестницу, и лабораторию, и кто еще знает что.

Над пропастью, возникшей на месте комнат Блейза и Джерарда, стоял Мэндор. Правая рука его, очевидно сломанная, была засунута под широкий черный пояс. На левом плече повисла Корэл, с лица ее капала кровь. Не уверен, что девушка была в сознании. Мэндор левой рукой держал ее за талию, вокруг них вращался металлический шар. Наискосок через пропасть стоял на балке Рэндом. Мартин располагался чуть ниже и сзади, в руке он по-прежнему держал саксофон. Рэндом был вне себя и, судя по мимике, что-то орал.

— Звук! Звук! — потребовал я.

Дворкин взмахнул рукой.

— ...анный лорд Хаоса взорвал мой дворец! — кричал Рэндом.

— Дама ранена, Ваше Высочество, — сказал Мэндор.

Рэндом провел рукой по лицу. Взглянул вверх.

— Если есть какой-нибудь способ добраться до моих комнат, то Вайол весьма искусна в некоторых видах врачевания, — произнес он, смягчаясь. — И я, кстати, тоже

— Где это, Ваше Высочество?

Рэндом наклонился и вывернул голову вверх.

— Похоже, дверь вам не понадобится, но не знаю, уцелела ли лестница и как вам до нее добраться.

— Я справлюсь, — сказал Мэндор.

Из воздуха вынырнули два шара и закружились по эксцентрической орбите вокруг него и Корэл. Вскоре оба уже плыли к указанному Рэндомом пролому.

— Сейчас подойду, — крикнул им вслед Рэндом. Он явно хотел что-то добавить, но, взглянув на разрушения, повесил голову и отвернулся. Я тоже.

Дворкин протянул мне вторую порцию зеленого снадобья, я выпил. Оно, похоже, еще и успокаивало.

— Мне надо к девушке, — сказал я. — Она мне симпатична, я должен убедиться, что с ней все в порядке.

— Конечно, я могу тебя к ней перенести, — ответил Дворкин, — хотя не думаю, чтоб от тебя там был какой-то особый прок. Лучше бы ты поискал своего беглого сыночка. Надо, чтобы Призрак вернул Судный Камень.

— Обязательно, — согласился я. — Но прежде я должен увидеть Корэл.

— И задержаться там, — сказал Дворкин. — Начнутся расспросы.

— И пусть.

— Что ж, как хочешь. Минуточку

Он снял с крючка на стене что-то вроде жезла или палочки в ножнах, ножны прицепил к поясу, подошел к шкафчику, достал из ящика плоскую кожаную коробочку. Она металлически звякнула, опускаясь в карман. Маленькая драгоценная шкатулка исчезла в рукаве без звука.

— Сюда, — сказал Дворкин, беря меня за руку.

Мы пошли в темный угол комнаты, где висело незамеченное мною высокое зеркало в причудливой раме. Оно имело странное свойство: издали я отчетливо видел и комнату, и нас с Дворкином, но чем ближе мы подходили, тем больше изображение расплывалось. Я прекрасно понимал, что сейчас будет, и все равно зажмурился, когда Дворкин, шагнув сквозь мутное стекло, дернул меня за собой.

Я споткнулся и чуть не полетел носом. Пришел я в себя в золотой половине разрушенных королевских покоев, перед большим декоративным зеркалом. Я постучал по нему

пальцем, но стекло оставалось сплошным. Впереди виднелся горб Дворкина — старик все так же держал меня за руку. За его профилем — словно карикатурой на мой собственный — я различал выдвинутую из западного, взорванного угла кровать и огромную дыру в полу. Возле кровати, спиной к нам, стояли Рэндом и Вайол. Они занимались Корэл, которая без чувств лежала на покрывале. Мэндор сидел в глубоком кресле в ногах кровати и наблюдал. Он первым заметил меня и кивнул.

— Как... она? — спросил я.

— Сотрясение, — отвечал Мэндор, — и правый глаз поврежден.

Рэндом обернулся. Не знаю, что он хотел сказать мне, но слова замерли у него на губах при виде моего спутника.

— Дворкин! — выговорил король. — Сколько воды утекло! Я уж и не знал, жив ли ты. С тобой... э-э... все хорошо?

Карлик хихикнул:

— Я тебя понял, и я в своем уме. А сейчас я хотел бы осмотреть даму.

— Разумеется, — сказал Рэндом, отходя в сторону.

— Мерлин, — обратился ко мне Дворкин, — постарайся отыскать это свое порождение. Пусть вернет, что взял.

— Хорошо, — отвечал я, вынимая карты.

В следующие несколько минут я тщетно силился достучаться...

— Я услышал тебя несколько минут назад, папа.

— Камень при тебе?

— Да, я только что с ним покончил.

— Покончил?!

— Кончил его использовать.

— И как же ты его... использовал?

— С твоих слов я понял, что, пройдя его мысленно, получаешь защиту от Пути. Вот я и подумал — вдруг это сгодится и для идеально синтезированного существа вроде меня.

— Хорошее выражение: «идеально синтезированное». Где ты его откопал?

— Сформулировал сам, пока искал наиболее точное определение.

— Сдается мне, он тебя не впустит.

— Уже впустил.

— Ох. И ты что, его прошел?

— Вот именно.

— Как же это на тебе сказалось?

— Сразу не поймешь. Мое восприятие изменилось. Трудно объяснить такие тонкости.

— Здорово. Можешь ты теперь издали переносить в него свое сознание?

— Могу.

— Когда вся эта суета рассосется, я тебя заново оттестирую.

— Мне самому интересно, в чем я изменился.

— А сейчас Камень нужен здесь.

— Я мигом.

Воздух передо мной всколыхнулся.

Призрачное Колесо возник в виде серебряного кольца, надетого на Судный Камень. Я сложил ладони чашечкой, принял Камень и передал Дворкину, который даже не взглянул в мою сторону. Я посмотрел на Корэл и тут же отвернулся. Лучше б мне такого не видеть.

Я отошел к Призраку.

— Где Найда?

— Точно не знаю, — отвечал он. — Когда я забрал у нее Камень, она попросила оставить ее там же — возле хрустальной пещеры.

— Что она делала?

— Плакала.

— Почему?

— Думаю, потому что оба ее жизненных предназначения пошли прахом. Ей было велено беречь тебя, если по какому-нибудь невероятному совпадению не удастся завладеть Судным Камнем. Если бы это произошло, она тут же освобождалась от первого заклания. И вот, это случилось, только я отнял у нее Камень. Теперь она осталась ни с чем.

— Ей бы радоваться. Она не по своей охоте взяла эти обязательства. Теперь она вольна вернуться к тому, чему уж там предаются беспечные демоны за Гранью Края.

— Не совсем так, папа.

— То есть?

— Похоже, она прочно застряла в нынешнем теле. Бросить его, как предыдущие, она не может — вероятно, потому что первоначальной владелицы уже нет.

— Хм-м. А почему бы ей не... избавиться от тела?

— Я это и посоветовал, но она сомневается в исходе — вроде бы вместе с телом она убьет и себя. Видимо, придется ей оставаться, как есть.

— Она так и бродит в окрестностях пещеры?

— Нет. Она сохранила сверхъестественные способности, и, думаю, просто ушла себе через Тень, куда я в гроте экспериментировал с Камнем.

— Почему в гроте?

— Самое место, чтобы сделать что-нибудь тайком, разве нет?

— М-да. Как же я связался с тобой через карту?

— А я уже закончил эксперимент и вышел наружу. Вообще-то я сам начал ее разыскивать, когда ты меня вызвал.

— Думаю, тебе стоит еще ее поискать.

— А что?

— Я у нее в долгу — пусть даже она действовала по принуждению.

— Понятно. Только не знаю, насколько мне это удастся. Сверхъестественные существа отслеживать труднее, чем простых смертных.

— Попробайся. Я бы хотел знать, где она и чем я могу ей помочь. Может, твои новые способности как раз и пригодятся.

— Посмотрим, — сказал он и исчез.

Я задумался. Как примет новости Оркуз? Одна дочь изуродована, другая одержима демоном и бродит где-то в Тени...

Я подошел к Мэндору, оперся на спинку его кресла. Мэндор левой рукой стиснул мне локоть.

— Небось, ты в теневом мире не учился вправлять кости? — спросил он.

— Нет, не учился.

— Жалко. Придется мне ждать своей очереди.

— Можно отправить тебя куда-нибудь, где тобой займутся немедленно, — предложил я.

— Нет, — отвечал он, — я хочу досмотреть спектакль до конца.

Пока он говорил, я заметил, что Рэндом оживленно беседует с картой. Вайол стояла рядом, как бы заслоняя его от пролома в стене и от непрошенных гостей оттуда. Дворкин склонился над Корэл, за его спиной я не видел, что он там делает.

— Мэндор, — сказал я, — ты знал, что ти'игу приставила ко мне мать?

— Да, — отвечал он. — Она мне объяснила, едва ты вышел из комнаты. Заклятие не позволяло ей говорить при тебе.

— Она должна была только защищать меня или еще и шпионить за мной?

— Не знаю. До этого разговор не дошел. Но, похоже, твоя мать опасалась не зря. Ты был в опасности.

— Думаешь, Дара знала про Джасру и Люка?

Мэндор пожал было плечами, но тут же скривился от боли.

— Наверняка не скажу. Допустим, знала. Тогда ты спросишь: откуда? Этого я тоже не знаю. Так что давай не будем.

— Давай.

Рэндом закончил говорить, провел рукой по карте, повернулся к Вайол и некоторое время на нее смотрел. Он открыл было рот, потом закрыл, отвел взгляд. Поискал глазами меня.

Корэл застонала. Я выпрямился.

— погоди, Мерлин, — сказал Рэндом. — Не убегай.

Я встретил его взгляд — сердитый или просто растерянный, не знаю. Сведенные брови, прищур глаз можно было истолковать и так, и так.

— Сэр? — спросил я.

Он подошел, взял меня под руку, отвернул от провала и повел к двери в соседнюю комнату.

— Вайол, я ненадолго воспользуюсь твоей мастерской, — сказал он.

— Конечно.

Рэндом провел меня в комнату и прикрыл за нами дверь. На полу лежал разбитый бюст Джерарда. Дальний конец студии занимала последняя работа Вайол — много-рукое морское чудовище.

Рэндом круто повернулся и взглянул мне прямо в глаза:

— Ты следишь за событиями в Кашфе и Бегме?

— Более-менее. Недавно Билл мне вкратце все рассказал. Эрегнор и прочее.

— Говорил ли он, что мы намерены включить Кашфу в Золотое Кольцо и признать ее права на Эрегнор?

Мне не понравилось, как он это спросил. Чтобы не подводить Билла (похоже, когда мы разговаривали, эти планы были еще засекречены), я ответил:

— Боюсь, что не запомнил таких подробностей.

— Ладно, это, собственно, то, что я предполагал сделать, — сказал Рэндом. — Мы редко даем такие гарантии одной стране-союзнице в ущерб другой. Но Арканз, герцог Шедбурн, вроде как припер нас к стенке. Он — лучший кандидат на трон, и, как только со сцены исчезла рыжая

стерва, я начал расчищать дорогу ему. Он понимал, что может меня расстроить, поскольку идет на риск, принимая трон после двух династических смен, поэтому попросил Эрегнор. Я согласился.

— Все понятно, — сказал я, — кроме одного: какое это имеет отношение ко мне.

Рэндом повернул голову, искоса взглянул на меня:

— Коронация должна была состояться сегодня. Собственно, я собирался одеться и отправиться туда...

— Ты говоришь в прошедшем времени, — заметил я, чтобы заполнить наступившую паузу.

— Именно. Именно. — Рэндом прошелся по комнате, поставил ногу на разбитую статую, обернулся ко мне: — Добрый герцог убит или в застенке.

— И коронации не будет.

— *Au contraire**, — отвечал Рэндом, не спуская с меня глаз.

— Сдаюсь, — сказал я. — Объясни, что произошло.

— Сегодня на заре произошел переворот.

— Дворцовый?

— Возможно, и дворцовый тоже. Но поддержали его внешние военные силы.

— А куда смотрел Бенедикт?

— Вчера я велел вывести к моему приходу войска. Все выглядело спокойным, и не хотелось, чтоб коронация проходила в присутствии солдат Амбера.

— Понятно. Значит, едва Бенедикт вывел войска, кто-то ввел свои и сместил будущего короля, а местная полиция не усмотрела в этом ничего дурного?

Рэндом медленно кивнул.

— Примерно так, — сказал он. — Как ты думаешь, почему бы это?

— Может, нынешнее состояние дел устраивает их больше.

Рэндом улыбнулся и щелкнул пальцами.

— В точку! Другой бы решил, что ты все знал заранее.

— Другой бы ошибся.

— Сегодня твой бывший однокашник Люкас Рейнард станет Ринальдо I, королем Кашфы.

— Черт меня дер! — воскликнул я. — Никогда бы не подумал, что ему это нужно. И как ты собираешься поступить?

— Не пойти на коронацию.

* Напротив (фр.).

— Я хочу сказать, потом.

Рэндом вздохнул, отвернулся, пхнул ногой обломок.

— Ты считаешь, я пошлю Бенедикта его низложить?

— Вкратце, да.

— Это нас, мягко говоря, не украсит. То, что сделал Люк, вполне вписывается в тамошнюю политику. Мы ввели войска и положили конец сумятице. Мы могли бы ввести их снова, если б мятеж поднял полбумный генерал или охваченный манией величия придворный. Однако Люк имеет все основания претендовать на трон — даже больше, чем Шедбурн. К тому же он любим. Молод, умеет нравиться. Новое вторжение не просто было бы оправдать. Даже так я бы согласился, чтоб меня назвали агрессором, лишь бы убрать с престола этого убийцу, сына стервозной бабы. И тут мой человек в Кашфе сообщает, что Люку покровительствует Вайол!.. Я спросил ее. Она сказала, что это правда и что все произошло при тебе. Она не могла отойти от Дворкина — вдруг ему понадобится помощь — и обещала рассказать позже. Только я не могу ждать. Объясни, что случилось.

— Скажи мне прежде еще одну вещь.

— Какую?

— Что за воинские силы привели Люка к власти?

— Наемники.

— Далтовы?

— Да.

— Ясно. Люк отрекся от вражды к Дому Амбера, — сказал я. — По доброй воле, после разговора с Вайол, каких-то нескольких дней назад. Тогда она и дала ему кольцо. Мы собирались в Ардены, и я счел, что она хотела защитить Люка от Джулиана.

— Это был ответ на так называемый ультиматум Далта Люку и Джасре?

— Ага. Мне и в голову не приходило, что все подстроено, чтобы Далту с Люком объединиться и нанести удар. Вероятно, и само сражение было разыграно. Теперь я думаю, что Люк с Далтом успели переговорить заранее.

Рэндом поднял руку.

— погоди! Расскажи-ка мне все с самого начала.

— Хорошо.

Я рассказал. К тому времени как я закончил, мы успели бессчетное количество раз пересечь мастерскую из угла в угол.

— Знаешь, — промолвил Рэндом наконец, — сдается мне, Джасра все подстроила еще до того, как превратиться в мебель.

— Мне тоже так кажется, — сказал я, надеясь, что Рэндом не спросит, где она сейчас. Чем больше я размышляла, вспоминая нашу беседу после нападения на Страж Четырех Миров, тем больше убеждался: она не только знала, что с Люком, но и общалась с ним уже после меня.

— Ловко они все провернули, — заметил Рэндом. — Далт, похоже, действовал в соответствии со старым приказом. Он не знал наверняка, как выйти на Люка или на Джасру за новыми указаниями, и поэтому рискнул повести ложную атаку на Амбер. Бенедикт, с его умением и превосходящими силами, вполне мог снова стереть Далта в порошок.

— Верно. В смелости негодяю не откажешь. К тому же это означает, что Люк успел закрутить интригу и договориться о «сражении» во время их недолгой встречи в Арденах. Получается, он владел ситуацией и сумел внушить нам, будто находится в плену, а значит — Кашфе не грозит никакая беда. Если, конечно, считать его бедой.

— А чем же его еще считать?

— Ну, по твоим же словам, он не вполне самозванец. Что ты намерен делать?

Рэндом потер виски.

— Если я не позволю ему короноваться, то выставлю нас в довольно неприглядном свете, — сказал он. — Но прежде я хотел спросить... Говоришь, он — великий мастер морочить людям головы. Ты был при его разговоре с Вайол. Как он заручился ее покровительством? Не обманом ли?

— Нет, — отвечал я. — Он, похоже, удивился не меньше моего. Люк отрекся от вражды, потому что видел: честь удовлетворена, а он во многом был игрушкой своей матери, и еще из дружбы ко мне. Отрекся честно, без дураков. Я и сейчас думаю: она дала ему кольцо, чтоб положить конец распре и чтоб никто из нас его не преследовал.

— Очень на нее похоже, — сказал Рэндом. — Если б я думал, что он обманул Вайол, я бы с ним сам разделался. Значит, мои планы смешали ненамеренно, и я это переживу. Я готовлю Арканза в короли — и в последнюю минуту его смещает протеже моей жены! Может возникнуть впечатление, что здесь, в центре, нет полного согласия — а мне бы не хотелось, чтоб такое впечатление возникло.

— Сдается мне, Люка удастся убедить. Я отлично его знаю — он способен понять такие нюансы. Думаю, Амберу

будет очень легко вести с ним дела на любом уровне. Вряд ли он упрется.

— Еще бы. С чего бы ему упираться?

— Решительно не с чего, — сказал я. — Что теперь будет с договором?

Рэндом улыбнулся:

— Я свободен от всяких обязательств. Передача Эрегнора всегда меня смущала. Теперь, если договор и будет заключен, мы возвращаемся к нему *ab initio**. И вообще, не уверен, что нам это нужно. Ну их к чертям собачьим.

— Готов ручаться, Арканз еще жив.

— Думаешь, Люк держит его в заложниках, чтоб я не дал ему статуса внутри Золотого Кольца?

Я пожал плечами:

— Насколько Арканз тебе дорог?

— Ну, я бедолагу в это втянул и считаю себя ответственным. Не настолько, впрочем, чтоб ломать из-за него копья.

— Вполне понятно.

— В такое время обращаться ко второсортной державе вроде Кашфы напрямую — только ронять наше достоинство.

— Верно, — кивнул я. — К тому же Люк пока еще не официальный глава государства.

— Если б не я, Арканз по-прежнему жил бы в своей усадьбе, а Люк, насколько я понимаю, твой товарищ — коварный, конечно, но все же товарищ.

— Сказать об этом на предстоящем обсуждении атомной скульптуры Тони Прайса?

Рэндом кивнул:

— Чувствую, такая возможность представится очень скоро. И, вообще, тебе вполне прилично побывать у друга на коронации — как частному лицу, разумеется. Твое двойное наследие придется как нельзя кстати, а с другой стороны, мы окажем ему честь.

— И все равно я уверен, что ему нужен договор.

— Если мы и решим на это пойти, Эрегнор ему не дадим.

— Понял.

— А ты не уполномочен что-нибудь от нашего имени обещать.

— Тоже понял.

* С начала (лат.).

— Тогда, может, приведешь себя в порядок и поговоришь с ним? Твоя комната как раз под провалом. Я видел целую балку. С нее и спрыгнешь.

— Хорошо, — сказал я, поворачиваясь к дыре. — Только сперва еще один вопрос, совершенно на другую тему

— Да?

— Отец в последнее время не заглядывал?

— Я, во всяком случае, ничего об этом не знаю, — отвечал Рэндом, медленно качая головой. — Разумеется, мы все умеем скрывать свои появления. Но, думаю, он бы все-таки мне сказал.

— Наверное. — Я вышел через стену, обойдя провал стороной.

Глава 11

Нет. Я повис на балке, раскачался, отпустил руки и ловко приземлился посреди коридора, примерно между моими дверьми, только одна из них исчезла, а заодно и самый кусок стены, в которой располагался вход (или выход, это уж откуда смотреть), мое любимое кресло и стеклянная горка с раковинами, которые я собирал по всему миру. Жалко.

Я потерял глаза и оглянулся. Даже разрушения в квартире отошли на второй план. Черт возьми, квартиры мне нравились и раньше. Обыкновенно около тридцатого апреля.

Как в «Ниагаре» я медленно обернулся...

Нет.

Да.

Напротив моей комнаты, там, где совсем недавно стояла глухая стена, открывался коридор. Его-то отблеск я и заметил, прыгая с балки. Обладеть можно. Боги вновь изменили темп музыкального сопровождения моей жизни. Я бывал в этом коридоре, когда он располагался в своем привычном месте — возле кладовых на четвертом этаже. Одна из загадок замка Амбера, Зеркальный Коридор не только был в одну сторону длиннее, нежели в другую, но и содержал несметное, буквально несметное количество зеркал. Попробуй их сосчитать, и цифры никогда не сойдутся. В высоких шандалах горят свечи, создавая причудливую игру бесчисленных теней. Здесь есть большие зеркала, маленькие, узкие, широкие, цветные, искажающие, зеркала в причудливых рамах — резных или чугунных, в простых рамах, без рам; зеркала, составленные из множества повернутых многоугольников, неправильных ячеек, кривые зеркала...

Я несколько раз ходил по Зеркальному Коридору, вдыхал аромат благовонных свеч, иногда угадывал за отражениями чье-то ускользающее присутствие. Я чувствовал его сложное очарование, но ни разу не пробудил его спящего гения. Может, и к лучшему. От Зеркального Коридора не знаешь чего ждать — так, по крайней мере, говорил мне Блейз. Он не мог сказать, переносят ли зеркала в таинственные уголки Тени, гипнотизируют ли, навевают странные цветные сны, перебрасывают в чисто символические области, играют со зрителем в опасные или безвредные интеллектуальные игры, ничего из этого, что-то из этого или все это сразу. В любом случае игры эти не вполне безобидны — воров, слуг и гостей время от времени находят в сверкающей глубине мертвыми, остолбеневшими или повредившимися в рассудке, часто с очень странными выражениями на лицах. А во время равноденствий и солнцестояний — хотя это может прийти и на любое другое время — коридор перебирается на новое место или совсем пропадает до поры. Его предпочитают избегать, хотя он с одинаковой вероятностью губит и награждает, треплет нервы или подбрасывает дельное предзнаменование. Эта-то неопределенность и внушает страх.

А иногда, говорили мне, он словно нарочно кого-то разыскивает, неся свои двусмысленные дары. Считается, что в таких случаях приглашение безопаснее принять.

— Ладно, ладно, — сказал я. — Чего тебе?

В зеркальной глубине заплесали тени, потянуло дурманящим ароматом. Я шагнул вперед и похлопал стену. Фракир не шелохнулась.

— Это Мерлин, и, вообще-то, я тороплюсь. Ты уверен, что хочешь отразить именно меня?

Пламя ближайшей свечи на мгновение обрело очертания ладони и зазывно качнулось.

Я выругался и шагнул вперед.

Ощущения, что я попал совсем в другое место, не возникло. Пол устилала длинная красная дорожка. В воздухе кружились пылинки. Дрожание свечей превращало мой наряд в трико арлекина, лицо — в пляску теней.

Мерцание.

На миг почудилось, что из маленького овала в чугунной раме на меня строго глядит Оберон — то ли игра света в зеркалах, то ли и впрямь отблеск его бывшего величия.

Мерцание.

Готов поклясться, что слева из серебристого прямоугольника в фарфоровой цветочной раме глянула звериная

харя с моими чертами, высунула язык, но, едва я повернулся, мигом преобразилась в человеческую.

Иду. Шаги звучат глухо. Дыхание стеснено. Интересно, не пора ли призвать Знак Логруса или даже Пути? Делать этого не хотелось, слишком свежи были в памяти малоприятные свойства обеих Сил. Я чувствовал: сейчас что-то произойдет.

Я остановился перед своим отражением в черной металлической раме, украшенной серебряными колдовскими значками. Стекло потускнело от времени, словно его душа затаилась где-то в неразличимой глубине. Лицо мое выглядело более худым, складки пролегли отчетливее, над головою угадывался багровый венчик. В отражении мерещилось что-то холодное и даже зловещее, но, сколько я ни вглядывался, ничего не происходило. Никаких знамений, открытий, перемен... Чем больше я смотрел, тем больше печальные приметы возраста казались игрою Теней.

Я пошел дальше, мимо нездешних пейзажей, диковинных тварей, всплывающих из подсознания мертвых друзей и близких. Кто-то даже помахал мне рукой, и я помахал в ответ. После неприятных ощущений в недавней пробежке между Тенями эти странные, а возможно, и грозные проявления уже не пугали. Раз я, кажется, заметил повешенного — он со связанными руками качался на сильном ветру, под небом, словно похищенным у Эль Греко.

— У меня были тяжелые деньки, — сказал я вслух, — и просвета не ожидается. Пойми меня правильно, но я тороплюсь.

Что-то ударило меня в поясницу. Я оглянулся, однако никого не увидел.

На плечо мне опустилась рука, развернула меня. Опять никого.

— Если справедливость того требует, — сказал я, — то я прошу прощения.

Невидимые руки толкали и тянули меня мимо роскошных зеркал к дешевенькому, в заляпанной деревянной раме, словно купленному на барахолке. На уровне моих глаз в стекле темнела выщербинка. Тычки прекратились. Возможно, меня хотели не застрашать, а напротив, по моей просьбе, постарались ускорить дело.

На всякий случай я сказал «спасибо» и стал смотреть, то приближая лицо к зеркалу, то удаляя и мотая головой из стороны в сторону, отчего по изображению бежала рябь. Я ждал, что будет.

Отражение не изменилось, но, после того как рябь пробежала в третий или четвертый раз, преобразился фон. Это был уже не тускло освещенный Зеркальный Коридор. Он исчез и не появился, когда я снова отодвинул лицо от зеркала. Его место заняли темные кусты под вечерним небом. Я несколько раз мотнул головой — рябь больше не возникала. Кусты казались самыми настоящими, хотя краем глаза я по-прежнему видел стену рядом с зеркалом.

Я всматривался в густую зелень, ища знамений, примет или просто движения. Ничего такого не наблюдалось, хотя перспектива выглядела самой настоящей. Мне даже почудился холодный ветерок на затылке. Я смотрел долго, ожидая, что же покажет зеркало. Ничто не менялось. Если ему нечего больше предложить, решил я, то можно идти.

Что-то шевельнулось в кустах за моей спиной. Я обернулся, выставил руки.

Оказалось, это всего лишь ветер. И тут я понял, что стою не в коридоре, и снова огляделся. Зеркало и стена исчезли. Передо мной был невысокий холм, на нем — разрушенная стена, за которой мерцали отсветы. Мне стало любопытно, и я осторожно полез на холм.

Небо темнело на глазах. На нем не было ни облачка, яркие звезды складывались в незнакомые созвездия. Я крадучись пробирался среди камней, травы, кустов, битого кирпича. Из-за увитой плющом стены доносились голоса. Слов было не разобрать. Впрочем, на разговор это не походило, скорее на какофонию, словно несколько человек разного пола и возраста одновременно вещают на публику.

Я выбрался на вершину и коснулся неровной стены. Мне совсем не улыбалось идти в обход и выставляться на обозрение неизвестно кому. Куда проще было ухватиться рукой за ближайший пролом, подтянуться и заглянуть через верх. Так я и сделал. Мне даже удалось нащупать зацепки для ног, так что на руках висеть не пришлось.

Я подтянулся еще на несколько дюймов и поверх выщербленных камней заглянул внутрь.

Это было что-то вроде храма, потолок обрушился, дальняя стена стояла, но вся пошла трещинами. Справа на возвышении помещался ветхий алтарь. То, что здесь произошло, явно произошло порядочное время назад, потому что внутри успели разрастись кусты и плющ, сгладив очертания просевших скамей, рухнувших колонн, обломков перекрытия.

Передо мной, на расчищенном пятачке, была начертана пентаграмма. В вершинах звезды стояли пятеро, лицами

наружу. На пересечениях линий горело по факелу. Это выглядело чудноватой вариацией знакомого ритуала. Мне стало любопытно, почему они не защищены и почему не объединят усилия — каждый, по видимости, был занят своим и не обращал внимания на остальных. Те трое, которых я видел отчетливо, стояли спиной ко мне. Двух других я видел еле-еле, и лица их скрывала тень. Одни голоса были мужскими, другие — женскими. Один пел, два декламировали нараспев, два просто говорили, но деланно, театрально.

Я еще подтянулся, силясь разглядеть лица. Что-то во всех них было знакомое; я чувствовал, что, узнав одного, сразу угадаю остальных.

Следующий вопрос был — кого они вызывают? Укроет ли меня в случае чего стена? Внизу обычных ограждающих мер видно не было.

Я подтянулся еще чуть-чуть. И тут заметил, что движусь без всяких усилий. В следующее мгновение стало понятно, что стена рушится, а я падаю в самую середину необычного хора. Я попытался оттолкнуться от стены, чтобы скатиться по склону и броситься наутек. Поздно. Я оттолкнулся, но инерция влекла меня вперед.

Никто из пятерых не шелохнулся под градом обломков, и я на лету поймал первые внятные слова.

— ...вызываю тебя, Мерлин, да будешь в моей власти! — пела одна из женщин.

Все-таки очень действенный ритуал, решил я, раскидывая руки и ноги и приземляясь спиной в середину пентакля. Голову я успел подобрать, чтобы не удариться затылком, руки отлично самортизировали, так что дух из меня не вышибло. Пламя факелов заколыхалось, потом выровнялось. Пятеро по-прежнему смотрели в разные стороны. Я попытался встать и обнаружил, что не могу. Мое тело как будто прибили к земле.

Фракир предупредила меня слишком поздно, уже в полете, и теперь я не знал, какое ей найти применение. Можно отправить ее к любому из пятерых с приказом ползти к шее и душить, но пока я не знал, кто именно и заслуживает ли такой участи.

— Не люблю сваливаться как снег на голову, — сказал я, — и вижу, что вторгся в дружеский кружок. Если кто-нибудь любезно меня отпустит, я потихоньку пойду...

Женщина у моей левой ноги повернулась — в синем платье, но без маски на озаренном пламенем лице. Она

натянута улыбалась, потом облизнула губы. Джулия. В правой руке она держала нож.

— Болтун несчастный! На все-то у него готовый ответ. Ты просто уходишь от прямого и честного разговора. Даже с теми, кто тебя любит.

— Может, это просто чувство юмора, — сказал я, — которого, как я убеждаюсь, у тебя никогда не было.

Она медленно покачала головой:

— Ты всех держишь на расстоянии вытянутой руки. Ты не умеешь доверять.

— Дурная наследственность, — объяснил я. — Но сдержанность не исключает привязанности.

Джулия занесла было нож, но удержала руку.

— Ты хочешь сказать, что по-прежнему меня любишь?

— Я и не переставал тебя любить. Просто ты меня напугала. Ты хотела больше, чем я мог в то время дать.

— Ты лжешь, — отчеканила она, — потому что твоя жизнь в моих руках.

— Я могу придумать и худшие причины для вранья.

Справа послышался другой знакомый голос:

— Мне рано об этом говорить, но я ей завидую.

Я повернул голову и увидел, что и другая женщина теперь смотрит на меня. Это была Корэл; ее правый глаз скрывала черная повязка, в руке она тоже держала нож. Тут я увидел, что у нее в левой руке, и быстро перевел взгляд на Джулию. Да, у обеих в руках были не только ножи, но и вилки.

— Et tu*, — произнес я.

— Я же говорила, что не понимаю по-английски, — отвечала Корэл.

— Эту съем я, — отозвалась Джулия, поднимая вилку. — Кто сказал, что у меня нет чувства юмора?

Они начали плевать друг в друга, но больше попадали в меня.

Мне подумалось, что Люк бы сумел вывернуться, немедленно предложив обоим руку и сердце. Сам я на это не решился, чувствуя, что не поможет.

— Это — галлюцинация, вызванная страхом женитьбы, — сказал я. — Это — навязчивый бред. Это — сон наяву. Это...

Джулия опустила на одно колено и вонзила вилку в мою левую ляжку.

* И ты (лат.). Начало фразы «И ты, Брут».

Я заорал, но осекся, когда Корэл воткнула вилку в плечо.

— Это смешно! — вопил я. Ножи и вилки мелькали, я корчился от боли.

Женщина в правой дальней вершине развернулась медленно, величаво. Она была до глаз закутана в бурый плащ с желтой опушкой.

— Прекратите, бабье! — приказала она и распахнула плащ, став похожей на бабочку-траурницу. Конечно, это была Дара, моя мать.

Джулия и Корэл уже поднесли вилки ко рту и жевали. У Джулии на губе алела капелька крови.

Плащ развевался, словно живой, словно он растет у матери из пальцев. Его полы совершенно спрятали от меня Корэл и Джулию, накрыли их, отбросили назад, и вскоре обе женщины превратились в столбики, которые все уменьшались и уменьшались, так что, когда плащ свободно повис, их в углах звезды уже не было.

Тут слева послышались аплодисменты и хриплый смех.

— Отлично сработано, — донесся до боли знакомый голос, — но ты всегда любила его больше всех.

— Просто больше, — поправила она.

— Разве бедный Деспил хуже? — спросил Джарт.

— Ты несправедлив, — отвечала она.

— Ты всегда любила чокнутого амберского принца больше нашего достойного отца. Потому и Мерлина баловала больше нас, разве нет?

— Ты сам знаешь, что не прав, Джарт.

Он снова рассмеялся:

— Мы все вызвали его, потому что хотели видеть, каждый по своей причине. Но в конечном счете все наши желания сводятся к одному, ведь правда?

Я услышал вой и повернул голову в ту самую минуту, когда лицо его по-волчьи удлинилось, блеснули клыки, и Джарт, рухнув на четвереньки, впился в мое плечо, торопясь урвать кусок окровавленной плоти.

— Прекрати! — закричала Дара. — Звереныш!

Он поднял морду и захохотал безумным смехом койота.

Черный сапог пнул его в плечо, отбросил к еще стоящей стене, которая сразу рухнула. Джарт успел коротко взвизгнуть, и тут же его накрыло грудой камней.

— Ну, ну, ну, — услышал я голос Дары и, переводя взгляд, увидел в ее руках вилку и нож. — Что такой скот делает в таком милом месте?

— Вероятно, сдерживает последних хищников, — отвечал голос, поведавший мне когда-то очень долгую историю с множеством версий автомобильной катастрофы и генеалогических сплетен.

Дара метнулась ко мне, но он наклонился, схватил меня под мышки и рванул на себя. Длинный черный плащ взметнулся, словно у матадора, накрыв Дару, вогнав ее в землю, как она сама вогнала Корэл и Джулию. Сильные руки поставили меня стоймя и встряхнули плащ. Покуда они застегивали ворот серебряной розой, я выискивал клячки или хотя бы вилку с ножом.

— Четверо из пяти, — сказал я, отряхиваясь. — Сколь бы правдоподобно это ни выглядело, думаю, толковать все же следует символически. Как вышло, что в тебе не проснулись людоедские наклонности?

— Ну, — произнес он, натягивая серебряную перчатку, — я ведь никогда не был тебе настоящим отцом. Трудно это, когда ни сном ни духом не ведаешь о ребенке. Потому мне и хотеть от тебя нечего.

— Похоже, это у тебя Грейсвандир.

Он кивнул:

— Похоже, тебе он тоже пригодился.

— Полагаю, надо сказать тебе спасибо. И еще полагаю, что обращусь не... не по адресу, если спрошу, ты ли перенес меня из пещеры в край между Тенями.

— Я самый.

— Ты не мог ответить иначе.

— Если б не переносил, не сказал бы. Эй, берегись! Стена!

На нас падала большая секция каменной кладки. Мощный толчок отбросил меня в середину пентаграммы. Сзади с грохотом катились камни. Я приподнялся, оттолкнулся руками, уворачиваясь от них.

Что-то ударило меня в висок.

Очнулся я в Зеркальном Коридоре. Я лежал ничком, лицом на правом локте, сжимая в руке прямоугольный камешек. Пахло душистым воском. Я начал вставать и сразу почувствовал боль в обоих плечах и в правой ляжке. Беглый осмотр выявил порезы во всех этих местах. Ничто другое не подтверждало реальность моих недавних приключений, но и эти доказательства были весьма ощутимы.

Я встал и заковылял к своей комнате.

— Куда ты подевался? — крикнул сверху Рэндом.

— А? Что?

— Ты вышел в коридор, но там ничего нет.

— Как долго меня не было видно?

— С полминуты.

Я помахал камнем.

— Вот, поднял в коридоре. Не могу понять, что это.

— Вероятно, его вышибло из стены и забросило сюда при столкновении Сил, — отвечал Рэндом. — Раньше у нас было довольно много арок, сложенных из таких камней. На твоём этаже почти все они замурованы.

— Ясно, — сказал я. — Заскочу к тебе, прежде чем отправляться.

— Валяй, — отвечал он.

Я повернулся и через очередную рухнувшую стену (сколько же их было сегодня!) пробрался в свою спальню.

В дальней стене зиял пролом, и сквозь него открывался вид на пыльные комнаты Брэнда. Похоже, дыра образовалась на месте арки, которая прежде соединяла наши помещения. Слева сохранился кусок свода. Я подошел взглянуть. Да, арка сложена из таких же камней, как и этот у меня в руке. И даже...

Я стряхнул осыпавшуюся штукатурку, приладил свой камень в дыру. Он встал как влитой и не вынул, когда я его дернул. Вынес ли я его из зловещего сна об отцовско-материнско-возлюбленно-братском ритуале? Или бессознательно подобрал с пола, куда его забросило недавним архитектурным бедствием?

Я отвернулся, снял плащ, сбросил рубаху. Да. На правом плече атели дырки от вилки; на левом — что-то вроде звериного укуса. На штанине запеклась кровь, ляжка болела.

Я умылся, почистил зубы, причесался, перевязал ногу и левое плечо. Завтра привычный метаболизм не оставит от ран и следа, но не хватало, чтоб они открылись и запачкали кровью новый наряд.

Кстати...

Шкаф уцелел, и я решил сделать Люку приятное. Золотая рубаха и синие штаны почти точно повторяли цвета Беркли; кожаный камзол в тон штанов, синий же плащ с голубым подбоем, черная перевязь, заткнуть за нее черные перчатки... Да, мне понадобится новый меч. И кинжал.

Я прикидывал, какую надеть шляпу, когда внимание мое привлёк непонятный звук. Я обернулся.

В комнате клубилась пыль. На месте зубчатого пролома красовалась симметричная арка, стена по бокам и сверху от нее выглядела совершенно новой. Стена справа от меня тоже частично восстановилась.

Я подошел и пробежал пальцами по каменному своду Потрогал штукатурку. Ни трещинки. Обладеть. Камень заколдован. С какой целью?

Я прошел в арку и огляделся. В комнате было темно, и я машинально призвал логрусское зрение. Оно явилось, как обычно. Видимо, Логрус решил не поминать старого.

С его помощью я видел остатки многих колдовских опытов, множество неснимаемых чар. Большинство магов оставляет за собой некоторое количество невидимого обычному глазу мусора, но Брэнд, похоже, своей ленью превосходил всех — хотя, вздумав овладеть Вселенной, он под конец наверняка загнал себя в цейтнот. Тут уж не до аккуратности.

Я продолжил осмотр. Мне попадались загадочные наброски — свидетельства, что Брэнд на путях колдовства углубился в дебри, в которые я сам предпочел бы не заходить. Однако я не видел ничего такого, с чем не мог бы справиться, ничего по-настоящему опасного. Возможно, и впрямь не стоит закладывать арку, пусть эти комнаты тоже будут мои.

Заодно я решил заглянуть в шкаф, не сыщется ли там подходящей шляпы. Открыл дверцу и нашел темную трезулку с золотым пером, как раз по мне. Цвет немножко не подходил, но я вдруг вспомнил заклинание, которым его изменить. И уже собирался закрыть шкаф, когда что-то за шляпами блеснуло в логрусском зрении.

Я потянулся и достал длинные, украшенные золотом темно-зеленые ножны, очень изящные. В головке золоченого эфеса красовался огромный изумруд. Я с опаской потянул его, почти ожидая, что клинок взвизгнет, словно демон, которому на голову сбросили полиэтиленовый пакет со святой водой. Однако тот только зашипел и слегка задымился. Яркая насечка на лезвии казалась смутно знакомой. Ну конечно, Путь. Только на Грейсвандире нанесен отрезок ближе к началу, а на этом — ближе к концу.

Я убрал клинок в ножны и, подчиняясь порыву, пристегнул их к перевязи. Отцовский меч — прекрасный подарок на коронацию. Вот и замечательно. Я вышел в боковой коридор, перебрался через разрушенную Джерардову стену и мимо комнат Фионы дошел до отцовской двери. Мне хотелось проверить одну догадку, и меч об этом

напомнил. Я отыскал в кармане ключ, который переложил туда из окровавленных штанов. Потом все-таки решил постучать. Что, если...

Я постучал, подождал, еще постучал и снова подождал. Тишина. Я отпер дверь. Дальше порога я не пошел. Меня интересовала вешалка.

Грейсвандира на крючке не было.

Я шагнул назад, прикрыл и запер дверь. Пустые крючки сказали мне многое. То был момент озарения, когда по-прежнему ничего не знаешь наверняка, но растет ощущение, что разгадка стала чуть ближе.

Я двинулся обратно, мимо комнат Фионы. Снова вошел к Брэнду через дверь, которую оставил открытой. Рядом на подноске лежал ключ. Я запер дверь, ключ спрятал в карман. Глупо — любой может войти сюда через мою комнату, в которой недостает стены. И все же...

Я помялся. Не хотелось возвращаться к себе, к забрызганному тигиной слюной, засыпанному штукатуркой персидскому ковру. В комнатах Брэнда было что-то умиротворяющее, какое-то незамеченное прежде спокойствие. Я походил, выдвигая ящики, открывая волшебные шкафулки. Раскрыл папку с чертежами. Логрусское зрение показало, что в изголовье кровати спрятан мощный магический предмет, от которого отходят силовые линии.

Я отвинтил шишечку, увидел, что столбик — полый. Внутри лежал бархатный мешочек с кольцом. Широкий — возможно, платиновый — ободок был усажен тончайшими волосняными шипами красного металла. От каждого из бесчисленных шипов отходила силовая линия, тянущаяся куда-то, возможно — в Тень, к спрятанному заклятию или источнику энергии. Может, Люку приятнее будет получить кольцо, чем меч.

Я надел кольцо на палец, и оно как бы пустило корни в мое тело, в самое его нутро. Они связывали меня с ободком, а через него — с отходящими силовыми линиями. Я ощущал их на всей протяженности и дивился богатству покорных колыцу энергий — от простых хтонических сил до сложнейших построений Высшей Магии, от элементарных частиц до кого-то, кто представлялся лоботомированными существами неимоверно высоких порядков. Странно, что кольца не было на Брэнде в день его гибели. Думаю, тогда его никто бы не победил; мы бы все жили в Брэнденбурге в замке Брэнд. Странно и другое — как Фиона, в соседней комнате, не почувствовала талисман и не отыскала. С другой стороны, не чувствовал же я. Вероятно, при всей своей

мощи кольцо не ощущается на расстоянии больше нескольких футов.

Поразительно, какие сокровища таятся в этой комнате! Интересно, связано ли это с возможностью в некоторых помещениях достигать эффекта персональной вселенной? Кольцо, питающееся от таких мощных источников энергии — замечательная альтернатива обращению к Логрусу и Пути. На его создание должны были уйти столетия. Для чего бы Брэнд его ни предназначал, планы были явно не сиюминутные. Я решил не отдавать кольцо Люку и вообще никому из чародеев. Да и нечародею его лучше не доверять. На место класть тоже не хотелось...

Что это дергается на моей руке? Ах да, Фракир. Она предупреждала об опасности уже некоторое время, но заметил я только сейчас.

— Жалко, что ты потеряла голос, старушка, — сказал я, поглаживая ее и осматривая комнату в поисках психической или телесной угрозы.

Она тут же скользнула по руке и попыталась снять с пальца кольцо.

— Прекрати, — велел я. — Понимаю, кольцо опасно. Но только если пользоваться им неправильно. Я, как-никак, чародей, и на этом деле собаку съел. Мне тревожиться нечего.

Фракир не послушалась и продолжала атаковать кольцо. Я мог приписать это лишь ревности одного колдовского предмета к другому. Снял ее с руки и завязал тутим узлом на кроватном столбике, чтоб впредь было неповадно.

Потом еще раз внимательно обшарил комнату. Раз меч и кольцо остаются у меня, хорошо бы отыскать Люку что-нибудь еще из вещей его отца...

— Мерлин! Мерлин! — послышалось откуда-то из-за моей комнаты.

Я встал с колен (перед этим я простукивал пол на предмет тайников) и прошел сквозь арку в свою спальню, а оттуда в гостиную. Здесь я помедлил, хотя меня снова звали, и я узнал голос Рэндома. Стена, выходящая в коридор, отстроилась больше чем наполовину — словно бригада невидимых плотников и штукатуров трудилась над ней с той секунды, как я вставил зачарованный камень в ворота Брэндова царства. С ума сойти. Я стоял и смотрел, надеясь увидеть, как это происходит. Тут Рэндом произнес: «Кажется, он ушел», и я откликнулся:

— А? Что?

— Давай сюда, и живее, — сказал он. — Посоветоваться надо.

Я вышел в коридор через заметно сократившийся пролом и поднял глаза. И сразу ощутил чудесные способности кольца — оно, словно чуткий музыкальный инструмент, отозвалось на мое желание. Стоило мне подумать, как соответствующие линии ожили, и я поплыл к отверстию в потолке, на лету натягивая перчатки. Перчатки — потому что мне пришло в голову, что Рэндом узнает кольцо и начнется долгий ненужный разговор.

Вплывая в мастерскую, я придерживал плащ, чтобы спрятать в складках меч.

— Внушительно, — кивнул Рэндом. — Рад видеть, что ты поддерживаешь колдовскую форму. Поэтому-то я тебя и позвал.

Я поклонился. Придворный наряд настраивал на учти-вость.

— Чем могу служить?

— Не выдрючивайся, — сказал он, беря меня за локоть и подталкивая к входу в спальню. В открытой двери стояла Вайол.

— Мерлин? — спросила она, когда я задел ее плечом.

— Да? — отозвался я.

— Я не была уверена, — отвечала она.

— В чем?

— Что это ты.

— Я, конечно.

— Это действительно мой брат, — сказал Мэндор, вставая и подходя к нам. Рука его, вставленная в лубки, висела на повязке, с лица исчезло напряженное выражение. — Если что-то в нем кажется вам необычным, то причина проста — выйдя отсюда, он успел побывать в неприятной переделке.

— Это правда? — спросил Рэндом.

— Правда, — отвечал я. — Только я не знал, что это так очевидно.

— Ты не ранен? — спросил Рэндом.

— Да вроде цел.

— Хорошо. Тогда подробности отложим до другого раза. Корэл нет, и Дворкина тоже. Я не видел, как они исчезли. Когда это случилось, я еще был в мастерской.

— Когда случилось что? — спросил я.

— Дворкин закончил операцию, — пояснил Мэндор, — взял даму за руку, поставил на ноги и перенес отсюда. Очень изящно. Только что они стояли у кровати; в следующее

мгновение их радужное послесвечение растворилось в воздухе.

— Ты говоришь, перенес. С чего ты взял, что их не умыкнул Призрак или кто-то из Сил?

— Я следил за его лицом, — сказал Мэндор. — На нем не было изумления, только усмешка.

— Думаю, ты прав, — согласился я. — А кто вправил тебе руку, если Рэндом был в мастерской, а Дворкин слинял?

— Я, — ответила Вайол.

— Значит, ты один видел, как они исчезли? — спросил я. Мэндор кивнул.

— Я зачем тебя позвал, — сказал Рэндом. — Мэндор не знает, куда они подевались. Может, ты что-нибудь предположишь. Вот.

Он показал мне цепочку, с которой свешивалась пустая металлическая оправка.

— Что это?

— Главнейшее из сокровищ короны, — отвечал он. — Судный Камень. Это они оставили мне. А Камень забрали.

— Ох, — сказал я. Потом: — У Дворкина в руках он будет в полной безопасности. Старик говорил, мол, спрячет его в надежном месте, и никто больше его не знает...

— А если он снова свихнется? — спросил Рэндом. — И вообще, я не собираюсь обсуждать его достоинства как хранителя. Я хочу знать, куда он умотал вместе с Камнем.

— Не думаю, чтоб он оставил следы, — произнес Мэндор.

— Где они стояли? — спросил я.

— Здесь, — указал он здоровой рукой. — Справа от кровати.

Я встал на место, перебирая новообретенные возможности в поисках самой подходящей.

— Чуть дальше от изголовья.

Я кивнул, чувствуя, что совсем несложно будет заглянуть в такое близкое прошлое.

Мелькнули радужные призраки, сгустились в силуэты. Стоп.

Силовая линия от кольца протянулась вслед Дворкину и Корэл, поочередно вспыхивая всеми цветами спектра, прошла сквозь портал, который тихо схлопнулся за их спинами. Держа ладонь козырьком, я как бы заглянул вдоль линии.

...в огромную залу, где слева висели шесть гербов, справа — множество знамен и стягов. Передо мной в исполнском камине гудело пламя.

— Я вижу, куда они перенеслись, но не знаю, где это.

— А есть ли способ показать это место нам? — спросил Рэндом.

— Возможно, — сказал я и, еще не договорив, понял, что способ действительно есть. — Смотрите в зеркало.

Рэндом подошел к зеркалу, сквозь которое провел меня Дворкин — как давно это было?

— Кровью зверя на шесте и раковиной, расколотой в центре мира, — продекламировал я, чувствуя, что воззвать придется к обеим Силам, — откройся, зрение!

Зеркало покрылось изморозью, а когда очистилось, в нем был тот же украшенный знаменами зал.

— Провалиться мне на этом месте, — пробурчал Рэндом. — Он доставил ее в Кашфу. Хотел бы я знать зачем.

— Как-нибудь научишь меня этому фокусу, брат, — заметил Мэндор.

— Раз я так и так собрался в Кашфу, — сказал я, — будут ли какие-нибудь особые поручения?

— Поручения? — переспросил Рэндом. — Просто узнай, что происходит, и сообщи мне, ладно?

— Конечно, — кивнул я, вынимая колоду.

Вайол подошла и взяла мою руку, словно прощаясь.

— Перчатки, — заметила она.

— Стараюсь не ронять своего титула, — объяснил я.

— Корэл, похоже, чего-то боится в Кашфе, — прошептала Вайол, — она бормотала это во сне.

— Спасибо. Я готов ко всему.

— Ты можешь говорить так для уверенности, — сказала она, — но себя тебе не убедить.

Я рассмеялся и поднял карту к глазам, делая вид, что смотрю на нее, хотя на самом деле расширял силовую линию, связывающую меня с Кашфой. Я заново открыл дорогу, по которой прошел Дворкин, и шагнул.

Глава 12

Кашфа.

Я стоял в сером каменном зале, украшенном гербами и флагами, на полу, присыпанном камышом, среди грубой мебели, перед огромным камином, бессильным просушить сырой, пахнущий стряпней воздух. В зале никого не было, хотя со всех сторон доносились голоса и звуки настраиваемых инструментов. Я поспел к самому торжеству Минус этого способа передвижения, в сравнении с картой, один: никто меня не встречал, никто ничего не объяснял. Выигрыш — тот же; то есть, если я хочу высмотреть что-либо украдкой, сейчас самое время. Кольцо, этот истинный кладезь колдовской премудрости, отыскало заклинание, делающее меня невидимым, и я им тут же воспользовался.

С час я бродил по крепости. Внутри главной стены располагались четыре больших здания и много маленьких. За первой стеной обнаружилась еще одна, и еще одна — чуть дальше: три кольца увитой плющом обороны. Я не заметил обычных разрушений — похоже, войска Далта не встретили отпора. Не видно было пожаров и грабежей; думаю, Джасра заплатила, чтоб семейное достояние вернули ее сыну в целостности и сохранности. Войска занимали все три кольца — я послушал разговоры и узнал, что они останутся на время коронации. Солдаты стояли и на центральной площади — они зубоскалили над местными гвардейцами в парадных мундирах, строящимися для коронационной процессии. Впрочем, шутки звучали довольно беззлобно; видимо, и тем и другим нравился Люк, к тому же, как я понял, многие гвардейцы и наемники были знакомы между собой.

Первый Единорожий храм Кашфы (примерно так можно перевести название) высился через площадь, прямо напротив дворца. Здание, в которое я попал с самого начала, оказалось одной из служебных пристроек, где толклись наскоро созванные гости, слуги, придворные и зеваки.

Я не знал, на какой час назначена коронация, и решил поскорее отыскать Люка, пока его не закружило в водовороте событий. Может, он даже скажет, куда и зачем перенесли Корэл.

Поэтому я отыскал нишу в обычной каменной стене, сбросил заклятие-невидимку, вытащил карту Люка и послал сигнал. Я не хотел показывать, что уже проник в город, чтоб не объяснять, какой силой это совершено. В полном согласии с теорией, что никому не следует говорить все.

— Мерлин! — воскликнул он, разглядывая меня. — Секрет всплыл или что?

— Всплыл и пускает пузыри, — отвечал я. — Поздравляю с днем коронации!

— Эге! Да ты в университетских цветах!

— А что? Ты как-никак победил, разве нет?

— Слушай, радоваться особенно нечему. Кстати, я собирався с тобой связаться. Хотел посоветоваться, пока еще не все решено. Можешь перебросить меня к себе?

— Я не в Амбере, Люк.

— А где же?

— Ну... в приходежей, — сознался я. — На боковой улочке между твоим дворцом и чем-то вроде постоянного двора.

— Не пойдет, — сказал Люк. — Если я покажусь на улице, сразу сбежится народ. Иди к храму Единорога. Если там пусто и ты отыщешь тихий, темный уголок, где можно поговорить, свяжешься со мной и перебросишь туда. Если нет, что-нибудь придумаешь, ладно?

— Ладно.

— А как ты вообще сюда попал?

— В качестве передового разведчика наступающей армии, — сказал я. — Если власть сменится еще раз, это будет пере-переворот, верно?

— Будешь так шутить, получишь от ворот переворот, — сказал он. — До связи.

Отбой.

Я пересек площадь по разметке, сделанной, видимо, для будущей процессии. Я думал, что в Доме Единорога у меня возникнут неприятности и придется воспользоваться заклинанием, чтобы войти, но никто не преградил мне путь.

Огромное здание было украшено к торжеству, убрано цветами и флагами. Внутри никого не оказалось, кроме закутанной в покрывало женщины, которая молилась перед алтарем. Я отошел влево — там вроде было темнее.

— Люк, — обратился я к его карте. — Все чисто. Я понятно выразился?

Я почувствовал его присутствие раньше, чем увидел образ.

— Отлично, — сказал он, — тащи меня отсюда.

Мы взялись за руки, и через мгновение Люк стоял рядом.

Он похлопал меня по плечу.

— Дай-ка на тебя взглянуть!.. Интересно, куда пропал мой университетский свитер?

— По-моему, ты отдал его Гейл.

— Что ж, не исключено...

— Я привез тебе подарок, — сказал я, отбрасывая плащ и берясь за завязки перевязи. — Вот. Я нашел меч твоего отца.

— Шутишь.

Люк взял меч двумя руками, посмотрел на ножны, внимательно повертел их в руках. Потом чуть-чуть вытащил сам меч — клинок снова зашипел, вдоль лезвия заплескали искры и потянулся дымок.

— И впрямь он! — воскликнул Люк. — Вервиндль, Меч Дня — брат Лезвия Ночи, Грейсвандира!

— Как это? Никогда не слышал, что они связаны.

— Мне придется сильно поднажиться, чтобы вспомнить всю историю, но это так. Спасибо.

Люк повернулся и прошел несколько шагов, постукивая ножами по ляжке.

— Меня обставили, — сказал он, останавливаясь. — Снова эта женщина. Просто зла не хватает. Не знаю, как и выкрутиться.

— Что? О ком ты?

— О матери. Опять она в своем репертуаре. Только я вообразил, что сам распоряжаюсь своей жизнью, — появляется она и путает мне все карты!

— Как?

— Нанимает Далта и его ребят захватить власть.

— М-да, примерно так мы себе и представляли. Кстати, что с Арканзом?

— Все отлично. Разумеется, он под арестом, но в хорошем месте и ни в чем не имеет отказа. Обижать его я не буду. Он всегда мне нравился.

— Что же тебя не устраивает? Ты выиграл и станешь королем.

— Черт побери! — пробормотал Люк, косясь на алтарь. — Думаю, меня обдурили, хотя не совсем в этом уверен. Понимаешь, меня никогда не тянуло царствовать. Далт сказал, мы возвращаем престол матери. Я пришел с ним, чтобы восстановить порядок, вернуть корону в семью, а потом приветствовать маму фанфарами и всякой прочей чепухой. Надеялся, что, получив трон, она от меня отстанет. Я умотаю в какое-нибудь более приятное место, а ей станет не до меня. Никто не говорил, что эту блатную работенку собираются подбросить мне!

Я покачал головой:

— Ничего не понимаю. Ты добыл корону для матери. Ну так отдай и делай, что собирался.

Люк горько усмехнулся:

— Арканз им люб, я — тоже. Мать они не выносят на дух. Никто не хочет ее королевой. Хуже того, если она вернется, тут-то и впрямь случится пере-переворот.

— Ну так уйди в сторону и уступи трон Арканзу.

Люк ударил кулаком в каменную стену.

— Не знаю, на кого она будет злиться больше: на меня или на себя, что заплатила Далту такие деньги. Но она скажет, что это — мой долг. И не знаю, может, и правда... Ты не находишь?

— Трудно сказать, Люк. Кто из вас справится лучше — ты или Арканз?

— Честно — не знаю. У него много опыта, но я здесь вырос, знаю, что и как. Одно ясно: и он, и я — лучше, чем мама.

Я скрестил руки на груди и задумался.

— Не мне за тебя решать. А чего бы тебе самому хотелось?

Люк хохотнул:

— Сам знаешь, я по натуре торговец. Если бы я решил что-нибудь сделать для Кашфы, мне бы хотелось представлять ее промышленность за рубежом, а монарху это не-гоже. Хотя, возможно, это получилось бы у меня лучше всего.

— Задача не из простых, Люк. Не беру на себя смелость тебе советовать.

— Если б я такое предвидел, пришиб бы Далта еще в Арденах.

— Думаешь, ты мог бы его одолеть?

— А то!

— Ладно, теперь это уже неважно.

Стоявшая перед нами женщина несколько раз оглянулась. Наверное, мы слишком громко говорили в святом месте.

— Плохо, что нет других желающих, — сказал я, понижая голос.

— Жителю Амбера все это должно представляться мышьиной возней.

— Черт, это твой дом. Ты имеешь право принимать его всерьез. Я просто жалею, что тебя это так огорчает.

— М-да, большинство неприятностей начинается дома. Иногда меня подмывает уйти и не вернуться.

— А что будет, если ты так и поступишь?

— Либо мать с помощью Далтовых ребятишек вернет себе трон, а я знаю многих, кому это не понравится — их всех придется казнить, либо она решит, что игра не стоит свеч, и оседет в Страже. Если она предпочтет уйти на покой, коалиция, поддерживавшая в свое время Арканза, освободит его из тюрьмы, и все пойдет, как намечалось.

— И что, по-твоему, более вероятно?

— Она не успокоится, и будет гражданская война. Победит мать или проиграет, усобица не даст нам вступить в Золотое Кольцо. Кстати о...

— Не знаю, — быстро вставил я. — Я не уполномочен говорить с тобой о договоре.

— Я так и предполагал, — отвечал Люк, — и спросить хотел о другом. Мне просто любопытно, сказал ли кто-нибудь в Амбере «Все, конец», или «Может, чуть позже мы согласимся вернуться к этому разговору», или «Все по-старому, но про Эрегнор они могут забыть».

Он деланно улыбнулся, я отвечал тем же.

— Можешь забыть про Эрегнор.

— Так я и думал. А остальное?

— У меня создалось впечатление, что это «Подождем, поглядим, как будут развиваться события».

— Все как я и предполагал. Замолви за меня словечко, даже если никто не будет просить, ладно? Кстати, ведь твой визит сюда неофициальный?

— Личный, — отвечал я, — с дипломатической точки зрения.

Женщина перед нами встала с колен. Люк вздохнул.

— Эх, попасть бы снова в ресторан к Алисе. Может, Болванщик заметил бы что-то такое, что мы упускаем... Эй! Откуда он взялся? Вылитый ты, только...

Люк смотрел поверх моего плеча. Я уже чувствовал беспокойство и даже не потрудился вызвать Логрус, потому что был готов ко всему.

Я с улыбкой обернулся.

— Готов умереть, брат? — спросил Джарт. Он то ли исхитрился отрастить глаз, то ли вставил искусственный, к тому же отпустил волосы, так что уха его я не видел. Мизинец тоже немного отрос.

— Нет, но готов убивать, — сказал я. — Рад, что ты подвернулся под руку.

Джарт с издевкой поклонился. Его окружал неясный ореол, и я чувствовал бурлящую в нем силу.

— Заглянул в Страж еще разок, чтобы долечиться? — спросил я.

— Не вижу такой необходимости. Теперь, когда я владею столь мощными силами, я могу справиться с чем угодно.

— Это Джарт? — спросил Люк.

— Да, это Джарт, — отвечал я.

Джарт быстро взглянул на Люка, задержал взгляд на мече.

— Что это у тебя за колдовской предмет? Дай-ка глянуть!

Он протянул руку. Меч в кулаке у Люка дернулся, но остался на месте.

— Нет уж, извини, — сказал Люк, и Джарт исчез. Через мгновение он возник снова, у Люка за спиной, и мертвой хваткой сдавил его горло. Люк правой взял Джарта за руки, нагнулся и перекинул моего брата через плечо.

Джарт упал навзничь. Люк не двинулся с места.

— Обнажи свой клинок, — сказал Джарт, — чтоб мне его увидеть. — Потом по-собачьи встряхнулся и вскочил на ноги. — Ну?

— Много чести будет, — отвечал Люк.

Джарт поднял над головой сжатые кулаки, свел их, а когда развел, то правая как-то извлекла из левой длинный клинок.

— Этот фокус надо показывать на базаре, — сказал Люк.

— Обнажи меч!

— Не хочется сражаться в храме. Может, выйдем?

— Умный какой, — отвечал Джарт. — А то я не знаю, что у тебя там войско. Нет уж, спасибо. Мне даже приятно будет залить кровью алтарь Единорога.

— Тебе надо непременно познакомиться с Далтом, — сказал Люк. — У него похожие заскоки. Может, тебе коня? Или петуха? Или белых мышей и алюминиевой фольги?

Джарт сделал выпад. Люк отступил на шаг и выгасил отцовский меч. Клинок зашипел, затрещал, окутался дымом. Люк легко парировал. Лицо Джарта внезапно искзилось страхом, он отпрянул назад, взмахнул руками, осту-пился и потерял равновесие. Люк ударил его ногой в живот. Джарт выпустил свой меч, и тот со звоном отлетел в сторону.

— Это Вервиндль! — выкрикнул Джарт. — Как меч Брэн-да попал к тебе?

— Брэнд — мой отец, — отвечал Люк.

Джарт глянул с неожиданным уважением.

— Я не знал, — проговорил он и исчез.

Я ждал, протянув волшебные щупальца по всему храму. Но здесь были только мы с Люком да женщина, которая остановилась чуть поодаль и смотрела, словно хотела выйти, но опасалась приблизиться к нам.

И тут Люк упал. Джарт, только что ударивший его локтем в основание затылка, стоял сзади и тянулся к Люковой руке, собираясь вырвать меч.

— Он должен принадлежать мне! — вскричал Джарт.

Я метнул из кольца сгусток чистой энергии — думал, от Джарта останется мокрое место. Только мгновение я колебался, прежде чем выбросить смертельный разряд. Рано или поздно один из нас другого убьет, и пусть лучше повезет мне.

Однако повезло-таки ему. Омовение в кладезе закалило Джарта куда больше, чем я думал. Он завертелся волчком, словно его отбросило грузовиком, и вмазался в стену, зашатался, сполз на пол. Из рта у него хлынула кровь. Казалось, Джарту конец. Тут глаза его сфокусировались, руки взметнулись.

Сила, подобная той, что я только что метнул в Джарта, ударила меня. Я был поражен, как быстро он оправился и сумел отплатить тем же. Меньше удивило другое — что я устоял. Я шагнул вперед и предпринял попытку испепелить его чудесным заклинанием, которое присоветовало кольцо. Джарт уже вскочил и успел заслониться, хотя одежда его уже тлела. Я наступал, и он создал вокруг меня вакуум. Я вырвался и вдохнул снова. Тогда я испробовал подсказанное кольцом таранное заклинание, еще более мощное, чем первое.

Джарт исчез перед самым тараном, а в стене, у которой он стоял, образовалась трехфутовая трещина. Я разослал во все стороны чуткие щупальца-линии, отыскал противника в следующую же секунду: на карнизе под потолком. Он прыгнул на меня в то мгновение, когда я поднял глаза.

Я взлетел и исхитрился поймать Джарта в середине падения, потом ударил левой, рассчитывая сломать ему шею и челюсть. К несчастью, я заодно сломал и собственное левитирующее заклинание, так что мы оба рухнули на пол.

Женщина вскрикнула и устремилась к нам. Секунду мы оба лежали оглушенные. Потом Джарт перекатился на живот, выбросил вперед руку, прыгнул, упал, снова протянул ладонь.

Его пальцы сомкнулись на рукоятке Вервиндля. Видимо, он почувствовал мой взгляд, потому что поднял глаза и улыбнулся. Люк пробормотал ругательство и зашевелился. Я бросил в Джарта морозильным заклинанием, но он исчез перед самым холодным фронтом.

Женщина снова вскрикнула, и я, еще не обернувшись, по голосу узнал Корэл.

Джарт материализовался сзади от нее, приставил к горлу светлое, дымящееся лезвие.

— Ни... с места, — прохрипел он, — а не то... я... вырежу ей... еще улыбку.

Я искал быстрое заклинание, которое прикончило бы его, не повредив ей.

— И не думай, Мерль, — выговорил Джарт. — Я почувствую... заранее... Просто дайте мне.. еще полминуты.. и вы проживете... чуть дольше. Не знаю, где ты раздобыл.. новые фокусы... но они тебя не спасут...

Он тяжело дышал и обливался потом. Изо рта у него по-прежнему бежала кровь.

— Отпусти мою жену, — сказал Люк, вставая. — Или во всей Тени не останется места, где тебе спрятаться

— Я не хочу быть твоим врагом, о сын Брэнда, — сказал Джарт

— Тогда делай, что тебе говорят, приятель, — отвечал Люк. — А то я и не с такими справлялся

И тут Джарт вскрикнул, словно его внутренности охватил огонь. Он опустил меч, отступил от Корэл и затрясся, будто марионетка, которую связали по рукам и ногам, но продолжают дергать. Корэл повернулась лицом к нему, ко мне и Люку — спиной. Правую ладонь она поднесла к глазам. Через какое-то время Джарт упал на пол и

скорчился в позе эмбриона. На нем плясало алое пламя. Он мерно вздрагивал и стучал зубами.

Вскоре он исчез, волоча радужный след, отплевываясь слюной и кровью, унося с собой Вервиндль. Я послал вдогонку прощальный разряд энергии, хотя и знал, что не попаду. На дальнем конце спектра ощущалось присутствие Джулии, и я, несмотря ни на что, порадовался: значит, ее не убил. Но Джарт — Джарт теперь очень опасен. Впервые он вышел из схватки со мной без всякого ущерба, и даже вынес из нее кое-что. Кое-что смертоносное. Он учится, а это ничего хорошего не сулит.

Корэл опустила глаза, но я успел поймать алый отблеск и понял, что случилось с Камнем, хотя и не понял зачем.

— Жену? — переспросил я.

— Ну, в каком-то смысле... Да, — отвечала Корэл.

— Кстати, — сказал Люк. — Вы знакомы?

ПРИНЦ ХАОСА

Глава 1

Видел одну коронацию — считай, что видел их все. Звучит цинично, да так оно и есть, особенно когда главное действующее лицо — твой лучший друг, а его королева — твоя же мимолетная любовница. Все как обычно: процессия под бесконечный заунывный аккомпанемент, а еще неудобные цветастые одеяния, фимиам, речи, молитвы, звон колоколов... Утомительно, душно и требует от вас лицемерного участия, как на свадьбах, актовых днях или тайных посвящениях.

Итак, Люк и Корэл стали повелителями Кашфы, причем в той самой церкви, где всего несколькими часами ранее мы почти до смерти — к сожалению, только почти — сражались с моим безумным братом Джартом. Как единственному представителю Амбера, пусть формально и не имеющему официального статуса, мне было пожаловано наилучшее место, и взоры присутствующих частенько скользили по моей особе. А посему приходилось постоянно быть начеку и гримасничать приличествующим ситуации образом. Хотя Рэндом и не присвоил официального статуса моему присутствию на церемонии, я прекрасно понимал, что он будет возмущен, если услышит, будто мое поведение в чем-либо противоречило букве протокола.

Таким образом, для меня все закончилось израненными ступнями, онемевшей шеей, а также насквозь промокшими пестрыми одеяниями. Таков шоу-бизнес. Впрочем, никакого выбора у меня и не было. Мы с Люком пуд соли съели вместе; стоя здесь, изнемогая и гадая, что будет с ним теперь, когда он коронован, чем я мог ему помочь — разве что вспоминать самые распроклятые времена и необычайные приключения: от острия меча до поиска

следа, от картинных галерей и до блуждания по Теням... Подобный казус превратил моего дядю Рэндом из беспечного музыканта, свободного и развратного, в мудрого и респектабельного правителя, хотя что до первоначальных качеств, то здесь я могу опираться лишь на воспоминания родственников. Я тешил себя надеждой, что добродушного Люка все это не слишком уж изменит. Опять-таки Люк совершенно другой, нежели Рэндом, не говоря уж о том, что он гораздо моложе. Хотя невообразимо, что могут сотворить годы — или это в порядке вещей? После недавних событий я и сам ощущал себя совершенно другим, нежели не в столь давние времена. Если на то пошло, то я сильно изменился и со вчерашнего дня.

Во время заключительного песнопения Корэл ухитрилась передать мне записку, где назначила встречу, сообщив время, место и даже начертив небольшой план. Мы встретились вечером в задних покоях дворца. Тут я узнал, что, оказывается, ее и Люка поженили заочно еще детьми; такова была часть дипломатических договоренностей между Джасрой и Бегмой. Из дальнейших дипломатических ухищрений ничего не вышло. Властители вроде и забыли о свадьбе, пока новые события не послужили напоминанием. Друг друга они не видели годы. Однако была запись, и она гласила, что принц женат. И коли аннулировать запись нельзя, Корэл должны короновать вместе с Люком. Если в этом была хоть какая-то польза для Кашфы.

А она была — Эрегнор. Бегманская королева на троне Кашфы поможет смягчить напряженную обстановку, сопровождающую захват чужой территории. Наконец, таково было мнение Джасры, как сообщила мне Корэл. И Люк поддался всему этому, тем более при отсутствии гарантий со стороны Амбера и ныне более не существующего Договора Золотого Кольца.

Я обнял Корэл. Ей было нехорошо, несмотря на казавшееся поразительным восстановление после операции. Она носила черную повязку на правом глазу и вся дрожала, стоило моей руке случайно оказаться рядом — или даже когда я смотрел на нее слишком долго. Я не мог и предположить, что побудило Дворкина заменить поврежденный глаз Судным Камнем. Разве что он как-то учел ее устойчивость против сил Пути и Логруса в их попытках вернуть талисман. Впрочем, в подобных делах я был совершенно некомпетентен. Встретив наконец миниатюрного мага, я начал убеждаться в его здравомыслии, хотя это чувство

было бесполезно для постижения загадочных свойств, что несли в себе древние мудрецы.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил я Корэл.

— Очень странно, — ответила она. — Не больно — совершенно не больно. Скорее ощущение контакта, как через карту. Только Камень со мной постоянно, и я никуда не собираюсь и ни с кем не говорю. Я будто стою в неких воротах. Силы движутся вокруг меня, сквозь меня...

На мгновение я оказался в центре некоего серого кольца с колесом со множеством спиц красноватого металла. Отсюда, изнутри, оно походило на огромную паутину. Мое внимание привлекала яркая, пульсирующая жила. Да, это была линия, связывающая с чудовищной могущественной силой в отдаленной Тени, той силой, что можно было использовать для прощупывания. Со всей осторожностью я простер ее в направлении Судного Камня в глазнице Корэл.

Немедленного сопротивления не последовало. Протянув силовую линию, я ничего, в общем, не почувствовал. Тем не менее передо мной предстал образ огненной завесы. Продравшись сквозь пламенеющее покрывало, я ощутил, как затрудняется продвижение моего запроса — медленнее, медленнее, стоп. И здесь я парил на краю пустоты. Насколько я понимал, это не было похоже на метод настройки, однако я не хотел призывать Путь, пока использовал другие силы. Я пробился вперед и ощутил ужасающий холод, гасящий вызванную мною энергию.

Все же энергия выкачивалась не из меня лично, а только из одной из подчиненных мне сил. Я простер ее дальше и узрел слабое сияние, будто некую отдаленную туманность на темном, винно-красном фоне. Еще ближе, и смутно знакомое пятно приобрело очертания — неоднородность, трехмерность; судя по описанию моего отца, ему следовало располагаться именно тем мостом, что вел к гармонии с Камнем. Да, все в порядке, я внутри Камня. Проходить ли мне посвящение?

— Дальше нельзя, — разнесся незнакомый голос, хотя я и сознавал его принадлежность Корэл. Похоже, она впадала в транс. — Тебе запрещено высшее посвящение.

Я потянул на себя шуп, не желая испортить тот Путь, который проложил. Логруское зрение, сопутствующее мне постоянно после недавних событий в Амбере, донесло образ Корэл, окутанной и пронизанной высшей версией Пути.

— Почему? — осведомился я.

Мне не дано было ответа.

Корэл слегка вздрогнула, встряхнулась и уставилась на меня.

— Что случилось? — спросила она.

— Ты задремала. Ничего удивительного. Такое серьезное вмешательство Дворкина, да еще дневные потрясения. Корэл зевнула и рухнула на кровать.

— Да, — вздохнула она и заснула по-настоящему

Я стащил с себя сапоги и сбросил отяжелевшие одежды. Потом растянулся рядом с ней и накрыл нас одеялом. Я тоже устал и просто хотел обнять кого-то.

Не знаю, как долго я спал. Меня мучили темные, головокружительные видения. Лики — людей, животных, демонов — проносились передо мной, и ни у одного не было нормального, жизнерадостного выражения. Дремучие леса валило на землю и охватывало пламенем, земля тряслась и раскалывалась, морские воды вздымались гигантскими волнами и набрасывались на сушу, луна истекала кровью и исходила великими рыданиями.

Кто-то выкрикивал мое имя.

Ужасающий ветер с грохотом сотрясал ставни, пока наконец, хлопая и стуча, те не вломились вовнутрь. Затем в моем видении возникла некая тварь: припав к изножью кровати, та тихо звала меня, снова и снова. Комната ходила ходуном, а сознание мое вернулось в Калифорнию. Казалось, происходит землетрясение. Ветер крепчал — от визга к реву, и я слышал грохот снаружи, будто валились деревья и падали башни.

— Мерлин, принц Хаоса, восстань! — зывала тварь. Затем она скрежетала клыками и начинала опять.

При четвертой или пятой попытке она пихнула меня так, что это уже не казалось сном. Откуда-то снаружи донесся пронзительный вой, равномерно вспыхивающие молнии перемежались почти мелодичными раскатами грома.

Еще не шевельнувшись, не открыв глаза, я ощутил действительность. Звуки были реальны, так же как и сломанный ставень. И как существо в ногах кровати.

— Мерлин, Мерлин! Восстань, принц дома Савалла! — обращалось оно ко мне. Длиннорылое, остроухое, клыкастое и когтистое, с зеленой, отливающей серебром рожей, огромными и блестящими глазами и влажными перепончатыми крыльями, сложенными вдоль тощих боков. Что до выражения рыла, я не был уверен, скривила его улыбка или гримаса боли — Пробудись, повелитель Хаоса!

— Грилл, — произнес я имя старого семейного слуги из Владений.

— Воистину, повелитель, — последовал ответ. — Тот самый, что учил тебя игре с пляшущими костями.

— Будь я проклят!

— Делу время — потехе час, повелитель. Ведомый черной нитью, я проделал долгий и мерзкий путь, дабы воззвать к тебе.

— Так далеко нити не простираются, — усомнился я, — без колоссального толчка. А может, и с ним. Или теперь уже простираются?

— Теперь это проще.

— Как так?

— Его Величество Свейвил, король Хаоса, почил ночью с праотцами тьмы. Я был послан, дабы доставить тебя на церемонию.

— Прямо сейчас?

— Прямо сейчас.

— Что ж, хорошо. Разумеется. Дай только собраться. Как же все это случилось?

— Я не посвящен в детали. Разумеется, ни для кого не секрет, что со здоровьем у него было неважно.

— Я хочу оставить записку.

Грилл кивнул:

— Короткую, надеюсь?

— Да.

Взяв клочок пергамента с письменного стола, я поспешно нацарапал: «Корэл, вызван по семейным делам. Дам о себе знать» — и положил листок возле ее руки.

— Все в порядке, — сказал я. — И как же мы поступим?

— Я перенесу тебя на спине, принц Мерлин, как делал давным-давно.

Я кивнул, поток воспоминаний детства захлестнул меня. Грилл, как и большинство демонов, был невероятно силен. В моей памяти воскресли наши игры у кромки Преисподней и по всей тьме: в склепах, пещерах, на задымленных полях сражений, в разрушенных храмах, в покоях мертвых чародеев, в тайных вертепах... Мне всегда казалось, что играть с демонами куда веселее, чем с родственниками и свойственниками моей матери. Даже свое основное обличье для Хаоса я создал по одному из демонических типов.

Впитав в себя кресло, что стояло в углу комнаты, Грилл увеличил свою массу и изменил очертания, дабы вместить

меня, взрослого. Когда я, крепко цепляясь, взбирался на его вытянувшийся торс, он воскликнул:

— Ах, Мерлин! Что за магия при тебе в эти дни?

— Я контролирую ее, но не до конца понимаю сущность, — ответил я. — Это совсем недавнее приобретение. Что ты ощущаешь?

— Жар, холод, странную музыку, — был его ответ. — Со всех сторон... Ты изменился.

— Все меняются, — сказал я, в то время как Грилл двигался к окну. — Такова жизнь.

Темная нить лежала на широком подоконнике. Демон вцепился в нее и вознесся в воздух. Ужасающей силы ветер встретил нас, когда мы рухнули вниз, затем выровнялись. Мелькнули, качаясь, башни дворца. На небосводе сияли звезды, уже взошел месяц, расцветив утробы низколежащих облаков. Мы стремительно набирали высоту, замок и город в мгновение ока стали едва-едва видны. Звезды плясали, обращаясь в мелькающие световые штрихи. А нас окружала расширяющаяся полоса струящегося непроглядного мрака. Черная Дорога, внезапно подумал я, некий временный небесный вариант Черной Дороги.

Я оглянулся. Позади ничего не оставалось. Будто дорога прямо за нами скатывалась в моток. Или обвинялась вкрут нас?

Внизу проносился, как в ускоренном кино, сельский пейзаж. Мелькали лес, холм, вершина горы... Впереди огромной тесмой расстирался наш черный путь, пятна света и тьмы скользили мимо, подобно теням облаков в солнечный день.

Затем темп возрос — судорожно, стаккато. Неожиданно я заметил, что более нет никакого ветра. Высоко над головою внезапно возникла луна, а под нами извивалась горная гряда. Полная тишина создавала иллюзию сновидения, и луна вдруг упала ниже. Луч света расколол мир справа от меня, стали гаснуть звезды. В теле Грилла не ощущалось никакого напряжения, пока мы мчались по этому черному пути; и луна исчезла, и вдоль линии облаков разгорался маслянистый свет, приобретавший, пока я смотрел на него, розоватый оттенок.

— Мощь Хаоса растет, — заметил я.

— Энергия беспорядка, — ответил мой спутник.

— Это говорит о большем, чем ты мне рассказывал.

— Я лишь слуга, — отозвался Грилл, — и не вхож в совет высших.

Мир вокруг продолжал светлеть, а впереди, насколько было видно, струилась черная лента. Мы парили высоко над горами. Облака по бокам рассеивались, и моментально рождались новые. Мы явно вступили в Царство Теней.

Через какое-то время горы сгладились, и теперь мимо нас проносились холмистые равнины. Вдруг в центре небосвода воссияло солнце. Мы по-прежнему шли над Черной Дорогой, Грилл едва касался ее кончиками пальцев. Временами его крылья тяжело взмахивали передо мной, а так лишь слегка, почти незаметно трепетали, невидимые, словно у колибри.

Далеко слева от меня солнце наливалось вишнево-красным. Внизу стелилась розоватая пустыня...

Затем снова сгустилась тьма, и звезды понеслись в карусели, будто гигантское колесо.

Потом мы опустились и летели, почти касаясь верхушек деревьев...

И наконец ворвались в густую атмосферу, царившую над шумной центральной улицей города; огни фонарей, фары автомобилей, неоновые витрины. Теплый, душный, пыльный, дымный запах окутал нас. Несколько прохожих глазели вверх, будто заметив наш перелет.

Как раз когда мы промчались через реку и неслись над крышами предместий, вся перспектива вокруг взволновалась, и теперь мы оставляли за собой первобытный пейзаж: нагромождение скал, лавы движущихся масс и содрогающейся земли; два действующих вулкана — один рядом, другой в отдалении — извергали дым в сине-зеленое небо.

— Это, как я понимаю, короткий путь? — осведомился я.

— Кратчайший, — последовал ответ.

Мы вступили в долгую ночь. В какой-то момент показалось, будто наша дорога пролегает под толщей вод: вокруг сияющие твари морские, парящие и мечущиеся, вблизи и на расстоянии. Но черный путь, сухой и несминаемый, хранил нас.

— Это столь же великий разрыв, как смерть Оберона, — высказался Грилл. — Его следствия струятся по всему Царству Теней.

— Но смерть Оберона совпала с воссозданием Пути, — сказал я. — Дело скорее в этом, чем в смерти властителя одного из пределов.

— Верно, — ответил Грилл, — но сейчас равновесие сил нарушено. Это умножит воздействия, и будет еще тяжелей.

Мы погрузились в просвет в толщах темного камня. Позади беспорядочно мелькали полосы света. Позже — не знаю, вскоре ли — нас вознесло в багряное небо, причем, насколько я мог судить, не поднимая с темного дна морского. Далеко-далеко мерцала единственная звезда. Мы неслись по направлению к ней.

— Почему? — спросил я.

— Потому что Путь становится сильнее Логруса, — сказал Грилл.

— Как же это произошло?

— Принц Корвин начертал второй Путь во время раздоров между Владениями и Амбером.

— Да, он говорил мне об этом. Я даже сам видел этот Путь. Отец боялся, что Оберон не сумеет восстановить оригинал.

— Но он сделал это, и, таким образом, их теперь два.

— Неужели?

— Путь твоего отца — также порождение порядка. Вековечный баланс сил склонен в сторону Амбера.

— Как же ты оказался осведомлен в этом, когда никто там, в Амбере, ничего, похоже, не знает или не считает возможным рассказать мне?

— Твой брат, принц Мэндор, и принцесса Фиона подозревали это и искали доказательства. Свои выводы они представили твоему дяде, лорду Сухаю. Тот совершил несколько обходов Царства Теней и стал убеждаться, что дело обстоит именно так. Он обобщил свои выводы, дабы представить их королю, когда Свейвил уже пребывал на пороге смерти. Мне известно все это, ибо именно Сухай послал меня за тобой и возложил на меня обязанность рассказать тебе обо всем.

— А я был почти уверен, что тебя послала моя мать.

— Сухай не сомневался, что она так и сделает, именно поэтому он захотел перехватить тебя раньше. Все, что я рассказал о Пути твоего отца, пока еще не общеизвестно.

— И что же я должен делать?

— Лорд Сухай не обременил меня такой информацией.

Звезда разгоралась. Небеса наполнились оранжевыми и розовыми сполохами. Вскоре линии зеленого света соединили их, и вокруг нас закружил сияющий водоворот.

Мы все мчались, и эти блики постепенно заполнили все небо, будто над нами раскрылся некий медленно

вращающийся психоделический зонтик. Окружающее пространство сливалось в одно сплошное пятно. Я чувствовал себя так, будто заснул какой-то частью разума, хотя уверен, что сознания не терял. Время, похоже, играло нешуточные игры с моим обменом веществ. Невероятный голод овладел мною, глаза болели.

Звезда становилась все ярче. Крылья Грилла излучали призматическое мерцание. Казалось, мы движемся гигантскими шагами. Наша путеводная нить выгибалась, края постепенно поднимались. Все выше и выше, и наконец стало казаться, будто мы скользим в желобе.

А потом края сомкнулись над нами — мы мчались в ружейном дуле, нацеленном в голубовато-белую звезду.

— Есть ли еще что-то, что ты должен поведать мне?

— Нет, насколько мне известно.

Я потерял свое левое запястье, чувствуя, что чему-то там надлежит пульсировать. Ах да, Фракир!.. Кстати, где Фракир? Я вспомнил, что оставил ее в апартаментах Брэнда. Зачем я сделал это? Я... Сознание мое туманилось, воспоминания походили на сон.

Впервые с того происшествия я напряг свою память. Сделай я это раньше, скорей бы узнал, что это значит. То было призрачное влияние чар. Под действием заклинания я вернулся в покои Брэнда. У меня не было возможности узнать, заготовлено ли заклинание специально для меня, или я ткнулся туда случайно. Я понимал, что это могло оказаться чем-то более общим, возможно, даже неожиданным побочным эффектом каких-то растревоженных процессов. Однако в последнем я сомневался.

Собственно говоря, в этом деле я сомневался во всем. Слишком уж все было правильно для безадресной ловушки, подстроенной Брэндом. Этому надлежало сбить с толку опытного чародея, то есть меня. Пожалуй, только нынешняя удаленность от того места, где все это случилось, помогла освежить мою память. Как только я осознал свои поступки с момента начала действия сил, я наконец увидел, что продвигаюсь с тех пор словно в каком-то тумане. И чем глубже я погружался в себя, тем яснее ощущал, что заклятие было скроено, дабы окутать именно меня. Не поняв его сути, я не вправе считать себя свободным, даже зная о его существовании.

Чем бы оно ни было, оно заставило меня отказаться от Фракир. Отказаться, дважды не задумавшись; а еще оно заставляло чувствовать себя... ну... странно. Я не мог точно

сказать, как способна воздействовать эта сила, постоянно ли она влияет на мои мысли и чувства — обычный удел попавшего под заклятие. И я не понимал, неужели покойный Брэнд мог учесть такую непредсказуемую случайность: что мои комнаты окажутся рядом с его покоями — годы спустя после его смерти! А потом еще меня подтолкнул войти туда в обстановке невероятного противостояния между Логрусом и Путем в верхнем зале Янтарного замка!..

Нет, похоже, за этим должен стоять кто-то еще. Джарт? Джулия? Кажется слишком вероятным, чтобы они могли скрытно действовать в самом сердце Амбера. Кто еще? И могло это как-то воздействовать на происшествие в Зеркальном зале?

Я терпел неудачу за неудачей. Вернись я сейчас туда, то смог бы силой собственных чар отыскать виновника. Но я не там, и с любым расследованием на том краю существования придется подождать.

Теперь свет впереди сиял еще ярче, переливаясь от небесно-голубого к зловеще-багровому.

— Грилл, — окликнул я своего спутника, — ты обнаружил чары, довлеющие надо мной?

— Истинно, мой повелитель.

— Почему же ты никак не упомянул о них?

— Я полагал, что они из числа твоих собственных... для защиты, к примеру.

— Способен ли ты рассеять эти чары? Здесь, во внутреннем пространстве, я нахожусь в невыгодном положении.

— Слишком уж они переплетены с твоей личностью. Не представляю, с чего начать.

— Можешь поведать мне что-нибудь о них?

— Только то, что они есть, мой повелитель. Пожалуй, кажутся несколько плотнее вокруг головы.

— Способны они окрасить определенным образом мои мысли?

— О да, бледно-голубым.

— Я имел в виду не твою манеру восприятия, а всего лишь способность этих сил воздействовать на мое мышление.

Его крылья вспыхнули голубым, затем красным. Наш туннель вдруг раскрылся, и небо вспыхнуло безумными красками Хаоса. А путеводная звезда стала небольшим

фонарем, плавающим так ярко силою волшебства; фонарь светил с высокой башни мрачного серого замка, стоящего на вершине горы без подножия и склонов. Каменный остров парил над оцепеневшим лесом. Деревья пылали матовыми огнями — оранжевыми, багряными, зелеными.

— Полагаю, что клубок чар можно распутать, — заметил Грилл, — но боюсь, эта работа не по зубам бедному демону.

Я хмыкнул. Полюбовался несколькими мгновений мельтешащим пейзажем. Затем произнес:

— Что касается демонов...

— Да?

— Расскажи мне о тех, кои известны как ти'ига.

— Они обитают далеко за пределами Края, — отозвался Грилл, — и, быть может, ближе всех существ к первозданному Хаосу. Я не верю даже, что их тела действительно состоят из плоти и крови или хотя бы материальны. Они имеют мало общего с прочими демонами и более чем кто-либо желают остаться в одиночестве.

— Не знаешь ли кого-то из них... э-э... лично?

— Я сталкивался с некоторыми... время от времени, — последовал ответ.

Мы поднялись выше. Замок поступил так же. Позади него поток метеоритов проложил себе пылающий путь, яркий и бесшумный.

— Ти'ига способны вселиться в человеческое тело, подчинив его своему контролю, — сказал я.

— Это меня не удивляет.

— Я знаю одного демона, который несколько раз проделывал такой фокус. Но тут возникает необычная проблема. Он получил контроль над человеком, находящимся при смерти. Но, похоже, смерть человека запирает ти'ига в захваченном теле. И теперь демон не в силах его покинуть. Как ты думаешь, можно ли ему как-то освободиться?

Грилл хмыкнул:

— Спрыгнуть со скалы, я полагаю. Или броситься на меч.

— Но если ти'ига теперь так тесно связан со своим призраком, что это не освободит его?

Он снова хмыкнул:

— Явное нарушение правил игры в похищение тел.

— Я в долгу перед одним таким демоном, — признался я, — и хочу помочь ей... ему.

Грилл помолчал какое-то время, затем откликнулся:

— Более умудренная опытом ти'ига, наверное, может как-то разобраться во всем этом. И тебе известно, где их искать.

— Да.

— Прости, я мало что знаю еще. Ти'ига — древнее племя.

И вот мы устремились прямо к башне. Наш путь под непрерывно меняющимся калейдоскопом съезжился до узкой борозды.

Я опустил глаза. Панорама внизу бешено крутилась. Откуда-то нарастал шум, будто сама земля раскалывалась на медленно трущиеся друг о друга части — достаточно обычное явление в этих краях. Ветры трепали мою одежду. Слева от меня небо расцветила нить мандариновых облаков. Уже различались мельчайшие выступы замковых стен.

Взгляд мой уловил фигуру в освещенном окне. Все ближе, ближе, через окно — и мы внутри.

Большая, сторбленная, серо-алая демоническая сущность, рогатая и наполовину покрытая чешуей, обнажив страшные клыки, уставилась на меня эллиптическими зрачками желтых глаз.

— Дядя! — крикнул я, спешившись. — Приветствую!

Грилл выпрямился и встряхнулся, когда Сухай шагнул вперед и заключил меня в объятия — с чрезвычайной, впрочем, осторожностью.

— Мерлин, — наконец вымолвил он. — Добро пожаловать домой. Я рад тебе, хотя скорблю о причине. Грилл сообщил?..

— О кончине Его Величества? Да, мне очень жаль.

Дядюшка выпустил меня из своих объятий и отступил на шаг.

— Не то чтобы это было неожиданным, — промолвил он. — Как раз наоборот. Воистину, ждали давно. И все же... Слишком неподходящее время для такого события.

— Действительно, — отозвался я, массируя несколько онемевшую левую лопатку и ощупывая боковой карман в поисках гребня. — Он хворал так долго, что я как-то с этим свыкся. Он как будто почти примирился со своей немощью.

Сухай кивнул. А затем спросил:

— Собираешься перевоплощаться?

— День был тяжелый, я бы поберег свои силы, если только нет каких-то требований протокола.

— Пока и вовсе никаких. Ты ел?

— Не то чтобы недавно.

— Тогда пойдём, — сказал он, — поищем тебе какую-нибудь снедь.

Сухай повернулся и прошёл сквозь заднюю стену. Я последовал за ним. В комнате не было дверей, и он должен был знать все здешние места напряжения Тени; в этом отношении Владения Хаоса являли собой полную противоположность Амберу. Если пройти сквозь Тень в Амбере — дело ужасно трудное, то во Владениях Тени, будто истертые занавески — часто можно просто смотреть сквозь них в другую реальность даже без особого напряжения. А иногда оказывается, что нечто из другой реальности разглядывает вас. Проходя сквозь Тень, следует соблюдать предельную осторожность, дабы не оказаться между небом и землей, или под водой, или на пути разбушевавшегося потока. В этом смысле Владения никак нельзя назвать туристской жемчужиной.

К счастью, вещество Тени весьма податливо в этом пределе реальности и поддается управлению мастера, который способен просто сшить края, дабы проложить Путь. Мастера Теней — настоящие кудесники столь могущественного в этих краях искусства; их способность исходит от Логруса, хотя они и не нуждаются в посвящении. Они — избранные из избранных, пусть даже все посвященные автоматически становятся членами Гильдии Мастеров Тени. Они будто водопроводчики или электрики Владений, а их искусство варьируется в той же степени, как и у их аналогов на теневой Земле — сочетание одаренности и опыта. Хотя я и член Гильдии, но предпочту следовать за тем, кто знает пути, нежели прокладывать их самому. Полагаю, я смог бы еще немало добавить к этому. Возможно, когда-нибудь так и поступлю.

Когда мы подошли вплотную к стене, ее, разумеется, там не было. Была некая туманность — сгущающаяся, а потом постепенно рассеивающаяся; мы прошли сквозь пространства и стали спускаться по зеленой лестнице. Правда, это не была собственно лестница. Скорее ряд ничем не связанных между собою зеленых дисков, нисходящих спиралью в присутствии нормальной лестницы порядка, спиралью, парящей в ночном воздухе. Диски огибали фасад замка и заканчивались перед глухой стеной.

Прежде чем достичь этой стены, мы в какой-то момент были ослеплены ярким дневным светом, потом на нас

обрушилась пелена голубого снега, и вдруг мы оказались в некоем подобии собора, только без алтаря и со скелетами, заполнившими скамьи. Когда же мы в конце концов добрались до стены и прошли сквозь нее, то попали в огромную кухню. Сухай подвел меня к кладовой и предложил распорядиться здесь самому. Я обнаружил холодное мясо и хлеб и, соорудив себе сандвич, принялся за еду, запивая хлеб тепловатым пивом. Мой спутник лишь притронулся к хлебу и кувшину с тем же пойлом. Под потолком, хрипло каркнув, мелькнула птица и исчезла, не успев перелететь комнату.

— Где слуги? — осведомился я.

— Грядет красное небо, уже почти полный оборот, а пока никого нет, — отозвался он. — Итак, у тебя есть возможность поспать и сосредоточиться перед дальнейшим... Может быть.

— Что значит «может быть»?

— Как один из трех, ты под черным надзором. Именно по этой причине я и вызвал тебя сюда, в одно из моих уединенных владений.

Дядя повернулся и прошел сквозь стену. Я последовал за ним, все еще держа в руке кувшин, и мы уселись близ неподвижного зеленого пруда, у скалы под янтарным небом. Его замок вмещал в себя уголки со всего Хаоса и Царства Теней, связанные воедино безумно скроенным узором путей внутри путей.

— С тех пор как ты носишь спикард, ты увеличил средства своей безопасности, — заметил Сухай.

Он протянул руку и коснулся колеса со множеством спиц на моем кольце. Касание легкой дрожью отдалось в пальце, кисти, во всей руке.

— Дядя, когда ты был моим учителем, то частенько говорил загадками, — начал я. — Теперь мое образование закончилось, и позволь мне сказать, что я ни черта не понимаю, о чем ты толкуешь.

Он фыркнул и хлебнул из кувшина.

— Отраженное разумом, все всегда становилось ясным.

— Отраженное... — повторил я и посмотрел в зеркало пруда.

На глубине, промеж черных полос плавали образы: Свейвил, покоящийся на погребальном ложе, желтые и черные мантии окутывали его усохшую фигуру; моя мать, мой отец, демонические формы, все усопшие и увядшие, Джарт, я сам, Джасра и Джулия, Рэндом и Фиона, Мэндор

и Дворкин, Билл Рот и еще множество незнакомых мне лиц...

Я покачал головой:

— Отражение ясности не вносит.

— Ты слишком торопишься, — молвил дядя.

И я вновь погрузился в хаос лиц и фигур.

Вот возник Джарт и остался надолго. Как всегда, одет он был с изумительным вкусом и выглядел сравнительно неповрежденным. Когда он наконец расплылся, то уступил место одному из тех полужнакомых лиц, что встречались мне раньше. Какой-то вельможа из Владений. Я напряг свою память... Ну конечно! Не сразу, но я узнал его — Тмер из Дома Джезби, старший сын покойного принца Роловианса, а ныне и сам лорд пределов Джезби: окладистая борода, тяжелое чело; из тех, кто неладно скроен, да крепко спит, и при этом не лишен привлекательности, по слухам храбрец и, возможно, даже чувствительный малый.

Затем возник принц Таббл из пределов Чаникута, попеременно то в человеческом, то в демоническом обличье. Спокойный, тяжеловесный, изысканный, проживший века и очень проницательный; с лица, обрамленного аккуратной бородой, глядели широко раскрытые, невинные, тусклые глаза. Принц знал толк во многих играх.

Я ждал, и Таббл последовал за Джартом, за Тмером в небытие извивающихся полос. Я подождал еще, но больше ничего не появилось.

— Конец отражений, — в конце концов объявил я. — И я по-прежнему не понимаю, что все это значит.

— Что ты видел?

— Моего брата Джарта и Тмера, принца Джезби. А еще Таббла Чаникутского, среди прочих прелестей.

— Именно, — заключил дядя. — Именно то, что нужно.

— И что же?

— Подобно тебе, оба они — и Тмер, и Таббл — под черным надзором. Я полагаю, что Тмер в Джезби, а вот Джарт скрывается где-то, но не в Далгарри.

— Джарт вернулся?

Сухай кивнул.

— Он мог бы быть в материнской крепости Ганту, — размышлял я. — А еще у Саваллов есть второе имение — пределы Анча, у самого Края.

Дядюшка пожал плечами:

— Я не знаю.

— Но для чего черный надзор — на каждом из нас?

— Ты ушел в Тень, в отличный университет, а потом обитал в Амбере, который я полагаю высшей школой. Следовательно, постарайся сам пораскинуть мозгами. Нет сомнения, что разум, столь тщательно отточенный...

— Я сознаю: черный надзор означает, что мы встретились с какого-то рода опасностью...

— Разумеется.

— ...но природа ее ускользает от меня. Если только...

— Да.

— Это связано со смертью Свейвила. А посему должно подразумевать некие политические расчеты. Но меня здесь не было. Я не знаю, что тут у вас сейчас происходит.

Сухай показал мне истертые, но все еще опасные клыки.

— Поразмысли о преемственности, — сказал он.

— Ладно. Допустим, пределы Савалла поддерживают одного возможного наследника, Чаникут — другого, Джебби — третьего. Допустим, мы в этом деле друг у друга поперек горла. Допустим, я вернулся как раз в разгар кровавых разборок. Итак, кто бы ни отдавал сейчас приказы, он объявил нас под надзором, дабы оградить от неприятностей. Ценю.

— Тепло, — кивнул дядя, — но все зашло гораздо дальше.

Я покачал головой:

— Сдаюсь.

Откуда-то донесся завывающий вопль.

— Подумай об этом, — отозвался мой дядя, — пока я приветствую гостя.

Он поднялся и, ступив в пруд, сразу исчез. Я допил пиво.

Глава 2

Через мгновение скала слева от меня замерцала и зазвенела, будто колокол. Сам того не сознавая, я сосредоточил внимание на своем кольце, которое Сухай назвал спикардом. И тотчас сообразил, что могу использовать его для защиты. Удивительно, каким родным казалось мне кольцо, насколько я к нему приспособился за столь короткое время.

Я стоял, протянув руку к камню, когда Сухай вышел из мерцающей поверхности; за ним — некто повыше и потемнее. Еще момент, и фигура последовала за дядей, обретая реальность и перевоплощаясь: осьминогоподобная обезьяна принимала форму моего брата Мэндора, очеловечиваясь, облачаясь в черное, как тогда, когда я видел его в последний раз, только одежды были новые и слегка иного покроя, а белые волосы менее взъерошены.

Мэндор быстро оцупал глазами скружающее пространство и одарил меня улыбкой.

— Вижу, что все в порядке, заявил он.

Я фыркнул, кивая на его перевязанную руку, и отошел:

— Как и следовало ожидать. Что произошло в Амбере с тех пор, как я покинул его?

— Никаких новых бедствий. Я оставался там лишь столько, чтобы увидеть, могу ли чем-нибудь помочь. Пришлось провести небольшую магическую чистку местности, а также собрать доски, дабы заколотить норы. Затем я попросил у Рэндома разрешения удалиться, он удовлетворил мою просьбу, и я поспешил домой.

— Бедствие? В Амбере? — спросил Сухай.

Я кивнул:

— В залах Янтарного дворца произошло сражение между Единорогом и Змеем, следствием чего явились значительные разрушения.

— Что могло заставить Змея проникнуть так далеко в царство Порядка?

— Дело в том, что Амбер заинтересовался так называемым Судным Камнем, который Змей считает своим утерянным глазом.

— Я должен услышать всю историю.

Я принялся рассказывать дяде о невообразимой битве, опустив мои дальнейшие похождения в Зеркальном Коридоре и в апартаментах Брэнда. Все время моего рассказа взор Мэндора блуждал со спикарда на Сухая и обратно.

Обнаружив, что я заметил это, он улыбнулся.

— Итак, Дворкин снова пришел в себя?.. — задумчиво произнес Сухай.

— Я не был знаком с ним раньше, — ответил я, — но, похоже, он понимает, что к чему.

— И королева Кашфы взирает оком Змея?

— Не знаю, видит ли она им. Пока она лишь оправляется после операции. Но это интересная мысль. Что она сможет узреть, если будет видеть им?

— Чистые, холодные линии вечности, полагаю. Под тяжестью всей Тени. Никто из смертных не сможет носить его слишком долго.

— Но в ней кровь Амбера, — сказал я.

— Действительно? Оберона?

Я кивнул.

— Твой покойный сеньор был весьма темпераментным мужчиной, — заметил дядюшка. — Тем не менее это достаточная нагрузка на зрение, хотя я могу лишь предполагать... ну, и какие-то знания основ. Не имею представления, что может из этого выйти. Лишь Дворкин способен сказать — если он в здравом рассудке. Я признаю его мастерство, хотя никогда не знал, чего от него ожидать.

— Ты знаешь его лично? — спросил я.

— Я знал его, — ответил Сухай, — давным-давно, до всех его бед. Радоваться этому или отчаиваться? Оправившись, он мог бы принести великую пользу. А затем снова погрузиться в свои безумные идеи.

— Сожалею, что не могу просветить тебя, — сказал я. — Мне его действия тоже кажутся совершенно непредсказуемыми.

— И я сбит с толку, узнав о местонахождении этого Глаза, — вступил в разговор Мэндор. — Но все это выглядит куда большим, нежели частный вопрос отношений Амбера с Кашфой и Бегмой. Не думаю, что размышления способны продвинуть нас в этом деле. Лучше сосредоточить внимание на здешних проблемах.

Я услышал свой собственный вздох.

— Таких, как право наследования?

Мэндор насмешливо поднял бровь.

— О, лорд Сухай уже просветил тебя?

— Нет, — ответил я. — Нет, но от своего отца я слышал так много о борьбе за трон Амбера — заговоры, интриги и хитрости, — что почти реально ощущаю, как довлеет эта тема над каждым разговором. Полагаю, среди членов Дома Свейвила, где замешено куда больше родов, все пойдет тем же путем.

— Ты правильно мыслишь, — согласился Мэндор, — хотя я думаю, что здесь картина могла бы быть более упорядочена.

— Что ж, это уже кое-что, — сказал я. — Что касается меня, я собираюсь лишь отдать дань уважения и убраться ко всем чертям. Пришлите мне открытку, когда все разрешится.

Он рассмеялся. Он редко смеялся. Я ощутил покалывание в запястье, там, где обычно сидела Фракир.

— Он действительно не знает, — заключил Мэндор, бросая взгляд на Сухая.

— Он только что прибыл, — ответил Сухай. — У меня не было времени ввести его в курс дела.

Я пошарил в кармане, нащупал монету и подкинул ее.

— Решка, — возвестил я, взглянув на ладонь. — Рассказывать тебе, Мэндор. Что происходит?

— Ты не главный претендент на престол, — сказал он.

Пришла моя очередь смеяться. Что я и сделал.

— Это мне уже известно. Не так давно ты говорил за обедом, как велика очередь передо мной... если кто-то вообще примет во внимание мою смешанную кровь.

— Двое, — сказал он. — Двое предшествуют тебе.

— Не понимаю, — произнес я. — Что случилось с остальными?

— Умерли.

— Что, эпидемия гриппа?

Мэндор одарил меня гнусной ухмылкой.

— Следствие прокатившейся в последнее время беспрецедентной волны роковых дуэлей и вероломных политических убийств.

— И что же преобладало?

— Предательские убийства.

— Очаровательно.

— Итак, вас трое под опекой черного надзора Короны, и каждый из вас взят под охрану секретных служб своих Домов.

— Ты, похоже, не шутишь.

— Ничуть.

— Было ли это внезапное истощение рядов вызвано желанием множества людей одновременно достичь успеха? Или кто-то очищает себе путь?

— Короне точно не известно.

— Кого именно в данный момент ты подразумеваешь под словом «Корона»? Кто сейчас принимает решения?

— Лорд Бэнсез, — ответил Мэндор, — дальний родственник и давний друг нашего усопшего монарха.

— Вроде припоминаю его. А не может оказаться так, что он сам положил глаз на трон или же стоит за одним из претендентов?

— Этот человек — жрец Змея. Обеты жрецов запрещают им стоять у власти.

— Обычно существуют способы обойти обеты.

— Верно, но лорд Бэнсез кажется искренне не заинтересованным в чем-то подобном.

— Это не делает его беспристрастным. Возможно, у него есть фаворит, и он хочет помочь ему. Есть вблизи трона кто-нибудь питающий особое пристрастие к его ордену?

— Нет, насколько мне известно.

— Это не означает, что кто-то не смог подрезать карту

— Да, хотя Бэнсез не из тех, к кому легко подступить с подобным предложением.

— Иными словами, ты веришь, что он останется беспристрастным, что бы ни происходило?

— Пока не будет доказательств противоположного.

— Кто ближайший претендент?

— Таббл Чаникутский.

— Кто второй?

— Тмер из Джебзи.

— Верхушка очереди из твоего пруда, — сказал я Су-хаю.

Он вновь показал мне зубы.

— Существует у нас кровная месть с Чаникутом или Джебзи? — спросил я.

— Ничего серьезного.

— Что ж, тогда о нас просто заботятся, так?

— Да.

— И как же до этого дошло? Помнится, претендентов была куча. Свершилась ночь длинных ножей или еще что?

— Нет, они умирали периодически, время от времени. Никакого внезапного побоища, когда стал угасать Свейвил.

— Ладно, наверняка проводилось какое-то расследование. Кто-то из виновников попал под стражу?

— Нет, все они сбежали или были убиты.

— И что с теми, кто был убит? Опознав их, можно определить, к чему они стремились.

— На самом деле нет. Некоторые оказались профессионалами, среди остальных — парочка обычных мятежников, несомненно, из умственно неполноценных.

— Ты хочешь сказать, что не существует никаких догадок, кто за всем этим стоит?

— Именно так.

— И никаких подозрений?

— Сам Таббл, разумеется, не вызывает доверия, хотя вслух об этом лучше не говорить. Он получил наибольшую выгоду, и пока все случившееся в его интересах. И еще: много в его карьере политического потворства, двурушничества, клеветы. Но все это было давно. У кого в погребке не завалилось несколько скелетов? Уже много лет Таббл добропорядочный и консервативный господин.

— Ладно, теперь Тмер. Он достаточно скрытен и может вызвать подозрения. Есть что-нибудь, связывающее его с этим кровавым делом?

— Ничего конкретного. В прошлом Тмер никогда не был связан с такими крайностями. Я не считаю его верхом совершенства, но он представляется мне более простым, непосредственным существом, нежели Таббл. Он, похоже, из тех, кто скорей решится на переворот, если уж возжадет трона, нежели станет добиваться короны путем долгих интриг.

— Возможно, в дело вовлечен целый ряд лиц, каждое из которых действует в собственных интересах.

— И теперь, когда развязка близка, они все выплывут на поверхность?

— Почему бы и нет?

Улыбка. Пожатие плечами.

— Увы, вряд ли коронация положит всему этому конец, — сказал Мэндор. — Корона не защищает от кинжала.

— Но наследник входит во власть, обремененный всей тяжестью своих грехов.

— Это не первый случай в истории. И, раз уж ты заговорил об этом, некоторые превосходные монархи стали таковыми, имея далеко не безоблачное прошлое. Между прочим, тебе не приходит в голову, что прочие могут предположить то же самое относительно тебя?

— Да, и это мне неприятно. Мой отец долгое время добивался трона Амбера — и долгое время мучился. Он стал счастлив только тогда, когда послал все к черту. Уж если меня чему-то научила его история, так именно этому. У меня нет подобных амбиций.

«И все же на мгновение меня охватило любопытство. Что за чувства испытываешь, управляя огромным государством? Каждый раз, возмущаясь действиями политиков — здесь ли, в Амбере или на теневой Земле, — я представлял себе свои действия, окажись я в их шкуре».

— Действительно интересно, — угадал мои мысли Мэндор.

— Возможно, остальные как раз сейчас смотрят в свои магические пруды, — заметил я, — надеясь увидеть там ключи к разгадке.

— Несомненно, — откликнулся он. — А что, если Таббл и Тмер вдруг найдут свой безвременный конец? Что ты будешь делать?

— Даже не думай об этом, — сказал я. — Такого не случится.

— И все же предположим.

— Я не знаю.

— Ты в самом деле должен принять какое-то решение, просто чтобы не ломать голову в дальнейшем. И, надеюсь, нехватка слов не помешает тебе выразить его.

— Спасибо. Учту.

— Расскажи мне поподробнее о том, что случилось с тобой после нашей последней встречи.

Я и рассказал — о призраках Пути и обо всем.

Где-то ближе к концу моего повествования вновь слышался вой. Сухай направился к скале.

— Извините, — сказал он.

Скала расступилась, и дядя вошел внутрь.

Немедленно я ощутил на себе отяжелевший взгляд Мэндора.

— Возможно, у нас есть всего мгновение. Слишком мало, чтобы сообщить все, что должно остаться между нами.

— Очень личное, так?

— Да. Поэтому ты должен найти время перед погребением, чтобы пообедать со мной. Допустим, в четвертом цикле голубого неба.

— Прекрасно. Твой дворец или пределы Савалла?

— Жду тебя в пределах Мэндора.

Я кивнул.

Скала вновь подвинулась, и перед нами в облачной дымке предстала мерцающая голубым гибкая демоническая фигура. Я мгновенно вскочил и склонился, чтобы поцеловать протянутую ею руку.

— Мама! Не ожидал такой радости... столь скоро.

Она улыбнулась, а затем ее оболочка растворилась в вихре. Чешуя поблекла, контуры лица и тела поплыли. Синева стала обычным, хотя и бледным телесным цветом. Ее бедра и плечи раздались, в то время как она теряла в росте, хотя по-прежнему оставалась высокой. Карие глаза стали куда привлекательней, когда стерлись тяжелые надбровные складки. Несколько веснушек проступило на ее теперь человеческом, слегка вздернутом носу. Каштановые волосы удлиннились с тех пор, как я последний раз видел ее в таком обличье. И она по-прежнему улыбалась. Ей очень шла простая красная туника; у левого бедра висела рапира.

— Дорогой Мерлин, — промолвила мама, беря мою голову обеими руками и целуя меня в губы. — Я рада видеть тебя столь прекрасно выглядевшим. Много воды утекло с тех пор, как ты посетил нас в последний раз.

— Последнее время я вел очень бурную жизнь.

— Можно не сомневаться. Я кое-что слышала о твоих злоключениях.

— Предполагаю, что там до тебя дошло. Не у каждого есть ти'ига, следующая за ним по пятам, время от времени соблазняющая его в разных обличьях и, как правило, своими нежелательными попытками защитить делающую жизнь невероятно сложной.

— Это показывает мою заботу, дорогой.

— Это также показывает полное отсутствие уважения к моей личной жизни и к моему мнению.

Мэндор деликатно кашлянул.

— Привет, Дара.

— Полагаю, что именно так тебе и должно казаться, — заявила она. — Привет, Мэндор. Что случилось с твоей рукой?

— Недоразумение, касающееся некоей архитектуры, — отвечал он. — Тебя какое-то время не было видно, хотя в мыслях моих мы не расстаемся.

— Если это комплимент, спасибо, — сказала она. — Да, я то и дело уединяюсь, когда общество начинает давить невыносимо. Но тебе ли удивляться — человеку, надолго исчезающему в пределах Мэндора. Если ты действительно пропадаешь именно там.

Он согнулся в поклоне.

— По вашим словам, леди, мы одного поля ягоды.

Ее глаза сощурились, хотя голос не изменился, когда она произнесла:

— Не знаю. Да, в нас есть определенное родство. Мы оба отсутствовали в последнее время, не так ли?

— Но я был неосторожен, — сказал Мэндор, указывая на свою поврежденную руку. — Ты же, ясное дело, нет.

— Я никогда не спорю с архитектурой, — сказала она.

— А с невесомостями?

— Предпочитаю работать с тем, что стоит на месте.

— Обычно я тоже.

— А если не получается?

Он пожал плечами:

— Время от времени возникают коллизии.

— В свое время ты пережил многие, не так ли?

— Не могу отрицать; с другой стороны, нынешняя длилась слишком долго. Но ты и сама вроде не лыком шита.

— Пока жива, — отозвалась мама. — Мы действительно должны сравнить наши комментарии к невесомостям и столкновениям. Не будет ли странным, если мы окажемся подобны во всех отношениях?

— Был бы весьма удивлен, — ответил Мэндор.

Я был заморожен и слегка напуган этой беседой, хотя доверялся лишь ощущениям и не имел понятия о сути разговора. Они были чем-то похожи, и я никогда не слышал общих мест, произносимых столь метко и выразительно, помимо Амбера, где часто развлекались словесными играми подобного рода.

— Простите меня, — наконец словно опомнился Мэндор и обратился ко всей компании: — Я должен удалиться,

дабы восстановить свои силы. Благодарю вас за гостеприимство, сэр, — поклонился он Сухаю. — И за удовольствие оттого, что дорожки наши пересеклись. — Это Даре.

— Ты только что прибыл, — сказал Сухай, — и даже не отдохнул. Как хозяина ты выставляешь меня не в лучшем свете.

— Еще как отдохнул, — возразил Мэндор. — Никто не смог бы предложить подобной трансформации. — Поворачиваясь к открывающемуся пути, он посмотрел на меня: — До скорого.

И исчез. Скала отвердела с его исчезновением.

— Удивляют его манеры, — произнесла моя мать. — Причем явно без репетиции.

— Само изящество, — прокомментировал Сухай. — Ему многое было дано от рождения.

— Любопытно, кто умрет сегодня, — сказала мать.

— Не уверен, что в его словах был скрытый смысл, — ответил дядюшка.

Она засмеялась:

— Но если все же так, они, несомненно, испустят дух в самом хорошем вкусе.

— Говоришь осуждая или завидуя?

— Ни так, ни так, — ответила она. — Я и сама восхищаюсь изяществом и хорошей шуткой.

— Мама, — вмешался я, — что все же происходит?

— О чем ты, Мерлин? — откликнулась она.

— Я давным-давно покинул эти места. Ты велела демону найти и оберегать меня. Скорее всего он засек кровь Амбера, но возникла определенная неразбериха между мною и Люком. Демон решил взять под опеку нас обоих, пока Люк не начал свои регулярные попытки прикончить меня. Затем он, а точнее, она защищала меня от Люка и пыталась определить, кто из нас более подходящая партия. Она даже жила с Люком какое-то время, а позже преследовала меня. Кое о чем я стал догадываться — не зря она страстно желала узнать имя моей матери. Несомненно, Люк держал язык за зубами по поводу своего происхождения.

Мать рассмеялась:

— Прекрасная картина! Малютка Джасра и принц Тьмы...

— Не пытайся сменить тему разговора. Подумай, насколько это стесняет взрослого человека: мать посылает демонов надзирать за ним.

— Единственного. Дорогой, я послала лишь одного демона.

— Какая разница? Как тебе в голову пришла подобная забота? Я возмущен...

— Ти'ига, возможно, не один раз спасла тебе жизнь, Мерлин.

— Пусть так. Но...

— По-твоему, лучше смерть, чем защита? И только потому, что защита исходит от меня?

— Суть не в этом!

— Тогда в чем?

— Похоже, ты вполне допускаешь, будто я не способен о себе позаботиться, и...

— Да ты и не смог.

— Но тебе-то откуда знать? К моему возмущению, ты с самого начала исходила из того, что я недалекий, доверчивый, незащищенный, что в Тенях я нуждаюсь в опеке!

— Извини, если задену за больное, однако скажу, что таким ты и был, причем собираясь в место, столь сильно отличающееся от Владений Хаоса, каким является Тень.

— Да я сам могу о себе позаботиться!

— Ты не слишком преуспел в этом. Хотя делаешь ряд необоснованных предположений. Что заставляет тебя думать, будто приведенные тобой резоны единственно возможны в моем стремлении действовать подобным образом?

— Прекрасно. Скажи, ведь ты знала, что Люк будет пытаться убить меня каждое тридцатое апреля? И если да, то почему просто не сообщила мне?

— Я понятия не имела, что Люк будет пытаться убить тебя каждое тридцатое апреля.

Я отвернулся. Сжал кулаки и разжал их.

— Так какого черта ты обеспечила меня защитой?

— Мерлин, почему так трудно допустить, что другие люди могут знать что-то, чего не знаешь ты?

— Начни с их нежелания сообщить мне это «что-то».

Мать помолчала какое-то время. Затем ответила:

— Боюсь, в твоих словах есть доля истины. Но были серьезные причины не посвящать тебя в определенные дела.

— Тогда начни с этого. Расскажи, почему не доверяла мне.

— Дело не в доверии.

— Так можешь ты теперь объяснить мне, в чем дело?

И опять последовала долгая пауза.

— Нет, — наконец сказала она. — Еще нет.

Я повернулся к ней, сохраняя спокойствие, и не повышая голос произнес:

— Выходит, ничего не изменилось. И никогда не изменится. Ты по-прежнему мне не доверяешь.

— Неправда, — ответила мать, бросая взгляд на Сухая. — Это означает лишь то, что сейчас неподходящее время и неподходящее место, чтобы влезать в эти дела.

— Позволь принести тебе выпить или чего-нибудь из еды, Дара, — немедленно предложил Сухай.

— Благодарю тебя, нет, — отказалась она. — Мне пора идти.

— Мама, расскажи хотя бы что-нибудь о ти'иге.

— Что ты желаешь знать?

— Ты выколдовала ее откуда-то из-за Края?

— Верно.

— Подобные существа сами бестелесны, но способны для своих собственных целей занимать тела живущих?

— Да.

— Если ти'ига занимает тело существа, близкого к смерти, то тем самым оживляет его дух и контролирует разум?

— Интересно. Вопрос риторический?

— Нет. Такое действительно произошло с тем, кого ты послала по мою душу. Теперь ти'ига не в состоянии покинуть то тело. Почему?

— Я не уверена.

— Она в западне, — предположил Сухай. — Бродить туда-сюда она может, лишь воздействуя на функционирующий интеллект.

— Тело, контролируемое ти'игой, оправилось от болезни, что убило сознание, — сказал я. — Ты полагаешь, что она зависла там теперь на всю жизнь?

— Да. Насколько я понимаю.

— Тогда скажи мне вот что: освободится она, когда то тело умрет, или погибнет вместе с ним?

— Может произойти по-разному. Но чем дольше она будет оставаться в теле, тем более вероятно ей погибнуть вместе с оболочкой.

Я оглянулся на мать:

— И хорошо, верно?

Она пожала плечами:

— С этим демоном я обманулась. Но коли возникнет нужда, всегда можно вызвать на замену другого.

— Не делай этого, — попросил я.

— И не собираюсь. Нет необходимости.

— Но если ты сама решишь, что необходимость есть?..

— Мать склонна ценить безопасность своего сына, нравится это сыну или нет.

Я поднял левую руку, гневно вытянув указательный палец, и в этот момент заметил на запястье блестящий браслет — он выглядел почти голографическим изображением витого шнура. Я опустил руку, сдержал свой первый порыв и произнес:

— Теперь ты знаешь мои чувства.

— Я давным-давно их знаю, — ответила мать. — Давай пообедаем в пределах Савалла через пол-оборота, в пурпурное небо, договорились?

— Договорились, — кивнул я.

— До скорого. Счастливого оборота, Сухай.

— Счастливого оборота, Дара.

Она сделала три шага и скрылась в полном соответствии с этикетом, тем же путем, что пришла.

Я повернулся и шагнул к краю пруда, уставился в глубину вод, ощущая, как медленно расслабляются плечевые мышцы. Теперь там были Джасра и Джулия, снова в Страже Четырех Миров, совершающие нечто тайное в лаборатории. А затем над ними взметнулись полосы, какая-то безжалостная истинность, возвышающаяся над порядком и красотой, начала превращать женщин в существа завораживающих и пугающих очертаний.

Я ощутил руку на своем плече.

— Семья, — сказал Сухай. — Козни, сводящие с ума. Ты сейчас переживаешь тиранию любви, не так ли?

Я кивнул.

— Марк Твен что-то говорил о возможности выбирать себе друзей, но не родственников.

— Я не знаю, что они затевают, — произнес Сухай. — Сейчас ничего не остается делать, как отдыхать и ждать. Я был бы рад услышать твою историю во всех подробностях.

— Спасибо, дядя.

Что ж, почему бы и нет? И я поведал ему все до конца. По ходу рассказа мы прерывались, дабы снова подкрепиться на кухне, затем проследовали на балкон, парящий над океаном известкового цвета, что бился о розовые скалы

под тускло-синим беззвездным небом. Здесь я закончил свой рассказ.

— Это более чем интересно, — в конце концов произнес Сухай.

— Ты увидел что-то большее, то, чего не заметил я?

— Здесь столько поводов для размышлений, что я опасаюсь судить поспешно, — отвечал дядя. — Давай пока оставим это.

— Прекрасно.

Я облокотился о перила, глядя в пучину

— Тебе необходим отдых, — заметил Сухай, помолчав.

— Догадываюсь.

— Пойдем, я покажу твою комнату

Он протянул руку, и я взял ее. Мы вместе погрузились в пол.

Я спал в окружении гобеленов и портьер, в палате без дверей, в пределах Сухая. Возможно, комната располагалась в башне, так как я слышал за стенами завывания ветров. Был сон, и было видение...

Я снова оказался в замке Амбера и шел извивающейся лентой Зеркального Коридора. Тонкие восковые свечи мерцали в высоких шандалах. Шаги мои были бесшумны. Меня окружали зеркала всех стилей и форм. Большие, маленькие, они покрывали стены по обе стороны. Я следовал мимо себя, бредущего в их глубинах, отраженный, искаженный, временами отраженный в отражениях.

И застыл перед треснутым, оправленным в олово зеркалом, что возвышалось слева от меня. Уже поворачиваясь к нему, я знал, что отражение не мое.

Да, я не ошибся. Из зеркала на меня смотрела Корэл. Одетая в персиковую блузу, она была без повязки на глазу. Трещина в зеркале делила ее лицо пополам. Левый глаз Корэл был зеленым, каким я его запомнил, правый... В правом сидел Судный Камень. И оба смотрели на меня.

— Мерлин, — сказала она. — Помоги мне. Это так необычно. Верни мне мой глаз.

— Я не знаю как. Не понимаю, как это было сделано.

— Мой глаз, — продолжала Корэл, будто не слышала ответа. — В Оке Камня весь мир — кишащие силы, холодный... такой холодный!.. и нигде нет покоя. Помоги мне!

— Я найду способ, — пообещал я.

— Мой глаз... — повторяла она.

Я поспешил дальше. Из прямоугольного зеркала в деревянной раме с резным фениксом в основании меня разглядывал Люк.

— Эй, старина! — Он выглядел несколько жалким. — Я чертовски хочу вернуть папин меч. Ты не видел его снова?

— Боюсь, нет, — пробормотал я.

— Какая досада, что я так недолго обладал твоим подарком. Высмотришь его, а? У меня такое чувство, что он может прийти к стати.

— Постараюсь, — сказал я.

— В конце концов, ты в какой-то степени отвечаешь за то, что произошло.

— Верно, — согласился я.

— ...и я чертовски хочу получить его обратно.

— Да, — сказал я и двинулся дальше.

Отвратительное хихиканье донеслось справа, из эллипса в бордовой раме. Повернувшись, я узнал лицо Виктора Мелмана, колдуна из теневой Земли, с которым столкнулся, когда начались мои неприятности.

— Адово племя! — прошипел он. — Прямо-таки радость видеть тебя блуждающим в потемках чистилища. Пусть кровь моя горит на твоих ладонях.

— Твоя кровь — на твоих собственных руках, — парировал я. — Полагаю тебя самоубийцей.

— Не так! — резко оборвал он. — Ты подлецим образом прикончил меня.

— Бред собачий! Во многом можно меня обвинить, но не в твоей смерти.

Я было двинулся дальше, но его рука вытянулась из зеркала и вцепилась в мое плечо.

— Убийца! — закричал он.

— Проваливай. — Я стряхнул его руку и продолжил свой путь.

Затем слева, из широкого зеркала в зеленой раме, покрытого зеленоватой патиной, меня окликнул укоризненно качающий головой Рэндом.

— Мерлин! Мерлин! Что это ты там замышляешь? — вопрошал он. — Какое-то время я был уверен, что ты держишь меня в курсе событий.

— Конечно, — ответил я, разглядывая его оранжевую футболку и джинсы «ливайс», — это правда, сэр. Просто не хватило времени для некоторых вещей.

— Для тех, что касаются безопасности государства — для них у тебя не хватило времени?

— Ну, полагаю, об этом можно судить по-разному.

— Если дело касается нашей безопасности, я — тот, кто вершит суд.

— Да, сэр. Я сознаю, что...

— Мы должны поговорить, Мерлин. Верно ли, что ты лично замешан во все это?

— Полагаю...

— Не имеет значения. Корóлевство куда важнее. Нам следует поговорить.

— Да, сэр. Мы поговорим, как только...

— К дьяволу «как только»! Прекрати ходить вокруг да около и тащи сюда свою задницу!

— Да, как только...

— Чтобы я этого больше не слышал! Это граничит с предательством, если ты скрываешь важную информацию! Мне необходимо видеть тебя немедленно! Возвращайся домой!

— Слушаюсь, — сказал я и поспешил прочь. Голос Рэн-дома смешался с неумолкающим хором других, выкликающих свои требования, свои мольбы, свои обвинения.

Из следующего зеркала — круглого, в синей плетеной раме — на меня взидала Джулия.

— А вот и ты, — сказала она почти с томлением. — Ты знаешь, я любила тебя.

— Я тоже любил тебя, — признался я. — Понадобилось немало времени, чтобы понять это. Хотя, думаю, я все испортил.

— Ты недостаточно любил меня. Недостаточно, чтобы довериться мне. И потерял мое доверие.

Я отвел взгляд.

— Прости.

— Этого мало, — произнесла Джулия. — Итак, мы стали врагами.

— Совсем необязательно.

— Слишком поздно, — вздыхала она, — слишком поздно.

— Прости, — повторил я и заспешил дальше.

И вот я подошел к Джасре в красной алмазной раме. Ее рука с ярко накрашенными ногтями потянулась ко мне и погладила мою щеку.

— Куда-то идешь, миленький?

— Надеюсь, что так, — сказал я.

Она криво усмехнулась и поджала губы.

— Я решила, что ты дурно влияешь на моего сына. Спевшись с тобой, он лишился твердости.

— Мне очень жаль.

— ...и это может сделать его не способным править.

— Не способным или не желающим? — переспросил я.

— Так или иначе, виноват ты.

— Он уже большой, Джасра, и способен сам принимать решения.

— Боюсь, что ты научил его принимать неправильные решения.

— Не обвиняй меня, если он делает то, что тебе не по душе.

— А если Кашфа погибнет — потому что из-за тебя он стал мямлей?

— Я отклоняю свою кандидатуру, — сказал я, делая шаг вперед.

И хорошо, что отошел, ибо рука Джасры вытянулась, ногти мелькнули у моего лица, едва не оцарапав. Она осыпала меня вслед проклятиями. К счастью, их заглушили прочие вопли.

— Мерлин?

Снова повернувшись направо, я узрел лицо Найды в серебряном зеркале, чья поверхность и витая рама состояли из единого слитка.

— Найда! Тебе-то что от меня нужно?

— Ничего, — ответила леди ти'ига. — Просто мне нелегко, и я нуждаюсь в совете.

— Ты не испытываешь ненависти ко мне? Какая приятная неожиданность.

— Ненавидеть тебя? Не глупи. Никогда бы не смогла.

— У всех остальных в этой галерее я, похоже, вызываю раздражение.

— Это лишь сон, Мерлин. А ты реален, и я реальна, и нам дела нет до остальных.

— Извини, что моя мать наложила на тебя заклятие оберегать меня... все эти годы. Ты действительно свободна теперь? Если нет, возможно, я смогу...

— Я свободна.

— Мне жаль, что у тебя возникли такие ужасные трудности. Не зная, я это или Люк, ты была обязана быть настороже. Кто мог предположить, что два жителя Амбера окажутся соседями в Беркли.

— Я не жалею.

— Что ты имеешь в виду?

— Я пришла за советом. Я хочу знать, как можно найти Люка.

— Как же, в Кашфе. Он как раз недавно был коронован. Зачем он тебе нужен?

— Ты не догадываешься?

— Нет.

— Я влюблена в него. Всегда была. Теперь, когда я свободна и у меня есть собственное тело, я хочу, чтобы он знал, что это я была Гейл, а еще — что я чувствую. Спасибо, Мерлин. До свидания.

— Подожди!

— Да?

— Я никогда не благодарил тебя за то, что ты опекала меня все эти годы, пусть даже по принуждению, пусть это и приносило мне изрядные неудобства. Спасибо и — счастливо тебе.

Она улынулась и исчезла. Я протянул руку и дотронулся до зеркала.

— Удачи, — казалось, донеслось мне в ответ.

Странно. Это ведь сон. И в то же время я чувствовал, что это реально. Я...

— Ты вернулся во Владения в разгар интриг, как я понимаю, — раздался голос из узкого, окантованного черным зеркала в трех шагах впереди.

Я приблизился. Мой брат Джарт пожирал меня глазами.

— Чего ты хочешь? — спросил я.

Его лицо было злой карикатурой на мое собственное.

— Чтобы тебя никогда не было. За невозможностью этого, я был бы рад видеть тебя мертвым.

— Каков же третий вариант?

— Заточение в личной преисподней, полагаю.

— Почему?

— Ты стоишь между мною и тем, чего я добиваюсь.

— Буду рад посторониться. Скажи мне только как.

— Нет такого пути, чтобы ты смог или захотел, по собственной воле.

— Поэтому ты ненавидишь меня?

— Да.

— Боюсь, что купание в Фонтане расстроило твои чувства.

— Я не прошел полного курса, и чувства мои лишь обострились.

— Можем мы как-то забыть прошлое и начать все с начала, стать друзьями?

— Никогда.

— Не думал, что так получится.

— Она всегда больше пеклась о тебе, чем обо мне, а сейчас ты собираешься занять трон.

— Это вздор! Я не желаю трона.

— В этом деле твои желания ничего не значат.

— Я не займу трон.

— Нет, займешь — если только я сперва не убью тебя.

— Не будь кретином. Игра не стоит свеч.

— Скоро наступит день, когда ты меньше всего будешь ожидать этого, и вдруг повернешься и увидишь меня... Слишком поздно!

Зеркало совершенно почернело.

— Джарт!

Ничего.

Терпеть его во сне так же тяжело, как наяву. Я повернул голову туда, где в нескольких шагах слева от меня сияло зеркало в пламенеющей раме. Каким-то образом я знал, что оно — следующее на моем пути, и направился туда.

Фиона улыбалась.

— Ну вот, ты его и нашел...

— Тетушка, что происходит?

— Кажется, происходит конфликт того рода, что обычно характеризуют как «не поддающийся упрощению», — ответила она.

— Я рассчитывал на другой ответ.

— Слишком уж все завертелось, чтобы объяснить лучше.

— И ты часть этого?

— Очень небольшая. Не из тех, кто именно сейчас может принести тебе пользу.

— Что мне делать?

— Изучай варианты и выбирай лучший.

— Лучший для кого? И для чего?

— Только ты сможешь ответить.

— Хоть намекни.

— Ты сумел пройти Путь Корвина, когда я взяла тебя туда?

— Да.

— Я не сомневалась. Он был начертан при неожиданных обстоятельствах и никогда не сможет быть воспроизведен. Наш Путь никогда бы не допустил его создания,

не будь он сам поврежден и слишком слаб чтобы предотвратить возникновение Пути Корвина.

— Ну?

— Наш Путь старается впитать тот, поглотить его. Если это удастся, то последствия для Амбера будут губительными, как военные разрушения. Равновесие с Хаосом полностью нарушится.

— Разве Хаос недостаточно силен, чтобы воспрепятствовать этому? Я думал, они одинаково могущественны.

— Так и было, пока ты не восстановил Теневой Путь и Путь Амбера смог впитать его. Это сделало его неизмеримо сильнее. Теперь он способен добраться до Пути твоего отца, преодолев сопротивление Логруса.

— Я не понимаю, что же делать?

— Я тоже. Но требую от тебя помнить то, что я сказала. Когда придет время, ты должен принять решение. Не знаю какое, но это будет чрезвычайно важно.

— Она права, — раздался голос за моей спиной.

Повернувшись, я увидел отца внутри сияющей черной рамы с серебряной розой наверху.

— Корвин! — услышал я оклик Фионы. — Где ты?

— В месте, где отсутствует свет, — ответил он.

— Я думал, ты где-то в Амбере, отец, с Дейдром, — сказал я.

— Призраки играют в призраки, — ответил он. — У меня больше нет времени, силы на исходе. Могу сказать тебе только одно: не доверяй ни Пути, ни Логрусу, ни кому-то из их отродья, пока все не разрешится.

Он начал исчезать.

— Как я могу помочь тебе? — спросил я.

— ..во Владениях, — донеслось до меня перед тем, как он пропал окончательно.

Я снова повернулся.

— Фи, что он имел в виду?

Она нахмурила брови.

— У меня такое ощущение, что ответ лежит где-то во Владениях, — медленно проговорила тетушка.

— Где? Где следует искать?

Она покачала головой и, отворачиваясь, сказала:

— Кто может знать лучше?

Потом она тоже скрылась.

Голоса по-прежнему зывали ко мне — спереди, сзади. Слышались плач и смех, и повторялось мое имя. Я бросился вперед.

— Что бы ни случилось, — говорил Билл Рот, — если тебе понадобится хороший законник, я с этим управлюсь — даже во Владениях Хаоса.

Затем появился Дворкин, поглядывающий на меня из крошечного зеркала в витой раме.

— Нет повода для беспокойства, — заметил он. — Только вот тебя опутывают всяческие невесомости...

— Что же мне делать? — вскричал я.

— Ты должен стать чем-то большим, нежели ты есть.

— Не понимаю.

— Сбеги из клетки своей жизни.

— Какой клетки?

Он сгинул.

Я несея вперед, а вокруг меня звенели слова. Ближе к концу зала висело зеркало, подобное куску желтого шелка, натянутого на раму. Оттуда мне ухмылялся Чеширский Кот.

— Все это чепуха. Черт с ними со всеми! — говорил он. — Сходим-ка в кабаре, старина. Опрокинем по несколько стаканчиков, людей послушаем...

— Нет! — закричал я. — Нет!

А затем от Кота осталась только ухмылка.

И тут я тоже стал исчезать. Милосердное черное забвение, да ветер, завывающий где-то там далеко-далеко.

Глава 3

Не знаю, как долго я спал. Разбужен я был Сухаем, повторяющим мое имя.

— Мерлин, Мерлин, — говорил он. — Небо — белое...

— А меня ждет трудный день, — продолжил я. — Знаю. Ночь у меня тоже была трудная.

— Значит, они достали тебя.

— Кто?

— Маленькие чары от меня — дабы слегка просветить твой разум. Я решил, что склонить тебя к ответам изнутри лучше, чем нагружать своими догадками и подозрениями.

— Я снова был в Зеркальном Коридоре.

— Не представлял, какую форму может принять видение.

— Это было реально?

— Вполне возможно в нынешней ситуации.

— Что ж, благодарю... я догадывался. Помнится, Грилл говорил что-то о твоём желании увидеть меня раньше матери.

— Мне было интересно, много ли ты знаешь. Хотел защитить твою свободу выбора.

— О чем ты говоришь?

— Уверен, что она жаждет видеть тебя на троне.

Я приподнялся, потер глаза и сказал:

— Полагаю, это вполне возможно.

— Не знаю, насколько далеко простирается ее желание довести дело до конца. Я хотел дать тебе возможность осознать свое собственное мнение перед тем, как стать посвященным в ее планы. Не желаешь ли чаю?

— Да, спасибо.

Я принял предложенную кружку и поднес к губам.

— Что еще можешь сказать, помимо предположений о ее намерениях?

Дядя покачал головой:

— Не знаю, насколько активна программа Дары, если ты это имеешь в виду. Но она ли связана с этим или кто другой, заклятие, что ты нес на себе, ныне исчезло.

— Твоя работа?

Он кивнул. Я сделал еще глоток.

— Никогда не предполагал, что окажусь так близко к голове очереди претендентов на престол. Джарт пока четвертый или пятый, не так ли?

Сухай кивнул.

— Чувствую, денек будет очень трудный, — промолвил я.

— Допивай свой чай, — обратился он ко мне, — и, когда закончишь, следуй за мной.

Дядя ушел через гобелен с драконом в дальнем углу комнаты. Когда я снова поднял кружку, светящийся браслет отделился от руки и воспарил передо мной, теряя свои плетеные очертания и становясь кругом чистого света. Он застыл над дымящейся кружкой, будто наслаждаясь коричневым ароматом.

— Привет, Призрак, — сказал я. — Зачем на этот раз ты сковал мою руку?

— Чтобы прикинуться веревкой, которую ты обычно носишь, — последовал ответ. — Я думал, тебе понравится.

— Я имел в виду: что ты делал все это время?

— Только слушал, папочка. Гадал, чем бы тебе помочь. Все эти — они действительно твои родственники?

— Те, с которыми мы до сих пор встречались, — да.

— Есть ли необходимость вернуться в Амбер и навешать там на них собак?

— Нет, здесь, во Владениях, это тоже действует. — Я сделал еще глоток. — Ты имеешь в виду каких-то особых собак? Или так, вообще?

— Я не доверяю ни твоей матери, ни твоему брату Мэндору, хоть они мои бабка и дядя. Я думаю, они что-то против тебя замышляют.

— Мэндор всегда был добр ко мне.

— ...а твой дядя Сухай кажется замечательно целеустремленным, но во многом напоминает Дворкина. Мог бы он затеять внутреннюю смуту, а сам приготовиться смыться в любой момент?

— Надеюсь, что нет. За ним никогда такого не водилось.

— О-хо-хо, так то, когда все на месте, а сейчас время потрясений.

— Все-таки где ты набрался этой вульгарной психологии?

— Штудировал великих психологов теневой Земли. Это часть моих непрерывных попыток постичь человеческую натуру. Полагаю, то было время, когда я больше всего понял о сторонах иррационального.

— Ну хорошо, чем же могли быть вызваны происходящие события?

— В Камне я фактически повстречался с копией Пути высшего порядка. Там возможны такие аспекты, которых я просто не мог понять. Это привело меня к рассмотрению теории Хаоса, затем к Меннингеру и всем прочим, дабы рассмотреть проявления иррационального в сознании.

— И каковы результаты?

— Я стал мудрее.

— Я имею в виду — касательно Пути.

— Ах да. Либо он сам обладает элементом иррационального, подобно живым существам, либо является интеллектом такого порядка, что какие-то из протекающих в нем процессов только кажутся иррациональными низшим существам. Любое объяснение подкрепляется тем же результатом, полученным практическим наблюдением.

— Мне никогда не выпадал удобный случай применить некоторые из тестов, мною задуманных. Скажи, пожалуйста, исходя из внутреннего опыта: не подпадаешь ли ты сам под подобную категорию?

— Я? Иррационален? Такая постановка вопроса мне в голову не приходила. Не вижу, как это возможно.

Я допил чай и свесил ноги с кровати.

— Вот жалость! Думаю, некая мера иррационального и делает нас истинными людьми. Да еще то, что мы сознаем это, разумеется.

— Неужели?

Я встал и принялся одеваться.

— Да, и управляя этим в себе, можно совладать с разумом и чувствами.

— Я собираюсь пристально изучить твою идею.

— Давай, — сказал я, натягивая сапоги, — и поведай мне о свершенных открытиях.

Я продолжал одеваться, когда Призрак спросил:

— Ты собираешься завтракать со своим братом Мэндором, когда небо станет синим?

— Да.

— А позже приглашен на обед к своей матери?

— Точно.

— Еще позже присуствуешь на похоронах почившего монарха?

— Буду и там.

— Нуждаешься в моей защите?

— Я под охраной моих родичей, Призрак. Хотя ты и не доверяешь им.

— Последнее погребение, на котором ты присутствовал, бомбили.

— Верно. Но то был Люк, а он дал зарок. Не беспокойся, со мной все будет в порядке... Хочешь осмотреть достопримечательности, иди вперед.

— Прекрасно, — сказал он. — Так и сделаю.

Я встал, пересек комнату и остановился у дракона.

— Можешь указать мне дорогу к Логрусу? — спросил Призрак.

— Ты шутишь?

— Нет, — заявил он. — Я знаю Путь, но никогда не видел Логрус. Где его держат?

— Мне казалось, что я даровал тебе лучшие способности памяти, нежели ты обнаруживаешь. Во время твоей последней стычки с данным объектом ты хорошенько его обделал.

— Полагаю, так оно и было. Как ты думаешь, он не держит зла?

— По первому размышлению — держит. Еще подумав — тем более. Держись от Логруса подальше.

— Да ты же как раз советовал мне исследовать движущую силу Хаоса, иррациональное...

— Но не советовал тебе кончать самоубийством. Я вложил в тебя массу труда.

— Я и сам себя ценю. Ты знаешь, я имею склонность к выживанию, как и органические особи.

— Любопытное суждение.

— Тебе многое известно о моих способностях.

— Действительно, ты хорош попадать из огня да в полымя.

— А ты задолжал мне за приличное обучение.

— Ладно, посмотрим.

— Все это увертки. Думаю, и сам справлюсь.

— Отлично. Двигай.

— Так трудно показать?

— Ты же отказался от всеведения, помнишь?

— Папаша, я считаю, что должен увидеть Логрус!

— У меня нет времени представлять его тебе.

— Только укажи дорогу. Спрятаться я сумею.

— Что ж, получай. Прекрасно. Сухай — хранитель Логруса. Логрус лежит где-то в пещере. Единственный известный мне путь начинается здесь.

— Где?

— Здесь есть что-то такое, содержащее девять поворотов. Я дам тебе путеводную нить.

— Не уверен, что твои заклинания действуют на существа, мне подобные.

Я протянул руку сквозь кольцо — виноват, спикард, — наложил ряд черных звездочек на карту пути, которым должен следовать Призрак, повесил ее перед ним в пространстве моего логрусского зрения и сказал:

— Сотворил тебя, сотворил и заклятие.

— Угу, — отозвался Призрак. — Я чувствую, будто достиг уровня, куда доступа не имел.

— Все будет тебе дано в надлежащее время. Стань подобен кольцу на моем указательном пальце. Мы разом оставим эту комнату и проскочим остальные. Когда будем неподалеку от нужного пути, я обозначу его указателями. Следуй в том направлении, и ты проникнешь сквозь нечто на своем пути, что и приведет тебя в иное пространство. Где-то там обнаружишь черную звезду, обозначающую путь к следующему пространству, к следующей звезде и так далее. В конце концов окажешься в пещере, где обитает Логрус. Схоронись понадежней и приступай к своим наблюдениям. Когда пожелаешь удалиться, проделай все в обратном порядке.

Призрак съехался и подлетел к моему пальцу.

— Отыщи меня потом и дай знать о твоих приключениях.

— Я так и собирался, — донесся тоненький голосок. — Не хотелось бы усугублять твою вероятную паранойю.

— Продолжай в том же духе, — сказал я, входя в дракона.

Я оказался в маленькой гостиной, одно окно которой выходило на горы, другое — в пустыню. В комнате никого

не было, и я вышел в длинный коридор. Да, все именно так, как мне помнилось.

Я зашагал по коридору, миновав несколько комнат, пока не дошел до двери слева, которую и открыл, дабы обнаружить целую коллекцию, состоящую из метел, щеток, швабр, ведер, горы половых тряпок и тазика. Да, все так...

Я указал на полки справа:

— Ищи черную звезду.

— Ты серьезно? — пропищал голосок.

— Иди и смотри.

Луч света протянулся от моего указательного пальца; достигнув полка, искривился, сжался в нить, столь тонкую, что теперь ее не было видно.

— Счастливо, — вздохнул я и отвернулся.

Я затворил дверь, по-прежнему сомневаясь в правильности своего поступка и утешая себя лишь мыслью, что Призрак все равно отправился бы на поиски и, несомненно, в итоге обнаружил бы Логрус. Чему быть, того не миновать. А мне весьма интересно, что он там разужнает.

Я проследовал обратно в маленькую гостиную. Не исключено, что в последний раз мне выдается возможность побыть какое-то время в одиночестве, и я решил потратить его с пользой. Я уселся на грудку подушек и вытаскивал карты. Быстро перебрав колоду, остановился на карте, где поспешно набросал Корэл в тот недавний лихорадочный день в Амбере. Я изучал ее черты, пока карта не похолодела.

Изображение обрело трехмерность, а затем я вдруг увидел себя: мы с Корэл ярким днем гуляем по улицам Амбера, вокруг кипит торговля. А вот мы спускаемся по склону Колвира, перед нами сияет море, в небе кружат чайки. Затем кафе, стол, парящий у стены...

Я накрыл карту ладонью.

Корэл спала, это был ее сон. Как странно, перебирая карты, застать другого спящим. Еще удивительней обнаружить в том видении самого себя, если только, разумеется, прикосновение моего разума не возбудило неосознанные воспоминания... Одна из маленьких жизненных головоломок. Негоже будить бедняжку только для того, чтобы узнать, как она поживает. Для этого можно вызвать и Люка.

Я начал было искать его карту, но заколебался. Он наверняка изрядно занят в свои первые дни на посту монарха. А мне и так уже известно, что Корэл отдыхает

И лишь повертев в руках карту Люка, я отпихнул ее в сторону, обнаружив под ней следующую.

Серое, серебряное и черное... Его лицо являло собой постаревший и несколько более энергичный вариант моего собственного. Корвин, мой отец, оглядывался на меня. Как много раз я потел над этой картой, пытаясь достать его, пока ум не заходил за разум — и все безрезультатно! Прочие объясняли мне, что это значит лишь одно из двух: он либо мертв, либо блокирует всякий контакт.

Но затем мною овладело странное чувство. Я вспомнил его собственные истории, в частности, когда он рассказывал о том, как пытался достать Брэнда через карту, но сначала не смог этого добиться из-за отдаленности той Тени, где был заточен Брэнд. Вспомнил я и попытки отца проникнуть во Владения и трудности, вызванные огромным расстоянием. Возможно ли, что мои усилия не давали результата не потому, что он умер или блокирует контакт, а из-за колоссального расстояния, разделяющего нас?

Но тогда кто пришел ко мне на помощь той ночью в Царстве Теней, кто перенес меня в необычное место меж Тениями навстречу странным приключениям, что выпали мне там? И хотя я был совсем не уверен в природе явления отца в Зеркальном Коридоре, но ведь позже я наткнулся на явные знаки его присутствия в самом замке Амбера. Если он побывал в каком-то из этих мест, то, очевидно, вряд ли находится слишком далеко. Следовательно, отец просто блокирует меня, и очередная попытка скорее всего в очередной раз докажет бесполезность данного предпринятия. Хотя, если существуют какие-то другие объяснения, и...

Мне показалось, что карта стала холодеть под пальцами. Было это лишь игрой воображения, или сила моего взгляда пробудила карту? Мысленно я подался вперед, сосредотачиваясь. И казалось, в ответ на мои усилия она становится еще холоднее.

— Папа? — произнес я. — Корвин?

Еще холоднее, и покалывание в подушечках пальцев, касавшихся карты. Это напоминало начала контакта. Возможно, он гораздо ближе к Владениям, нежели к Амберу, и находится сейчас в зоне досягаемости...

— Корвин, — повторил я, — это я, Мерлин. Привет.

Его изображение изменилось, будто двинулось. А затем карта совершенно почернела. Тем не менее она оставалась

холодной, и возникло ощущение молчаливого контакта, словно в телефонном разговоре возникла пауза.

— Папа? Ты там?

Черная поверхность приобрела глубину. В глубине что-то шевельнулось...

— Мерлин? — Слово прозвучало неясно, хотя я был уверен, что это его голос выговаривает мое имя. — Мерлин?

Движение в глубине было реальным. Что-то стремилось наружу. Оно ринулось из карты мне в лицо, с биением черных крыл, с карканьем — ворон или ворона.

— Нельзя! — кричала птица. — Нельзя! Убирайся! Изыди! — Она билась о мою голову, а карты сыпались из рук. — Держись подальше! — хрипела птица, кружа по комнате. — Запрещено!

Она перелетела через порог, и я погнался за ней.

— Птица! — кричал я. — Вернись!

Тщетно. Не было ответа, не слышно было и шума крыльев. Я заглядывал в другие комнаты, но ни в одной из них и признака этой твари не обнаружил.

— Птица?..

— Мерлин! В чем дело? — донеслось откуда-то сверху.

Я поднял глаза, дабы узреть Сухая, сходявшего по хрустальной лестнице за пеленой дрожащего света; позади было небо, полное звезд.

— Просто ишу птицу, — ответил я.

— Ох, — сказал он, достигнув пола и переступив пелену, которая сразу вытряхнулась из бытия, захватив с собой лестницу. — Какую-то особую птицу?

— Большую и черную. Из рода говорящих.

Он покачал головой.

— Я могу послать за такой, — предложил дядя.

— Это особенная птица, — сказал я.

— Жаль, что ты потерял ее.

Мы вышли в коридор, я повернул налево и первым зашел в гостиную.

— Карты все разбросаны, — заметил мой дядя.

— Я пытался воспользоваться одной, а она стала черной и из нее вылетела птица, кричащая: «Запрещено!» В этот момент я их и рассыпал.

— Похоже, твой корреспондент или шутник, или заколдован.

Мы присели, Сухай помог мне собрать колоду.

— Скорее последнее, — сказал я. — Это была карта моего отца. Долго я пытался обнаружить его и сейчас по-

дошел ближе всего. Я действительно слышал его голос, там, в темноте, перед тем как вмешалась черная птица и прервала связь.

— Наверное он заточен в темное место, возможно, к тому же магически охраняемое.

— Конечно! — воскликнул я, сложив колоду и убирая ее в коробку.

Ничто не в силах распоряжаться веществом Тени в местах абсолютного мрака. Мрак так же надежен, как слепота, когда нужно отвлечь существо нашей крови от побега. Моему недавнему опыту это придает частицу здравого смысла. Некто, желающий лишить Корвина свободы, обязан держать его в очень темном месте.

— Ты когда-нибудь встречался с моим отцом? — спросил я.

— Нет, — ответил Сухай. — Я слышал, что он нанес короткий визит во Владения в конце войны. Но никогда не имел удовольствия...

— Ты слышал что-нибудь о том, что он здесь делал?

— Полагаю, присутствовал на встрече со Свейвилем и его советниками вместе с Рэндомом и другими лордами Амбера, когда они готовили мирное соглашение. После чего, как я понимаю, он пошел своей дорогой, и я понятия не имею, куда она могла его завести.

— В Амбере известно не больше, — сказал я. — Не знаю... Он убил вельможу — лорда Бореля — где-то в конце последней битвы. Есть вероятность, что родичи Бореля могли последовать за отцом?

Дядя дважды щелкнул клыками, затем поджал губы.

— Дом Хендрейков... — задумался он. — Думаю, нет. Твоя бабка была из Хендрейков.

— Знаю. Но я с ними практически не общался. Некоторые расхождения с Хелграмами.

— Пределы Хендрейка очень агрессивны, — продолжал он. — Честь воина, понимаешь ли. Я не могу представить их себе в мирное время затаившими злобу за случившееся во время войны.

Припомнив рассказы моего отца, я спросил:

— Даже если они считают убийство не совсем честным?

— Не знаю, — сказал он на это. — Трудно угадывать позиции в таких специфических вопросах.

— Кто сейчас глава Дома Хендрейков?

— Герцогиня Белисса Миноби.

— Герцог, ее муж — Ларсус... Что с ним случилось?

— Он скончался при падении Пути. Полагаю, его убил принц Джулиан из Амбера.

— А Борель был их сыном?

— Да.

— Ну и ну. Уже двое. Я и не представлял себе...

— У Бореля два брата, сводный брат и сводная сестра, куча дядей, тетей, кузенов. Большое семейство. И женщины Хендрейков удалю не уступают мужчинам.

— Ну конечно. Есть даже песня: «Никогда не вступит в брак хендрейкова девица»!.. Можно как-нибудь выяснить, имел ли Корвин определенные дела с ними, пока был здесь?

— Попробую слегка поспрашивать, хотя прошло столько времени... Воспоминания стираются, следы исчезают. Все не просто.

Сухай покачал головой.

— Сколько еще до синего неба? — спросил я его.

— Довольно мало.

— Тогда мне пора отправляться в пределы Мэндора. Я обещал брату позавтракать с ним.

— Увидимся, — сказал Сухай. — На погребении, если не раньше.

— Да. Полагаю, мне следует умыться и переодеться.

Я совершил переход в свою комнату, где вызвал таз с водой, мыло, зубную щетку, бритву, а также серые штаны, черные пояс и сапоги, пурпурные перчатки и рубаху, плащ цвета угля, клинок и ножны. Приведя себя в порядок, я совершил переход через лесную поляну в приемную. Оттуда вышел на магистраль. Потом четверть мили горной тропой, внезапно упершейся в расщелину; я вызвал пелену, чтобы пересечь ее. Затем я направился прямо в пределы Мэндора, одолев, может, сотню ярдов голубым пляжем под двойным солнцем. Повернул направо, пройдя под памятной каменной аркой, быстро миновал поле пузырящейся лавы и проник сквозь стену черного обсидиана, за которой мне открылась славная пещера, далее по маленькому мостику, наискосок через кладбище и наконец на приемную площадку пределов.

Сплошная стена слева от меня была создана из тягучего пламени, а то, что справа, — был путь безвозвратный; свет осенял борозду дна морского, где копошились блестящие твари, пожирая друг друга. Мэндор в человеческом облике сидел прямо перед книжным шкафом, облаченный в черное и белое, ногами упираясь в черную же оттоманку;

в руках экземпляра «Прославления» Роберта Хаоса, который я дал ему.

Подняв глаза, он улыбнулся.

— «Гончие смерти страшили меня»... До чего ж славная строчка! Как тебе в этом обороте?

— Наконец отдохнул, — сказал я. — А ты?

Он встал, положив книгу на маленький столик без ножек, парящий поблизости. Тот факт, что Мэндор явно читал эту книгу специально к моему приходу, ничуть не умалял похвалы. Он всегда был таким.

— Вполне прилично, спасибо. Позволь мне тебя покормить.

Он взял меня за руку и повел к огненной стене. Та расступилась, когда мы приблизились, и наши шаги прозвучали в пространстве на миг воцарившейся темноты, почти сразу перешедшей в узкую тропинку — свет проникал сквозь свод ветвей над нашими головами, по обе стороны цвели фиалки. Тропа привела к вымощенному плитняком патио с бело-зеленым бельведером на дальнем краю. Несколько ступеней, и мы поднялись к отлично сервированному столу, тут же, под рукой, стояли запотевшие кувшины с соками и корзины с горячими булочками.

Жестом Мэндор усадил меня. По мановению его руки рядом со мной появился кофейник.

— Я гляжу, ты запомнил мою утреннюю слабость. Спасибо.

Кивая, он едва заметно улыбнулся и сел напротив. Щебет незнакомых мне птиц доносился с деревьев. Ласковый ветерок шуршал листьями.

— Что ты намереваешься делать в эти дни? — осведомился я, наливая себе кофе и разламывая булочку.

— Обозревать сцену, главным образом, — ответил он.

— Политическую сцену?

— Как всегда. Хотя недавний опыт в Амбере заставляет меня рассматривать ее как часть куда большей картины.

Я кивнул:

— Твои расследования с Фионой?..

— И это тоже. Они пришлись на очень необычные времена.

— Я обратил внимание.

— Похоже, конфликт между Путем и Логрусом проявляется в мирских делах так же, как в масштабах космических.

— У меня аналогичное ощущение. Но здесь я пристрастен. Меня преждевременно включили в партию космоса,

и без всяких на то оснований. Можно подумать, что я за все веревочки дергал, лишь бы только попасть в игру. Мне это не нравится, и если появится возможность повернуть вспять, я воспользуюсь ею.

— Гм-м, — произнес он. — А что, если вся твоя жизнь была обучением дергать за веревочки?

— Я бы не обрадовался этому. Полагаю, я чувствовал бы себя так же, разве что более напряженно.

Мэндор взмахнул рукой, и передо мной предстал изумительный омлет, сопровождаемый чуть задержавшимся гарнирным блюдом: жареный картофель с чем-то похожим на смесь лука и зеленого чилийского перца.

— Все это лишь предположения, не так ли? — сказал я и приступил к еде.

Здесь последовала длинная пауза, пока мы жевали.

— Вряд ли, — наконец отозвался Мэндор. — Я думаю, Силы, сейчас и уже долгое время, проявляют бешеную энергию, и мы относительно приближаемся к эндшпилю.

— Что заставляет тебя вмешиваться в эти дела?

— Началось с внимательного знакомства с происшествиями, — отвечал он. — Затем последовали выводы и разработка гипотез.

— Избавь меня от лекции о применении научного метода в теологии и человеческой политике, — попросил я.

— Ты спрашивал.

— Действительно. Продолжай.

— Тебя не удивляет то, что Свейвил скончался именно сейчас, когда так много доселе неспешно развивавшихся событий одновременно подошли к развязке?

— Рано или поздно он должен был уйти, — промолвил я. — А все эти недавние потрясения, возможно, оказались для него чрезмерными.

— Выбор времени, — произнес Мэндор. — Стратегическое расположение. Согласованность действий.

— Для чего?

— Для того, чтобы посадить тебя на трон Владений, разумеется, — ответил он.

Глава 4

Бывает, услышишь что-нибудь неправдоподобное — и все. А другой раз услышишь, а оно эхом отзовется. Сразу появляется чувство, будто с самого начала знаком с этим или знаешь что-то очень похожее, но только разглядеть не трудился.

По праву я должен был изумиться заявлению Мэндора, затем фыркнуть что-то вроде: «Абсурд!» Однако я испытал странное чувство, — неважно, были ли верны выводы Мэндора, — как будто существовало нечто большее, чем просто предложение, будто некий глобальный план толкает меня в круг власти Владений.

Я затянул паузу долгим, неторопливым глотком кофе. Затем произнес:

— В самом деле?

И почувствовал, как улыбаюсь, когда Мэндор, ошупывая глазами мое лицо, пытался поймать мой взгляд.

— Ты осознанно принимаешь участие в этой борьбе?

Я снова поднял чашку. Я чуть было не произнес: «Нет, разумеется, нет. Впервые об этом слышу». Затем я вспомнил отца, рассказывающего мне о том, как он оставил в дураках тетку Флору и заставил дать ему жизненно важную информацию, стершуюся в результате потери памяти. Меня поразила не та ловкость, с какой отец это проделал, а факт, что его недоверие к родственникам переступило порог сознания, явилось на уровне чистого рефлекса. Не имея в семейных дразгах опыта старших родственников, я испытывал недостаток в столь глубоких реакциях. Кроме того, мы с Мэндором ладили особенно хорошо, несмотря на то что он был веками старше и имел совсем другие вкусы в различных областях.

Неожиданно, обсуждая игру со столь высокими ставками, я будто услышал слабый голос Корвина, советующего не перемудрить: «Почему нет? Ты мог бы использовать мой опыт, малыш». И, вновь опуская чашку, я решил попытаться, хотя бы несколько минут, чтобы увидеть, какое это произведет впечатление.

— Не знаю, одно ли и то же мы подразумеваем, — произнес я. — Почему бы тебе не поведать мне о разгаре игры — или, может быть, даже вернуться к началу, и рассказать о том, что подтолкнуло тебя к столь преждевременным выводам?

— И Путь, и Логрус — материи чувствующие, — начал Мэндор. — Мы оба видели тому свидетельства. Будь то появления Змея и Единорога или что другое, не суть важно. В любом случае мы говорим о паре сверхчеловеческих разумов, имеющих в своем распоряжении мощь поистине безбрежную. Кто окажется первым — еще один из бесполезных теологических вопросов. В той ситуации, когда это нас затрагивает, нам следует беспокоиться лишь о самих себе.

Я кивнул:

— Справедливое мнение.

— Силы, которые они представляют, противоборствуют, но на протяжении веков более или менее равнялись друг другу, — продолжал он, — и таким образом поддерживалось равновесие. Они постоянно одерживали небольшие победы друг над другом, стремясь расширить свои владения за счет противника. И в результате счет оставался нулевым. И Оберон, и Свейвил долгое время были их агентами, через посредничество Дворкина и Сухая, общающихся с самими Силами.

— Неужели? — промолвил я, пока Мэндор отхлебывал сок.

— Я полагаю, что Дворкин соприкоснулся с Путем слишком тесно, — продолжил он, — и таким образом стал предметом махинации. Однако старик оказался достаточно искушенным, чтобы понять это и оказать сопротивление. Результатом чего стало безумие старого мастера со взаимным ущербом для него самого и для Пути, по причине их тесной связи. Это, в свою очередь, заставило Путь оставить Дворкина в одиночестве, предпочтя такой расклад опасности дальнейшего своего повреждения. Вред тем не менее был нанесен, и Логрус достиг определенного превосходства, что позволило ему распространиться во Владения

порядка, когда Брэнд начал эксперименты по умножению своих собственных возможностей. Я считаю, что он попал под контроль и стал невольным агентом Логруса.

— Это, по большей части, предположения, — заметил я.

— Учти, — возразил Мэндор, — что его замыслы стали выглядеть бреднями безумца. Но в них обнаруживается куда больше смысла, чем кажется на первый взгляд, если цель их — чье-то намерение разрушить весь порядок, ввергнув Вселенную в хаос.

— Продолжай.

— В какой-то момент Путь обнаружил — а возможно, окончательно освоил — способность творить призраков, недолго живущих подобий тех, кто попал на Путь. Очаровательная идея, я был чрезвычайно заинтересован. Она обусловила главный механизм, поддерживая мой тезис о непосредственном влиянии Пути и, возможно, Логруса на развитие материальных событий. Могли они фигурировать против Брэнда в выдвижении твоего отца в качестве защитника Пути? Хотел бы я знать.

— Ты говоришь, его выдвинули?

— У меня такое чувство, что Корвин был выбран Путем в качестве следующего короля Амбера, к тому же, кажется, в полном соответствии с собственным желанием. Я интересовался его внезапным выздоровлением в той земной клинике и в особенности обстоятельствами катастрофы, что занесла туда твоего отца. Тогда в различных временных потоках возможно то, что Брэнд оказался в двух местах одновременно — заключенным под стражу и глядящим в прицел ружья. Разумеется, сам Брэнд уже не способен прояснить ситуацию.

— Снова предположение, — сказал я, расправившись с омлетом. — Хотя безынтересное. Пожалуйста, продолжай.

— Тем не менее твой отец имел серьезные намерения занять трон. Все же он был спасителем Амбера. Амбер одержал победу в войне. Путь был исправлен, равновесие — восстановлено. Рэндом оказался вторым избранником на престол — хороший хранитель *status quo*, — причем этот выбор был сделан Единорогом, а не жителями Амбера, следующими каким-то вариантам Уложения о наследовании.

— Мне никогда не приходило в голову взглянуть на события под таким углом, — сказал я.

— И твой отец — верю, что неумышленно — обеспечил дополнительный козырь. Опасаясь, что Путь не будет

восстановлен, Корвин сотворил другой. Да только он был восстановлен. Итак, появилось два артефакта порядка; два, а не один. Как отдельная сущность, двойник, возможно, и не прибавил Пути силы, но добавил порядку как таковому, ослабив воздействие Логруса. Так твой отец, сместив баланс вправо, затем продолжил склонять его — теперь в другую сторону.

— Таковы выводы, которые сделаны в результате твоих и Фионы расследований, предпринятых на новом Пути?

Мэндор медленно кивнул и сделал глоток.

— Результат: учащение Теневых Бурь, как вселенский эффект, ввергнувший нас в пылечные времена.

— Да, нынешние времена... — повторил я, подливая себе кофе. — Следует заметить, что они становятся все занимательней и занимательней.

— Действительно. Твоя история с этой девицей Корэл, попросившей Путь отправить ее в подходящее место, тоже лыко в строку. И что же он немедленно сделал? Он послал ее в Теневой Путь и потушил огни. Затем послал тебя, чтоб спасти ее, по ходу исправляя ту копию. Как только она была исправлена, то перестала быть Теневым Путем и стала просто версией его самого, а он получил возможность впитать свою копию. Путь, вероятно, впитал вообще всю ту Тень, значительно прибавив себе энергии. Его преимущество перед Логрусом возросло еще больше. Логрус после этого нуждался в большом военном успехе, дабы восстановить равновесие. Тогда он и решился вторгнуться на территорию Пути в отчаянной попытке обрести Око Хаоса. Все, однако, закончилось тупиком из-за вмешательства того причудливого существа, которое вы кличете Призрачным Колесом. Таким образом, преимущество Пути сохранилось, как сохранилось и нездоровое положение дел.

— Для Логруса.

— Для всех, правильнее сказать. Силы будут неравны, материя Теней — потревожена, а в обоих государствах воцарится смута до тех пор, пока не восстановится порядок вещей.

— Итак, следует что-то сделать на благо Логруса?

— Ты уже знаешь что.

— Полагаю, да.

— Он связан с тобой непосредственно, не так ли?

Я припомнил ночь в часовне, там, где я был поставлен перед выбором между Змеем и Единорогом, Логрусом и

Путем. Возмутившись запутыванием в такой насильственной форме, я отказался от любого выбора.

— Да, именно так, — ответил я.

— Он хотел перетянуть тебя на свою сторону, верно?

— Полагаю.

— И?..

— ...и мы здесь, — отозвался я.

— Ты получил какие-нибудь свидетельства, способные подтвердить мой тезис?

Мне вспомнился тот переход через Подтенье, где угроза сочеталась с призраками Пути, Логруса или их обоих.

— Полагаю, что так, — повторил я. — Но в конечном итоге, завершая то путешествие, я послужил Пути, пусть и невольно.

— Ты готов исполнить план Логруса, направленный на благо Владений?

— Я готов искать решение, ведущее к спокойствию во всех умах.

Мэндор улыбнулся:

— Это условие или договор?

— Это утверждение решимости, — сказал я.

— Если Логрус выбрал тебя, у него есть на то причины.

— Смею думать.

— Само собой разумеется, что, имея тебя на троне, Дом Саваллов усилятся безмерно.

— Мысль приходила мне в голову, теперь ты высказал ее.

— Для любого с твоим происхождением, естественно, появляется необходимость четко определить, с кем ты окончательно, с Амбером или с Владениями.

— Предвидишь новую войну?

— Нет, конечно же, нет. Но что бы ты ни совершил для усиления Логруса, это пробудит Путь и спровоцирует определенный ответ Амбера. Вряд ли дело дойдет до войны, однако возможно то или иное возмездие.

— Нельзя ли более точно сформулировать, что у тебя на уме?

— Сейчас это лишь утверждения общего порядка, дабы дать тебе удобную возможность определить свои реакции.

Я кивнул:

— Раз мы толкуем об общих местах, повторю мое высказывание: я готов искать решение.

— Отлично, — сказал Мэндор. — Пока мы, как прежде, понимаем друг друга. Очевидно, в своем стремлении взойти на трон ты добиваешься того же, чего и мы...

— Мы? — перебил его я.

— Дом Саваллов, разумеется. Ты же не хочешь, чтобы тебе диктовали.

— Можно продиктовать любезно, — ответил я.

— Впрочем, все это, разумеется, чисто условно; имеется парочка претендентов с притязаниями посильней.

— Так зачем говорить о случайностях?

— Однако, если Дом согласен видеть тебя коронованным, можешь ты признать необходимость рассмотреть такую возможность?

— Брат, — произнес я, — во всех значительных вопросах Дом — это ты. Если ты требуешь обязательств, прежде чем устранить Тмера и Таббла, забудь об этом — я не настолько жажду занять трон.

— В этом деле твои желания — не главное, — возразил он. — Нет оснований для подобной щепетильности, учитывая, что мы уже давно в ссоре с Джебзи, а Чаникуты всегда были смутьянами.

— Щепетильность тут ни при чем. Я никогда не говорил, что жажду трона. И откровенно говоря, считаю, что и Тмер, и Таббл, возможно, окажутся лучше меня.

— Они не избраны Логрусом.

— А если я избран, то должен добиться трона без посторонней помощи.

— Брат, есть огромная брешь между его миром — миром принципов — и нашим — из плоти, камня и стали.

— А если допустить, что у меня свои намерения и твой план в них не входит?

— Какие же у тебя намерения?

— Мы говорим чисто условно, помнишь?

— Мерлин, до чего ж ты упрям! У тебя есть обязательства перед Домом, так же как перед Владениями и Логрусом!

— Я способен сам оценить свои обязательства, и их у меня достаточно... пока.

— Если у тебя есть план расставить все по своим местам и если этот план хорош, мы поможем воплотить его в жизнь. Что же у тебя на уме?

— В этом отношении я в помощи не нуждаюсь.

— В чем же ты в данный момент нуждаешься?

— В информации, — сказал я.

— Спрашивай. У меня ее море.

— Отлично. Что ты можешь мне рассказать о родственниках моей матери с материнской стороны, о Доме Хендрейков?

Мэндор поджал губы.

— Профессиональные вояки. Ты знаешь, они на месте не сидят, всегда в гуще войн Царства Теней. Просто любят это дело. После смерти генерала Ларсуса Домом правит Белисса Миноби. Гм-м... — Он сделал паузу, затем продолжил: — Тебя интересует их несколько странная мания, касающаяся Амбера?

— Амбера? — переспросил я. — То есть?

— Я припомнил один свой дружеский визит в пределы Хендрейка, — сказал Мэндор, — когда я забрел в маленькую, подобную часовне комнату. В нише одной из стен висел портрет генерала Бенедикта в полном боевом облачении. Ниже была полочка, вроде алтаря, с оружием и горящими свечками. Еще там было изображение твоей матери.

— Неужели? Интересно, знает ли Бенедикт? Дара однажды рассказала моему отцу, что происходит от Бенедикта. Позже он посчитал это абсолютным враньем... Как ты думаешь, стали бы такие люди держать злобу на моего отца?

— За что?

— Корвин сразил Бореля Хендрейкского.

— Они имеют склонность относиться к таким вещам философски.

— Однако, исходя из рассказов отца, я прихожу к заключению, что он воспользовался не совсем благородными приемами, хотя я не думаю, что тому были какие-то свидетели.

— Так оставим в покое спящих драконов.

— У меня нет намерения будить их. Но вот что мне интересно: услышь члены Дома Хендрейка какие-то подробности, стали бы они из кожи вон лезть, дабы заплатить долг чести? Не думаешь ли ты, что они могут стоять за исчезновением моего отца?

— Совершенно не представляю, как это соответствует их кодексу, — ответил Мэндор. — Полагаю, ты мог бы сам у них спросить.

— Просто выйти и сказать: «Эй, не вы ли виноваты в том, что случилось с моим папой»?

— Существует масса хитрых способов выведать чужое мнение, — отреагировал брат. — Насколько я слышал, в юности ты получил несколько хороших уроков по этому предмету.

— Я ведь даже не знаю этих людей. То есть, наверное, встречался с одной из сестер на приеме, а еще припоминаю, что несколько раз видел издавна Лазаруса и его жену, но вот и все.

— Представитель Хендрейков будет на похоронах, — сказал брат. — Если я представлю тебя, то, возможно, тебе удастся использовать чуточку обаяния и получить неофициальную аудиенцию.

— Знаешь, в твоей идее что-то есть, что-то правильное, — проговорил я. — Возможно, единственно правильное. Да, пожалуйста, познакомь нас.

— Прекрасно.

Мановением руки Мэндор очистил стол и вновь заставил его блюдами. На этот раз перед нами предстали тонкие как бумага блинчики с множеством начинок и подливок, а еще разнообразно приправленные свежие булочки. Какое-то время мы ели молча, внимая ароматам, птицам и ветру.

— Желал бы я кое-что посмотреть в Амбере, — произнёс брат после долгой паузы, — при менее строгих ограничениях.

— Уверен, что смогу тебе посодействовать, — отозвался я. — Буду рад показать тебе окрестности. Я знаю отличный ресторанчик в Мертвом тупике.

— Должно быть, тот, что держит Кровавый Эдди?

— Он самый, хотя имя периодически меняется.

— Я слышал о нем и давно интересуюсь.

— Как-нибудь туда заглянем.

— Превосходно.

Мэндор хлопнул в ладони, и появились вазы с фруктами. Я подлил себе кофе и обвалял кадотскую фигуру в пиаале со взбитыми сливками. Потом заметил:

— Позже я буду обедать со своей матерью.

— Да. Я подслушал.

— Ты часто видел ее в последнее время? Как она поживает?

— По ее словам, уединенно.

— Думаешь, она что-то затевает?

— Вероятно, — ответил брат. — Не помню случая, чтобы она чего-то не затевала.

— Есть соображения, что именно?

— Зачем мне гадать, когда она, надо думать, все сообщит тебе прямо.

— Ты действительно так полагаешь?

— У тебя преимущество перед любым другим, ведь ты ее сын.

— А еще слабость — по той же причине.

— Все же она охотнее расскажет тебе, чем кому-либо постороннему.

— Кроме, возможно, Джарта.

— Почему ты так считаешь?

— Она всегда любила его больше.

— Смешно, я слышал, как он говорил то же самое о тебе.

— Ты часто его видишь?

— Часто? Нет.

— Когда в последний раз?

— Около двух циклов назад.

— Где он?

— Здесь, во Владениях.

— У Саваллов? — Передо мной предстала картина, как Джарт присоединяется к нам за обедом. Не хотелось, чтобы мать подложила мне такую свинью.

— Думаю, на одном из окольных путей. Он довольно скрытен в отношении своих передвижений... и местопребывания.

Имелось где-то порядка восьми известных мне резиденций на окольных путях к пределам Саваллов. Трудно было бы догонять его по всем этим тропинкам, которые легко могут завести в Царство Теней. Да в настоящий момент я и не жаждал этого.

— Что привело его домой?

— То же, что и тебя, — погребение, — сказал Мэндор. — И все сопутствующее.

Все сопутствующее, разумеется!.. Если действительно существует заговор с целью посадить меня на трон, то не следует забывать, что Джарт — вольно или невольно, успешно или безуспешно — будет идти за мной по пятам.

— Может, убить его? — вслух размышлял я. — Не хочу. Но он не дает мне выбора. Рано или поздно Джарт поставит нас в такое положение, где место останется только одному.

— Зачем ты мне это говоришь?

— Чтобы ты знал мои чувства по этому поводу и мог использовать возможные остатки своего влияния, дабы склонить его найти себе какое-нибудь другое увлечение.

Мэндор покачал головой:

— Я давным-давно не имею на Джарта никакого влияния. Дара, похоже, единственная, к кому он прислушивается... Хотя, подозреваю, что он по-прежнему боится Сухая. Скоро ты сможешь обсудить этот вопрос с матерью.

— Есть одна тема, которую никто из нас не станет с нею обсуждать: он — меня, а я — его.

— Почему бы и нет?

— Потому. Мать все всегда понимает превратно.

— Не хочет же она, чтобы ее сыновья убили друг друга.

— Конечно, нет, но я не знаю, как ее вразумить.

— Советую отыскать какой-нибудь способ. Я бы ухитрился не оставаться наедине с Джартом, пересекись ваши дорожки. А если бы это случилось при свидетелях, удостоверился бы, что они видят: первый удар не за мной.

— Принято, Мэндор, — сказал я.

Какое-то время мы сидели молча. Затем он промолвил:

— Обдумай мое предложение.

— Насколько я понял его, — отозвался я.

Он нахмурился:

— Если у тебя есть какие-то вопросы...

— Нет. Я обдумую.

Он встал. Я тоже поднялся. Жестом Мэндор очистил стол, затем повернулся и направился к выходу. Я последовал за ним из бельведера и через двор к тропе.

После прогулки мы оказались в его наружном рабочем кабинете, он же приемная. Когда мы направились к выходу, Мэндор сжал мне плечо.

— Итак, увидимся на похоронах.

— Да, — сказал я. — Спасибо за завтрак.

— Между прочим, как тебе эта леди, Корэл?

— О, вполне ничего, — произнес я. — Она довольно... мила. А что?

Он пожал плечами:

— Обычное любопытство. Я беспокоился о ней во время ее злоключений, и теперь мне интересно, много ли она значит для тебя.

— Достаточно того, что она доставляет мне массу хлопот.

— Я понимаю. Хорошо, если будешь говорить с ней, передай мои наилучшие пожелания.

— Спасибо, обязательно.

— Позже продолжим наш разговор.

— Да.

Без лишней спешки я отправился в путь. До того как вступить в пределы Савалла, у меня еще оставалась масса времени.

Дойдя до дерева в форме виселицы, я сделал передышку. Минутное раздумье, и я свернул налево, держась тропинки, поднимающейся среди темных скал. Ближе к вершине я шагнул прямо во мшистый валун и вышел под легкий дождь на песчаную отмель. Я бежал через поле, лежащее передо мной, пока не достиг векового дерева, под которым находился волшебный круг. Я ступил в центр круга, сотворил двустилие, срифмованное на моем имени, и погрузился в землю. Когда погружение завершилось и мгновенная тьма рассеялась, я обнаружил себя у сырой каменной стены, глядящим вниз, в глубь панорамы надгробий и монументов.

Небо целиком затянуло тучами, гулял холодный ветер. Было ощущение сумерек, но я не мог сказать, утренних ли, вечерних. Место выглядело в точности так, каким я его запомнил: потрескавшиеся мавзолеи, затянутые плющом осыпавшиеся каменные ограды, тропинки, блуждающие под высокими темными деревьями... Хорошо знакомыми тропами я двинулся дальше.

В детстве здесь было мое любимое место для игр. В течение дождливых циклов я почти ежедневно встречался с маленькой девочкой из Тени. Ее звали Ранда. Пробираясь сквозь поросшие мокрым кустарником груды костей, я наконец приблизился к разрушенному мавзолею, где мы играли в домик. Распахнув провисшие ворота, я вошел внутрь. Ничего не изменилось, и усмешка невольно тронула мои губы. Треснувшие чашки и блюда, потускневшая утварь — все по-прежнему свалено в утлу, все в пятнах сырости. Я обмахнул постамент для гроба, служивший нам столом, и сел. Однажды Ранда просто перестала приходить, и, какое-то время спустя, я тоже. Я часто гадал, какого типа женщиной она стала... Я вспомнил, что оставил ей записку под расшатанной плитой пола. Меня заинтересовало, нашла ли она письмо.

Я поднял камень. Мой грязный конверт все еще лежал здесь нераспечатанным. Я вытащил его, отряхнул; оттуда выскользнул сложенный листок.

Я развернул его и принялся читать мои детские каракули: «Что случилось, Ранда? Я ждал, а ты не пришла». Ниже,

куда более аккуратным почерком, было приписано: «Я больше не смогла приходить, потому что мои родственники говорят, что ты демон или вампир. Мне очень жаль, потому что ты самый славный демон или вампир, которого я знаю»

Такого я никогда не предполагал. Поражительно, до чего могут быть неправильно поняты чужие особенности.

Я еще немного посидел, вспоминая детство. Здесь я учил Ранду игре в пляшущие кости... Я щелкнул пальцами, и наша заколдованная груда костей, лежащая посреди дороги, зашуршала, будто потревоженные листья. Мои юношеские чары все еще были в силе; кости покатались вперед, складываясь в пару скелетов, и начали свой короткий неуклюжий танец. Они кружили друг против друга, с трудом удерживаясь в фигуре, рассыпаясь на части, трясая паутиной; свободные же кости — запасные — подпрыгивали вокруг. Соприкасаясь, они чуть слышно щелкали. Я запустил их быстрее.

Тень пересекла дверной проем, и донесся смешок:

— Будь я проклят! Вот все, что тебе нужно, — это гроб?. Любопытно вы, в Хаосе, проводите время.

— Люк! — воскликнул я, когда пришелец шагнул вовнутрь. Мои скелеты обрушились и стали двумя маленькими кучками, как только мое внимание их покинуло. — Что ты здесь делаешь?

— Допустим, продаю участки на кладбище. Не уютно взять?

На нем была красная рубаша и форменные хаки, заправленные в коричневые замшевые сапоги. На плечах висел рыжевато-коричневый плащ. Люк ухмылялся.

— Почему ты оставил королевство?

Его улыбка стерлась, сменившись на мгновение замешательством, но почти сразу же вернулась.

— Почувствовал, что нуждаюсь в передышке. А ты что? Ведь скоро похороны, не так ли?

— Позже, — сказал я. — А пока мне и самому понадобилась передышка. Все же, как ты попал сюда?

— Вслед за собственным носом, — сообщил Люк — В жажде толики интеллектуальной беседы.

— Будь посерьезней. Никому не известно, что я здесь. До последней минуты даже я сам не знал этого. — Я ощупал карманы. — Не подсунул ли ты мне опять нечто вроде тех синих камней, а?

— Нет, не так примитивно. Кажется, у меня есть для тебя некоего рода послание

Я вскочил и подошел к нему, изучая его лицо.

— С тобой все в порядке, Люк?

— Не сомневайся. Полный порядок, как всегда.

— Нешуточное дело обнаружить тебя в такой близости от Владений. Особенно если прежде ты никогда здесь не был. Как тебе удалось?

— Наилучшим образом. У нас с Владениями давняя связь, старина, можно сказать, что они у меня в крови.

Люк подвинулся, и я шагнул наружу. Мы стали прогуливаться.

— Я не понимаю, о чем ты говоришь.

— Ну, мой папа провел здесь некоторое время в дни своих интриг, — сказал он. — И здесь повстречал мою мать.

— Я и понятия не имел.

— Это никогда не афишировалось.

— Действительно, — произнес я. — И никто, кого я спрашивал, не знал, откуда взялась Джасра. Далеко она забрела от дома.

— Фактически она была завербована в Тени, лежащей неподалеку, — объяснил Люк. — Примерно такой же, как эта.

— Завербована?

— Да, несколько лет она прислуживала в пределах Хелграма — думаю, начала совсем молодой.

— Хелграм? Это дом моей матери.

— Точно. Она была компаньонкой леди Дары. Там и обучилась магии.

— Джасра обучалась колдовству у моей матери? И встретила Брэнда в Хелграме? Получается, что Хелграм как-то участвовал в заговоре Брэнда, в Черном Пути, в войне...

— ...и леди Дара, следящая за твоим отцом. Полагаю, что так.

— Потому что она хотела стать посвященной Пути, так же как и Логруса?

— Возможно, — сказал Люк. — Меня там не было.

Мы спустились по дорожке из гравия, свернули у большой купы темного кустарника, прошли сквозь каменный лес, по мосту, что был переброшен через медленный, темный поток, где отражались высокие ветви и небо.. Заблудившийся ветерок шуршал листьями.

— Почему же ты никогда об этом не упоминал?

— Я собирался, да все откладывал, — сказал он. — Хватало других, более срочных дел.

— Действительно, — проговорил я, — всякий раз, когда наши пути пересекались, мы, казалось, лишь ускоряли шаг

Но сейчас — не потому ли ты спешно все мне выложил, что знать это вдруг стало мне необходимо?

— Ну, не совсем. — Люк остановился и оперся о могильный камень, сжав его так, что побелели суставы. Камень под пальцами рассыпался в пыль, опускающуюся на землю, подобно снегу. — Не совсем, — повторил он. — Просто я хотел, чтобы ты знал. Может, это принесет тебе пользу, может быть, нет. Таков удел информации — она может остаться не востребовавшей.

Неожиданно верхушка надгробья со скрипом и треском поехала в сторону. Люк, казалось, не замечал этого, его рука продолжала сжиматься. Куски посыпались с отколовшегося камня, который он теперь держал в руке.

— Итак, ты проделал такой путь, чтобы сказать мне об этом?

— Нет, — ответил он, когда мы повернулись и зашагали обратно. — Я был послан, дабы сообщить тебе кое-что другое. Но если бы я передал сообщение сразу, мне не позволили бы продолжать — меня подшитоывают, лишь пока я выполняю задание.

Послышался страшный хруст, и камень, что держал Люк, осыпался гравием, смешавшимся с тем, которым была усыпана дорожка.

— Позволь взглянуть на твою руку.

Он отряхнул и протянул мне руки. Крошечный огонек мерцал у основания его указательного пальца. Люк дотронулся до него большим пальцем, и огонек погас.

Я ускорил шаг.

— Люк, ты знаешь, кто ты?

— Что-то во мне, кажется, знает, но я — нет, приятель. Я только чувствую — со мной не все в порядке. Давай я лучше поскорей сообщу тебе то, что должен.

— Нет. Держись, — сказал я, торопясь еще больше.

Что-то темное мелькнуло над головой и скрылось среди деревьев, так быстро, что я не успел его разглядеть. Мы с трудом устояли под внезапным порывом ветра.

— Ты понимаешь, что происходит, Мерль?

— Думаю, да, — ответил я. — И хочу, чтобы ты делал в точности то, что я говорю, каким бы странным это не казалось. Договорились?

— Конечно. Если я не могу доверять лорду Хаоса, кому же тогда доверять, а?

Мы поспешно прошли мимо зарослей кустарника. Мой мавзолей стоял прямо перед нами.

— Знаешь, действительно есть нечто... я чувствую, что обязан сказать тебе это прямо сейчас, — проговорил Люк.

— Заткнись. Пожалуйста.

— И все же это очень важно.

Я обогнал его. Он тоже побежал, стараясь не отставать.

— Речь идет о твоём пребывании здесь, во Владениях, именно сейчас.

Достигнув стены каменного строения, я вытянул руки и кинулся к двери. Три больших шага, и я уже стою в углу на коленях, хватаю старую чашку, краем плаща обтираю ее.

— Мерль, какого черта ты делаешь?.. — спросил Люк, входя следом за мной.

— Еще минута, и я все тебе покажу.

Поставив чашку на тот камень, где я прежде сидел, я простер над ней руку, вытащил кинжал и рассек им себе запястье.

Вместо крови из надреза вырвалось пламя.

— Нет! Черт подери! — вскричал я.

Я схватил спикард, поймал надлежащую линию и наложил на рану охлаждающее заклинание. Пламя мгновенно сгинуло, и потекла кровь. Однако, пролившись в чашку, кровь начинала дымиться. Изрыгая проклятия, я добавил заклинанию силы, чтобы оно еще и в чашке сохраняло кровь жидкой.

— Да уж, что странно, то странно. Тут я согласен, — заметил Люк.

Я отложил клинок и пережал левую руку повыше раны. Кровь заструилась быстрее. Спикард пульсировал. На лице Люка застыло напряженное внимание.

Я сжал кулак. Чашка наполнилась уже более чем на половину.

— Ты говорил, что доверишься мне.

— Боюсь, что так, — ответил Люк.

Три четверти...

— Придется тебе это выпить, — сказал я. — Обязательно.

— Я подозревал, что все кончится чем-то подобным, — кивнул он, — но на самом деле это, возможно, и неплохая идея. Похоже, помощь мне требуется именно сейчас.

Люк взял чашку и поднес ее к губам. Я зажал рану ладонью. Снаружи доносились порывы ветра.

— Когда закончишь, поставь ее на место. Тебе необходимо больше.

Я слышал, как он глотал.

— Лучше, чем поило Джеймсона... Не знаю уж по чему — Он вернул чашку на место и добавил: — Хотя слегка солоновато.

Я отнял руку от раны, снова пережал запястье и стиснул кулак.

— Эй, приятель. Ты теряешь много крови. Я уже чувствую себя в порядке. Просто слегка кружится голова, вот и все. Мне больше не нужно.

— Нужно, — сказал я. — Поверь. Однажды я отдал крови гораздо больше, а на следующий день побежал на свидание.

Ветер перерос в ураган, беснующийся снаружи

— Не желаешь все же сообщить мне, что происходит? осведомился Люк.

— Ты — призрак Пути, — сообщил я ему

— Что ты имеешь в виду?

— Путь способен воспроизвести любого, кто когда-либо его проходил. У тебя все признаки. Я их знаю.

— Эй, но я чувствую себя вполне реальным! Да я даже не проходил Путь в Амбере. Я делал это в Тир-на Ног'тхе.

— Видимо, он способен контролировать два изображения, раз они точные копии. Ты помнишь свою коронацию в Кашве?

— Коронацию? Какую, к дьяволу, коронацию? Ты подразумеваешь, что я получил трон?

— Ну. Ринальдо Первый.

— Черт возьми! Уверен, мамочка счастлива

— Не сомневаюсь.

— Как-то это неловко, когда тебя — двое. Ты, похоже, знаком с таким явлением. Значит, мастерит копии Путь?

— Вас, парни, надолго не хватает. Очевидно, чем ближе вы к Пути, тем и сами сильнее. Должно быть, понадобилась масса энергии, чтобы заслать тебя сюда. Давай, выпей еще.

— Конечно. — Люк залпом опрокинул половину чашки поставил на место и спросил: — А при чем тут драгоценная телесная влага?

— Кровь Амбера, похоже, создает поддерживающий эффект для призраков Пути.

— Ты хочешь сказать, что я теперь вроде вампира?

— Полагаю, формально ты можешь считать именно так.

— Не уверен, что мне все это нравится, особенно такая специализация.

— Согласен, здесь есть определенный недостаток. Но всему свое время. Давай для начала придадим тебе устой

чивость, а потом будем рассматривать дело с разных точек зрения.

— Отлично. Перед тобой внимательнейшая публика.

В стороне послышался грохот, будто катился валун, сопровождаемый слабым лязганьем.

Люк повернул голову.

— Знаешь, я не уверен, что это ветер.

— Сделай последний глоток, — сказал я, отходя от чашки и нащупывая носовой платок. — Он поддержит тебя.

Люк выпил залпом, пока я обматывал платком запястье.

— Сматываемся отсюда, — предложил я. — Чую недоброе.

В дверном проеме возникла фигура. Лицо ее терялось в тени, и я заказал у спикарда приличное освещение.

Это был Борель, зловеще скалящий зубы.

— Из тебя выйдет отличная свечка, — обратился он к Люку.

— Ошибаешься, Борель, — заявил я.

Внезапно между нами проплыл Знак Логруса.

— Борель? Мастер Меча? — удивленно воскликнул Люк

— Именно.

— Черт побери! — сказал Люк.

Глава 5

Когда я устремил вперед две самые смертельные силы спикарда, Знак Логруса перехватил их и отвел в сторону.

— Не для того я его спасал, чтобы отдать тебе в лапы! — закричал я.

И тотчас нечто подобное Пути, но все же не в точности такое, внезапно обрело реальность поблизости.

Знак Логруса скользнул влево от меня. Новое существо — кем бы оно ни было — бросилось за ним; оба бесшумно прошли сквозь стену. Почти незамедлительно последовал громовой раскат, сотрясший здание. Даже Борель, тянувшийся за клинком, застыл на миг, затем протянул руку, чтобы ухватиться за дверь. В это время за его спиной появилась другая фигура, и смутно знакомый голос обратился к нему:

— Пожалуйста, извините. Вы загородили мне дорогу.

— Корвин! — закричал я. — Папа!

Борель повернул голову.

— Корвин, принц Амбера? — произнес он.

— Разумеется, — последовал ответ. — Хотя, боюсь, что не имел удовольствия...

— Я Борель, герцог Хендрейк, Мастер Оружия пределов Хендрейка.

— Сколько заглавных букв, сэръ!.. Рад познакомиться, — сказал Корвин. — Теперь, если вы не возражаете, я бы хотел пройти, дабы увидеть моего сына.

Борель повернулся, а рука его дернулась к эфесу клинка. Я уже готов был броситься вперед, и Люк тоже. Как вдруг — мимолетное движение позади Бореля; удар, казалось, несильный, заставил его согнуться пополам. Затем

на шею Мастера обрушился кулак, и Борель рухнул на землю.

— Пойдемте, — поманил нас Корвин. — Думаю, нам лучше смыться отсюда.

Мы с Люком вышли, переступив через поверженного Мастера Оружия пределов Хендрейка. Земля слева почернела, будто от недавнего лесного пожара, начинал моросить дождь. Вдалеке появились еще две человеческие фигуры, направляющиеся к нам.

— Не знаю, вытащит ли меня обратно сила, что принесла сюда, — произнес, озираясь, Корвин. — Она, возможно, занята чем-то иным. — Через минуту он продолжил: — Похоже на то... Что ж, дело за тобой, Мерлин. Как будем делать ноги?

— Вот так, — сказал я ему, повернулся и бросился бежать.

Они понеслись за мной по дорожкам, что привели меня на это место. Я посмотрел назад и обнаружил шесть темных фигур, гнавшихся за нами.

Я припустил в гору мимо надгробных плит и скульптур и оказался в конце концов у старой каменной стены. Тут позади нас послышались крики. Не обращая на них внимания, я потянул к себе моих спутников и произнес двустипийным слогом и размером, несколько уступающими идеалу. Тем не менее заклятие подействовало, и со страшной силой брошенный булыжник не достиг цели, ибо мы уже погрузились в землю.

Мы, словно грибы, выросли на волшебном кольце, и я трусцой погнал своих спутников к дюне. Сзади опять послышался пронзительный вопль. Мы прошли сквозь валун и скалистой тропой спустились к дереву-виселице. Повернув налево, я пустился бежать.

— Подожди! — окликнул меня Корвин. — Я чувствую что-то знакомое... Там!

Он свернул с тропы вправо и побежал в направлении небольшого холма. Люк и я — следом. Из-за спины доносился шум, сопровождающий выход наших преследователей из валуна.

Между двумя деревьями мерцало световое пятно, и мы, похоже, направлялись именно к нему. Когда мы подбежали ближе и его очертания стали проясняться, я сообразил, что это напоминает контуры того подобия Пути, что я лицезрел в мавзолее.

Папа не останавливаясь бросился прямо в эту штуку. И пропал. Вновь сзади раздался крик Люк следующим прошел сквозь мерцающий экран, а я замыкал шествие, наступая ему на пятки.

Теперь мы бежали по прямому жемчужному туннелю, и когда я оглянулся, то увидел, что он словно сворачивается за мной.

— Нас преследовать больше не могут! — крикнул Корвин. — Тот конец уже замкнут.

— Тогда почему мы бежим? — спросил я.

— Опасность еще не миновала, — отозвался отец, — мы пересекаем владения Логруса. Если нас здесь засекут, будут крупные неприятности.

Мы что было сил неслись по странному туннелю.

— Мы бежим сквозь Царство Теней? — поинтересовался я.

— Да.

— Тогда, видимо, чем дальше мы уйдем, тем лучше.

Все затряслось, и я вытянул руку, чтобы заслониться от каких-то летящих кусков.

— Ого-го! — воскликнул Люк.

— Да уж, — согласился я, глядя, как туннель стал распадаться на части.

Казалось, из стен и пола выдирают огромные глыбы. И полный мрак царил в этих дырах.

Мы продолжали свой путь, перепрыгивая через провалы. Затем что-то вновь беззвучно ударило, вдребезги расколов туннель вокруг нас, за нами, впереди нас...

Мы падали.

Ну, не совсем падали. Мы как бы дрейфовали в тусклом, густом тумане. Ничего не чувствовалось ни под ногами, ни в каком-либо другом направлении. Было ощущение свободного падения, но не было предмета, относительно которого можно было бы узреть свое движение.

— Проклятье! — услышал я возглас Корвина.

Какое-то время мы парили, падали, дрейфовали...

— Ведь почти... — снова донеслось его бормотание.

— Что-то вон там! — неожиданно объявил Люк, указывая направо.

Там смутно серело нечто огромное. Я направил сознание в спикард и прощупал пространство в указанном направлении. Что бы это ни было, оно было неодушевленным, и я велел контрольному щупу направить нас туда.

Никакого движения не чувствовалось, но эта штука росла, приобретая знакомые очертания и красноватый оттенок. Когда стали проявляться детали, я уже догадался.

— Выглядит, как твоя Полли Джексон, — заметил Люк. — Даже снегом припорошена.

Да, это был мой красно-белый «шевроле» 57-го года — вот к чему мы приближались, здесь, в Лимбо.

— Это воссоздание, извлеченное из моей памяти, — сообщил я ему. — И выглядит как живая — возможно, потому, что я так заботился о ней. А еще потому, что, похоже, именно сейчас она нам очень пригодится.

Мы подошли со стороны водителя, я потянулся к ручке и нажал на кнопку. Машина, разумеется, была не заперта. Я открыл дверцу, скользнул за баранку; Люк и Корвин тоже уже залезли. Ключи, разумеется, оказались на месте.

Двигатель завелся сразу. Я глядел поверх яркого капота в ничто. Включил фары, но это не помогло.

— Ну а теперь? — спросил Люк.

Я поставил первую скорость, снял с ручного тормоза и отпустил сцепление. Когда я дал газ, показалось, что колеса вращаются. Несколько мгновений спустя я перевел на вторую. Чуть позже перешел на третью.

Было ли это движение реальным или все дело в силе воображения?

Я прибавил газу. Туманная панорама будто бы слегка посветлела далеко впереди, хотя я подозревал, что попросту слишком уж пристально вглядываюсь. От баранки не было особого толку. Я сильнее нажал на акселератор.

Внезапно Люк включил радио.

«...опасные дорожные условия, — прозвучал голос диктора, — поэтому лучше сбавить скорость». И тут же врубился Уинтон Марсалис, исполняющий «Караван».

Приняв услышанное как личное послание, я сбросил газ.

Появилось чувство движения вперед, и казалось, будто заря разгорается на горизонте. Еще казалось, что мы обрели какой-то вес и глубже вдавились в сиденья. Мгновениями позже ощущение реальной поверхности под колесами автомобиля стало еще более явственным. Любопытно, что произойдет, если я покручу баранку... Впрочем, вряд ли стоит экспериментировать.

Из-под колес донесся скрипящий звук. С обеих сторон возникли сумрачные очертания; уплывая назад, они усили-

вали чувство движения. Теперь далеко впереди мир и вправду светлел.

Я даже еще притормозил, потому что стало казаться, будто мы едем по настоящей дороге при очень плохой видимости. Затем фары стали высвечивать проносящиеся мимо силуэты, на мгновение придавая им черты деревьев и насыпей, зарослей кустарника, скал. Тем не менее зеркало заднего вида по-прежнему отражало ничто.

— Совсем как в старые времена, — произнес Люк. — Выбрались за пиццей ненастным вечером!..

— Точно, — согласился я.

— Надеюсь, у того, другого меня, в Кашфе, кто-нибудь открыл пиццерию... Как ты думаешь, когда это наказание отстанет от меня?

— Не знаю, Люк.

— Я к тому, что нельзя же и дальше так пить твою кровь. А что там со мной — вторым?

— По-моему, я могу предложить тебе дело, которое разрешит эту проблему, — сказал ему Корвин. — На время, во всяком случае.

Деревья теперь несомненно были деревьями, туман — настоящим туманом, слегка подрагивающим. Ветровое стекло подернулось влагой.

— Что ты имеешь в виду? — спросил Люк.

— Одну минутку.

В тумане появились просветы, и в них стал виден настоящий пейзаж. Внезапно я осознал, что еду, собственно, не по дороге, а по довольно ровному участку земли. На всякий случай я еще снизил скорость.

Тут изрядный кусок тумана растворился или улетел, обнажив громадное дерево. А еще участок земли, будто плавающей. Знакомое чувство вызывала эта неполная картина...

— Это место твоего Пути, не так ли? — спросил я, когда вокруг еще немного прояснилось. — Фиона однажды приводила меня сюда.

— Да, — последовал ответ.

— И его подобие — та штука, что я видел сражавшейся со Знаком Логруса на кладбище — и провело нас через туннель?

— Да.

— Тогда... он тоже обладает разумом, как Путь Амбера, как Логрус...

— Правда. Припаркуйся вон там, у дерева.

Я повернул руль и направился к ровному месту, которое он указал. Пелена по-прежнему обволакивала окружающее пространство, но совсем не такая тяжелая и всеобъемлющая, как на дороге, по которой мы ехали. Это мог быть сумрак, вызванный туманом, но отблеск эксцентричного пути прояснял вечернюю тусклость нашего чашеобразного мира.

Когда мы выкарабкались наружу, Корвин сказал Люку:

— Призраки Пути долго не живут.

— Это я понял, — отозвался Люк. — Ты знаешь какие-нибудь ухищрения для оказавшихся в такой ситуации?

— Я знаю их все. Приходится знать, как говорится.

— Ну?

— Папа?.. — вымолвил я. — Ты подразумеваешь...

— Да, — ответил он. — Мне неизвестно, где может быть мой первоначальный вариант.

— Ты тот, с кем я повстречался тогда? Тот, кто недавно находился в Амбере?

— Да.

— Понимаю. Хотя ты не кажешься в точности таким, как другие, с кем я встречался.

Он протянул руку и сжал мое плечо.

— Я начертил эту вещь, — произнес он, бросив взгляд в сторону Пути, — и я единственный, кто прошел его. Следовательно, я единственный призрак, которого он может вызвать. Кажется, и он рассматривает меня несколько иначе, нежели просто с утилитарным вниманием. Мы можем общаться, в известном смысле, и он, похоже, склонен отдавать энергию, необходимую для поддержания моей устойчивости — сейчас уже довольно долго. У нас есть свои собственные замыслы, и наши взаимоотношения кажутся чуть ли не симбиозом. Призраки Пути Амбера и призраки Логруса по натуре куда более эфемерны...

— У меня такое же впечатление, — заметил я.

— ...кроме одного, которому ты помог, за что я тебе признателен. Она теперь под моей защитой, столько, сколько понадобится. — Отец отпустил мое плечо, затем добавил: — Я еще не был должным образом представлен твоему другу.

— Извини, я растерялся... Люк, позволь представить тебя моему отцу, Корвину из Амбера. Сэр, Люк, собственно, известен как Ринальдо, сын твоего брата Брэнда.

Глаза Корвина на мгновение расширились, затем сощурились, изучая физиономию Люка, и он протянул руку.

— Приятно встретить друга, а также родственника моего сына.

— Я тоже рад знакомству, сэр.

— А я-то думал, что в тебе кажется таким знакомым...

— Сходство скорее внешнее, если вы это имеете в виду. Может быть, даже этим все и ограничивается.

Папа рассмеялся:

— Где вы познакомились?

— В Беркли.

— Где же еще может сойтись пара наших! Не в Амбере, разумеется, — сказал отец, поворачиваясь, чтобы оказаться лицом к лицу со своим Путем. — Я еще узнаю вашу историю. Но теперь пойдемте со мной. Я хочу представить вас сам.

Он направился к светящемуся созданию, а мы последовали за ним. Мимо редкими клочьями проплывал туман. Если не считать звука наших робких шагов, вокруг царил полное безмолвие.

Подступив к краю Пути, мы замерли и пристально оглядели его. Это был изящный узор, слишком большой, чтобы разом окинуть взглядом; весь его облик, казалось, лучился силой.

— Привет, — сказал Корвин. — Я хочу представить тебе моего сына и моего племянника, Мерлина и Ринальдо... Хотя, мне кажется, ты уже знаком с Мерлином. У Ринальдо есть проблемы. — Последовала долгая пауза. Затем отец произнес: — Да, это правда. — И еще погода: — Ты действительно так думаешь? — и: — Отлично. Будь уверен, я передам им.

Он потянулся, вздохнул и отступил на несколько шагов от края Пути. Затем притянул нас к себе и обнял за плечи.

— Ребята, я получил нечто вроде ответа. Но из него следует, что нам всем, по разным причинам, следует пройти этот Путь.

— Я не прочь, — сказал Люк. — Только что за причина?

— Он намерен усыновить тебя, — ответил Корвин, — и поддерживать так же, как меня. Но за это придется платить. Близится время, когда ему потребуются постоянная охрана. Мы можем сменять друг друга.

— Звучит славно, — промолвил Люк. — Место вроде спокойное. И у меня нет никакого желания возвращаться в Кашфу и пытаться свергнуть самого себя.

— Прекрасно. Я поведу, а ты держись за мое плечо на случай столкновения с какими-нибудь непонятными явлениями. Мерлин, ты идешь последним и по той же причине держись за Люка. Договорились?

— Конечно, — сказал я. — Пойдем.

Отец отпустил нас и направился туда, где начинался узор. Мы двинулись следом, и когда он сделал первый шаг, Люк положил руку на его плечо. Вскоре мы все, напрягшись в знакомой борьбе, оказались на Пути. Даже когда начали подниматься искры, мне тем не менее было намного легче, чем в прошлые переходы, — возможно, потому, что сейчас кто-то другой прокладывал дорогу.

Образы аллей, засаженных рядами вековых каштанов, заполняли мое сознание, когда мы, еле передвигая ноги, с трудом преодолевали Первую Преграду. Тем временем искры все выше вздымались вокруг нас, и я ощутил силы Пути, пронзающие мои разум и тело. Вспомнились школьные дни, величайшие усилия на атлетическом поприще...

Соппротивление нарастало, и мы склонялись под его мощью. Чтобы передвигать ноги, требовалось огромное напряжение, и я осознал, что почему-то оно важнее самого движения. Я почувствовал, как дыбятся волосы, когда энергетический поток рассекал мое тело. Все же здесь не было ни сводящих с ума свойств Логруса, ни ощущения враждебности, которое приходилось испытывать на Пути Амбера. Казалось, будто я погружался в глубины сознания, дружески ко мне расположенного. Появилось чувство какой-то поддержки, когда я, пробираясь по Изгибу, преодолевал вираж. Соппротивление было мощным, искры вздымались так же высоко, как и у других в этом месте, и все же я каким-то образом знал, что этот Путь относится ко мне совершенно иначе.

Мы пробивали себе дорогу вдоль линий. Мы кружились, обжигались... Проникновение во Вторую Преграду было мучительно-медленным испытанием выносливости и воли. После этого стало легче, и вся моя жизнь явилась перед мысленным взором, путая и утешая меня.

Продвижение. Раз, два... Три. Я ощутил, что, если мне удастся сделать еще десять шагов, появится шанс пробиться. Четыре... Я пропотел насквозь. Пять... Соппротивление было ужасным. Усилий для стометровки едва-едва хватало, чтобы продвинуть ногу на один дюйм. Легкие работали, как кузнечные мехи. Шесть... Искры достигали лица, попадали в глаза, окутывали меня целиком. Я чувствовал

себя так, будто превратился в вечный огонь и должен как-то прожечь себе путь в мраморной глыбе. Я горел и горел, но камень оставался неизменным. Я мог всю вечность потратить на этот путь. Вероятно, уже потратил... Семь...

Образы уходили. Память улетучилась. Исчезло даже сознание своего «я». Меня освежали — осталась лишь чистая воля. Я был действием, процессом борьбы с сопротивлением. Восемь... Я не чувствовал свое тело. Время стало понятием потусторонним. Борьба больше не была борьбой, но формой элементарного движения, рядом с которым ледники развивали дикую скорость. Девять... Теперь я стал только движением — бесконечным, постоянным...

Десять. Здесь пришло облегчение. У центра опять будет трудно, но я знал: остаток пути не такой напряженный. Нечто похожее на тихую, спокойную музыку держало меня на плаву, пока я тащился вперед, поворачивал, снова тащился. Музыка была со мной, когда я проходил Последнюю Преграду, а когда я миновал середину последнего шага, она стала напоминать «Караван».

Там, в центре, мы долго стояли молча, глубоко дыша. Я не был в точности уверен, что достиг своей цели. Хотя я чувствовал, что, как бы там ни было, в результате я ближе узнал своего отца.

Ключья тумана по-прежнему плыли над Путем, над долиной.

— Я чувствую себя сильнее, — наконец объявил Люк. — Да, я помогу охранять это место. По-моему, вполне удачный способ скоротать время.

— Кстати, Люк, что за послание у тебя было? — спросил я.

— А, требовалось сообщить, чтобы ты избавил Владения от своего присутствия, — отозвался он. — Те дела становились опасными.

— Что за опасность, я уже знаю, но там по-прежнему остаются проблемы, которые нужно решить.

Люк пожал плечами:

— Что ж, и все послание. Сейчас нигде нет места, кажущегося абсолютно безопасным.

— Здесь пока проблем не будет, — сказал Корвин. — Нет Силы, которая в точности знала бы, как подступиться к этому месту или что с ним делать. Пути Амбера его не поглотить, а Логрус не представляет, как разрушить его.

— Звучит довольно приятно.

— Хотя, думаю, придет время, когда они попытаются действовать.

— Ну а пока мы ждем и наблюдаем. Хорошо. Если кто-нибудь появится, то кто хоть это может быть?

— Вероятно, призраки — такие, как и мы, пытающиеся побольше узнать о нем или испытать его. Ты хорошо владеешь клинком?

— Не буду скромничать — да. А если недостаточно хорошо, так я изучал магические Искусства.

— Призраки поддаются стали, хотя исходят огнем, а не кровью. А теперь, чтобы выбраться наружу, ты можешь использовать Путь, если желаешь. Я присоединюсь к тебе чуть позже, чтобы показать, где укрыто оружие и прочее имущество. Я бы хотел отправиться на небольшую экскурсию и оставить тебя дежурить.

— Конечно, — сказал Люк. — А как ты, Мерль?

— Я собираюсь вернуться во Владения. Мать официально пригласила меня на ленч, а затем следует уделить внимание похоронам Свейвила.

— Не исключено, что Путь не сумеет доставить тебя до самых Владений. Уж очень они близки к Логрусу. Но ты с ним как-нибудь разберешься. Или наоборот. Как там Дара?

— Много времени прошло с тех пор, как я видел ее более нескольких минут, — ответил я. — Она по-прежнему безапелляционна, надменна и сверхзаботлива, когда дело касается меня. Еще у меня такое впечатление, что она впутана в местные политические интриги — точно так же, как и в аспекты глобальных отношений между Владениями и Амбером.

Люк на мгновение закрыл глаза и исчез. Немного погодя я увидел его рядом с «Полли Джексон». Он открыл дверцу, скользнул на пассажирское сиденье, согнулся и занялся чем-то там внутри. Чуть позже до меня донеслись звуки музыки из радио.

— Похоже на правду, — кивнул Корвин. — Знаешь, я ее никогда не понимал по-настоящему. Она явилась ко мне из ниоткуда в странное время моей жизни, солгала мне, мы стали любовниками, она прошла Путь в Амбере, а потом исчезла. Все будто в причудливом сне!.. Совершенно очевидно, что она использовала меня. Многие годы я думал — лишь затем, чтобы узнать о Пути и подступиться к нему. Но не так давно у меня оказалось много времени для размышлений, и сейчас я не уверен, что дело лишь в этом.

— Ну? — удивился я. — А в чем тогда?

— В тебе, — ответил он. — Все больше и больше я утверждаюсь в мысли, что на самом деле Дара хотела родить сына или дочь Амбера.

Я ощутил, как холодею. Могла ли причиной моего существования быть такая расчетливая махинация? И никакой любви, привязанности?.. Был ли я задуман преднамеренно, дабы служить некоей особой цели? Такой взгляд мне вовсе не по нутру. Я ощутил себя на месте Призрачного Колеса, тщательно рассчитанного продукта моего воображения и интеллекта, построенного, дабы опробовать конструкторские идеи, в которые мог вникнуть лишь житель Амбера. И все же он зовет меня «папа» и, казалось, по-настоящему волнуется обо мне. Странно, я и сам начал чувствовать к нему бессознательную привязанность. Не было ли это следствием нашего сходства, даже большего, чем я осознавал?

— Почему? — спросил я. — Почему для нее было так важно, чтобы я родился?

— Помню лишь ее последние слова, когда Дара завершила Путь, по ходу дела обращаясь в демона. «Амбер, — сказала она, — будет разрушен». Потом она исчезла.

Теперь я трясся. Открытия эти были столь ошеломляющи, что хотелось кричать, уснуть или напиться. Что угодно, лишь бы передохнуть хоть на миг.

— Ты полагаешь, что мое существование может быть частью долговременного плана уничтожения Амбера?

— Возможно, — кивнул отец. — Я могу и ошибаться, малыш. Я очень даже могу ошибаться и в таком случае прошу прощения за то, что так сильно обеспокоил тебя. Но, с другой стороны, было бы такой же ошибкой скрыть от тебя подобную возможность.

Я потер виски, брови, глаза. Что же мне делать? Я не хочу способствовать разрушению Амбера.

Отец на мгновение прижал меня к себе и промолвил:

— Дело не в том, что ты есть или что с тобой сделали. Рано или поздно ты встанешь перед выбором. Ты больше чем сумма твоих составляющих, Мерлин. Неважно, что сопутствовало твоему рождению и твоей жизни до сего дня — ты получил глаза и мозг и способен судить. Не позволяй никому, даже мне, вешать тебе на уши лапшу. А когда придет время, если оно придет, сделай свой собственный выбор, черт побери. И плевать тогда будет, что там случилось раньше.

Его слова, общие по сути, вернули меня из того закутка души, куда я весь спрятался.

— Спасибо, — сказал я.

Он кивнул. Затем продолжил:

— Хотя твоим первым порывом может быть желание вступить в конфронтацию, этим ты не добьешься ничего, только разбудишь в ней подозрения. Разумнее было бы играть в более осторожную игру и посмотреть, что можно узнать.

Я вздохнул:

— Конечно, ты прав. Ты пришел затем, чтобы сказать все это — в первую очередь, и уж затем — помочь мне, не так ли?

Отец улыбнулся:

— Всего лишь побеспокоился о важных вещах. Мы еще встретимся.

И он пропал.

Внезапно я увидел его у автомобиля беседующим с Люком. Я наблюдал, как отец показывает Люку, где хранятся припасы. Потом они оба мне помахали. Обменялись рукопожатиями. Корвин повернулся и ушел в туман. Из автомобиля до меня донеслись звуки «Лили Марлен».

Я сосредоточил внимание и велел Пути перенести меня в пределы Савалла. Последовала молниеносная круговерть черноты. Когда тьма рассеялась, я стоял в центре Пути. Я снова попробовал переместиться — теперь в замок Сухая. И вновь Путь отказался прокомпостировать билет.

— Как близко ко Владениям ты можешь меня подбросить? — наконец осведомился я.

Опять круговерт, но на этот раз светлая. Она заслала меня на высокий утес белого камня под черным небом, у черного моря. Два полукрута бледного пламени будто скобками окружали это место. Что ж, здесь жить можно. Я был у Огненных Врат, на перепутье в Царстве Теней, неподалеку от Владений Хаоса. Я повернулся к морю и стал считать. Определив четырнадцатую башню из мерцающих слева от меня, я направился к ней.

Упавшая башня под розовым небом... По пути к ней меня занесло в прозрачную пещеру, через которую текла зеленая река. Я шагал по берегу, пока не обнаружил выложенный камнями брод, приведший меня на тропу, что уходила в осенний лес. Почти мило я держался тропы, пока не ощутил присутствия Пути у корней вечнозеленого дерева.

Он привел меня к склону горы, откуда еще три пути и две туманности вели к ленчу с моей матерью.

Судя по небу, у меня уже не оставалось времени переодеться. У перекрестка я остановился, дабы отряхнуть одежду и пригладить волосы. Любопытно, кто бы мне ответил, попытайся я вызвать Люка с помощью карт — сам Люк, его призрак, оба? Способны ли призраки отвечать на вызовы через карту? Я поймал себя на мысли, что гадаю также о том, что происходит в Амбере. И еще я думал о Корэл и Найде.

Черт побери. Хорошо бы оказаться где-нибудь еще. Я хотел быть подальше отсюда. Предупреждение Пути, переданное через Люка, было вполне недвусмысленным. Корвин заставил меня задуматься о многом, а времени для размышлений не было. Не хотелось оказаться вовлеченным во что-либо, происходящее здесь, во Владениях. Мне не нравилось все, в чем была замешана моя мать. Чувства мои совсем не соответствовали похоронным. Кроме того, я ощущал себя каким-то неосведомленным. Казалось бы, если от меня чего-то хотят, чего-то очень важного, они наконец найдут время прояснить ситуацию и попросить о сотрудничестве. Если это родственники, существовала большая вероятность, что я буду с ними заодно. Куда менее рискованно просто играть со мной в открытую, нежели всякими уловками пытаться контролировать мои действия. Я хотел быть подальше как от тех, кто намеревался контролировать меня, так и от игр, в которые они играли.

Я мог повернуться и уйти в Тень, возможно, затеряться там. Я мог вернуться в Амбер, сообщить Рэндому обо всем, что мне известно, рассказать обо всех моих подозрениях, а он защитит меня от Владений Хаоса. Приняв новое обличье, я мог вернуться на теневую Землю, вновь заняться компьютерным дизайном...

Тогда, разумеется, я никогда не узнаю, что происходит и что было прежде. Так же как не узнаю действительного местонахождения отца — во Владениях я обнаружу его следы скорее, чем где бы то ни было. Вокруг не было никого, кто мог бы помочь ему.

Я двинулся вперед и повернул направо, завершая путь к лиловеющему небу. Я прибуду вовремя.

Итак, я снова в пределах Савалла. Я возник из красной с желтым звездной вспышки, нарисованной высоко на стене у ворот переднего двора, спустился по Невидимой Лестнице и долгие секунды всматривался в огромную центральную

впадину, в черное буйство за пределами Края. Падающая звезда чертила свой огненный путь в лиловом небе, когда я отвернулся и направился к обитой медью двери и низкому Лабиринту Искусств за ней.

Войдя внутрь, я припомнил, как ребенком много раз терялся в этом лабиринте. Дом Савалла веками копил произведения искусства, и коллекция была столь обширна, что имелось несколько путей, куда лабиринт мог забросить тебя, ведя через туннель, огромную спираль и что-то похожее на старый вокзал, прежде чем вернуть обратно, окунув в следующий поворот. Как-то раз я несколько дней проблуждал здесь, пока наконец меня не обнаружили ревущим перед коллекцией синих туфель, приколоченных к доске.

И вот я снова шел по нему, неторопливо разглядывая старые уродства, а также некоторые новые. Впрочем, сюда же затесались и поразительно красивые вещи, такие, как огромная ваза, будто вырезанная из цельной глыбы огненного опала, а еще набор старинных глазурованных мемориальных табличек из какой-то отдаленной Тени, смысл и назначение коих не мог вспомнить в семье никто. Я предпочел не срезать угол галереи и осмотрел то и другое; таблички особенно нравились мне.

Подойдя к огненной вазе и разглядывая ее, я насвистывал старую мелодию, которой научил меня Грилл. Мне показалось, будто я слышу тихий шорох, но, взглянув туда-сюда по коридору, никого поблизости я не обнаружил. Почти сладострастные изгибы вазы молили о прикосновении. В детстве мне всегда запрещали это делать. Я медленно протянул левую руку и положил ее на вазу. Она оказалась теплее, чем я ожидал. Я скользнул рукой по поверхности. Она была подобна застывшему пламени.

— Привет, — пробормотал я, вспоминая приключение, которое мы с ней разделили. — Сколько лет прошло...

— Мерлин? — послышался тихий голос.

Я сразу отдернул руку. Казалось, заговорила сама ваза.

— Да, — отозвался я. — Да.

Снова шорох, и легкая тень шевельнулась в кремовом углублении чаши.

— Тс-с, — произнесла тень, вырастая.

— Глайт? — спросил я.

— Да-с-с.

— Быть не может. Ты ведь мертва уже много лет.

— Не мертва. С-спала.

— Я не видел тебя с тех пор, как был ребенком. Ты была ранена. Исчезла. Я думал, ты умерла.

— Я с-спала. Я с-спала, чтобы з-зажили раны. Я с-спала, чтобы вос-становить с-себя.

Я протянул руку. Косматая змеиная голова поднялась выше, легла мне на предплечье, и змея поползла, обвивая мою руку.

— Ты, несомненно, выбрала изысканную спальню.

— Я з-знала, что кувшин — твое любимое мес-сто. Я з-знала, что, ес-сли подожду достаточно долго, ты с-нова придешь с-сюда, чтобы вырази-ть с-свое вос-схищение. Я з-знала, что вос-стану во вс-сем блес-ске, дабы приветс-ствовать тебя. До чего же ты вырос-с!

— А ты почти не изменилась. Чуть похудела, пожалуй... — Я осторожно погладил ее голову. — Приятно со-знавать, что столь почитаемый семейный призрак по-прежнему с нами. Ты и Грилл, да еще Кергма сделали мое детство куда счастливее, чем оно могло оказаться.

Глайт вытянула голову и носом погладила мне щеку.

— Твой вид с-согревает мою холодную кровь, дорогой мальчик. Ты далеко с-странс-ствовал?

— Да. Очень.

— Как-нибудь ночью мы будем ес-сть мышей и лежать у огня. Ты с-согреешь мне блюде молока и рас-скажешь о с-своих похождениях с-с той поры, как покинул пределы С-савалла. Мы поищем моз-зговых кос-стей для Грилла, ес-сли он по-прежнему...

— Сейчас он, похоже, служит моему дяде Сухаю. А как Кергма?

— Не з-знаю. Это было так давно.

Я прижал ее к себе, чтобы согреть.

— Спасибо, что ты ждала здесь в своем великом забвении, дабы поприветствовать меня...

— Это больше чем дружелюбие и приветс-ствие.

— Больше? Что же тогда, Глайт? Что это значит?

— Ес-сть кое-что показ-зять. Иди.

Она мотнула головой. Я последовал в указанном направлении — туда, где коридоры расширялись. Я ощущал, как Глайт дрожит на моей руке, время от времени чуть слышно мурлыча.

Вдруг голова ее поднялась напряженно и стала слегка покачиваться.

— Что случилось?

— Мыши, — произнесла она. — Мыши близ-зко. Я должна поохотиться... пос-ле того, как покажу тебе... это. З-завтра-кать...

— Если ты хочешь сначала поесть, я подожду.

— Нет, Мерлин. Ты не должен опоз-здать, что бы ни... привело тебя с-сюда. Что-то важное в воз-здухе. Поз-зже... пиршес-ство... параз-зиты...

Мы вступили в широкую и высокую часть галереи, освещенную небесным светом через стеклянную крышу. Четыре большие части металлической скульптуры — в основном бронза и медь — асимметрично располагались вокруг нас.

— Дальше, — сказала Глайт. — Не з-здес-сь.

Я повернул направо за следующий угол и двинулся вперед. Вскоре мы подошли к очередному экспонату — на этот раз походившему на металлический лес.

— Потихе теперь. Потихе, дорогой демончик.

Я остановился и принялся изучать деревья — светлые, темные, ясные, тусклые. Железные, алюминиевые, латунные — они весьма впечатляли. В те давние годы, когда я последний раз приходил сюда, ничего подобного не было. Не удивительно. Другие места тоже немало изменились.

Я зашагал вдоль леса.

— Теперь. З-здес-сь. Поверни. Воз-звращайс-ся.

Я зашел в лес.

— Держис-сь правее. Вот это, выс-сокое.

Дойдя до кривого ствола самого высокого дерева, я остановился.

— Это?

— Да. Преодолей его... вверх... пожалуйс-ста.

— Ты имеешь в виду — залезть на него?

— Да.

— Хорошо.

Единственное, что приятно в стилизованном дереве, так это то, что оно закручено, заверчено и сплетено таким образом, что ставить руки и ноги на нем гораздо удобнее, чем кажется на первый взгляд. Я ухватился, подтянулся, нащупал место для ноги, вновь подтянулся, двигаясь вверх.

Выше. Еще выше... Футax в десяти от земли я остано-вился.

— Ух. Ну и что мне здесь делать?

— Лез-зь выше.

— Зачем?

— С-скоро. С-скоро. Ты уз-знаешь.

Я поднялся еще футом выше и тут ощутил — не столько зуд, сколько некое напряжение. Такое у меня иногда было, когда я попадал в опасное место.

— Там наверху Путь, — сказал я.

— Да. Я лежала, оплетая ветку голубого дерева, когда Мас-стер Теней открыл его. Его потом умертвили.

— Путь, наверное, ведет к чему-то важному.

— Наверное. Я не лучший с-судья в люд-ских делах.

— Ты пробиралась туда?

— Да.

— Значит, это неопасно?

— Нет.

— Отлично.

Преодолевая силу Пути, я взобрался выше, пока обе ноги не оказались на одном уровне. Затем расслабился и позволил Пути затянуть меня.

Пол был выложен прекрасными плитами: черными, серебряными, серыми и белыми. Справа — в форме геометрического узора, слева — в виде Преисподней Хаоса.

Впрочем, я смотрел вниз всего несколько мгновений.

— Всемогущий Боже!

— Я была права? Это важно? — произнесла Глайт.

— Это важно, — отозвался я.

Глава 6

По всей часовне стояли свечи, многие с меня ростом и чуть ли не такие же толщиной. Некоторые были серебряные, некоторые — серые, несколько черных, несколько белых. Они стояли на разной высоте, причудливо расположенные на скамьях, полках, точках пересечения орнамента на полу. Тем не менее не они давали основное освещение. Оно приходило сверху, и сначала я предположил, что сюда льется дневной свет. Но, глянув вверх, дабы оценить высоту свода, я убедился, что свет исходит из большой сине-белой сферы, зарешеченной темным металлом.

Я сделал шаг вперед. Пламя ближайшей свечи затрепетало. Я обратил лицо к каменному алтарю, что заполнял нишу напротив меня.

Черные свечи горели по обе ее стороны; серебряные, поменьше, мерцали прямо на нем. Мгновение я просто осматривал алтарь.

— Похож-жее на тебя, — заметила Глайт.

— Я думал, твои глаза не различают двумерных изображений.

— Я долго живу в муз-зее. Почему твой портрет з-запрятан так тайно?

Я подошел ближе, пристально вглядываясь в изображение.

— Это не я. Это мой отец Корвин из Амбера.

Серебряная роза стояла в округлой вазе перед портретом. Была ли она настоящей, творением рук или магии, сказать я не мог.

И Грейсвандир лежал там же, на несколько дюймов вынутый из ножен. Я почувствовал, что он — настоящий, а

тот, который носил призрак Пути моего отца, — лишь реконструкция.

Я поднял меч и вытащил из ножен. Возникло ощущение мощи, когда я держал его, размахивал, бил, делал выпад, наступал...

Ожил спикард, центр паутины сил. Я опустил взор, неожиданно смутившись.

— ...А это отцовский клинок, — пояснил я, возвращаясь к алтарю и вкладывая лезвие в ножны. С неохотой я оставлял его здесь.

Когда я вернулся, Глайт спросила:

— Это важно?

— Очень, — сказал я, в то время как путь нес меня обратно на верхушку дерева.

— Что теперь, мас-стер Мерлин?

— Я должен отправиться на ленч с моей матерью.

— В таком случае с-сади меня з-здесь-сь.

— Я могу вернуть тебя в вазу.

— Нет. Я давно не с-скрывалас-сь в з-зас-саде на дереве. Это будет прекрас-сно.

Я вытянул руку. Глайт размоталась и скрылась в мерцающих ветвях.

— С-счастливо, Мерлин. Навещ-щай меня.

А я слез с дерева, всего лишь раз зацепившись штанами, и быстро зашагал по коридору.

Через два поворота я вышел к пути, ведущему в главный зал, и решил, что лучше мне пройти здесь. Я выскочил у массивного очага — высокие языки пламени сплетались в нем — и медленно повернулся, дабы обозреть огромную палату, стараясь при этом казаться прибывшим уже давно и ожидающим.

Похоже, здесь присутствовала лишь одна персона — моя собственная. Которая, по размышлении, показалась мне несколько странно выглядящей на фоне ревущего пламени. Я поправил манишку, отряхнулся, провел гребнем по шевелюре. И как раз осматривал свои ногти, когда стал осознавать движение на вершине огромной лестницы слева от меня.

Она предстала выюгой, заключенной в десятифутовой башне. В центре, треща, плясали молнии, ледяные кристаллы пощелкивали на ступенях, перила замерзали там, где она проходила. Моя мать, казалось, увидела меня в тот же миг, что и я, ибо она остановилась. Затем взвилась на ступеньке и начала сходжение.

Спускаясь, она плавно перевоплощалась, черты лица менялись от ступени к ступени. Как только я осознал, что происходит, я прекратил свои попытки перевоплотиться и аннулировал все скромные результаты. Я начал меняться в тот момент, когда увидел ее и, вероятно, мать стала делать то же самое при виде меня. Я не ожидал, что она станет перевоплощаться, дабы ублажить меня второй раз, здесь, на своей территории.

Она закончила превращение, едва коснувшись последней ступени, представ передо мной прекрасной женщиной в черных брюках и красной рубаше с широкими рукавами. Она смотрела на меня и улыбалась, приближаясь ко мне, заключая меня в объятия.

Было бы неловким сообщить ей, что я собирался перевоплотиться, да забыл. Или еще что-нибудь в таком роде.

Мать отодвинулась на расстояние вытянутой руки, опустила взгляд, снова посмотрела на меня и покачала головой.

— Ты спал в одежде до или после диких экзерциций? — осведомилась она.

— Это жестоко, — промолвил я. — По дороге я остановился посмотреть достопримечательности и вяпался в несколько сложных ситуаций.

— И потому опоздал?

— Нет. Я опоздал, потому что задержался в нашей галерее дольше, чем рассчитывал. И не слишком-то я опоздал.

Мать взяла меня за руку и развернула.

— Я прощаю тебя, — сказала она, ведя меня к скрывающей путь колонне, пестрящей розовым, зеленым и золотым, что находилась в зеркальном алькове через комнату направо.

Когда мы вошли в альков, я с интересом подумал, поведет она меня вокруг колонны по часовой стрелке или же против. Оказалось — против. Интересно. С трех сторон смотрели наши отражения — такова была комната, которую мы покидали. Но с каждым нашим витком вокруг колонны комната становилась другой. Я наблюдал, как она меняется, будто в калейдоскопе, пока наконец мать не остановила меня перед хрустальным гротом у подземного моря.

— Я уже почти и забыл об этом месте, — промолвил я, ступая на чистый, белый песок, в хрустальный свет,

напоминавший и костры, и солнечные блики, и канделябры, и светодиодные дисплеи огромных функциональных возможностей; беспорядочные радужные отблески ложились на берег, на стены, на черную воду.

Мать взяла меня за руку и повела к обнесенному перилами помосту, возвышающемуся на некотором отдалении справа. Там стоял полностью накрытый стол. Целая коллекция подносов под колпаками занимала еще больший сервировочный стол. Мы взобрались по маленькой лесенке, я усадил мать и направился проинспектировать ожидавшие нас вкусы.

— Сядь, Мерлин, — сказала она. — Я обслужу тебя.

— Все в порядке, не беспокойся, — ответил я, поднимая колпак.

Но мать уже встала.

— Тогда — а-ля фуршет, — сказала она.

— Отлично.

Мы наполнили тарелки и направились к столу. Мгновение спустя после того, как мы уселись, яркая вспышка сверкнула над водой, озарив арочный свод пещеры и уподобив его утробе какой-то огромной твари, нас переваривающей.

— Не озирайся так опасливо. Ты же знаешь, сюда им не добраться.

— Ожидание громового удара уводит мой аппетит в пятки.

Она засмеялась; как раз до нас донесся отдаленный раскат грома.

— А так все в порядке?

— Да, — отозвался я, беря вилку.

— Удивительно, какими родственниками одаривает нас жизнь, — промолвила мать.

Я взглянул на нее, пытаюсь уловить выражение ее лица. Увы!..

— Да, — только и сказал я.

Мгновение она изучала меня, но я тоже никак не выразил своих чувств. Тогда она сказала:

— Ребенком ты был односложен, будто символ капризов.

— Да, — сказал я.

Мы приступили к еде. Все новые вспышки озаряли спокойное, темное море. В свете очередной молнии мне привиделся далекий корабль, идущий на всех своих черных, надутых ветром парусах.

— Свидание с Мэндором уже состоялось?

— Да.

— И как он?

— Прекрасно.

— Что-то беспокоит тебя, Мерлин. Что?

— Очень многое.

— Расскажешь матери?

— А что, если ты — часть моих проблем?

— Я была бы разочарована, окажись это не так. Все же, сколько ты будешь помнить историю с ти'игой? Я поступала так, как считала нужным. И по-прежнему уверена в своей правоте.

Я кивнул и продолжал жевать. Через какое-то время я сказал:

— Ты все прояснила на прошлом цикле.

Тихо плескала вода. Блики плыли по столу, по лицу матери.

— А еще вопросы есть?

— Может, сама расскажешь? — отозвался я.

Я ощутил ее взгляд и встретил его прямо.

— Не понимаю, что ты имеешь в виду, — удивилась она.

— Тебе известно, что Логрус — существо чувствующее?

А Путь?

— Это тебе Мэндор поведал?

— Да. Но я знал уже до него.

— Откуда же?

— Они вступали со мной в контакт.

— Ты и Путь? Или ты и Логрус?

— Оба.

— С какой целью?

— Манипуляции, я бы выразился. Они борются за власть и просили меня определиться.

— Чью же сторону ты выбрал?

— Ничью.

— Тебе следовало рассказать мне.

— Зачем?

— Посоветоваться. Возможно, я бы помогла тебе.

— Одолеть Силы Космоса? Как тесно ты с ними связана, мама?

Она улыбнулась:

— Не исключено, что некто вроде меня может обладать особыми знаниями.

— Некто вроде тебя?

— Чародейка моих способностей.

— Насколько же ты хороша?

— Не думаю, что значительно им уступаю, Мерлин.

— Семья всегда узнает последней, так получается? И почему ты не обучала меня сама, вместо того чтобы отсылать к Сухаю?

— Я плохой учитель. Мне не нравится наставлять людей.

— Ты учила Джасру.

Она склонила голову вправо и сощурила глаза.

— Тоже Мэндор рассказал?

— Нет.

— Тогда кто?

— Какое это имеет значение?

— Большое, — ответила мать. — Потому что я не верю, что ты знал это во время нашей последней встречи.

Я вдруг вспомнил, что там, у Сухая, она говорила о Джасре что-то, подразумевающее их близость, и я обязательно бы отреагировал, если бы не тащил груз предубеждений и не летел с горы в самую грозу с тормозами, распространяющими забавные звуки. Я уж собирался осведомиться, какое имеет значение, когда я узнал это, как сообразил, что мать действительно интересуется, от кого я узнал, ибо ее заботит, с кем я мог говорить о таких вещах с момента нашей последней встречи.

Ссылаться на Люкова призрака Пути показалось мне неблагоразумным, а потому я ответил:

— Ну ладно, ладно. Мэндор оговорился, а потом попросил меня молчать.

— Другими словами, — подытожила она, — он ожидал, что слух вернется ко мне. Зачем же ему понадобилось так себя вести? Поразительно. Коварный человек.

— Может, действительно просто оговорился?

— Мэндор никогда не оговаривается. Никогда не будь ему врагом, сын.

— Неужели мы говорим об одном и том же человеке?

Мать щелкнула пальцами.

— Конечно, ты знал его лишь ребенком. Потом ты ушел и с тех пор ты видел его всего несколько раз. Да, он коварен, хитер, опасен.

— Мы всегда отлично ладили.

— Разумеется. Он никогда не враждует по пустякам.

Я пожал плечами и вернулся к еде.

Через какое-то время мать сказала:

— Осмелюсь предположить, что меня он охарактеризовал подобным же образом.

— Ничего подобного не припоминаю, — ответил я.

— Он дал тебе еще и уроки осмотрительности?

— Нет, хотя недавно я и почувствовал необходимость ей поучиться.

— Несомненно, в Амбере ты приобрел некую ее толику.

— Если так, то столь малую, что я и не заметил.

— Ну-ну. Может, я не буду больше приносить тебе огорчений?

— Сомневаюсь.

— И все же что хотели от тебя Путь и Логрус?

— Я говорил тебе — чтобы я принял чью-либо сторону.

— Так трудно — решить, кого ты предпочитаешь?

— Так трудно — решить, кто меньше не нравится.

— Потому что они, как ты выразился, манипулируют людьми в своей борьбе за власть?

— Именно.

Мать рассмеялась:

— Это выставляет богов не в лучшем свете, чем нас, прочих. Зри здесь истоки человеческой морали. Что все же лучше, чем совсем ничего. Если эти причины недостаточны для выбора, руководствуйся другими соображениями. Ты, в конце концов, сын Хаоса.

— И Амбера, — добавил я.

— Ты вырос во Владениях.

— Но жил в Амбере. Там у меня родичей не меньше, чем здесь.

— Все действительно так просто?

— Если бы не это, было бы значительно проще.

— В таком случае ты должен взглянуть по-иному.

— Что ты имеешь в виду?

— Спрашивай, не кто больше всего взывает к тебе, а кто больше всего делает для тебя.

Я попивал прекрасный зеленый чай, в то время как шторм подкатывал все ближе. Что-то плескалось в водах нашей бухты.

— Прекрасно, — кивнул я. — Спрашиваю.

Мать с улыбкой наклонилась вперед, и глаза ее потемнели. Она всегда превосходно контролировала свое лицо и всю внешность и меняла их по собственной прихоти. Она вроде оставалась той же, но временами казалась совсем девочкой, или вдруг превращалась в зрелую интересную

женщину. Обычно же она останавливалась где-то между двумя этими ипостасями.

Но сейчас ее лицо приобрело какие-то вечные, вневременные черты — не столько возраста, сколько сущности Времени, — и я вдруг понял, что никогда не знал ее истинный возраст. Лицо матери будто подернулось пеленой какого-то древнего могущества.

— Логрус, — сказала она, — приведет тебя к славе.

Я не отрывал от нее пристального взгляда.

— Какого рода славе?

— А какой ты желаешь?

— Не знаю, хотел ли я вообще когда-нибудь славы как таковой. Это все равно что хотеть быть инженером больше, чем хотеть что-то сконструировать, или хотеть быть писателем больше, чем хотеть писать. Слава — побочный эффект, а не вещь в себе. В противном случае это просто самовозвеличивание.

— Но если ты заслуживаешь ее... если ты достоин — разве ты не должен обладать ею?

— Вероятно. Но пока я ничто. — Мой взгляд упал на яркий круг света в глубине темных вод, будто убегающий от шторма. — Вот только лишним багажом разжился — в голове, — который мог бы попасть под эту категорию.

— Конечно, ты молод, но времена, для которых ты был предназначен и уникально подготовлен, наступают раньше, чем я ожидала.

Обидится ли она, если я наколдую себе чашечку кофе? Думаю, да, обидится. Что ж, пусть будет бокал вина. Налив себе и сделав глоток, я сказал:

— Боюсь, что не понимаю, о чем ты говоришь.

Мать кивнула и медленно проговорила:

— Тебе трудно было что-то выяснить, копаясь в собственной душе, и не нашлось никого настолько опрометчивого, чтобы намекнуть тебе на такую возможность.

— О чем ты говоришь?

— О троне. О господстве во Владениях Хаоса.

— Мэндор выказывал некий интерес к тому, что я думаю по этому поводу.

— Прекрасно. Никто, кроме Мэндора, не оказался бы столь непредусмотрительным, чтобы упоминать при тебе об этом.

— Я прихожу к выводу, что матерям доставляет безумное наслаждение видеть их сыновей живущими по правилам, но, к сожалению, ты говоришь о деле, для которого

у меня недостает не только мастерства, способностей и подготовки, но еще и мало-мальского желания.

Она растопырила пальцы и поверх них разглядывала меня.

— Ты пригоден более, чем думаешь, а твои желания ничего в этом деле не значат.

— Как сторона заинтересованная, я позволю себе не согласиться.

— Даже если бы это оказалось единственной возможностью защитить друзей и родичей и здесь, и в Амбере?

Я сделал еще глоток вина.

— Защитить? От чего?

— Путь близок к тому, чтобы попытаться преобразить срединные области Тени по своему подобию. Он, вероятно, достаточно силен.

— Ты говорила об Амбере и о Владениях, а не о Тени.

— Логрус будет сопротивляться вторжению. Так как он, по-видимому, проиграет в прямом столкновении со своей противоположностью, то будет наносить удары по Амберу через агентов. Наиболее эффективными из них станут, разумеется, герои Владений...

— Это безумие! — воскликнул я. — Должен быть лучший выход!

— Возможно, — отозвалась мать. — Прими трон, и тогда приказывать будешь ты.

— Я знаю недостаточно.

— Тебя проинструктируют, разумеется.

— А как насчет надлежащего порядка наследования?

— Это не твоя проблема.

— Я все же думаю, что могу проявить интерес к тому, как достигается цель... Скажи, большинством смертей я обязан тебе или Мэндору?

— Вопрос праздный, если учесть, что мы оба Саваллы.

— Ты имеешь в виду, что здесь вы заодно?

— У нас есть разногласия, — сказала она. — Все, подводи черту под дискуссиями о методах.

Я вздохнул и выпил еще. Шторм крепчал над темными водами. Если тот странный свет под водой действительно Призрачное Колесо, то интересно, зачем он пришел?

Молнии стали сплошным фоном, гром — постоянным звуковым сопровождением.

— Что ты имела в виду, — спросил я, — когда говорила о временах, для которых я предназначен и подготовлен?

— Настоящее и ближайшее будущее, — ответила мать, — с грядущим конфликтом.

— Нет, — сказал я. — Я имел в виду «предназначен и уникально подготовлен». Это как?

Должно быть, молнии так осветили ее лицо, ведь раньше я никогда не видел, как она краснеет.

— В тебе соединились две великие родословные, — сказала мать. — Фактически твой отец был королем Амбера — недолго, между правлением Оберона и Эрика.

— Поскольку Оберон был жив в то время и не отрекался от престола, ничья власть не могла считаться законной, и Рэндом — законный наследник Оберона.

— Та ситуация как раз и заключала в себе отречение, — возразила она.

— Вот какое толкование ты предпочитаешь, не правда ли?

— Конечно.

Я понаблюдал за грозой. Глотнул вина.

— И по этой причине ты пожелала выносить ребенка Корвина?

— Логрус уверил меня, что именно это дитя можно идеально подготовить для здешнего царствования.

— Но папа никогда не значил для тебя слишком много, не так ли?

Она смотрела туда, где круг света теперь мчался по направлению к нам, а по пятам за ним следовали сверкающие молнии.

— У тебя нет права задавать этот вопрос.

— Я знаю. Но это правда, не так ли?

— Ты ошибаешься. Он очень много значил для меня.

— Но не в обычном смысле слова.

— А я не обычная личность.

— А я — результат эксперимента по выведению породы. Логрус отобрал самца, который бы дал тебе — что?

Круг подплыл совсем близко. Шторм настигал его, пойдя к берегу ближе любого, виденного мною до этого.

— Идеального повелителя Хаоса, — ответила мать, — способного править.

— Почему-то мне кажется, что было нечто большее, — сказал я.

Уворачиваясь от молний, яркий круг вышел из воды и помчался по песку прямо к нам. Если мать и откликнулась на мои последние слова, я не расслышал. Удары грома оглушали.

Огонек забрался на помост и остановился у моей ноги.

— Папа, ты можешь защитить меня? — спросил Призрак в промежутке между ударами грома.

— Лезь мне на левое запястье, — предложил я.

Дара следила за тем, как он принял облик Фракир и очутился на моей руке. Тем временем заключительная вспышка молнии не исчезла, а застыла пылающим зигзагом у кромки воды. Затем свернулась в шар, который несколько мгновений парил в воздухе, прежде чем двинуться в нашем направлении. По мере приближения его структура менялась.

Подплыв к нашему столу, он уже стал ярким, трепещущим Знаком Логруса.

— Принцесса Дара, принц Мерлин, — донесся тот ужасающий голос, что я слышал последний раз в день противостояния в замке Амбера. — Я не желал нарушать вашу трапезу, но тот предмет, что вы приютили, сделал это необходимым.

Зубчатое щупальце Знака Логруса вытянулось в направлении моего запястья.

— Он не дает мне смыться, — пожаловался Призрак.

— Отдайте его мне! — продолжал голос.

— Почему? — осведомился я.

— Этот предмет пересек Логрус, — слышались слова, отличающиеся кажущейся произвольностью высоты, силы, произношения.

Мне пришло в голову, что можно попытаться оказать неповиновение, коль я действительно так ценим Логрусом, как утверждала Дара. Что ж...

— Теоретически Логрус открыт для всех пришельцев, — возразил я.

— Я — сам себе закон, Мерлин, а твое Призрачное Колесо пересекало меня и раньше. Теперь я овладею им.

— Нет, — отрезал я, направляя сознание в спикард, разыскивая и оценивая способы мгновенного перемещения в область, где правит Путь. — Я так покорно не откажусь от своего творения.

Знак вспыхнул ярче. Тут Дара вскочила на ноги и встала между мною и им.

— Подожди! — воскликнула она. — У нас есть более важные дела, нежели мстить игрушке. Я отправила моих кузенов Хендрейков на место Хаоса. Если ты желаешь, чтобы план увенчался успехом, советую помочь им.

— Я помню твой план для принца Брэнда, когда Джасра должна была поймать его в ловушку. Он не мог провалиться, говорила ты мне.

— Тогда ты был ближе к власти, которой так жаждешь, ближе, чем когда-либо, старый Змей.

— Это правда, — признал он.

— Да и обладатель Ока — существо попроще Джасры.

Знак скользнул мимо нас — крошечное солнце, складывающееся в непрерывную последовательность символов.

— Мерлин, примешь ли ты трон и послужишь ли мне, когда придет время?

— Я сделаю все необходимое, чтобы восстановить равновесие сил.

— Я не о том спрашиваю! Примешь ли ты трон на моих условиях?

— Если это то, что нужно для дела, — ответил я.

— Это мне нравится, — сказал он. — Оставь себе свою игрушку.

Дара отступила в сторону, и Знак, перед тем как расплыться, проследовал мимо нее.

— Спроси его о Люке и Корвине, и о новом Пути, — сказал он и был таков.

Мать повернулась и внимательно посмотрела на меня.

— Налей мне бокал вина, — попросила она.

Я налил. Она подняла бокал и глотнула.

— Итак, расскажи мне о Люке, Корвине и новом Пути.

— Расскажи мне о Джасре и Брэнде, — парировал я.

— Нет. Первым будешь ты.

— Хорошо. Оставим то, что оба они оказались призраками Пути. Когда я направлялся сюда, передо мной предстал Люк, посланный Путем, чтобы уговорить меня покинуть это место. Логрус послал призрак лорда Бореля, чтобы расправиться с Люком.

— Люк — то есть Ринальдо, сын Джасры и Брэнда, муж Корэл и король Кашфы?

— Совершенно верно. Теперь расскажи мне обо всех этих делах до конца. Ты велела Джасре подловить Брэнда и повести его по избранному им пути?

— Он в любом случае последовал бы ему. Он прибыл во Владения в поисках силы, содействующей его целям. Джасра лишь слегка упростила его задачи.

— Для меня это выглядело иначе. Выходит, проклятие моего отца не явилось действительной движущей силой?

— Нет, в метафизическом смысле оно помогло протянуть Черную Дорогу в Амбер. Почему ты по-прежнему здесь, хотя король Ринальдо предложил тебе удалиться? Преданность Владениям?

— У меня была назначена встреча с тобой за ленчем, и она еще продолжается. Жалко было пропускать.

Мать чуть-чуть улыбнулась и отхлебнула вина.

— Ты ловко меняешь тему разговора!.. Давай все же вернемся. Призрак Бореля разделался с призраком Люка, так я поняла?

— Не совсем.

— Что ты имеешь в виду?

— Тут как раз обнаружился призрак моего отца и дал нам возможность скрыться.

— Опять? Корвин снова взял верх над Борелем?

Я кивнул:

— И никто из них не вспомнил первый поединок, разумеется. Их память доходит только до времени записи, и...

— Я понимаю принцип. Что дальше?

— Мы сбежали, а затем я прибыл сюда.

— Что имел в виду Логрус, спрашивая о новом Пути?

— Мой отец, очевидно, был рожден там, а не в старом.

Мать выпрямилась, глаза ее расширились.

— Как ты узнал это?

— Он мне рассказал.

Она уставилась на утихшее море.

— Итак, в деле действительно замешана третья сила, — задумчиво пробормотала она. — Это так же очаровательно, как и возмутительно. Будь проклят человек, начертавший новый Путь!

— Ты действительно так его ненавидишь?

Ее глаза вновь сосредоточились на моей персоне.

— Оставь Корвина в покое! — приказала Дара. — За исключением вот чего, — исправилась она секундой позже. — Намекнул ли он тебе что-нибудь о лояльности нового Пути... или о его намерениях? Тот факт, что новый Путь послал Корвина защитить Люка, можно рассматривать как поддержку действий старого Пути. С другой стороны — то ли потому, что он создан твоим отцом, то ли потому, что имеет относительно тебя собственные виды, — это можно расценить как усилия для твоей защиты. Что он сказал?

— Что хочет умыкнуть меня оттуда.

Она кивнула:

— Чего он, очевидно, и добивался. Говорил он что-нибудь еще? Случилось ли что-нибудь важное?

— Он спрашивал о тебе.

— Правда? И это все?

— Специального послания у него не было, если ты это имеешь в виду.

— Ясно.

Мать отвернулась, некоторое время царило молчание. Затем она произнесла:

— Эти призраки недолговечны, не так ли?

— Да.

— Я просто в ярости, — наконец сказала она. — Вопреки всему, Корвин по-прежнему способен вести свою игру.

— Отец жив, не так ли, мать? И тебе известно, где он.

— Не я его тюремщик, Мерлин.

— А я думаю, что ты.

— Какая наглость перечить мне подобным образом!

— Мне все же придется, — возразил я. — Я провожал его в путь ко Владениям. Несомненно, он желал прибыть сюда вместе с прочими для заключения мирного договора. Но еще больше он хотел увидеть тебя. У него было столько вопросов: откуда ты взялась, зачем пришла к нему, почему ушла таким образом...

— Хватит! — крикнула мать. — Оставь это!

Я пренебрег приказом:

— И мне известно, что он был здесь, во Владениях. Его видели здесь. Отец разыскивал тебя. Что случилось после? Какие ответы он получил от тебя?

Она вскочила, на этот раз яростно сверля меня глазами.

— Все, Мерлин! Мне кажется невозможным поддерживать с тобой цивилизованную беседу.

— Он твой пленник, мать? Ты заперла его в каком-то месте, откуда он не может побеспокоить тебя, помешать твоим планам?

Почти спотыкаясь, она отошла от стола.

— Отвратительный ребенок! Ты совсем как он! Почему ты так похож на него?

— Ты боишься его, не так ли? — сказал я, неожиданно осознав, что в этом-то все и дело. — Ты боишься убить принца Амбера, даже имея Логрус на своей стороне. Ты держишь его взаперти и боишься, что он вырвется на

свободу и не даст осуществиться твоим последним замыслам. Ты перепугана тем, что совершаешь, держа его в бездействии.

— Абсурд! — вскричала мать, отступая, в то время как я огибал стол. Теперь ее лицо выражало неподдельный ужас. — Это все твои домыслы! Он мертв, Мерлин. Убирайся! Оставь меня одну! Никогда больше не произноси при мне его имя! Да, я ненавижу его! Он бы всех нас уничтожил, если б мог!

— Он не умер, — заявил я.

— Откуда ты взял?

Я подавил в себе желание поведать ей о том, что говорил с ним.

— Только виновный протестует так страстно, — сказал я. — Отец жив. Где он?

Она подняла руки, ладонями к себе, и скрестила их на груди, опустив локти. Страх отступил и гнев тоже. Когда она снова заговорила, в ее словах звучала издевка:

— Тогда ищи его, Мерлин. Любыми средствами, ищи его.

— Где?

— Поищи его в Преисподней Хаоса.

У левой ноги матери появилось пламя и, подымаясь спиралью, оставляя за собой линию полыхающего красным огня, стало охватывать ее против часовой стрелки. Когда оно достигло темени, Дара совершенно скрылась в огне. Затем пламя исчезло со слабым свистом, забрав с собой мою мать.

Я подался вперед и встал на колени, ощупывая место, где она стояла. Чуть-чуть теплое, вот и все. Славное заклинание. Меня никто не учил такому. Поразмыслив, я сообразил, что мама всегда обладала исключительными способностями, когда дело касалось приходов и уходов.

— Призрак?

Он соскочил с моего запястья и завис передо мной в воздухе.

— Да?

— Ты по-прежнему заблокирован от прохода через Тень?

— Нет. Блок пропал сразу, как исчез Знак Логруса. Я могу путешествовать в Царство Теней и обратно. Могу обеспечить и твое перемещение. Хочешь?

— Да. Доставь меня в верхнюю галерею.

— Галерею? Из зала Логруса я погрузился прямо в темное море, папа. Я не вполне уверен, где здесь можно пробивать землю.

— Пустяки, — сказал я. — Это я сам устрою.

Я возбудил спикард. Энергия, исходящая из его шести-зубцев, обволокла нас с Призраком, закрутила и подняла вверх, к указанному мною месту в Лабиринте Искусств. Я пытался устроить вспышку пламени в момент нашего ухода, но не было возможности узнать, добился ли я успеха. Удивляешься, как же тренируются настоящие умельцы.

Глава 7

Я доставил нас в тот жуткий зал, что всегда был источником наслаждения для старого главы пределов Савалла. Это был сад скульптур, не имеющий внешних источников света; лишь снизу освещались огромные глыбы, делавшие его в несколько раз темнее, чем пожелал бы я для своего любимого уголка. Пол был неровный — вогнутый, выпуклый, ступенчатый, щербатый, — с доминирующей впадиной. Трудно было определить величину зала, ибо его размеры и очертания словно менялись в зависимости от угла зрения. Грэмбл, лорд Савалла, добился, чтобы его построили без единой плоской поверхности, и я не сомневаюсь, что работа потребовала уникального мастера Теней.

Я стоял возле чего-то, напоминающего запутанный таке-лаж, лишенный корабля, а может, замысловатый музыкальный инструмент, пригодный для того, чтобы на нем брэнчали титаны; и свет обращал линии в серебро, бегущее, будто живое, из тьмы во тьму внутри наполовину угадываемой оболочки. Другие части выступали из стен и свисали, как сталактиты. Пока я бродил, то, что казалось стенами, стало для меня полом. Сегменты, что мыслились стоящими на полу, теперь располагались по сторонам. Комната на глазах поменяла очертания, через нее потянуло ветром, вызвавшим вздохи, гул, уханье, перезвоны...

Грэмбл, мой отчим, испытывал истинное удовольствие, находясь в этом зале, тогда как мне зал долгое время представлялся неким упражнением в неустрашимости перед опасностями, ждущими за его порогом. Впрочем, когда я подрос, то сам стал получать от него удовольствие, отчасти вызванное тем редким трепетом предвкушения, что давал он моей юности. И даже теперь...

Теперь я просто хотел побродить здесь несколько мгновений во имя прошлого и разобраться в собственных мыслях. А их было чертовски много. Те вопросы, что мучили меня большую часть взрослой жизни, сейчас казались близки к разъяснению. Я не испытывал радости от всех этих возможностей, которые порождались ответами, роившимися у меня в голове. Впрочем, вне зависимости от того, какие из них возьмут верх, с неведением будет покончено.

— Папа...

— Да?

— Что это все же за место? — спросил Призрак.

— Это часть огромной коллекции произведений искусств пределов Савалла, — объяснил я. — Увидеть ее приходят люди из Владений и из ближней Тени. Она была страстью моего отчима. Мальчишкой я проводил уйму времени, блуждая по этим залам. Здесь множество скрытых путей.

— А эта комната? В ней что-то неправильно.

— И да и нет, — сказал я. — Полагаю, все зависит от того, что подразумевать под словом «неправильно».

— Я испытываю сейчас какие-то непонятные ощущения.

— Это потому, что пространство здесь свернуто вовнутрь, будто в каком-нибудь странном произведении оригами. Зал гораздо больше, чем кажется. Ты можешь бродить по нему много раз и все время обнаруживать другой набор экспонатов. Здесь возможен даже какой-то внутренний ход событий. Не берусь сказать точно. Только Савалл знал наверняка.

— Я был прав. Что-то здесь неправильно.

— А мне скорее нравится.

Я присел на серебряный пень у раскидистого серебряного дерева.

— Я хочу увидеть, как это он сворачивается, — наконец промолвил Призрак.

— Иди вперед.

Когда он отплыл, я задумался о недавней беседе с моей матерью. Я припомнил все, что сказал или подразумевал Мэндор, все о конфликте между Путем и Логрусом, о моем отце, как герое Пути и предполагаемом короле Амбера. Знала ли она это, знала ли как факт, а не предмет для размышлений? Наверное, могла знать, так как, очевидно,

имела особые отношения с Логрусом, а тот уж точно знал о намерениях своего противника.

Она признала, что не любила этого человека. Кажется, она добивалась его ради хоть какого-то генетического материала, запечатлевшего Путь. Действительно ли она пыталась породить героя для Логруса?

Я фыркнул, подумав о результате. Мать считала меня хорошо обученным воином, мне же было далеко до отца. Я предпочитал колдовство, но последнее во Владениях ценилось в пятак за пучок. Наконец она отправила меня в колледж на тeneвую Землю, столь любимую жителями Амбера. Однако ученая степень в области компьютерной техники тоже не особенно подготовила меня к тому, чтобы поднять знамя Хаоса против сил Порядка. Наверное, я явился для нее горьким разочарованием.

Я снова вспомнил свое детство, некоторые странные приключения, отправной точкой для которых послужило это место. Мы приходили сюда с Гриллом, Глайт скользила у наших ног, обвивала руки или пряталась где-то в одеждах. Я издавал тот необычный тоскливый вой, которому научился во сне, и иногда к нам присоединялся Кергма, несясь складками тьмы из каких-то лохмотьев скрученного пространства. Я никогда, по сути, не знал, кто он такой, даже какого он рода, ибо Кергма был изменчив обликом: он летал, ползал, скакал или бежал в огромной череде самых занимательных форм.

Поддавшись внезапному порыву, я издал тот древний клич... Ничего, конечно, не случилось, и я тут же понял, почему закричал: то был плач по ушедшему детству, когда я хотя бы ощущал себя нужным. Теперь... теперь я был ничто — ни житель Амбера, ни житель Хаоса и, разумеется, сплошное разочарование для родственников с обеих сторон. Я оказался неудачным экспериментом. Я никогда не был нужен сам по себе, а только как нечто, способное произойти... Неожиданно глаза мои увлажнились, и я с трудом сдержал рыдания.

Но мне не суждено было узнать, в какую тоску я способен сам себя ввергнуть, потому что потом меня отвлекли.

Сверкнула вспышка красного света в точке на верху стены слева от меня и озарила маленький круг у ног человеческой фигуры.

— Мерлин! — воззвал голос оттуда.

Языки пламени прыгнули выше. В их отблеске я увидел то знакомое лицо, что слегка напоминало мое собственное, и я обрадовался смыслу, что внесло оно в мою жизнь, даже если смыслом этим была смерть.

Я поднял левую руку над головой и вызвал вспышку синего света из спикарда.

— Давай сюда, Джарт! — позвал я, вскакивая на ноги.

Я принялся создавать шар света, что должен был отвлечь его внимание, пока я готовлю электрический стул. По зрелом размышлении это казалось мне самым верным способом выбить Джарта из строя. Я потерял счет его покушениям на мою жизнь и решил завладеть инициативой, когда он в следующий раз явится по мою душу. Вскипятить его нервы — вот оптимальный способ остудить Джарта, несмотря на то что сделал с ним Фонтан.

— Давай сюда, Джарт!

— Мерлин! Я хочу поговорить.

— А я — нет. Мы так часто пытались выяснить отношения, что мне больше нечего сказать. Давай иди сюда и покончим с этим — оружием, руками, колдовством. Мне все равно.

Он поднял обе руки, показывая ладони, и крикнул:

— Перемирие! Было бы опрометчивым разбираться здесь, в пределах Савалла.

— Только не надо лживых увещаний, братец! — закричал я. И тут же сообразил, что, возможно, в его словах что-то есть. Я вспомнил, как много значило для него одобрение старика, и осознал, что ему бы очень не хотелось делать что-то враждебное Даре здесь, в этом помещении. — Чего ты хочешь, в конце концов?

— Поговорить.

— Встретимся вон там. — Я бросил шарик света, чтобы указать на знакомое сооружение: огромный картонный домик, построенный из стекла и алюминия; сотни его плоскостей сияли и искрились.

— Отлично, — донеслось в ответ.

Я вошел в картонный домик так, чтобы нас разделял лишь угол конструкции. И тут же увидел шесть своих отражений.

— Почему здесь? — раздался неподалеку голос братца.

— Это сооружение обеспечит массу хитроумных трюков, чтобы предохранить нас от взаимных увечий.

Я повернул за угол, и меня стало еще больше. Чуть погодя Джарт резко вздохнул, потом тихо рассмеялся.

— Начинаю понимать, — прозвучал его голос.

— Итак, о чем ты хотел поговорить? — спросил я.

— Мне известно, что вы с мамой недавно обедали. Мы только что мельком виделись. Ты ее расстроил.

— Что ж, она меня тоже не слишком осчастливила.

Я завернул за следующий угол, прошел через дверь, и в этот момент передо мной мелькнула его слабая улыбка.

— Иногда она такова, знаю, — промолвил Джарт. — Она утверждает, что на десерт к вам пожаловал Логрус.

— Да.

— И говорит, что на трон он выбрал тебя.

Надеюсь, Джарт увидел, как я пожимаю плечами.

— Вроде бы так. Только я не хочу.

— Но ты обещал подчиниться.

— Если не будет другого способа восстановить точное равновесие сил. Такому ходу события я подчинюсь в самую последнюю очередь. И я уверен, что до этого не дойдет.

— Но он выбрал тебя.

Снова пожатие плечами.

— Тмер и Таббл стоят передо мной.

— Не имеет значения. Ты знаешь, что к трону стремился я.

— Знаю. Довольно неудачный выбор профессии.

Неожиданно он окружил меня.

— Теперь я согласен. Я шел этим путем, но только до того, как был назван ты. Я думал, что при каждой нашей встрече имею перевес, и каждый раз ты подходил чуть ближе к тому, чтобы убить меня.

— И каждая встреча была все гнуснее.

— В тот, последний раз, в церкви, в Кашфе, я был уверен, что смогу наконец уничтожить тебя. Вместо этого я едва не погиб от твоей руки.

— Предположим, Дара или Мэндор уберут Тмера и Таббл. Ты знал, что обо мне должен позаботиться сам, но как насчет Деспила?

— Он бы уступил мне.

— Ты его спрашивал?

— Нет. Но я уверен.

Я продолжил:

— Ты всегда брал на себя слишком много, Джарт.

— Возможно, — сказал он, появляясь и вновь исчезая. — Так или иначе это уже не имеет значения.

— Почему?

— Я — пас. Больше я не участвую в гонке. Черт с ней.

— С чего вдруг?

— Даже если бы Логрус не прояснил своих намерений, я все равно начал нервничать. Не то чтобы боялся, что ты убьешь меня, просто я задумался о себе и о престолонаследии. Что, если я добьюсь трона? Я не уверен, как прежде, что отвечаю всем требованиям к истинному правителю.

Я снова повернул, мельком заметив Джарта, облизывающего губы, нахмурившего брови.

— Государственный деятель!.. Я мог бы наворотить дел, — продолжил он, — не имей я доброго совета. А тебе известно, что в конце концов такой совет последовал бы от Мэндора или Дары. В конце концов я оказался бы марионеткой в их руках, не так ли?

— Возможно. Но вот что любопытно... Когда ты начал приходить к такому выводу? Не после ли омовения в Фонтане? Выходит, мое вмешательство подвигло тебя на верный курс?

— Не исключено, — сказал он. — Теперь я рад, что не пошел до конца. Подозреваю, это могло свести меня с ума, как Брэнда. Но могло быть и не так. Или... Нет, я не знаю.

Стояла тишина, пока я бочком пробирался по коридору, а мои головоломные отражения держали шаг с обеих сторон.

— Она не хочет, чтобы я убил тебя, — наконец выпалил Джарт откуда-то справа.

— Джулия?

— Да.

— Как она?

— Поправляется, довольно быстро.

— Она здесь, в Савалле?

— Да.

— Послушай, я был бы рад увидеть ее. Но если она не хочет, я пойму. Нанося удар по Маске, я не знал, что это она, и сожалею.

— Джулия никогда по-настоящему не хотела навредить тебе. У нее раздор с Джасрой, а с тобой была сложная игра. Она лишь пыталась доказать, что не хуже, а может быть, и лучше, чем ты. Она хотела показать тебе, чем ты пренебрег.

— Сожалею, — снова пробормотал я.

— Прошу, скажи мне только одно, — произнес Джарт. — Ты любил ее? Ты когда-нибудь любил ее по-настоящему?

Я не сразу дал ответ. В конце концов, я много раз сам задавал себе этот вопрос и подолгу ждал ответа.

— Да, — наконец кивнул я. — Хотя и не признавал этого, пока не стало слишком поздно. Такое вот несовпадение. — Чуть погодя я спросил: — А как насчет тебя?

— Я не намерен совершать ту же ошибку, — отозвался он. — Именно Джулия заставила меня задуматься обо всем...

— Понимаю. Если она не захочет видеть меня, передай, пожалуйста, что мне очень жаль.

Ответа не последовало. Я постоял какое-то время неподвижно, ожидая, что он догонит меня, потом крикнул:

— Хорошо. Наша дуэль окончена, насколько я понимаю.

И двинулся дальше. Немного погодя я дошел до выхода и переступил порог. Джарт стоял снаружи, разглядывая массивный фарфоровый фасад.

— Хорошо, — кивнул он.

Я подошел ближе.

— Есть еще кое-что... — сказал он, по-прежнему не глядя на меня.

— Вот как?

— По-моему, они передергивают.

— Кто? Как? Зачем?

— Мама и Логрус, — сообщил он. — Чтобы посадить тебя на трон. Кто невеста Камня?

— Должно быть, Корэл. По крайней мере Дара использовала этот термин в подобном смысле. А что?

— В прошлом цикле я подслушал, как она отдает приказы некоторым из своих хендрейкских родичей. Она послала специальную команду, чтобы похитить эту женщину и доставить сюда. У меня сложилось впечатление, что Корэл предназначена тебе в королевы.

— Нелепо! — возразил я. — Она замужем за моим другом Люком. Она королева Кашфы...

Джарт пожал плечами:

— Всего лишь сообщаю тебе то, что сам услышал. Это было связано с вопросом о восстановлении равновесия.

Ну и ну. Смысл безупречный: вместе с Корэл Владения автоматически получают Судный Камень, или око Змея, как его здесь называют, и равновесие при этом явно смещается. Потеря для Амбера — выигрыш для Владений. Достаточно добиться моей цели — согласия Корэл, и катастрофа будет надолго отложена.

Нет, слишком безнравственно, чтобы я допустил это. Бедная девочка и так довольно натерпелась из-за того, что ей довелось быть в Амбере в плохое время и испытать ко

мне симпатию. Можно, конечно, обратиться к отвлеченной философии и решить: да, это нормально — принести одну невинную жертву ради блага многих. Так рассуждали в колледже, как-то связывая это с основными законами существования. Но Корэл — моя подруга, моя кузина, и в некотором смысле любовница — хотя при таких обстоятельствах, которые трудно принимать во внимание; да и быстрая проверка чувств, настолько быстрая, чтобы вновь неожиданно не попасться, показала, что я способен влюбиться в нее. Все это означало, что философия еще на круг отстала от реального мира.

— Давно она отправила этих людей, Джарт?

— Не знаю, когда они отправились... и даже отправились ли уже, — отозвался он. — Но, учитывая разницу во временном масштабе, они вполне могли уехать и уже вернуться, сделав дело.

— Действительно, — сказал я и добавил: — Вот дерьмо!

Он повернулся и посмотрел на меня:

— Это важно и при всех других раскладах, полагаю?

— Для нее, а она важна для меня, — ответил я.

В его голосе послышалось замешательство:

— В таком случае почему бы просто не позволить доставить ее тебе? Если ты сядешь на трон, это подсластит пилюлю. Если нет, ты в любом случае будешь с ней.

— Чувства трудно держать в тайне даже среди некодунов, — сказал я. — Корэл могут использовать как заложницу, держа меня в узде.

— Ох. Неловко говорить, что это меня радует. То есть я имею в виду... Я рад, что ты еще о ком-то беспокоишься.

Я опустил голову. Мне захотелось протянуть руку и коснуться брата, но я не стал этого делать.

Джарт негромко прогудел, как иногда делал ребенком, когда что-то обдумывал. Затем произнес:

— Мы должны добраться до нее раньше, чем они, и переправить ее в какое-нибудь безопасное место. Или умыкнуть, если девушка уже у них.

— Мы?

Он улыбнулся — событие исключительное.

— Ты знаешь, на что я способен. Я — крутой.

— Надеюсь, что так. А тебе известно, что произойдет, если какие-нибудь свидетели заявят, будто за этим стоит парочка братьев Саваллов? Наиболее вероятно — вендетта с Хендрейками.

— Даже если их втянула в это Дара?

— Получится, будто она подстрекала их.

— Отлично, — заявил Джарт. — Никаких свидетелей.

Я мог сказать, что предотвратить вендетту — значит сохранить множество жизней, но это прозвучало бы ханжески, даже если я не имел в виду ничего такого. Поэтому я лишь произнес:

— Та сила, что ты обрел в Фонтане, дает тебе нечто, именуемое, по слухам, эффектом живой карты. Похоже, что с его помощью ты оказался способен переместить Джулию, как самого себя.

Он кивнул.

— Возможно ли быстренько доставить нас в Кашфу?

Отдаленный звук чудовищного гонга наполнил воздух.

— Я могу все, что могут карты, — сказал Джарт. — И могу захватить с собой кого угодно. Единственная проблема, что сами карты не покроют такого пространства. Попробуем перенестись несколькими прыжками.

Снова прозвенел гонг.

— Что происходит? — спросил я.

— Уведомление о близком начале погребальной церемонии. Его должны слышать по всем Владениям.

— Не вовремя.

— Это как посмотреть. Есть у меня одна идея...

— Расскажи.

— У нас будет алиби, если мы выведем из игры нескольких Хендрейков.

— То есть?

— Перепад времен. Мы отправляемся на погребение и мельтешим там. Потом ускользаем, бежим по своим делам, возвращаемся и присутствуем на завершении церемонии.

— Думаешь, течение времени позволит нам?

— Думаю, да, есть неплохой шанс. Я тут вокруг довольно напрыгался и начинаю по-настоящему чувствовать потоки.

— Тогда давай попробуем. Чем больше путаницы, тем лучше.

Снова гонг.

Красный — цвет жизненного пламени, что наполняет нас, — во Владениях это цвет траурных нарядов. Я предпочел спикард Знаку Логруса, дабы потребовать себе приличествующее одеяние. Сейчас хотелось избежать любого общения, пусть самого светского, с этой Силой.

Затем Джарт с помощью карт перенес нас в свои апартаменты, где у него хранились оставшиеся с предыдущих

похорон надлежащие одежды. У меня возникло слабое желание увидеть свою комнату. Когда-нибудь, возможно, когда не будет такой спешки...

Мы быстро умылись, причесались, оделись. Затем я, как и Джарт, изменил облик, и мы повторили ритуал уже на этом уровне, прежде чем одеться соответственно случаю. Рубаха, бриджи, куртка, плащ, ножные браслеты, ручные браслеты, шарф и пестрый шелковый платок — мы выглядели замечательно. Оружие следовало оставить. По пути мы собирались вернуться за ним.

— Готов? — спросил Джарт.

— Да.

Он схватил меня за руку, и мы переместились, прибыв ко внутреннему краю Пляца-на-Краю Света, где синее небо темнело от пламени факелов, колышущихся вдоль всего маршрута процессии. Мы прошли мимо плакальчиков, в надежде попасться на глаза многим. Меня приветствовали старые знакомые. К несчастью, большинство норовили остановить меня и побеседовать после моего долгого отсутствия; многие удивлялись, почему мы здесь, а не в Тхельбане, огромной стеклянной игле Хаоса, расположенной далеко позади.

Время от времени воздух будто вибрировал, наполненный тягучим звучанием гонга. Я ощущал, как дрожит земля, ведь источник звука находился совсем близко. Мы медленно держали путь через Пляц по направлению к внушительной груде черного камня у самого края Преисподней, к арочным воротам из застывшего пламени с такой же ведущей вниз лестницей; каждая ступень, каждый поручень были изготовлены из запертого временем огня. Грубый амфитеатр под нами тоже был охвачен пламенем, сам себя освещая, обращенный к черной преграде у конца всего сущего; и не стена была за ней, а разверзшаяся пустота Преисподней, откуда исходит все. Никто еще не зашел туда.

Мы стояли рядом с воротами огня и смотрели на дорогу, которой проследует процессия. Кивали дружелюбным демоническим физиономиям, вздрагивали от звука гонга, глядели на еще потемневшее небо... Неожиданно мою голову наполнило мощное присутствие.

— Мерлин!

Немедленно возник образ Мэндора в измененном виде, свысока глядящего из-под руки. Он, вероятно, связался со

мною через мою карту и выглядел таким близким к раздражению, каким я его давно не видел.

— Да?

Его взгляд был направлен мимо. Выражение лица внешне изменилось, брови поднялись, губы разжались.

— С тобою Джарт?

— Правильно.

— Я думал, вы не в лучших отношениях, — медленно проговорил он, — судя по нашему последнему разговору.

— Ради похорон мы решили отбросить разногласия.

— Это говорит о хорошем воспитании, но вряд ли о здравомыслии.

Я улыбнулся:

— Я знаю, что делаю.

— Неужели? — сказал Мэндор. — Тогда почему ты у собора, а не здесь, в Тхельбане?

— Мне никто не говорил, что я должен быть в Тхельбане.

— Странно. Твоя мать собиралась известить вас обоих, что вы должны быть в процессии.

Я покачал головой, отвернувшись:

— Джарт, ты знал, что мы должны быть в процессии?

— Нет, — сказал он. — С одной стороны, в этом есть смысл. А с другой, есть черный надзор, который рекомендует вести себя сдержанно и не высовываться. Кто тебе это сказал?

— Мэндор. Он утверждает, что Дара должна была поставить нас в известность.

— Мне она не говорила.

— Ты слышал? — обратился я к Мэндору.

— Да. Теперь это не важно. Давайте сюда оба.

— Он призывает нас, — сообщил я Джарту.

— Проклятье! — скривился Джарт и сделал шаг вперед.

Я протянул руку Мэндору, как раз когда Джарт подошел и ухватился за мое плечо. Мы оба рванулись вперед, а затем...

...прямо в гладкий и мерцающий интерьер тхельбанского главного зала на первом этаже — этюд в черных, серых, болотно-зеленых, багровых тонах, с канделябрами будто сталактиты, огненными скульптурами на фоне чешуйчатых шкур, висящих на стенах, парящими в воздухе водяными шарами, внутри которых кишели твари. Зал был заполнен знатью, родственниками, придворными, мельтешащими, точно океан огня, вокруг помоста с гробом,

возвышающегося в центре. Вновь загремевший гонг заглушил слова Мэндора.

Он подождал, пока уляжется шум, затем проговорил снова:

— Я сказал, что Дара еще не прибыла. Пойдемте, отдадим скорбную дань, и пусть Бэнсез укажет ваши места в процессии.

Взглянув в сторону катафалка, я заметил поблизости и Тмера, и Таббла. Тмер разговаривал с Бэнсезом, Таббл — с кем-то, стоящим спиной. Ужасная мысль вдруг пронзила меня.

— Как обстоят дела с обеспечением безопасности процессии?

Мэндор усмехнулся.

— В толпе достаточно стражников, — сообщил он, — а еще больше расположено вдоль всего маршрута. За вами наблюдают каждую секунду.

Я взглянул на Джарта: слышал ли. Он кивнул.

— Спасибо.

Растягивая литанию беззвучных ругательств, я двинулся к гробу, Джарт следом за мной. Есть, конечно, способ раздвоиться: уговорить Путь прислать моего двойника, чтобы тот занял здесь мое место. Но Логрус в два счета обнаружит проекционную сущность двойника. А если я просто удалюсь, мое отсутствие не только будет замечено, но, вероятно, меня станут выслеживать — возможно, сам Логрус, как только Дара созовет совещание. Тогда Логрус узнает, что я смылся, дабы препятствовать его усилиям разбалансировать порядок; наружу вырвутся реки коварства и жестокости. Я бы не хотел ошибиться, переоценив свою собственную незаменимость.

— Как мы теперь поступим? — шепнул Джарт, пока мы прокладывали путь к хвосту медленно тянущейся очереди.

Снова зазвучал гонг, заставив содрогнуться канделябры.

— Не вижу никаких возможностей, — ответил я. — Полагаю, лучшее, на что можно надеяться, — это постараться исполнить миссию, пока я иду в процессии.

— С помощью карты отсюда не сбежать, — ответил он и тут же поправился: — Ну разве что при идеальных условиях и без всех помех.

Я попытался придумать какое-нибудь заклинание, какой-нибудь сигнал некоему посреднику, способному послушать мне в этом. Призрак подошел бы идеально. Но он, как

назло, успел исследовать пространственные асимметрии Зала Скульптур — вероятно, надолго.

— Я могу добраться туда довольно быстро, — вызвался Джарт, — и, учитывая перепад времени, вернусь прежде, чем кто-либо заметит.

— И ты как раз знаешь двух людей в Кашфе, с которыми следует поговорить, — сказал я. — Люк и Корэл. Обоих ты встретил в церкви, когда мы с тобой силились убить друг друга; ты еще украл тогда меч отца Люка. Без всяких, я бы сказал, церемоний он постарается убить тебя, едва увидит; а она завопит, зовя на помощь.

Очередь несколько продвинулась.

— Итак, моя помощь не требуется, — сказал Джарт.

— Угу, — ответил я. — Я знаю: ты крутой, но Хенд-рейки — профи. К тому же ты столкнешься с полным несогласием Корэл спастись.

— Ты — колдун, — сказал Джарт. — Если мы определим, кто здесь стражники, нельзя ли наложить на них заклятие, чтобы они думали, будто видят нас, пока мы проворачиваем дельце?

— Подозреваю, что либо мама, либо наш старший брат наложили на стражников защитное заклятие. Как раз, на мой взгляд, идеальное время для политического убийства. Я бы не хотел, чтобы кто-то мучил головы моим людям, если б обеспечивал здесь безопасность.

Мы еще чуть-чуть продвинулись. Наклонившись и вытянув шею, я сумел мельком заметить истощенный демонический образ старого Свейвила, пышно облаченного, со змеем красного золота на груди; там, в огненном гробу, древнее возмездие Оберона шло, наконец, на встречу с ним.

Когда я подошел ближе, мне пришло в голову, что проблему можно решить иначе. Я слишком долго пребывал в области простодушного колдовства. Нужно оставить привычку действовать против магии магией, сложной цепью заклинаний. Стражники защищены от любых заигрываний с их сознанием? Пусть так. Найду способ обойти это.

Снова звучит гонг. Когда затихло эхо, Джарт склонился ко мне:

— Есть кое-что большее, чем я тебе сообщил.

— Что ты имеешь в виду?

— Другая причина, которая привела меня к тебе в пределах Савалла. А именно — я был в ужасе.

— От чего?

— По крайней мере кто-то один из них — Мэндор или Дара — хочет большего, чем просто равновесия, хочет полной победы для Логруса, для Хаоса. А я не только не хочу участвовать в интригах — я не хочу, чтобы это произошло. Теперь, когда у меня есть возможность посещать Тень, я не желаю видеть ее уничтоженной. Я против окончательной победы любой из сторон. Полный контроль Огненного Пути, наверное, окажется так же плох.

— Откуда у тебя такая уверенность, что Мэндор или Дара столь категоричны?

— Они еще раньше пытались с Брэндом, разве не так? Он был отправлен разрушить весь порядок.

— Нет, — возразил я. — Он собирался разрушить старый порядок, дабы заменить его собственным. Брэнд был революционер, а не анархист. Он намеревался сотворить новый Путь внутри порожденного им Хаоса — свой собственный, но все же реальный мир.

— Его одурачили. Он не смог бы справиться с таким делом.

— Нельзя знать наверняка, пока не попробовал.

— Так или иначе я боюсь, что кто-то намеревается идти до конца. Замысленное похищение — это более чем серьезный шаг. Если ты сумеешь прикрыть наше отсутствие, думаю, нам в любом случае следует рискнуть.

— Потерпи, — сказал я. — Я тут кое-что придумал. Я не пытаюсь вызвать у стражников галлюцинации. Вместо этого я совершаю превращение — делаю так, что пара наших соседей по очереди примут наш облик. Тогда ты сразу же переправишь нас с помощью карт. И это не будет галлюцинацией — их будут принимать за нас, а мы сможем отправиться по своим делам — и находиться здесь одновременно.

— Делай. Я готов.

— Отлично, я преобразу двух парней перед нами. Как только закончу, сделаю вот так, — сказал я, опуская левую руку от плеча к поясу, — и мы оба наклоняемся, будто что-то уронили. Затем действуй.

— Договорились.

Спикард справился легко и просто, будто сам был процессором заклинаний. Я задал ему два конечных продукта, и, в мгновение ока пробежав тысячи вариантов, он выдал мне окончательный — пару заклятий, которые, действуй я в классическом стиле, отняли бы кучу времени.

Едва убедившись, что трансформация началась, я взмахнул рукой и наклонился вперед.

Последовало молниеносное головокружение, а когда я выпрямился, мы опять были в апартаментах Джарта. Я засмеялся, и он похлопал меня по плечу.

Мы немедленно вернули себе человеческие обличье и одежды. Как только с этим было покончено, он снова схватил меня за руку и с помощью карты отправил нас к Огненным Вратам. Еще мгновение — и новый прыжок, на сей раз на вершину горы, господствующей над синей долиной под зеленым небом. И снова — на середину высокого моста над глубоким ущельем; небо очищалось от звезд или же покрывалось ими.

— Теперь все в порядке, — сказал Джарт.

Мы стояли на верху серой каменной стены, влажной от росы, а возможно, после шторма. На востоке наливались огнем облака. С юга дул легкий ветерок.

Это была стена, что окружала самый центр Джидраша — столицы Кашфы. Ниже нас располагались четыре гигантские постройки, включая дворец и Храм Единорога напротив, а также несколько зданий поменьше. В стороне от нас находилось крыло дворца, откуда Грилл вытащил меня (как давно это было!) с королевского рандеву. Я даже смог определить сломанный ставень нашего окна, увитого плющом.

— Вон там я последний раз видел ее.

Глазом не успев моргнуть, мы уже стояли посреди комнаты. Все было убрано, кровать застелена. Я вытащил свою колоду и выбрал карту Корэл. Глядя на карту, пока она не похолодела, я ощутил присутствие...

Она была там; и тем не менее ее не было. Возникло смутное чувство встречи во сне или оцепенении. Я провел рукой над картой и прервал наш слабый контакт.

— Видимо, девушку уже схватили, — сказал Джарт. — Есть возможность выследить ее в таком состоянии?

— Возможно, она в соседнем доме, на лечении. Она была больна, когда я оставил ее.

— Тогда что будем делать?

— В любом случае нужно поговорить с Люком, — сказал я.

Контакт установился, едва я достал его карту.

— Мерлин! Где ты, черт возьми?

— Если ты во дворце, то я рядом.

Он поднялся — теперь я сообразил, что с постели, — подобрал зеленую рубашу с длинными рукавами и натянул ее, прикрыв свою коллекцию шрамов. Мне показалось, что рядом с ним в постели мелькнул кто-то еще. Люк что-то пробормотал в том направлении, что именно — я не расслышал.

— Нам надо поговорить, — сказал он, приглаживая рукой свои непослушные волосы. — Проведи меня.

— Конечно. Только сперва предупреждаю: здесь мой брат Джарт.

— Папин меч у него?

— Э-э... Нет.

— Надеюсь, что не убью его прямо немедленно, — сказал Люк, заправляя за пояс рубашу.

Он резко протянул руку, я сжал ее. Он шагнул вперед и присоединился к нам.

Глава 8

Люк улыбнулся мне, но, глянув на Джарта, помрачнел.

— Где ты все-таки пропадал?

— Во Владениях Хаоса, — отозвался я. — Меня вызвали в связи со смертью Свейвила. Как раз сейчас идет погребальная церемония. Мы ускользнули, когда я узнал, что Корэл в опасности.

— Мне это известно... теперь, — сказал Люк. — Она исчезла. Похищена, я полагаю.

— Когда это произошло?

— Прошлой ночью, насколько я могу судить. А ты, похоже, в курсе этих событий?

Я взглянул на Джарта.

— Перепад хода времени, — объяснил он.

— Корэл дает шанс сорвать несколько очков в непрерывной игре между Путем и Логрусом. Поэтому за ней были посланы агенты Хаоса. Впрочем, она им необходима целая и невредимая. С ней все будет в порядке.

— Зачем она им понадобилась?

— Похоже, ее считают подходящей, чтобы стать королевой в Тхельбане, вместе с Судным Камнем как частью ее анатомии и самым ценным, что в ней есть.

— А кто должен стать новым королем?

У меня внезапно загорелось лицо.

— Что ж, люди, стоящие за похищением Корэл, хотели бы, чтобы престол занял я.

— Эге, мои поздравления! — воскликнул Люк. — Теперь я не одинок в подобных забавах.

— Что ты имеешь в виду?

— Грош цена королевскому делу, приятель! Только врагу пожелаешь попасть в круговорот этого высокопоставленного

дерьма. Каждый отрывает у тебя время, и все к тому же постоянно должны знать, где ты находишься.

— Дьявол, да тебя только что короновали! Все еще утрясется.

— Только что? Больше месяца прошло!

— Перепад времен, — повторил Джарт.

— Пойдем. Выпьем по чашечке кофе, — сказал Люк.

— У тебя здесь есть кофе?

— Мне он необходим, старик. Вот сюда.

Люк провел нас за дверь, повернул налево и стал опускаться.

— Пока вы там болтали, — сказал он, — у меня родилась забавная идея насчет твоего царствования и стремления сделать Корэл королевой. С одной стороны, я не прочь чертовски быстро расторгнуть наш брак и имею на то все возможности — коли я тут за главного. С другой стороны, ты хочешь иметь ее своей королевой, а я хочу этот Договор Золотого Круга с Амбером. Мне кажется, я нашел способ сделать всех счастливыми.

— Все гораздо сложнее, Люк. Мне престол не нужен, и будет очень скверно, если мои родственники во Владениях получают Корэл. За последнее время я много чего узнал.

— Например? — поинтересовался Люк, открывая потайную дверь к проходу в заднюю часть двorca.

Я оглянулся на Джарта и сказал:

— Он тоже напуган. Вот почему мы теперь чуть более сердечны.

Джарт кивнул.

— Возможно, Брэнд в какой-то степени стал жертвой заговора, рожденного во Владениях Хаоса, частью идеи, которая жива там и поныне.

— Нам лучше пойти и позавтракать как следует, — заявил Люк. — Давайте завернем на кухню.

Мы направились за ним по садовой дорожке. Потом мы ели и беседовали, а вокруг нас разгорался день. Люк настоял, чтобы я снова испробовал карту Корэл, что я и проделал — по-прежнему с нулевым результатом. Тогда он чertyхнулся, кивнул и сказал:

— Твой расчет на самом деле довольно точен. Парней, что схватили ее, засекли движущимися по Черной Дороге на запад.

— Естественно, — сказал я.

— У меня есть основания полагать, что они не доберутся вместе с ней до Владений.

— Вот как?

— Я так понимаю, что эти черные проходы, которыми вы, ребята, пользуетесь, опасны для посторонних. Могу показать вам, что осталось от одного из них — на самом деле теперь это черная тропинка. Я собираюсь пройти по ней, но не знаю, смогу ли соскочить, когда захочу. И еще вопрос: есть ли способ защитить меня от самой Черной Дороги?

Я встал. Кухарка и две судомойки пялились в нашу сторону.

— Хочу тебя кое с кем познакомить, Люк. Прямо сейчас.

— Почему бы и нет? — сказал он, поднимаясь.

— Давайте пройдемся, — предложил я.

— Пожалуйста.

Мы вышли через дверь для прислуги.

— Итак, желала ли она получить усердного помощника или магическую бомбу замедленного действия, но мама вполне могла подначить отца в его попытках воцариться в Амбере и в конце концов изменить мир, — сказал Люк.

— Что ж, полагаю, и Брэнд не пришел к ней с чистыми руками, — ответил я.

— Верно, но я поражаюсь, насколько тщательно были разработаны его планы, — задумчиво произнес Люк. — Это самая веселенькая вещь, услышанная мною за весь месяц.

Мы вышли на маленькую крытую дорожку, что вилась вдоль дворца. Люк замер, огляделся и спросил:

— Где тот человек?

— Мне просто нужна была отправная точка, без свидетелей, заявляющих, будто я похитил короля.

— Куда мы собрались, Мерлин? — осведомился Джарт, когда я закружил спираль из центра спикарда, задействовав шестнадцать различных источников энергии.

— Хорошая идея. Похититься отсюда, — промолвил Люк, и в тот момент мы все тронулись в путь.

Я действовал так же, как тогда, когда переправлялся из Амбера в Кашфу, создавая цепь скорее из воспоминаний, чем из открывающегося передо мной вида. Только теперь нас было трое, и дорога впереди ожидала долгая-предолгая.

Мы будто ступили в калейдоскоп и прошли порядка ста двадцати степеней кубистского распада и восстановления, пока не очутились на другом конце, под высоким деревом, чья вершина тонула в тумане; по соседству стоял

красно-белый «шевроле» 57-го года; из его радио доносились звуки «Девяти дев» Ренбурна.

Призрак Люка поднялся с переднего сиденья и уставился на оригинал. Сам Люк, в свою очередь, глядел на призрак.

— Привет, — сказал я. — Знакомьтесь. Хотя вряд ли вы нуждаетесь в особом представлении. У вас так много общего.

Джарт уставился на Путь.

— Версия моего папы, — сообщил я.

— Можно догадаться, — проговорил Джарт. — Но что мы здесь делаем?

— Есть одна идея... По правде говоря, я надеялся, что здесь будет Корвин и я смогу обсудить ее с ним.

— Он вернулся и снова ушел, — услышав меня, объяснил здешний Люк.

— Не сказав, как с ним связаться или когда он вернется?

— Нет.

— Проклятье!.. Мне тут в голову пришла мысль, что неплохо бы вам, Люкам, поменяться на время местами — если Путь поддастся уговорам одобрить недолгое расставание.

Истинный Люк, которого я решил по-прежнему называть Люком в присутствии его призрака, мгновенно просиял. Дабы отличить одного от другого, я стал думать о его двойнике как о Ринальдо.

— ...трон — это такой опыт, без которого человеку не обойтись, — говорил Люк.

— Тогда почему ты так стремишься слинять оттуда? — парировал Ринальдо.

— Надо помочь Мерлю разыскать Корэл. Она была похищена.

— Правда? Кем?

— Агентами Хаоса.

— Гм-м. — Ринальдо принялся расхаживать взад-вперед. — Ну хорошо, тебе об этом известно больше, чем мне, — наконец произнес он. — Если Корвин вскоре вернется и Путь мне позволит, я сделаю все, что в моих силах.

— Пока мы ждем, следы остывают, — заметил Люк.

— Ты не понимаешь, — сказал Ринальдо. — У меня здесь работа, и я не могу просто бросить ее, даже если это означает пойти и стать где-нибудь королем. То, что я делаю, — еще важнее.

Люк взглянул на меня.

— Он прав, — кивнул я. — Он — страж Пути. С другой стороны, Корэл никто не собирается причинять вред. Пожалуй, мы с Джартом на несколько минут смотаем во Владения, дабы посмотреть, как идет погребальная церемония. Возможно, пока мы будем там, появится Корвин. Уверен, вам двоим есть о чем поговорить.

— Давай, — сказал мне Люк.

— Ага, — сказал Ринальдо. — Хотелось бы мне знать, что мы такое затеяли.

Я взглянул на Джарта; тот кивнул. Я подошел и остановился рядом с ним.

— Твоя очередь рулить... Скоро вернемся, — бросил я через плечо, когда мы исчезали в первом прыжке.

...И так снова до пределов Савалла, и опять наши ярко-красные одежды поверх демонического обличья. Перед тем как Джарт вернул нас на погребальное действо, я снова изменил нашу внешность, дабы не оказаться рядом с парой собственных двойников.

Тхельбан оказался покинутым. Однако, выглянув наружу, мы увидели процессию, остановившуюся в каком-то замешательстве на четверти пути к Плацу.

— Ох-ох-ох, — бросил Джарт. — Что же мне делать?

— Доставь нас туда, — сказал я.

Секундой позже мы оказались у края толпы.

Сияющий гроб Свейвила был опущен на землю, а вокруг него выставлена стража. Мое внимание сразу привлекли несколько фигур, толкущихся примерно в двадцати футах от гроба. Оттуда доносились крики, кто-то лежал на земле, а две демонические фигуры крепко удерживались несколькими участниками процессии. Внутри у меня все сжалось, когда я увидел, что двое схваченных — та самая пара, которую я сделал похожими на нас с Джартом. Оба бурно выражали свой протест.

Пробивая дорогу в толпе, я снял свое заклятие, возвращая тем двоим их собственное обличье. Как только это произошло, гомон усилился; кто-то выкрикнул: «Я же вам говорил!» Ответом было: «Да, это они!» Внезапно я узнал в отвечавшем Мэндора. Он стоял между схваченной парой и тем, кто лежал на земле.

— Это был трюк для отвлечения внимания! — воскликнул Мэндор. — Отпустите их.

Я решил, что сейчас самый благоприятный момент, чтобы сбросить чары, скрывающие нас с Джартом. Славная паника!

Чуть погодя Мэндор увидел меня и сделал знак приблизиться. Я заметил, что Джарт остановился поблизости поговорить с каким-то своим знакомым.

— Мерлин! — сказал Мэндор, как только я подошел. — Что ты знаешь об этом?

— Ничего, — ответил я. — Мы с Джартом шли позади. А что вообще случилось?

— Кто-то придал двоим стражникам ваше с Джартом обличье. Несомненно, с намерением создать замешательство в момент, когда убийца нанесет удар. Эти двое ринулись вперед, утверждая, что они стражники. Умно... особенно учитывая, что вы с Джартом в списке черного надзора.

— Да, понимаю, — согласился я, гадая, не помог ли я сбежать убийце. — Кому достался удар?

— Тмеру. Очень профессиональный удар кинжалом, — объяснил Мэндор, подергивая левым веком. Слабое подмигивание? Со значением? — Убийца мгновенно скрылся.

Четверо плакальчиков, соорудив из плащей подобие носилок, подняли лежавшее тело. Они сделали несколько шагов, и я увидел за ними другую группу людей.

Заметив озадаченное выражение на моем лице, Мэндор оглянулся.

— Повышенная безопасность, — пояснил он. — Охрана Таббла. Я прикажу ему немедленно убраться отсюда. Тебе и Джарту, тоже. В храм можете прибыть позже.

— Хорошо, — сказал я. — Дара здесь?

Он огляделся.

— Я ее не видел. И сейчас не вижу. Тебе лучше идти.

Я кивнул и, повернувшись, заметил справа полужнакомое лицо. Женщина была высока и темноглаза, ее облик изменялся от многоцветного водоворота драгоценных камней до покачивающихся очертаний, подобных цветку; она пристально глядела на меня. Я постарался припомнить ее и все-таки воскресил имя в памяти.

— Мне нужно уходить, — сказал я, приблизившись к ней, — но прежде позволю поприветствовать тебя, Джилва.

— Ты помнишь? Я сомневалась.

— Конечно.

— Как поживаешь, Мерлин?

Я вздохнул. Она улыбнулась на свой манер в обличье косматого, получеловеческого существа.

— Да, скорей бы все это улеглось.

— Слушай, я бы хотел поговорить — по нескольким причинам. Когда тебе удобно?

— Что ж, в любое время после погребения, полагаю. А в чем дело?

— Сейчас некогда объяснять. Мэндор кидает на меня грозные взгляды. Увидимся позже.

— Хорошо. Позже, Мерлин.

Я поспешил назад к Джарту и ухватил его за локоть.

— Нам приказано удалиться, — сказал я. — По соображениям безопасности.

— Прекрасно. — Он повернулся к человеку, с которым беседовал, и сказал ему: — Спасибо. Увидимся позже.

Окружающий мир ускользнул. И расцвел новый: апартamentы Джарта, наши шмотки разбросаны по комнате.

— Удачный расклад для нас. Неудачный для Тмера, — заметил Джарт.

— Вот уж правда.

— И каково же чувствовать себя номером вторым? — осведомился он, пока мы снова меняли одежды и обличья.

— Это и тебя касается, — сказал я.

— Знаешь, по-моему, смерть его в твою пользу, брат, а не в мою.

— Надеюсь, что нет.

Он засмеялся:

— Теперь выбор между тобой и Табблом.

— Будь так, я уже был бы мертв, — сказал я. — Если ты прав, на самом деле это выбор между Саваллами и Чаникутами.

— Представь себе, Мерлин: вдруг окажется, что я торчал с тобой лишь потому, что сейчас это самое безопасное место? — спросил Джарт. — Я уверен, что наши стражники и убийцы лучше чаникутских. Предположим, я просто жду, приберегая финальную попытку, пока не выведен из строя Таббл? Затем ты, доверяющий мне во всем, поворачиваешься спиной, и — моя коронация!

Я смотрел на брата. Он улыбался, но, казалось, довольно внимательно на меня глядя. Я был готов ответить: «Ты можешь попасть на свою коронацию и без таких хлопот» — пошутить. Но задал себе вопрос: а если действительно выбор будет между нами?.. Мне пришлось в голову, что именно при этом обстоятельстве я, пожалуй, согласился

бы принять трон. Я хотел поделиться с ним своими сомнениями, пойти на компромисс... Но ничего не мог с собой сделать. Трудно ломать привычки всей жизни — несмотря на его примирительные разговоры и попытки содействия. Я не мог заставить себя доверять Джарту больше, чем доверял.

— Расскажи это Логрусу.

Ужас во взгляде — расширившиеся глаза, опущенный взор, чуть подавшиеся вперед плечи... Затем:

— Ты действительно находишь с ним общий язык? — спросил он.

— Кажется, есть понимание, только немного однобокое.

— Что ты имеешь в виду?

— Я не намерен помогать какой-либо стороне погубить наш мир.

— По твоим словам выходит, что ты собираешься надуть Логруса?

Я приложил палец к губам.

— Должно быть, в тебе играет кровь Амбера, — продолжил Джарт. — Я всегда говорил, что они там слегка помешанные.

— Может, и так, — пожал я плечами.

— Так, наверное, поступил бы твой отец.

— Что тебе известно о нем?

— Ты же знаешь, у каждого своя любимая амберская история.

— Здесь мне никто ни одной не рассказывал.

— Разумеется, нет... принимая во внимание...

— ...меня как полукровку?

Он пожал плечами:

— Ну да.

Я натянул сапоги.

— Что бы ты ни делал с тем новым Путем, — продолжил Джарт, — это, вероятно, не слишком осчастливит старый.

— Несомненно, — кивнул я.

— Тогда ты не сможешь обратиться к нему за помощью, если тебя станет преследовать Логрус.

— Полагаю, да.

— А если они оба насядут на тебя, новый Путь не выстоит против обоих.

— Думаешь, они действительно способны объединиться — ради чего бы то ни было?

— Трудно сказать. Ты играешь в безумную игру. Надеюсь, ты знаешь, что делаешь

— Я тоже надеюсь, — сказал я, поднимаясь. — Моя очередь.

Я раскрутил спикард так, как никогда до этого не пытался, и единственным прыжком доставил нас к папиному Пути.

Люк и Ринальдо по-прежнему беседовали. Я мог различить их по одежде. Корвина нигде в поле зрения не было.

При нашем появлении оба замахали руками.

— Как дела во Владениях? — спросил Люк.

— Хаотично, — отозвался Джарт. — А мы долго здесь отсутствовали?

— Часов шесть, я полагаю, — ответил Ринальдо.

— Корвин не объявлялся? — спросил я.

— Нет, — сказал Люк. — Но между делом мы выработали взаимное соглашение... и Ринальдо вступил в контакт со здешним Путем. Путь освободит Ринальдо и поддержит его существование, как только вернется Корвин.

— Что касается этого... — начал Джарт.

— Да? — переспросил Ринальдо.

— Я останусь здесь и прикрою Ринальдо, пока вы ищите леди со стеклянным глазом.

— Почему?

— Потому что вместе у вас лучше получится, а мне здесь безопасней, чем где бы то ни было.

— Надо убедиться, приемлем ли такой вариант, — сказал Ринальдо.

— Давай.

Ринальдо направился к Пути. Я обшаривал глазами туман со всех сторон, надеясь увидеть возвращающегося отца. Джарт изучал автомобиль; из приемника сейчас доносился номер Брюса Дэнлепа из «Лос Анималс».

— Если твой отец вернется и сменил меня, — сказал Джарт, — я возвращусь на погребение и придумаю отговорки по поводу твоего там отсутствия. Если вернешься ты, а меня там не будет, сделаешь то же самое. Договорились?

— Да, — кивнул я; клочья тумана, будто дым, поднимались между нами. — И кто бы из нас ни освободился первым, имея что-либо сообщить...

— Случайно не прихватили мой меч из Владений? — спросил Люк.

— Времени не было, — отозвался Джарт.

— Хотелось бы, чтобы в следующий раз оно нашлось.

— Конечно, конечно, — кивнул Джарт.

Ринальдо отошел от Пути и вернулся к нам.

— Ты принят, — сказал он Джарту. — Пойдем со мной. Я хочу показать тебе родник, а также запас еды и кое-какое оружие.

Люк повернулся и стал наблюдать, как они удаляются.

— Извини, — тихо произнес он, — но я ему все еще не доверяю.

— Не извиняйся. Я тоже. Я знаю его слишком долго. Зато у нас сейчас больше оснований доверять друг другу, чем долгое время до этого.

— Интересно, мудро ли это — позволить ему узнать, где находится здешний Путь, а теперь еще и оставить с ним наедине?

— Я совершенно уверен, что Путь знает, что делает, и может сам о себе позаботиться.

Люк поднял руку, скрестив два пальца.

— Я бы поспорил с таким решением, да вот только мне нужен мой двойник.

Когда вернулись Ринальдо и Джарт, из машины неожиданно загремел баритон диск-жокея:

— Все доказывает: умение выбрать время — превыше всего. Хороший день для путешествия!

И тотчас последовало соло на барабанах; я мог бы поклясться, что как-то уже слышал его в исполнении Рэндома.

— С этого момента ты на вахте, — сообщил Ринальдо Джарту. Затем повернулся к нам: — К вашим услугам.

Я подхватил всю группу спикардом и, закрутив, бросил обратно в Кашфу, доставив в Джидраш ближе к сумеркам, к тому же самому месту на вершине стены, куда мы до этого прибыли с братом.

— Ну, наконец-то, — произнес Ринальдо, окинув взглядом город.

— Да, — отозвался Люк. — Это все твое... на время. — Немного помолчав, добавил: — Может, прыгнем в мои апартаменты, Мерлин?

Я повернулся на запад, где клубились оранжевые облака, и взглянул вверх: там болталось несколько пурпурных.

— Прежде мне бы хотелось использовать остатки дневного света, чтобы осмотреть черный след.

Он кивнул:

— Хорошая мысль. Давай.

Жестом Люк обозначил холмистую местность на юго-западе. Я подхватил нас и спикардировал туда, сотворив глагол, необходимость в котором почувствовал при вышеупомянутом действе. Такова сила Хаоса.

Прибыв на вершину небольшого холма, мы вслед за Люком спустились по дальнему склону.

— Где-то здесь, — сказал он.

Длинные тени лежали повсюду вокруг нас, но есть разница между тусклостью теней и чернотой путеводной нити из Владений Хаоса.

— Это было тут, — наконец показал Люк, когда мы дошли до места меж двумя валунами.

Я прошел вперед, но не ощутил ничего особенного.

— Ты уверен, что это именно то место?

— Да.

Я прошел еще десять шагов, двадцать.

— Если тут что и было, то теперь исчезло, — констатировал я. — Разумеется... Интересно, сколько времени мы отсутствовали?

Люк щелкнул пальцами.

— Время! — догадался он. — Тащи нас обратно в мои апартаменты.

Мы попрощались с теплым деньком; я определил направление и открыл путь сквозь стену мрака. Мы вступили в комнату, которую раньше занимал я с Корэл.

— Тут, надеюсь, недалеко? — спросил я. — Не помню, где расположены твои комнаты.

— Пойдемте, — сказал Люк, увлекая нас за собой налево и по лестнице вниз. — Пора проконсультироваться с местным экспертом. Мерль, сделай что-нибудь с внешностью моего двойника. Когда хорошей вещи слишком много, это может вызвать толки.

Впервые я сделал кого-то похожим на большой парадный портрет Оберона там, дома.

Прежде чем войти, Люк постучал. Из-за дверей знакомый голос произнес его имя.

— Я с друзьями, — сказал Люк.

— Бери их с собой, — последовал ответ.

Он открыл дверь, и мы вошли.

— Вы оба знакомы с Найдой, — объявил Люк. — Найда, это мой двойник. Для ясности зови его Ринальдо, а меня — Люком. Он будет исполнять здесь мои обязанности, пока мы с Мерлем поищем твою сестру

Тут, в ответ на ее изумленный взгляд, я вернул Ринальдо его прежний облик.

Найда была облачена в черные брюки и изумрудную блузку, волосы собраны сзади и стянуты зеленым шарфом. Приветствуя нас, она улыбалась, а посмотрев на меня, кончиком пальца коснулась своих губ, слегка, почти мимоходом. Я сразу же кивнул.

— Надеюсь, ты оправилась после тех злоключений в Амбере, — сказал я. — Не повезло тебе, признаться.

— Конечно, — ответила девушка. — Полностью оправилась, спасибо. Очень любезно с твоей стороны, что ты проявил интерес. Благодарю тебя также за твои недавние уведомления. Я правильно поняла, кто стоит за похищением Люка два дня тому назад?

— Неужели так давно? — удивился я.

— Именно так, сэр.

— Прости, дорогая, — сказал Люк, сжимая ей руку и долгим взглядом погружаясь в ее глаза.

— Теперь понятно, почему угас след, — заметил я.

Ринальдо поцеловал Найде руку, одновременно отвесив глубокий поклон.

— Поразительно, как сильно ты изменилась по сравнению с девочкой, которую я знал, — промолвил он.

— О-о?

— Воспоминания мы делим с Люком так же, как и внешность, — пояснил Ринальдо.

— Могу сказать, что есть в тебе что-то не вполне человеческое, — сказала девушка. — Я вижу тебя человеком, чья кровь — пламя.

— Как же ты можешь увидеть это? — осведомился он.

— У нее свои способы, — ответил Люк. — Хотя я думал, что ее способности ограничиваются лишь духовной связью с сестрой. Очевидно, это все же нечто большее.

Она кивнула.

— Кстати, надеюсь, ты сумеешь помочь нам напасть на след твоей сестры, — продолжил Люк. — Учитывая, что след простыл, да еще действует наркотик или заклинание, препятствующее вызову через карту, мы очень даже нуждаемся в помощи.

— Постараюсь, — ответила Найда, — хотя в данный момент она вне опасности.

— Хорошо. В таком случае я распоряжусь, чтобы всех нас накормили, и объясню этому симпатяге, что сейчас происходит в Кашфе.

— Люк, — сказал я. — Мне, наверное, стоит вернуться сейчас во Владения на заключительную часть траурной церемонии.

— Надолго, Мерлин?

— Не знаю.

— К утру вернешься, надеюсь?

— Я тоже. Но если нет?

— Похоже, мне придется идти на поиски самому.

— Постарайся все же сначала связаться со мной.

— Конечно. Увидимся позже.

Я укутался в свой пространственный плащ, прочь отринув Кашфу. Когда я развернул его, то снова был в комнатах Джарта в пределах Савалла.

Я потянулся, зевнул. Быстро осмотрел комнату, дабы убедиться, что нахожусь в одиночестве. Расстегнул плащ и швырнул его на кровать. Расхаживая по комнате, расстегнул рубаху.

Стоп. Что это? И где?

Я вернулся на несколько шагов. Я никогда особенно не задерживался в комнатах моего младшего брата, но обязательно бы припомнил то, что вдруг почувствовал.

Там были стул и стол — в углу, образованном стеною и шкафчиком темного, почти черного дерева. Встав коленями на стул и облокотившись на стол, я вновь почувствовал это — присутствие Пути, хотя и недостаточно сильное для перемещения. Следовательно...

Я сдвинулся вправо, открыл шкафчик. Конечно, Путь был там, внутри. Любопытно, давно ли его устроил Джарт. Еще я ощущал легкое веселье от подобного обшаривания его покоев. Что ж, я задолжал ему массу невзгод и беспокойств. Несколько общих секретов и небольшая совместная кампания вряд ли растопят такой айсберг недоверия. Возможно, он просто подставляет меня по какой-то своей причине... Пожалуй, осторожности ради стоит пожертвовать хорошими манерами.

Я стал отодвигать одежды, висевшие в шкафу. Ощущение Пути усилилось. Последний костюм в сторону, быстро пробраться вглубь... Я в фокусе!

Так пусть же Путь унесет меня.

Сразу последовал толчок вперед, сзади меня подпихнули одежды. Это, да еще тот факт, что кто-то (сам Джарт?) весьма неряшливо выполнил работу Мастера Теней, сместив уровни пола, заставило меня шмякнуться носом при достижении цели.

Но в конце концов я попал не в яму, полную заостренных кольев или кислоты, и не в берлогу какой-нибудь подыхающей с голоду бестии. Нет, это был зеленый кафельный пол. И по окружавшему меня мерцающему свету я догадался, что вокруг обилие горящих свечей. Наверняка все они зеленые...

Примерно так и оказалось. Обстановка была подобна той, что я видел в часовне, посвященной моему отцу. Те же крестообразные своды, источающие свет, которого не могут давать свечи. Только место картины над алтарем занимал оконный витраж, где преобладали зеленые оттенки да немного красного.

Изображен там был Брэнд.

Я встал и подошел к алтарю, где лежал на несколько дюймов вытянутый из ножен Вервиндль. Я протянул руку и схватил его; моим первым порывом было забрать его с собой, дабы на полном основании вернуть Люку. Потом я заколебался. Едва ли стоит являться на погребение с мечом. Если я заберу меч, мне придется где-то спрятать его, а именно здесь он был сокрыт наилучшим образом.

Раздумывая, я держал руку на оружии, и ко мне пришло ощущение силы, подобное тому, что давал Грейсвандир, однако более светлое, не такое трагедийное и подавляющее. Ироничное. Меч казался идеальным клинком для героя.

Я кинул взгляд по сторонам. Слева от меня на пюпитре лежала книга, позади на полу сияла различными оттенками зеленого пентаграмма, воздух был наполнен ароматом недавно сгоревших дров. Меня охватили праздные мысли: что бы я обнаружил, пробив дыру в стене? Располагалась ли часовня на вершине горы? На дне озера? Под землей? Парила где-нибудь в небесах?..

Что она олицетворяет? Она казалась местом поклонения. Бенедикт, Корвин и теперь Брэнд — те трое, о которых мне известно. Были ли они предметом благоговения, уважения, почитания неких моих родичей и земляков? Или эти сокрытые часовни являли собой нечто куда более зловещее?

Я убрал руку с Вервиндля и отступил к пентаграмме. Логрусское зрение не обнаружило ничего неблагоприятного, но интенсивное облучение спикардом показало остатки давно снятых магических заклятий. Впрочем, следы были слишком слабы, чтобы раскрыть мне свою природу.

Возможно, стоило бы попробовать глубже проникнуть в суть происходившего здесь, но я сообразил, что на подобную операцию просто нет времени.

И с сожалением отступил к Пути. Можно ли использовать эти капиха для попыток повлиять на вовлеченных? Слишком сложно, оставим на другой раз.

Я определил Путь и отдался ему.

И опять споткнулся. Одной рукой держась за стену шкафа, я отодвинул другой наряды и вышел наружу. Затем водворил одежду на место и прикрыл дверцы. Быстро разделся, на ходу меняя внешность, и вновь натянул свой траурный наряд.

Вокруг спикарда я ощутил какую-то активность и впервые заметил, как он тянется к одному из многих источников силы, при этом приспособливая свою форму к изменившемуся размеру моего пальца. Очевидно, спикард продельвал такое неоднократно, просто я не обращал внимания. Интересно: он проявлял способность действовать вне зависимости от моей воли.

По сути, я и не знал, что представляет из себя эта штука и каково ее происхождение. Я носил ее потому, что она была источником энергии, вполне заменяющим Логрус, которого я теперь побаивался. Но обнаружив, как кольцо меняет форму, дабы устроиться на моем изменившемся пальце, я задумался. Что, если это какая-то ловушка, которая захлопнется в самый неподходящий момент?

Пару раз я прокрутил кольцо на пальце. Разумом пытаясь проникнуть в его сущность, я сознавал всю тщетность подобных занятий. Потребовались бы века, чтобы, по пути сжигая запретные заклинания, исследовать каждую силовую линию до ее источника. Это походило на путешествие вовнутрь швейцарских часов, изготовленных на заказ. И то и другое впечатляло красотой исполнения и гигантской работой, вложенной в их создание. Спикард мог обладать скрытыми императивами, обнаруживающимися только при определенном стечении обстоятельств. Хотя до сих пор... До сих пор он не совершил ничего неуместного. Альтернативой же был Логрус. Да уж, похоже, передо мной идеальный пример выбора из двух зол.

С недовольным ворчанием я привел в порядок свою одежду, сосредоточил внимание на Храме Змея и велел спикарду доставить меня поближе ко входу. Он все исполнил с такой покорностью и мягкостью, как будто я никогда

не сомневался в нем, будто не обнаружил еще одной причины для паранойи.

Какое-то время я просто стоял на Плаце-на-Краю Света, у дверей застывшего пламени великого Собора Змея, что высится над самой Преисподней — там, где в ясный день можно увидеть сотворение вселенной или ее конец, — и глядел на звезды, кишашие в пространстве; а то сворачивалось и разворачивалось, будто лепестки цветов. А поскольку моя жизнь была близка к перелому, мыслями я возвращался в Калифорнию и в школу, к плаванию на «Солнечной вспышке» с Люком, Гейл и Джулией, к тому, как сидел с отцом на привале перед окончанием войны, к поездке верхом с Винтой Бейли через виноградники на восток от Амбера, а еще к долгому свежему дню, когда я показывал город Корэл, и к странным встречам того дня.

И я повернулся и поднял чешуйчатую руку, посмотрел из-под нее на шпиль Тхельбана. «Не прекратятся раздоры на западе и на востоке, и в закоулках души моей», — подумал я. Сколько же, сколько еще?.. А насмешка как всегда останется фаворитом — тем более если ставку пожелает сделать сентиментальность.

Вновь повернувшись, я шагнул внутрь, дабы узреть последнего короля Хаоса.

Глава 9

Вниз, вниз, в погребальный костер, в необъятную груду лавы, к окну, выходящему на пределы времени и пространства, где в конце концов ничего не увидеть, — туда я шел между стенами, вечно пребывающими в огне и никогда не сгорающими, следовал в одном из моих тел на голос, читающий из «Книги Змея, Висящего на Древе Сути», и наконец вошел в грот, что зиял в черноте. Расходящиеся полукольца плакальчиков в алых одеяниях окружали чтеца и величественный катафалк, у которого он стоял; внутри гроба явственно был виден Свейвил, полускрытый красными цветами, что бросали плакальщики, и тонкие красные свечи светились на фоне Преисподней. Потом я шел задом этого зала, внимая Бэнсезу, верховному жрецу Змея; его слова раздавались будто совсем рядом, ибо акустика Хаоса хороша. Я искал себе место в более или менее пустой арке, где любой, оглянувшись, обязательно бы заметил меня, и вдруг увидел Дару, Таббла и Мэндора. Те сидели на передних местах, из чего выходило, что, когда придет время, они будут помогать Бэнсезу сталкивать гроб через край в вечность. Внезапно расстроенный, я вспомнил другое погребение, на котором мне довелось присутствовать: похороны Кейна, там, в Амбере, у моря...

Я покрутил головой. Джарта нигде видно не было; Джилва Хендрейк сидела двумя рядами ниже меня. Я перевел взгляд к непроницаемой черноте по ту сторону Края... Все равно что смотреть вниз, а не в сторону — если эти понятия имеют здесь какое-нибудь значение. Временами различались мелькающие вспышки или перекатывающиеся

массы — словно тесты Роршаха, — и я впал в полудрему, наблюдая калейдоскоп темных бабочек, облаков, сдвоенных лиц...

Слегка вздрогнув, я выпрямился, недоумевая, что нарушило мои грезы. То была наступившая тишина. Бэнсез прекратил чтение. Я уже собирался нагнуться вперед и прошептать что-нибудь Джилве, когда жрец начал Отпущение. Я был поражен, обнаружив, что помню все надлежащие отклики. Пение окрепло,росло, я увидел, что и Мэндор, и Дара, и Таббл поднимаются со своих мест. Они двинулись вперед, присоединяясь к Бэнсеzu у гроба — Дара и Мэндор в ногах, Таббл и Бэнсез у изголовья. Прислужники отошли в сторону и принялись задувать свечи, пока не осталась мерцать лишь одна большая свеча у самого Края, позади Бэнсеza. В этот момент мы все встали.

Жуткого вечного света пламенных мозаик, покрывавших стены, было достаточно, чтобы я мог уловить движение внизу, когда прекратилось пение. Четыре фигуры чуть склонились — вероятно, для того, чтобы взяться за ручки гроба. Затем выпрямились и двинулись в сторону Края. Вперед вышел прислужник и, в тот момент когда почетная процессия миновала свечу, встал рядом, готовый задуть последний огонь, когда останки Свейвила канут в Хаос.

Поддюжины шагов осталось... Три, два...

У кромки Бэнсез и Таббл преклонили колени, установив гроб в желобе на каменном полу; все время, пока жрец нараспев читал финальную часть ритуала, Дара и Мэндор продолжали стоять.

Молитва закончилась, и тут я услышал проклятие. Мэндор, казалось, рванулся вперед. Дару качнуло в сторону. Раздался гулкий звук — гроб ударился об пол. Рука прислужника уже начала движение, и в этот момент свеча потухла. Донесся скрежет скользящего гроба, снова проклятия, затененная фигура отпрянула от Края...

Затем последовал вой. Громоздкий контур упал и исчез. Вой убывал, убывал, убывал...

Я поднял левый кулак, заставив спикард создать сферу белого света, будто выдул мыльный пузырь из соломинки. Когда он вырос до трех футов в диаметре, я отпустил его в полет над головами. Пространство вокруг меня наполнилось бормотанием — прочая колдовская тусовка дружно упражнялась в своих излюбленных световых заклинаниях; храм теперь сиял дюжинами огней.

Скосив глаза, я увидел Бэнсеа, Мэндора и Дару, разговаривающих близ Края. А Таббла и останков Свейвила с нами больше не было.

Мои братья-плакальщики зашевелились. Я тоже, сообразив, что время моего пребывания здесь следует резко сократить.

Я перешагнул через пустой ряд, двинулся направо и тронул Джилву за относительно человеческое плечо.

— Мерлин! — воскликнула она, сразу повернувшись. — Таббл... опрокинулся, так?

— Похоже на то.

— И что же теперь будет?

— Лично я собираюсь сваливать, — сказал я. — Причем срочно!

— Почему?

— С минуты на минуту кто-нибудь начнет задумываться о преемственности, и меня задушат охраной. Мне бы этого не хотелось, особенно сейчас.

— Почему? — снова спросила она.

— Нет времени вдаваться в подробности. Но мне нужно с тобой поговорить. Можно я тебя умыкну?

— Разумеется... сэр, — промолвила она, несомненно как раз вспомнив о преемственности.

— Брось ты это, — сказал я.

Спикард закрутил энергии, что подхватили нас и унесли прочь. Мы оказались в лесу металлических деревьев. Джилва озиралась, все еще держась за мою руку.

— Господин, что это за место? — спросила она.

— Я лучше не буду объяснять — по той причине, что сейчас это и так станет понятным. Когда я последний раз с тобой разговаривал, у меня был только один вопрос. Но сейчас их уже два, и в одном из них, в некотором смысле, играет роль это место, а кроме того, большую часть времени здесь никого нет.

— Спрашивай, — сказала Джилва, поворачиваясь ко мне лицом. — Я постараюсь помочь. Хотя, если это важно, я, возможно, не самая подходящая...

— Да, это важно. Но у меня нет времени устраивать встречу с Белиссой. Дело касается моего отца, Корвина.

— Да?

— Именно он убил Бореля Хендрейка в войне Падения Пути.

— Понятно, — проговорила она.

— После войны он присоединился к королевской миссии, что прибыла сюда для заключения Договора.

— Мне это известно, — кивнула Джилва.

— Вскоре после того он исчез, и, казалось, никто не знает, куда он делся. Какое-то время я полагал, что отец мертв. Позже, однако, я обнаружил свидетельства того, что он жив, но где-то заточен. Ничего не можешь мне поведать?

Неожиданно Джилва отвернулась.

— Это оскорбительно, — заявила она. — Намек за твоими словами...

— Прости, но я должен был спросить.

— Мы — благородный Дом. Мы допускаем превратности войны. Однако когда битва закончена, все обиды остаются позади.

— Я прошу прощения, — повторил я. — Знаешь, мы даже в родстве со стороны моей матери.

— Знаю, — сказала она, отворачиваясь. — На этом все, принц Мерлин?

— Да, — ответил я. — Куда мне тебя доставить?

Джилва помолчала секунду, потом промолвила:

— Ты говорил, у тебя два вопроса.

— Забудь. Насчет второго я передумал.

Она вновь повернулась ко мне:

— Почему? Почему я должна забыть? Из-за того, что я защищаю честь семьи?

— Нет. Просто я тебе верю.

— Ну и?

— Это может повредить еще кое-кому.

— Ты полагаешь, что это опасно, и потому решил не спрашивать меня?

— Многое из происходящего непонятно, а потому может оказаться опасным.

— Ты опять хочешь обидеть меня?

— Боже упаси!

— Задавай свой вопрос.

— Придется кое-что показать тебе.

— Давай.

— Даже если придется карабкаться на дерево?

— Какая разница?

— Следуй за мной.

И тогда я повел ее к дереву и взобрался на него, что в моем нынешнем обличье оказалось делом чрезвычайно простым. Она следовала прямо за мной.

— Выше есть путь, — сказал я. — Я уже готов следовать им. Дай мне несколько секунд, чтобы на том конце освободить место.

Я подался еще чуть выше и был таков. Шагнув в сторону, я быстро осмотрел часовню. Похоже, никаких изменений...

Затем рядом возникла Джилва, и я услышал резкий вдох.

— Вот те на!

— Я знаю, на что смотрю, — сказал я, — но не знаю, что вижу, если ты меня понимаешь.

— Это храм, — промолвила она, — посвященный духу одного из членов королевского Дома Амбера.

— Да, речь идет о моем отце Корвине. Это то, на что я смотрю. Но что я вижу? Почему, в конце концов, подобная вещь оказывается здесь, во Владениях?

Джилва медленно пошла вперед, глядя на алтарь.

— Вдобавок могу сообщить, что это не единственный подобный храм, который я видел по возвращении.

Она протянула руку и тронула рукоять Грейсвандира. Заглянув под алтарь, обнаружила запас свечей. Выбрав серебряную и укрепив ее в гнезде одного из подсвечников, Джилва зажгла свечу от другой и поставила у Грейсвандира. При этом она что-то бормотала, но я не различал слов.

Когда она вновь повернулась ко мне, на лице ее сияла улыбка.

— Мы оба выросли здесь, — сказал я. — Как же получилось, что ты, похоже, во всем разбираешься, тогда как я ничего не понимаю?

— Ответ весьма прост, господин, — проговорила Джилва. — Ты уехал сразу после войны искать образования в других землях. А святилище — знак того, что возникло в твое отсутствие.

Она взяла меня за руку и подвела к скамье.

— Никто не ожидал, что мы проиграем ту войну. Нас слишком долго убеждали, что Амбер — совсем не грозный противник.

Мы уселись.

— В конце концов поднялась большая смута, — продолжала Джилва, — вызванная той политикой, что привела к поражению и последующему Договору. Хотя ни один Дом и ни одна группировка не могли надеяться на свержение

правлящей коалиции — тебе ведь известен консерватизм Лордов Края. Потребовалось бы много, очень много усилий, чтобы объединить большинство против короны. Но недовольство приняло другие формы. Народ был зачарован нашими покорителями. Закипела торговля военными сувенирами, на ура расходились биографии членов правящей семьи Амбера... В конце концов все это преклонение приняло форму культа. Стали возникать подобные домовые часовни, посвященные тем правителям Амбера, чьи добродетели приглянулись хозяину.

Джилва помолчала, изучая мое лицо.

— Это слишком сильно отдавало религией, — затем продолжила она, — а с незапамятных времен единственной религией во Владениях был Путь Змея. И Свейвил, руководствуясь очевидными политическими целями, объявил культ Амбера вне закона как еретический. Это оказалось ошибкой. Не делай он ничего, мода быстро прошла бы сама собой. Хотя, конечно, сказать наверняка трудно... Так или иначе, объявленный вне закона, культ ушел в подполье, и люди стали относиться к нему еще серьезнее — как к символу недовольства. Понятия не имею, сколько культовых часовен спрятано в Домах, но совершенно ясно, что перед нами — одна из них.

— Чудесный социологический феномен, — произнес я. — А твой кумир — Бенедикт.

Джилва рассмеялась:

— Нетрудно было догадаться.

— На самом деле часовню описал мне мой брат Мэндор. Он утверждал, что забрел туда на вечеринке в Хендрейке, не зная, что это такое.

Она усмехнулась:

— Он, должно быть, проверял тебя. Занятия эти долгое время были общеизвестны. И я случайно знаю, что он и сам приверженец культа.

— Правда? Откуда же ты знаешь?

— В былые дни Мэндор не делал из этого тайны — вплоть до всеобщего запрета.

— А кто мог быть его личным кумиром? — осведомился я.

— Принцесса Фиона.

Все любопытней и любопытней...

— И ты действительно видела часовню, ей посвященную?

— Да. До запрета принято было приглашать на службы друзей — всякий раз, когда ощутишь раздражение от королевской политики.

— А после запрета?

— Все публично заявили, что их святыни разрушены. Но многие, думаю, просто упрятали их в укромные уголки.

— А как насчет друзей на обрядах?

— Полагаю, это зависит от того, насколько близок друг, о котором ты говоришь. Понятия не имею, как сейчас поклоняются культу Амбера. — Она махнула в сторону алтаря. — Хотя места, подобные этому, незаконны. Хорошо, что я не знаю, где мы находимся.

— А как насчет связи между объектом поклонения и реальной фигурой? Я бы сказал, что Мэндор действительно безразличен к Фионе. Он встречал ее — а я при этом присутствовал. Мне известен кое-кто еще, укравший вещь своего... покровителя?... и хранящий ее в святилище. И вот это, — я встал, прошел к алтарю и поднял меч Корвина, — подлинный меч отца. Я видел Грейсвандир вблизи, трогал его, держал в руках... Это он. Так вот я и думаю: мой отец пропал, и последний раз, когда я видел его, при нем был этот клинок. Допускают ли догматы культа возможность держать своего кумира в заточении?

— Я ни о чем подобном не слышала, — ответила Джилва. — Но почему бы и нет? Предметом почитания является дух личности. Почему бы не содержать в заточении саму личность?

— Или умертвить?

— Или умертвить, — согласилась она.

— Тогда это все очаровательно, конечно, — сказал я, отворачиваясь от алтаря, — но никак не поможет отыскать мне отца.

Я пошел к Джилве, наступив на то, что должно было изображать Амбер — стилизация, как на узоре кавказского ковра, в сочетаниях темных и светлых плиток; рисунок, символизирующий Хаос, лежал далеко справа.

— Тебе следует расспросить особу, благодаря которой клинок твоего отца и оказался здесь, — сказала она, поднимаясь.

— Я уже спрашивал того, кого считаю ответственным. И ответ меня не удовлетворил.

Я взял Джилву за руку, чтобы отвести к пути на дерево. И вдруг она подошла совсем близко.

— Буду рада служить нашему новому королю всеми возможными способами. Хотя я не уполномочена говорить от имени всего нашего Дома, уверена, что Хендрейки согласятся помочь тебе надавить на виновника.

— Спасибо, — проговорил я, пока мы обнимались. Ее чешуя была холодной. Клыки ее раскромсали бы мое человеческое ухо, но лишь покусывали его демонический аналог. — Мы еще поговорим, если мне понадобится помощь.

— Обращайся в любое время.

Приятно наслаждаться объятиями — чем мы и занимались, пока я не увидел тень, пробежавшую поблизости.

— Мас-стер Мерлин.

— Глайт!

— Да. С-смотрю, ты опять з-здесь-сь. Человеком ли, демоном, большим, маленьким — я уз-знаю тебя.

— Мерлин, что это? — спросила Джилва.

— Старый друг, — сообщил я ей. — Глайт, познакомься с Джилвой. И наоборот.

— С-с удовольс-ствием. Я прии-шла предупредить: с-сюда идут.

— Кто?

— Принцес-са Дара.

— Этого еще не хватало! — воскликнула Джилва.

— Теперь ты догадываешься, где мы, — сказал я ей. — Не проболтайся.

— Мне дорога моя голова, господин. Что нам теперь делать?

— Глайт, ко мне, — сказал я, вставая на колени и протягивая руку.

Змея заструилась вверх по руке и устроилась поудобнее. Я встал и другой рукой обхватил Джилву. И послал команду в спикард.

А потом заколебался. Я понятия не имел, где мы находились — реально, физически, в географических терминах. Путь может доставить тебя к соседней двери или куда-то за тысячи миль от исходной точки; а может, и в Царство Теней. Требуется время, чтобы спикард определил наше местоположение и затем вернул нас обратно, если уж мы собираемся отказаться от этого пути. А вот времени как раз и не было.

Я мог велеть спикарду сделать нас невидимыми, но боялся, что колдовского чутья моей матери хватит, чтобы обнаружить наше присутствие даже за пределами види-

мого. Поэтому повернулся к ближайшей стене и силой спикарда простерся за нее всеми своими чувствами. Мы не были ни под водой, ни в бездне лавы или зыбучих песков. Кажется, мы находились в лесу. Тогда я подошел к стене и провел нас сквозь нее.

Сделав несколько шагов по тенистой просеке, я оглянулся и обнаружил склон холма, поросшего травой. Мы стояли под голубым небом, оранжевое солнце находилось недалеко от зенита. Вокруг слышалось пение птиц и жужжание насекомых.

— Кос-стный моз-зг! — в восторге пришипела Глайт, размоталась с моей руки и скрылась в траве.

— Не пропадай надолго! — сказал я ей вслед, стараясь говорить тише, и повел Джилву прочь от холма.

— Мерлин, — промолвила она, — я напугана тем, что узнала.

— Я никому не расскажу. И, надеюсь, ты не расскажешь. Если хочешь, я могу даже удалить эти воспоминания, прежде чем отправлю тебя обратно на церемонию.

— Нет, позволь мне оставить их. Даже жаль, что их, по сути, так немного.

— Я определю наше местонахождение и отправлю тебя назад еще до того, как обнаружат твое отсутствие.

— Позволь остаться с тобой, пока твоя подруга охотится.

Я почти ожидал продолжения: «...вдруг нам никогда больше не суждено встретиться», что было бы вполне уместно, учитывая скоропостижный серфинг Тмера и Таббла по спирали смерти. Но нет, Джилва оказалась тактичной и хорошо воспитанной амазонкой — с более чем тридцатью зарубками на рукояти своего палаша, как я узнал позже — и смогла удержаться от безвкусных банальностей в присутствии возможного будущего сеньора.

Когда через какое-то время Глайт вернулась, я произнес:

— Спасибо, Джилва. Теперь я верну тебя на погребение. Если кто-то видел нас вместе и захочет узнать, куда я делся, скажи, что, по моим словам, я собирался удариться в бег.

— Если тебе нужно место, чтобы спрятаться...

— Спасибо, я знаю, что могу на тебя рассчитывать, — сказал я и отправил ее обратно в храм на краю всего сущего.

— Отличный грыз-зун! — прошипела Глайт.

Я приступил к возвращению в человеческое обличье (в нем мне всегда было уютнее, чем в личине демона).

— Пора тебе назад в сад скульптур Савалла.

— Почему туда, мас-стер Мерлин?

— Может, заметишь чувствующий круг света. И если да, обратиться к нему: «Призрачное Колесо» — и вели отправляться ко мне.

— Где ему ис-скать тебя?

— Понятия не имею. Но он сметливый, сам сообразит.

— Тогда отс-сылай меня. И ес-сли тебя не съес-ст кто-то побольше, приходи как-нибудь вечером рас-сказать о своих похож-ждениях.

— Договорились.

Секундная работа — подвесить змею обратно на ее дерево. Трудно понять, когда она шутит — юмор рептилий более чем странен.

Я затребовал свежие одеяния и облачился в серое и пурпурное. Затем вызвал клинки, длинный и короткий.

Любопытно было, чем моя мать занимается в своей тайной часовне, но я решил отказаться от попыток шпионить за ней. Я поднял спикард, с минуту разглядывал его, затем вновь опустил. Если воспользоваться им, чтобы перенестись в Кашфу, это может привести к непредвиденным результатам, ведь я не знаю, сколько времени прошло и действительно ли Люк по-прежнему там. Я вытащил из траурных одеяний колоду и снял футляр.

Вот и карта Люка... Довольно скоро она начала холодеть, и я ощутил его присутствие.

— Да? Это ты, Мерлин?

Его изображение поплыло и изменилось: он ехал верхом по полузагубленной местности.

— Ага, — ответил я. — Выходит, ты уже не в Кашфе.

— Точно. А ты где?

— Где-то в Тени. Как у тебя дела?

— Будь я проклят, если точно знаю, — отозвался Люк. — Мы следуем черной тропой уже несколько дней, и я тоже могу сказать только одно: где-то в Тени.

— Значит, тропу все-таки нашли?

— Это Найда. Я сам ничего не видел, но она повела меня точно. В конце концов след открылся и мне. Дьявольский нюх у этой девчонки!

— Сейчас она с тобой?

— Конечно. Она говорит, что мы действительно скоро их догоним.

— Тогда лучше перетащи меня к себе.

— Давай.

Люк протянул руку. Я подался вперед, ухватил ее, сделал шаг, отпустил его руку и пошел рядом с ним впереди навьюченной лошади.

— Привет, Найда! — крикнул я; девушка ехала верхом по другую сторону от Люка. Впереди, справа от нее на черном коне возвышалась какая-то зловещая фигура.

Найда улыбнулась:

— Мерлин!.. Привет.

— Как насчет «Мерль»? — предложил я.

— Если желаешь.

Фигура на темном коне повернулась и уставилась на меня.

Я сдержал смертельный удар, что рефлекторно пронесся через спикард — пронесся настолько быстро, что это меня испугало. Воздух между нами задымился и наполнился пронзительным визгом, будто от машины, отчаянно тормозящей, чтобы избежать столкновения.

Вот сукин сын!.. Крупный, светловолосый, в желтой рубахе, черных штанах и черных сапогах, весь увешанный холодным оружием. Медальон со Львом, терзающим Единорога, прыгал на его широкой груди. Всякий раз, когда я видел этого типа или слышал о нем, он был замешан в чем-то отвратительном, причем недалеко от Люка, и мог убить того при случае. Мой дядя Далт — внебрачный сын Оберона, прежнего властителя Амбера, этаким Робин Гуд из Эрегнора и заклятый враг Янтарного Королевства. За его голову наверняка назначена награда по всему Золотому Кругу. С другой стороны, они с Люком давние приятели, и Люк клялся, что он не настолько ужасен.

Казалось, если он двинется излишне стремительно, напрягшиеся мускулы порвут его желтую рубаху.

— ...ты помнишь моего военного советника Далта, — говорил Люк.

— Помню, — подтвердил я.

Далт посмотрел на черные полосы, что блекли, будто дым, в воздухе между нами, и даже улыбнулся — самую малость.

— Мерлин, — произнес он, — сын Амбера, принц Хаоса, человек, рывший мне могилу.

— Что? — спросил Люк.

— Маленький разговорный гамбит, — объяснил я. — У тебя хорошая память, Далт... на лица.

Он ухмыльнулся.

— Такие пустяки, как разверзшаяся перед тобой могила, забываются с трудом. Но я не собираюсь ссориться с тобой, Мерлин.

— Я тоже — в данный момент.

Тогда он хрюкнул, а я хрюкнул в ответ и решил, что мы вполне уже представлены друг другу.

Я снова повернулся к Люку:

— Сама тропа доставляет вам беспокойства?

— Нет, — ответил он. — Ничего похожего на все те истории, что я слышал о Черной Дороге. Временами она выглядит слегка унылой, но никакой реальной угрозы. — Люк посмотрел вниз и усмехнулся. — Конечно, она всего несколько ярдов шириной — в самом широком месте.

— Тем не менее, — пробормотал я, напрягая чувства и изучая эманации тропы логрусским зрением, — могли быть и неприятности.

— Наверное, нам везло, — сказал Люк.

Тут Найда засмеялась, и я почувствовал себя дураком. Во владениях Порядка присутствие ти'иги нейтрализовывало ужасные эффекты пути Хаоса так же, как и мое собственное.

— Полагаю, определенная удача вам сопутствовала, — сказал я.

— Тебе нужен конь, Мерль, — заметил Люк.

— Ты прав, — согласился я.

Я опасался использовать силу Логруса и привлекать к себе внимание. По счастью, уже стало ясно, что спикард можно использовать аналогичным образом. Я вошел в него своей волей, потянулся, вступил в контакт, вызвал...

— Через минуту будет здесь. Ты вроде сказал, что мы нагоняем похитителей?

— Так мне сообщила Найда, — ответил Люк. — У нее поразительный контакт с сестрой — не говоря уже о высокой чувствительности к самому этому пути. И еще она знает массу всего о демонах, — добавил он чуть погодя.

— А мы встретимся с ними? — спросил я у Найды.

— Корэл похитили воины Владений в демонических обличьях. Похоже, они направляются в башню, там, впереди.

— Как далеко впереди?

— Трудно сказать, поскольку мы пересекаем Царство Теней, — ответила она.

След, отмеченный почерневшими травами и такими же ветвями деревьев и кустарников, свисавшими над ним, вел теперь через холмистую местность; сходя со следа и вновь ступая на него, я обнаружил, что с каждым разом он кажется ярче и теплее. Теперь след, практически незаметный вблизи Кашфы, четко выделялся на окружающем фоне — знак того, насколько мы углубились во владения Логруса.

После одного из очередных изгибов следа где-то в стороне, справа, раздалось тихое ржание.

— Извините, — сказал я. — Время доставки.

Я покинул след и вступил в рошу деревьев с овальными листьями. Спереди доносились фыркание и топот, и по тенистым дорожкам я отправился на звук.

— Подожди! — позвал Люк. — Нам не следует разделяться.

Но лес оказался настолько густым, что было непросто проехать здесь верхом, а потому я лишь завопил:

— Не беспокойтесь! — и нырнул в чащу.

...И, разумеется, он был там.

Полностью оседланный и взнузданный, вожжи запутаны в густой листве... Он ругался по-лошадиному, мотая головой из стороны в сторону и стуча оземь копытами. Я замер, разглядывая его.

Может сложиться впечатление, что я скорее предпочел бы натянуть пару «адидасов» и трусцой побежать сквозь Тень, нежели нестись верхом на скотине, полусвихнувшейся от выпавших на ее долю перемен. Или, допустим, ехать на велосипеде. Или скакать на палочке.

Нельзя сказать, что впечатление неверное, хотя человек я обученный и даже, вероятно, совсем недурной наездник. Просто особой нежности к этим животным я никогда не питал.

С другой стороны, я никогда не имел дела с такими изумительными жеребцами, как Джулианов Моргенштерн, папин Стар или Бенедиктов Глемденнинг, которые в смысле продолжительности жизни, силы и выносливости относились к обычным смертным коням, как жители Амбера — к жителям большинства Теней.

Я огляделся, но поверженного всадника не обнаружил...

— Мерлин! — донесся оклик Люка, но мое внимание было сосредоточено на объекте поближе. Не желая усиливать беспокойство лошади, я приближался медленно. — С тобой все в порядке?

Я просто распорядился насчет коня — чтобы не отстать от своих компаньонов. Сгодились бы любая старая кляча, жрущая сено. А вместо этого получил прекрасного скакуна с черными и оранжевыми полосами, будто у тигра, мастью наминавшего черно-красного Глемденнинга. Я понятия не имел, откуда взялся жеребец Бенедикта — и хорошо, пусть его происхождение останется тайной.

— Мерль! Что-то не так?

Мне не хотелось орать и пугать бедное животное. Я осторожно положил руку ему на шею.

— Все в порядке... Ты мне нравишься. Я тебя отвяжу, и мы будем друзьями, договорились?

Какое-то время я распутывал поводья, другой рукой массируя коню шею. Когда я освободил его, он не отпрянул, но, казалось, продолжал изучать меня.

— Пойдем, — сказал я, подбирая поводья, — вон туда.

Беседуя, я тем же путем повел жеребца обратно. И пока мы выбирались, я вдруг сообразил, что он и вправду мне по душе.

Тут навстречу выскочил Люк с кинжалом.

— Боже правый! — воскликнул он. — Не удивительно, что ты так задержался. Ты его раскрашивал!

— А, нравится?

— Если когда-нибудь захочешь от него избавиться, я дам тебе хорошую цену.

— Не думаю, что по своей воле с ним расстанусь.

— Как его зовут?

— Тигр, — ответил я, не задумываясь.

Мы направились к следу, и даже Далт уставился на моего скакуна с чем-то подобным восхищению. Найда протянула руку и погладила черно-оранжевую гриву.

— Теперь есть шанс прибыть вовремя, — сказала она. — Если мы поторопимся.

Я влез в седло и направил Тигра по черному следу. Я ожидал каких-нибудь взбрыкиваний, так как помнил отцовские рассказы об устрашающем воздействии тропы на животных. Но, похоже, ничто моего коня не беспокоило, и я перевел дух.

— Вовремя для чего? — спросил я, как только мы выстроились в боевом порядке: Люк во главе, Далт справа за

ним, Найда слева от тропы и я, чуть позади, справа от нее.

— Не могу утверждать наверняка, — ответила Найда, — потому что сестра все еще одурманена. И все же я знаю, что она больше не движется, и у меня сложилось впечатление, будто ее похитители нашли убежище в башне, где черный след гораздо шире.

— Гм-м, — произнес я. — Ты, случаем, не заметила скорость изменения ширины следа на единицу пройденного расстояния?

— Я изучала гуманитарные науки, — с улыбкой заметила она. — Помнишь?

Затем Найда внезапно повернулась и устремила взор в сторону Люка. Он по-прежнему опережал нас на корпус, глядя прямо перед собой... хотя мгновением раньше явно посматривал через плечо.

— Черт тебя возьми! — тихо воскликнула девушка. — Эта поездка с вами обоими заставила меня вспомнить о школе. Я и говорить-то начала...

— По-английски, — подсказал я.

— Я произнесла это по-английски?

— Да.

— Вот проклятье! Одергивай меня, если снова заметишь, хорошо?

— Разумеется, — согласился я. — Похоже, что-то там было для тебя приятное, несмотря на работу, взваленную Дарой. Полагаю, ты единственная тиги с ученой степенью Беркли.

— Да, приятное было... Да что говорить — я получала удовольствие, хотя и не могла разобраться, кто из вас кто. То были счастливейшие дни моей жизни — с тобой и с Люком, там, в Беркли. Много лет я пыталась выведать имена ваших матерей, дабы понять, кого мне надлежит защищать. Но оба вы были так чертовски осторожны!..

Я пожал плечами:

— Такие гены... В свою очередь я наслаждался обществом Винты Бейли — и ценил твою защиту.

— Как я страдала, когда Люк начал ежегодные покушения на твою жизнь! Вроде, окажись он сыном Дары, которого требовалось защищать, это не имело бы значения. Но — имело. Я уже полюбила вас обоих. Все, что я могла сказать, это то, что в вас течет кровь Амбера. Мне не хотелось вредить ни одному из вас. Тяжелей всего было,

когда ты пропал, и я пришла к выводу, что Люк заманил тебя в горы Нью-Мексико, чтобы убить. Тогда я уже очень сильно подозревала, что ты именно тот, кого мне надлежит охранять. Я была влюблена в Люка, я влезла в шкуру Дэна Мартинеса, и я не расставалась с пистолетом. Я следовала за вами повсюду, где только можно, зная, что если Люк попытается навредить тебе, то чары, во власти которых я находилась, заставят меня пристрелить любимого человека.

— Однако ты выстрелила первой. Мы просто стояли, беседуя, на обочине. Люк выстрелил в ответ, защищаясь.

— Я знаю. Но все, казалось, указывало на то, что ты в опасности. Он подловил тебя в идеальном для убийства месте, в идеальное время...

— Нет, — возразил я. — Ты дала промах — а сама открылась для ответного удара.

— Не понимаю, о чем ты говоришь.

— Ты разрешила проблему вынужденного выстрела в Люка, создав ситуацию, когда он застрелил тебя.

— Я не могла бы сделать этого под чарами.

— Возможно, подсознательно, — сказал я. — И твои действия определяло нечто более сильное, чем чары:

— Ты действительно так считаешь?

— Да, и хорошо, если теперь ты признаешь это сама. Ты освобождена от чар. Мне рассказала мать. Да и ты, кажется, говорила...

Она кивнула:

— Я не знаю, когда и как было снято заклятие. Но это произошло — хотя я по-прежнему стараюсь защитить тебя от опасности. Хорошо, что вы с Люком крепко подружились, и...

— Так к чему тайна? — перебил я ее. — Почему бы не сказать ему просто, что ты — Гейл. Удиви его, черт побери!

— Ты не понимаешь, — возразила она. — Он порвал со мной, помнишь? Теперь снова появился шанс. Он... я очень нравлюсь ему. И я боюсь сказать: «На самом деле я та девушка, которую ты однажды уже бросил». Вдруг он задумается почему — и, чего доброго, решит, что был тогда прав?

— Глупо! — сказал я. — Не знаю, какие он приводил резоны — он никогда мне об этом не рассказывал, только сообщал, что причина есть. Но не сомневаюсь, что она надуманная. Ты ему очень нравилась. И я уверен, что

истинная причина разрыва заключается в том, что сын Амбера, возвращающийся домой с весьма мерзкими целями, не нашел там места для обыкновенной девушки из Тени. Ты слишком хорошо играла свою роль.

— И по той же причине ты порвал с Джулией? — спросила Найда.

— Нет.

— Прости.

Я заметил, что с начала нашего разговора черный след расширился примерно на фут. Как раз теперь появился спрос на математические задачи.

Глава 10

Вот так мы и ехали: шесть шагов вдоль по городской улице, средь рева клаксонов, наш черный путь был окаймлен следами шин; четверть мили — по черному песчаному пляжу у тихого зеленого моря, а слева от нас колыхались пальмы; через тусклое снежное поле; под каменным мостом, руслом мертвого, почерневшего потока; затем в прерии; и обратно на лесную тропу... Тигр ни разу не вздрогнул, даже когда Далт пробил сапогом лобовое стекло полицейского «плимута» и сломал антенну.

След, похоже, расширился уже вдвое с тех пор, как я ступил на него. Все чаще попадались окоченевшие деревья, стоявшие на тропе; они выглядели фотонегативами своих ярких сородичей, цветущих всего в нескольких футах от следа. Хотя листья и ветви последних шевелились, не чувствовалось ни дуновения ветерка. Наши голоса и топот лошадиных копыт тоже теперь звучали как-то приглушенно. Мы двигались в постоянном, колышущемся полумраке, хотя буквально в нескольких шагах — мы совершали короткие вылазки — мог быть полдень или глубокая ночь. Мертвые на вид птицы сидели на почерневших деревьях, хотя временами казалось, что они движутся, да и резкие каркающие звуки, что доносились до нас, могли издавать только они.

Однажды справа возникло бушующее пламя, в другой раз по левую руку взгромоздился ледник... Наш путь продолжал расширяться — ничего похожего на Черную Дорогу времен войны, что описывал мне Корвин, но уже всем нам можно было скакать бок о бок.

— Люк, — позвал я после долгого молчания.

— Ага, — донеслось слева. Найда скакала справа от меня, и Далт рядом с ней. — Что?

— Я не хочу быть королем.

— Я тоже. А тебя заставляют?

— Боюсь, меня собираются схватить и короновать, как только я вернусь. Все, кто стоял на моем пути, неожиданно скончались. Кое-кто действительно намерен приковать меня к проклятому трону и женить на Корэл...

— Ох-ох-ох, — вздохнул Люк. — У меня по этому поводу два вопроса. Во-первых: даст ли это результат?

— Логрус, похоже, думает, что да, хотя бы на время. Во всяком случае, на этом построена вся его политика.

— Второе, — продолжил он. — Если насчет Кашфы у тебя те же чувства, что и у меня, ты не должен так просто посылать все к чертям, раз способен хоть чем-то помочь, пусть даже это означает какие-то личные страдания. Но уж если ты категорически отказываешься брать трон, то должен принять какое-то альтернативное решение. Какое?

След резко повернул налево и пошел в гору. Я кивнул. Что-то маленькое и темное шмыгнуло через нашу тропу.

— Есть одна мыслишка, даже идеей не назовешь, — сказал я. — Хотелось бы обсудить с отцом...

— Трудная задача. Ты уверен, что он хотя бы жив?

— Я говорил с ним не так давно — очень кратко. Он где-то в заключении. Где-то поблизости от Владений Хаоса — только оттуда я могу достать его с помощью карты.

— Расскажи мне о вашем контакте.

Так я и сделал: рассказал о черной птице и прочем.

— Похоже, мудрено его оттуда выковырять, — произнес Люк. — И ты полагаешь, что за этим стоит твоя мамочка?

— Ага.

— Я думал, у меня одного эти материнские проблемы...

— И как же это мы вышли такими нормальными? — удивился я.

Несколько секунд он глядел на меня не отрываясь. Затем расхохотался.

— Ну, я-то точно чувствую себя нормальным.

— Конечно, — быстро ответил Люк. — Только это и имеет значение. Послушай, если дойдет до явного противостояния, ты как думаешь, сумеешь одолеть Дару?

— Трудно сказать, — пожал я плечами. — Сейчас, со спикардом, я сильнее, чем когда-либо прежде. Но, похоже, и она чертовски сильна.

— Что еще за спикард?

Я рассказал и об этом.

— Ты поэтому так вызывающе вел себя в церкви, сражаясь с Джартом?

— Вот именно.

— Дай посмотреть.

Я попытался снять спикард, но он не слезал с пальца. Тогда я просто вытянул руку.

Люк склонился над ней. Его пальцы застыли в паре дюймов от кольца.

— Он не пускает меня, Мерль. Защищается, чертенок.

— Проклятье! — выругался я. — Не отступлю перед такой ерундой! — Я схватился за спикард и, внезапно сделав свой палец тоньше, стянул кольцо. — Держи.

Не замедляя хода, Люк, прищутив глаза, разглядывал спикард, лежащий у него на ладони. Неожиданно я почувствовал дурноту. Неужели из-за того, что снял кольцо? Я заставил себя выпрямиться, восстановил дыхание, не позволяя ему мне указывать.

— Тяжеленькое, — наконец произнес Люк. — В нем чувствуется сила. И всякое другое. Хотя он меня не пускает.

Я потянулся за кольцом, но Люк отдернул руку.

— Я ощущаю его везде вокруг нас... Мерль, эта штука накладывает чары на того, кто ее носит.

Я пожал плечами:

— Да. Хотя и неопасные. Он не нанес мне никакого вреда, зато не раз здорово помогал.

— Но можешь ли ты доверять тому, что попало к тебе столь странным образом, почти надувательски, заставив тебя отказаться от Фракир, когда она пыталась предупредить о чем-то? И наконец, знаешь ли ты хотя бы, как кольцо влияет на твои поступки, с тех пор как ты надел его?

— Согласен, сначала имела место своего рода дезориентация, — произнес я. — Скорее всего так происходило приспособление к уровням его напряжений. Через какое-то время я пришел в норму.

— Откуда такая уверенность? Вдруг он прополоскал тебе мозги?

— А что, я сильно похож на безмозглую куклу?

— Ладно, я лишь пытаюсь вбить тебе в голову, что не следует безоглядно доверять чему бы то ни было столь сомнительного происхождения.

— Договорились, — согласился я, протягивая руку. — Но пока выгоды от спикарда перевешивают гипотетические опасности. Считаю меня предупрежденным, а я уж рискну.

Люк вернул мне кольцо.

— Учти, если мне покажется, что оно околдовывает тебя, я просто дам тебе по башке и выкину его ко всем чертям!

— Согласен, — сказал я, надевая кольцо. И сразу, как только восстановились линии контроля, ощутил прилив энергии.

— Эх, заставить бы твою мать поделиться информацией!.. — вздохнул Люк. — Как же ты предполагаешь найти и освободить Корвина?

— Какие-то вещи напрашиваются сами собой, — ответил я. — Возможно, простейший способ — вломиться в дверь грубой силой. То есть я открываю все каналы спикарда и вхожу в контакт через карту. И как только возникает любой просвет, я просто ломлюсь туда всей мощью, выжигая любые заклятия, вставшие на моем пути.

— Это может оказаться опасным.

— Ни один безопасный способ мне в голову не приходит.

— Тогда почему ты еще не попытался?

— Меня осенило совсем недавно, с тех пор не было времени.

— Так или иначе тебе все равно понадобится помощь. Можешь на меня рассчитывать.

— Спасибо, Люк. Я...

— Теперь о делах королевских, — перебил он. — Что произойдет, если ты просто откажешься занять трон? Кто следующий в очереди?

— Когда дело доходит до Саваллов, все оказывается весьма запутанным. Первым от нашего Дома в очереди на престол должен быть Мэндор. Но он давным-давно отказался.

— Почему?

— Заявил, что не пригоден для правления.

— Не обижайся, Мерль, но, на мой взгляд, он как раз единственный, кто пригоден для этой работы.

— О, наверняка, — отозвался я. — Хотя в большинстве Домов происходит нечто подобное: обычно существует номинальный глава и глава де-факто, один для показухи, другой для интриг. Мэндору нравится атмосфера закулисных махинаций.

— Похоже, в вашем Доме таких двое, — пробормотал Люк.

— По-настоящему я в этом так и не разобрался. Мне неизвестен нынешний статус Дары ни в Доме ее отца —

Хелграме, ни в Доме матери — Хендрейке. Но среди Саваллов может разгореться борьба, если следующий король будет из их Дома. И чем больше я узнаю Мэндора, тем более пугающей кажется мне эта борьба. Полагаю, он с матерью в сговоре.

— Я так понимаю, что следующий в очереди ты, а за тобой — Джарт?

— Вообще-то, за мной наш брат Деспил. Джарт говорил, что Деспил скорее всего отойдет в сторону, но я думаю, что он принимает желаемое за действительное. Я совсем не уверен, что Деспил спасует. Как бы то ни было, теперь и Джарт говорит, что не заинтересован в престоле.

— Ха! Скорее он просто иначе подкрадывается. Ты слишком много раз побеждал его, и он старается добиться своего, не ссорясь с тобой. Надеюсь, этот спикард прикроет твою спину.

— Не знаю, — сказал я. — Мне хочется верить ему. Хотя столько времени Джарт заверял меня в обратном...

— Допустим, оба вы отказываетесь. Кто следующий?

— Точно не знаю, — ответил я. — Наверное, тогда трон переходит к Хендрейкам.

— Проклятье! — выругался Люк. — Такая же путаница, как в Амбере, да?

— Как раз никакой путаницы — ни там, ни здесь. Просто слегка непонятно, пока во всем разбираешься.

— Что ж, я буду слушать, а ты вслух разбирайся.

— Отличная мысль.

Я рассказывал долго, прерываясь лишь затем, чтобы вызвать хлеба да воды. За это время мы дважды останавливались, и тогда мне становилось понятно, как я устал. А беседа с Люком снова напомнила мне, что надо бы поговорить обо всем с Рэндомом. Но если я войду с ним в контакт и объясню ситуацию, он наверняка прикажет мне возвращаться в Амбер. Я не смогу послушаться прямого приказа короля, хотя и сам без пяти минут король — на противоположном полюсе.

— Мы приближаемся, — наконец возвестила Найда.

Наш путь стал еще шире, почти такой, как она описывала. Я вобрал в себя здоровенную порцию энергии, усвоил ее и приготовился к действиям.

Вскоре девушка заметила:

— Совсем близко.

— Прямо за углом? — спросил Люк.

— Возможно. Корэл одурманена, я не могу сказать более определенно.

Чуть позже мы услышали отдаленные крики.

Люк натянул поводья.

— Там что-то вроде башни, — сказал он.

Найда кивнула.

— Они направляются к ней или уже залегли там и намерены защищаться?

— Все сложнее, — ответила она. — Теперь я понимаю. Ее похитители подверглись преследованию, направились к убежищу и теперь находятся в нем.

— Как это ты так точно выяснила?

Найда кинула на меня быстрый взгляд, который я воспринял как просьбу объяснить это чем-нибудь помимо способностей ти'иги.

— Я использовал спикард, — выдвинул я свой вариант, — пытаюсь понять, не смогу ли я усилить ее зрение.

— Хорошо, — кивнул Люк. — А нельзя ли добавить еще, чтобы мы смогли уяснить, кто нам противостоит?

— Попробую, — сказал я, вопросительно косясь на Найду. Она ответила почти незаметным кивком. Я не был до конца уверен, как тут действовать, и тогда просто подпитал ее энергией, так же, как прежде самого себя.

— Да, — произнесла она чуть позже. — Корэл и ее похитители — их шестеро, я полагаю — спрятались в башне неподалеку отсюда. Их атакуют.

— И много там атакующих? — осведомился Люк.

— Немного. Совсем немного. Не могу назвать точное число.

— Давайте пойдем и взглянем, — предложил Люк и направился вперед; Далт последовал за ним.

— Трое или четверо, — шепнула мне Найда. — Призраки Пути. Вероятно, это максимум, который он способен подпитывать на таком отдалении от дома, на Черной Дороге.

— Да-а, — протянул я. — Запутанная история.

— То есть?

— Выходит, мои родственники находятся по обе стороны фронта.

— Скорее всего призраки Амбера и демоны Владений Хаоса — всего лишь посредники, а на самом деле противостоят друг другу Логрус и Путь.

— Проклятье! Конечно! — воскликнул я. — Следует предупредить Люка, куда мы скачем.

— Нельзя! Тогда придется сказать, кто я такая!

— Я скажу ему, что сам узнал — освоил новое заклинание.

— Но что потом? На чьей ты стороне? Что нам делать?

— Ни на чьей, — ответил я. — Мы сами по себе и против обоих.

— Ты сумасшедший! Тебе даже не спрятаться! Силы поделили Вселенную между собой!

— Люк! — закричал я. — Я только что прошупал все впереди и убедился, что атакующие — призраки Пути.

— Неужели? — отозвался он. — Думаешь, нам следует занять их сторону? Может, пусть лучше Корэл вернет Путь, нежели захватят Владения, как полагаешь?

— Не годится, — возразил я. — Давай не дадим ее никому.

— Я понимаю твои чувства, — ответил Люк. — Но что будет, если мы добьемся цели? Честно говоря, мне совсем не хочется получить по башке метеоритом или отправиться на дно ближайшего океана.

— Насколько я могу судить, спикард черпает энергию не из Пути или Логруса. Его источники рассеяны в Тени.

— Ну и что? Он наверняка не в силах противостоять ни Логрусу, ни Огненному Пути даже по отдельности, а тем более тому и другому вместе.

— Верно, но я могу использовать его, чтобы замести следы. Им придется выбирать свою дорогу, если они решат нас преследовать.

— Но в конце концов нас обнаружат, не так ли?

— Может, и нет, — сказал я. — У меня есть кое-какие идеи...

— Далт, ты слышал все это?

— Да, — отозвался Далт.

— Если хочешь смыться, сейчас самое время.

— И упустить удобный случай накрутить хвост Единорогу? — сказал он. — Поскакали!

Мы тронулись, и с каждым шагом крики становились все громче. Впрочем, звуки были приглушены, краски потускнели; вокруг царило ощущение некоего вневременья, как будто мы скачем и будем скакать здесь вечно...

Затем мы повернули, и я увидел вдалеке верхушку башни. Крики усилились. Приблизившись к следующему повороту, мы замедлили ход и уже с большей осторожностью стали двигаться через молодую рощу черных деревьев. В конце концов мы остановились, спешили и продолжили свой путь пешком.

Раздвинув ветви деревьев на краю рощи, мы обнаружили пологий склон, спускающийся на почерневшую песчаную равнину близ трехэтажной сумрачной башни с окнами-щелями и узким входом. Не потребовалось много времени, чтобы разобраться в выразительной картине у ее подножия.

Две демонические личности стояли по обе стороны от входа. Они были вооружены, и, казалось, их внимание сосредоточено на схватке, что кипела на песке перед ними. Знакомые фигуры стояли по краям этой импровизированной арены: Бенедикт невозмутимо потирал подбородок, Эрик сидел на корточках и улыбался, Кейн задумчиво жонглировал кинжалом, подкидывал, ловил, перебрасывал из руки в руку; лицо его сияло довольством. С вершины башни склонились два рогатых демона; взгляды их были так же напряжены, как взгляды призраков Пути Амбера.

Посреди арены стояли лицом друг к другу Джерард и отпрыск Хендрейков, не уступавший ему ростом, но куда превосходящий в объёме. Похоже, это был сам Чайнуэй, который, по слухам, обладал коллекцией из более чем двухсот черепов тех, кто стоял у него на пути. Лично мне больше по душе была коллекция Джерарда в тысячу или порядка того же кружек, чарок и рогов...

Оба были по пояс обнажены, и по истоптанному песку вокруг них я догадался, что они топчутся уже какое-то время. Чайнуэй пытался сбить Джерарда с ног, но как только шагнул за спину соперника, был схвачен за голову и руки; затем, отброшенный в сторону, полетел кувырком. Благородный демон тут же вскочил на ноги и немедленно кинулся на врага, вытянув руки, плетущие извилистый узор. Джерард просто ждал, готовый отразить нападение. Чайнуэй пытался пронзить когтистыми пальцами глаза Джерарда и получил удар по ребрам. Однако не упал, так как Джерард удержал его за плечо и обхватил его ляжку.

— Давайте подождем, — тихо сказал Далт. — Я хочу посмотреть.

Мы с Люком кивнули, в то время как Джерард стиснул голову Чайнуэя, а тот свободной рукой обхватил талию Джерарда. Так они и стояли; мускулы вздулись под кожей: у одного — бледной и гладкой, у другого — красной и чешуйчатой. Легкие противников работали, будто мехи.

— Надо полагать, дело затянулось, — прошептал Люк, — и они решили покончить с ним, выставив лучших бойцов.

— Похоже, что так, — согласился я.

— Корэл внутри, как ты думаешь?

— Подожди минуту.

Я быстро ввел в башню зонд и обнаружил там двух человек. Тогда я кивнул:

— Она и, по-моему, единственный стражник.

Джерард и Чайнуэй по-прежнему стояли, будто статуи.

— Сейчас, наверное, самое время утащить Корэл, — произнес Люк, — пока все захвачены поединком.

— Полагаю, ты прав, — кивнул я. — Посмотрим, смогу ли я стать невидимым. Это бы упростило задачу

— Отлично! — воскликнул он четверть минуты спустя. — До сих пор что ты ни делаешь, все получается. Ты невидим.

— Это точно, — сказал я. — Скоро вернусь.

— Как ты вытащишь ее оттуда?

— Решу, когда доберусь. Будьте наготове.

Я пошел медленно, осторожно, чтобы не поднимать песок. Сделал круг, пройдя за спиной Кейна, непрерывно озираясь, бесшумно приблизился к двери башни. Джерард и Чайнуэй все так же стояли, сцепившись и прикладывая неимоверные усилия, дабы побороть друг друга.

Проскользнув между стражниками, я оказался в сумраке башни. Первый этаж состоял из единственной круглой комнаты с земляным полом и каменными выступами под высокими бойницами. На второй этаж сквозь отверстие в потолке вела лестница. Корэл лежала на одеяле слева от меня; личность, которая якобы охраняла ее, стояла на выступе у ближайшего окна и наблюдала за схваткой.

Я подошел ближе, опустил на колени, взял левое запястье девушки и нащупал пульс. Он был сильный и ровный. Все же я решил не будить Корэл. Вместо этого я завернул ее в одеяло, взял на руки и поднялся.

Я уже был готов распространить на нее заклинание невидимости, когда наблюдатель у окна повернулся. Должно быть, поднимая ее, я нашумел.

Мгновение страж пылился на свою пленницу, парящую в воздухе. Затем он открыл рот, дабы поднять тревогу; ничего не оставалось, как парализовать его нервную систему зарядом из спикарда.

К несчастью, падение стражника с каменного выступа на пол сопровождалось грохотом оружия. Почти тотчас сверху раздался крик и звуки быстрых движений

Повернувшись, я устремился к двери, хотя и замешкался, поворачиваясь в узком проеме. Я не имел представления, что подумает наружная стража, когда мимо проплывет

бесчувственная Корэл, но мне очень не хотелось оказаться в ловушке в башне.

Выглянув в бойницу, я обнаружил, что Джерард и Чайнуэй, похоже, так и не сменили позу. Чуть позже, однако, когда я сделал первый робкий шаг, Джерард неожиданно предпринял резкое выкручивающее движение, сопровождавшееся звуком, будто треснула доска.

Джерард опустил руки и выпрямился. Тело Чайнуэя с неестественно вывернутой шеей боком ударилось оземь. Эрик и Кейн заплодировали. Два стражника у дверей дернулись вперед. У меня за спиной, на другом конце комнаты, загрелась лестница. Послышался крик.

Еще два шага, и я повернул налево. Наружная стража устремилась к поверженному бойцу. Полдюжины шагов — и новые крики за спиной, когда мои преследователи выскочили из башни; вопли демонов смешались с человеческими, донесшимися с арены, где произошло убийство.

Я понимал что с такой ношей мне не убежать ни от тех, ни от других, а вся эта двигательная активность мешала сосредоточиться на исполнении магических действий.

Тогда я упал на колени, опустил Корэл на землю, повернулся, даже не поднимаясь, и вытянул левый кулак, разумно глубоко погружаясь в спикард, взывая к крайним мерам, способным остановить пару головорезов Хендрейков, которые, обнажив оружие, теперь были совсем рядом.

...А затем их охватило пламя. Наверное, они визжали, но вокруг уже стоял невообразимый гам. Еще два шага, и бедолаги упали передо мной, чернея и судорожно дергаясь. Мои руки тряслись от близости сил, что вызвали это, но не было времени даже подумать и ощутить произошедшее, когда я повернулся к песчаной арене и тому, что могло грозить мне оттуда.

Один из двух стражей, что ринулись вперед, тлел на земле у ног Эрика. Другой — видимо, атаковавший Кейна — схватился за рукоятку ножа, торчавшего у него в глотке; языки пламени, исходящие из раны, окутывали стража со всех сторон, пока он медленно оседал и наконец опрокинулся на спину.

Тотчас же Кейн, Эрик и Бенедикт повернулись в мою сторону. Джерард, уже натянувший голубую рубаху, пристегивал португепю. Он тоже обернулся, когда Кейн произнес:

— А вы, сэр, кто еще такой?

— Мерлин, — отозвался я. — Сын Корвина.

Теперь Кейн выглядел пораженным.

— У Корвина есть сын? — спросил он у остальных.

Эрик пожал плечами, а Джерард ответил:

— Не знаю.

Бенедикт внимательно меня изучал.

— Сходство имеется, — произнес он.

— Действительно, — кивнул Кейн. — Ну хорошо, мальчик. Даже если ты сын Корвина, та женщина, с которой ты удираешь, принадлежит нам. Мы только что честно и благородно выиграли ее у этих хорошо прожаренных типов из Хаоса.

С этими словами он направился ко мне. К нему присоединился Эрик. Следом ступил Джерард. Я не хотел причинять им вред, пусть даже это были всего лишь призраки, поэтому взмахом руки обозначил линию на песке перед ними; оттуда вырвалось пламя.

Они остановились. Неожиданно слева от меня возникла огромная фигура — Далт с обнаженным клинком в руке. Мгновение спустя показался Люк. За ним Найда. Четверо против четверых, разделенные огненной стеной.

— Теперь она наша, — сказал Далт и сделал шаг вперед.

— Вы ошибаетесь, — последовал ответ, и Эрик пересек огненную черту, вынимая оружие.

Далт был на пару дюймов выше Эрика, шире был и его размах. Он немедленно бросился вперед.

Я ожидал рубящего удара от огромного клинка, что Далт держал в руках, но последовала колющая атака. Эрик, с клинком более легким, сделал шаг в сторону и зашел противнику под руку. Далт опустил кончик лезвия, отклонился в сторону и парировал удар.

Их оружие подходило для совершенно различных стилей борьбы — Эрик орудовал самой тяжелой рапирой, Далт — самым легким палашом, управляться с которым одной рукой мог только достаточно крупный и сильный парень, мне бы пришлось держать его обеими руками.

Затем Далт попробовал рубануть вверх тем приемом, который японские фехтовальщики называют «кириаге» Эрик просто отступил назад и, увернувшись, попробовал нанести ответный поворотом запястья. Неожиданно Далт взял рукоять обеими руками и нанес слепой удар, известный как «нанаме гири» Эрик продолжал кружить, действуя одним запястьем.

Внезапно Далт отвел назад правую руку, одновременно отступая правой ногой, встал в левостороннюю европей-

скую позицию *en garde* и выбросил вперед руку с клинком, нанося удар по устремившемуся навстречу клинку Эрика.

Тот парировал; правая нога зашла за левую, и Эрик отпрыгнул назад. Я увидел искру, когда смялась гарда его рапиры. Тем не менее ложным броском *sixte* он парировал следующий удар, вытянул руку в *quarte*, взметнул клинок в подобии защитного выпада, целясь в левое плечо; парирующие удары встретились, и он, повернув запястье, полоснул Далта по левому предплечью.

Кейн захлопал, но Далт лишь скрестил руки, вновь развел их и, чуть подпрыгнув при этом, занял правостороннюю позицию *en garde*. Острием рапиры Эрик рисовал круги в воздухе и улыбался.

— Маленький танец в оригинальном жанре, — сказал он.

Затем Эрик сделал выпад, Далт отразил; Эрик отступил, шагнул в сторону, пнул Далта по коленной чашечке, промазал и вовремя увернулся от рубящего удара по голове. Перейдя на японский стиль, он ринулся слева к превосходящему его габаритами противнику в маневре, виденном мною при исполнении упражнения *куматчи*; его лезвие взметнулось и упало, в то время как удар Далта прошел мимо.

Правое предплечье Далта внезапно увлажнилось, чего я не замечал, пока Эрик не повернул оружие, отведя клинок вперед и вверх. Затем, прикрывая гардой костяшки пальцев, он двинул Далта кулаком слева по челюсти, пнул его под колено и толкнул левым плечом. Далт споткнулся и упал. Эрик тут же принялся пинать его — по почкам, по локтю, по бедру — последнее только потому, что промазал по колену, потом прижал сапогом палаш Далта и приставил рапиру к сердцу противника.

Я вдруг сообразил, что все это время надеялся: Далт все-таки даст Эрику по заднице — и не по той причине, что он был на моей стороне, а Эрик нет, а за те страдания, что тот принес моему отцу. С другой стороны, вряд ли вокруг слишком много мастеров надавать по заднице. К несчастью, двое из них стояли по другую сторону нарисованной мной черты. Эрика мог побороть Джерард. Бенедикт, Мастер Оружия Амбера, мог побить его в два счета. Но даже с тигиной на нашей стороне у нас было немного шансов одолеть их всех, да еще и с Кейном в придачу. И если бы я вдруг сообщил Эрику, что Далт — его сводный брат, это бы ни на мгновение не замедлило удар.

Тогда я принял единственно возможное решение. В конце концов, мы имели дело лишь с призраками Пути. Настоящие Бенедикт и Джерард сейчас где-то в другом месте, и вреда им не будет, что бы я ни сотворил с их двойниками. Эрик же и Кейн давно мертвы; Кейн — герой-братоубийца войны Падения Пути и прообраз статуи, недавно установленной в память о том, как отомстил ему Люк за убийство своего отца. А Эрик, разумеется, нашел свой геройский конец на склонах Колвира, избежав, я полагаю, таким образом смерти от руки моего отца.

Вся кровавая история моей семьи промелькнула у меня в голове, пока я давал спикарду добавочную команду, вызывая новую испепеляющую волну, что уже поглотила двух моих хендрейкских родичей.

По моей руке будто врезали бейсбольной битой, из кольца вырвалась струя дыма.

Мгновение четверка моих честных дядюшек стояла не шевелясь. Пятый по-прежнему лежал навзничь. Затем Эрик медленно поднял клинок. Он все еще поднимал его, когда Бенедикт, Кейн и Джерард начали выгаскивать свои. Эрик выпрямился, держа рапиру у лица. Остальные сделали то же самое.

Это выглядело странно, будто салют; а затем взгляд Эрика встретился с моим.

— Я знаю тебя, — произнес он.

И, завершив действие, мои родственники из Амбера стали блекнуть, превратились в дым и улетели прочь.

Далт истекал кровью, у меня болела рука, и я осознал, что произошло, в тот момент, когда Люк, судорожно вздохнув, сказал:

— Пронесло.

Линия огня уже потухла, и за оставленным ею следом, там, где только что стояли мои испарившиеся родственники, начал мерцать воздух.

— Сейчас явится призванный ими Путь, — сообщил я Люку

Секундой позже Знак Пути уже парил перед нами.

— Мерлин, — сказал он, — ты слишком много суетишься

— Последнее время моя жизнь была весьма напряженной, — ответил я

— Ты воспользовался моим советом и покинул Владения Хаоса.

— Да, это показалось разумным

— Но я не понимаю твоих нынешних целей

— Что тут понимать?

— Ты отбил леди Корэл у посланцев Логруса.

— Верно.

— Затем ты точно так же попытался оградить ее от моих агентов.

— И это правильно.

— Ты должен понять, что она несет в себе нечто, способствующее равновесию сил.

— Да.

— Поэтому один из нас должен обладать ею. Тем не менее ты намерен отказать нам обоим.

— Да.

— Почему?

— Я забочусь о Корэл. У нее есть права и чувства. А вы обращаетесь с ней, как с фишкой в игре.

— Согласен. Я понимаю, что она — личность, но, к сожалению, фишкой она стала тоже.

— Тогда мне придется отказать вам обоим. Ничего не изменится, если она не достанется ни одному из вас. И я предпочитаю вывести ее из игры.

— Мерлин, ты более важная фишка, чем она, но все же только фишка, и не смеешь мне указывать. Ты понимаешь?

— Я понимаю свою ценность для тебя, — сказал я.

— Я думаю, нет, — ответил Знак Пути.

Мне тут же стало любопытно, насколько он действительно силен в этом месте. Казалось очевидным, что с точки зрения расхода энергии ему пришлось убрать четырех своих призраков, чтобы проявиться самому. Не слишком ли большой риск — противостоять ему, открыв каналы спикарда? Я никогда не пробовал подступиться ко всем контролируемым спикардом источникам Тени одновременно. Если я сделаю это, смогу ли пробить то, что Путь воздвигнет, дабы остановить нас? И если нет, сумею ли забрать нас всех, прежде чем Путьотреагирует? Да и в случае неожиданного успеха — куда нам потом отсюда податься?

Наконец, как это может повлиять на отношение Пути ко мне? («...Если тебя не съест кто-то побольше, приходи как-нибудь вечером рассказать о своих похождениях».)

Один черт, решил я. Подходящий день испытать судьбу

Я открыл все каналы. Чувство было такое, будто я бежал в хорошем темпе — и вдруг в шести дюймах передо

мною возникла кирпичная стена. Я ощутил удар и отключился.

Я лежал на гладком, холодном камне. Ужасающий напор сил в сознании и в теле. Я достиг их источника и взял силы под контроль, приглушая до уровня, не угрожающего снести мне макушку. Затем слегка приоткрыл глаза.

Небо было ослепительно синим. Я увидел пару сапог, стоящих в нескольких футах от меня и повернутых ко мне носками. Я распознал в них сапоги Найды и, чуть повернув голову, увидел, что она в них и обута. Затем я также увидел, что в нескольких ярдах слева распростерся Далт.

Найда тяжело дышала, и мое логрусское зрение обнаружало угрожающий бледно-красный свет вокруг ее трепещущих рук.

Приподнявшись на левом локте и посмотрев вокруг, я заметил, что она стоит между мною и Знаком Пути, парящим в воздухе примерно в десяти футах.

Когда он снова заговорил, я впервые услышал в его голосе нечто, похожее на удовольствие:

— Ты пытаешься защитить его от меня?

— Да, — отозвалась Найда.

— Почему?

— Я делала это так долго, что было бы стыдно подвести его именно тогда, когда он действительно нуждается в защите.

— Создание Преисподней, знаешь ли ты, где стоишь?

— Нет, — сказала она.

Я смотрел мимо них на идеально чистое синее небо. То, на чем я лежал, было ровным участком скалы в несколько сот метров шириной, обрывающейся в ничто. Быстро повернув голову, я убедился, что скала, во всяком случае, откололась от склона горы; несколько темных впадин указывали на то, что там, возможно, были пещеры. Я увидел лежащую позади меня Корэл и заметил какое-то движение за Найдой и Знаком Пути. Это Люк пытался подняться на колени.

Я мог бы запросто ответить на вопрос, заданный Найде, но в этом не было никакого резона. Во всяком случае сейчас, когда она отвлекала на себя внимание и обеспечивала решающую передышку.

В камне слева от меня вились золотисто-розовые прожилки, и, хотя я никогда не был здесь, я вспомнил описание из рассказа моего отца и понял, что это место изначального

Пути, глубочайший уровень реальности, что лежит в основе самого Амбера.

Я встал на четвереньки и пополз в сторону моря, в сторону Пути.

— Ты на другом конце Вселенной, ти'ига, в месте моей величайшей силы.

Далт застонал, перевернулся и сел, потирая глаза.

Я ощущал какую-то вибрацию на самой границе слышимости, исходящую от Найды; девушку целиком охватило красноватое свечение. Я знал, что она умрет, раз напала на Знак, и понимал, что сам нападу на него, если он убьет ее.

Застонала Корэл.

— Ты не причинишь вреда моим друзьям! — отчеканила Найда.

Я вспомнил оплеуху, отвешенную мне Знаком, прежде чем я смог воспользоваться спикардом — тогда-то он и переправил нас в свою твердыню. Значит ли это, что я действительно могу одолеть его вдалеке отсюда, на территории Логруса, где Путь слабее?

— Создание Преисподней, — обратился он к Найде, — столь отчаянный патетический жест, как твой, граничит с героизмом. Я испытываю к тебе определенную симпатию и не отказался бы иметь такого друга. Нет, я не причиню вреда твоим товарищам. Но я вынужден задержать здесь Корэл и Мерлина, как противодействующих силе, а остальных — по политическим причинам, пока не уляжется дискуссия с моим противником.

— Задержать? — повторила Найда. — Здесь?

Я осторожно поднялся на ноги, ощупывая ремень в поисках кинжала.

Люк встал и, подойдя к Корэл, опустился перед ней на колени.

— Ты очнулась? — спросил он.

— Как будто.

— Можешь встать?

— Наверное.

— Давай я помогу тебе.

Пока Люк помогал Корэл, поднялся и Далт. Я продолжал двигаться в сторону узора. Где, черт побери, Дворкин, когда он действительно так необходим?!

— Ты можешь войти в пещеры, что за тобой, и проверить помещения, — сказал Знак, — но сначала ты должен снять кольцо, Мерлин.

— Нет, сейчас не время распаковывать вещи и устраиваться поудобнее, — ответил я, надрезая себе кинжалом левую ладонь и делая последний шаг. — Мы надолго не задержимся.

Знак Пути издал звук, подобный небольшому удару грома, но не было ни молнии, ни всего, чего я ожидал в тот миг, когда он сообразит, что я держу в своей руке.

— Фокус, которому меня научил отец Люка, — объяснил я. — Давай поговорим.

— Да, — сказал Знак Пути. — Как благоразумные существа, коими мы являемся. Не желаешь ли подушек?

Немедленно рядом появились три пуфика.

— Спасибо, — сказал я, пододвигая к себе зеленый. — Я бы не отказался от охлажденного чая.

— С сахаром?

Глава 11

Я держал левую руку над Огненным Путем, сложенная лодочкой ладонь была наполнена кровью. Знак Пути парил передо мной в воздухе, совершенно забыв про Корэл, Найду, Далта и Люка. Я потягивал чай из покрытого изморозью стакана; среди колотого льда лежала веточка свежей мяты.

— Принц Мерлин, — начал Путь, — скажи мне, каковы твои желания, и мы быстро все уладим.

— О, не стоит беспокоиться, — произнес я, качнув ладонью; красная капля поползла по запястью. — Тем не менее спасибо.

Знак Пути задрожал, потом успокоился.

— Принц Мерлин, сейчас у тебя преимущество, но вряд ли ты до конца осознаешь смысл своей угрозы. Несколько капель твоей крови на моем физическом узоре способны разрушить порядок Вселенной.

Я кивнул.

— Знаю.

— Хорошо, — промолвил Знак Пути. — И каковы же твои условия?

— Мое условие — свобода, — ответил я. — Отпусти нас, и останешься в целости и сохранности.

— Нет ничего проще. Далта отправляй, куда пожелаешь. Что же касается девушки-демона, я уступаю ее с сожалением, ибо чувствую, что она могла бы составить хорошую компанию...

Люк пристально оглядел Найду.

— Что еще за «создание Преисподней» и «девушка-демон», черт побери? — спросил он.

— Ну, есть некоторые вещи, которых ты обо мне не знаешь.. — отозвалась Найда.

— И это длинная история?

— Да.

— Тебя ко мне приставили? Или я тебе действительно нравлюсь?

— Никто меня к тебе не приставлял, и ты действительно нравишься мне.

— Тогда мы послушаем твою историю позже, — вздохнул он.

— Итак, забирай ее, — продолжил Знак. — И Далта. И Люка. Буду счастлив отправить этих троих куда пожелаешь. Что же касается тебя, то вам с Корэл, возможно, здесь будет безопасней, чем где бы то ни было.

— Возможно. А возможно, и нет, — ответил я. — Корэл, как ты к этому относишься?

— Забери меня отсюда, — попросила она.

— Достаточно ясно. Теперь...

— Подожди. Ты хочешь быть честным по отношению к своим друзьям, не правда ли?

— Разумеется.

— Тогда позволь мне указать на некоторые обстоятельства, которые они могли не принять во внимание.

— Давай.

— Леди Корэл, — сказал Знак, — им там, во Владениях Хаоса, нужен ваш глаз. Ваши желания тут не играют никакой роли. Если этого можно добиться, только лишив вас свободы, значит, так и произойдет.

Корэл тихо рассмеялась:

— Альтернатива тому — остаться твоей пленницей?

— Считаю себя гостьей. Я обеспечу тебе любые удобства. Разумеется, для меня в таком положении дел будет явный выигрыш, не говоря уж о том, что я лишу противника твоего участия. Не спорю. Но ты должна выбрать одну из сторон, иначе неминуемо попадешь во власть другой.

Я посмотрел на Корэл, она слегка покачала головой.

— Итак, что будем делать? — осведомился я.

— Забери меня отсюда, — повторила Корэл.

— Ты слышал, — сказал я Знаку. — Уходят все.

— Молю о снисхождении еще на миг! — воззвал ко мне Знак.

— Зачем?

— Обсудим. Выбор между мной и Логрусом — не просто вопрос политики: кому достанется эта особа или как выполнить отдельную работу. Я и мой противник представляем два фундаментальных принципа, посредством ко-

торых существует Вселенная. Ты можешь лепить на нас ярлыки существительных и прилагательных большинства языков и дюжин наук, но по сути мы представляем Порядок и Хаос — Аполлоническое и Дионисийское, если угодно; или разум и чувства, если больше нравится так; безумие и рассудок; свет и тьму; сигнал и шум. Впрочем, точно так же это может означать, что ни один из нас не ищет исчезновения другого. Электрический стул или шаровая молния, классицизм или анархия, каждый из нас следует единственным курсом, и без другого эта дорога приведет к смерти. Оба мы знаем это, и та игра, в которую мы играем с начала всех начал — куда более тонкая штука; в итоге ее, возможно, следует судить только эстетически.

Сейчас я добился существенного перевеса над моим исконным противником — впервые за века. В нынешнем положении я могу воплотить в жизнь мечту историков всех Теней — эпоху высокой цивилизации и культуры, что никогда не будет забыта.

Склонись чаша весов в другую сторону, нас ожидал бы поворот к временам, подобным, как минимум, ледниковым. Когда я говорю о вас, как о фигурах в игре, это не умаляет вашей роли. Ибо настало время великой неустойчивости, когда Камень и человек, ставший королем, не будут едины. Останься со мною, и я обещаю Золотой Век, о котором говорил, и твою видную в нем роль... Уйдешь, и тобой завладеет другая сторона. Наступят тьма и хаос. Что предпочтете?

Люк улыбнулся.

— Из тебя вышел бы отличный коммивояжер, — сказал он. — Сведем все к простому выбору. Пусть думают сами.

Корэл стиснула мое плечо.

— Мы уходим, — заявил я.

— Очень хорошо, — отозвался Знак. — Сообщи мне, куда вы хотите попасть, и я всех вас туда отправлю.

— Не всех, — неожиданно возразил Люк. — Только их.

— Не понимаю. А ты?

Люк вытащил кинжал и полоснул им ладонь. Потом приблизился и встал рядом со мной, вытянув руку над узором.

— Если мы уйдем, прибыть на место могут только трое, — сказал он. — Я останусь здесь и составляю тебе компанию, пока ты не отправишь моих друзей.

— Как ты узнаешь, что я совершил это надлежащим образом?

— Хороший вопрос, — кивнул Люк. — Мерль, у тебя есть при себе карты?

Я вытащил колоду и показал ему.

— Моя по-прежнему там?

— Последний раз была.

— Тогда достань ее и держи наготове. Прежде чем уйти, представь себе свое следующее движение. Оставайся в контакте со мной, пока все не будет сделано.

— А что ты, Люк? Не можешь же ты сидеть здесь вечно кровавой угрозой Пути. Это лишь временный пат. Рано или поздно ты сдашь позицию, и тогда...

— В этой колоде все еще есть лишние карты?

— Что ты имеешь в виду?

— Те, о которых ты как-то упоминал как о картах Судьбы.

— Да, — сказал я. — Исполнены великолепно. Ни за что не стал бы их сбрасывать.

— Ты действительно так думаешь?

— Ну. Собери их, и я устрою тебе персональную выставку в Амбере.

— Серьезно? Или ты просто говоришь, потому что...

Знак Пути оглушительно заворчал.

— Повсюду критиканы, — заметил Люк. — Ладно. Вытащи все карты Судьбы.

Я так и сделал.

— Слегка перемешай. Держи их рубашкой вверх, пожалуйста.

— Хорошо.

— Разверни. — Он наклонился, взял карту. — Хорошо. У меня все. Когда будешь готов, скажи ему, куда вас отправить. Не прерывай контакт. Эй, Путь, я тоже хочу чаю со льдом.

У его правой ступни возник заиндевший бокал. Люк нагнулся, поднял бокал и сделал глоток.

— Благодарю.

— Люк, — сказала Найда, — я не понимаю, что происходит.

— Ничего особенного, — отозвался он. — Не плачь по мне, девушка-демон. Увидимся.

Люк взглянул на меня и дернул бровью.

— Отправь нас в Джидраш, — велел я, — в Кашфу, на площадку между дворцом и церковью.

Я держал карту Люка в окровавленной левой руке, рядом с гудящим спикардом. Я ощутил ее холод, когда Люк добавил:

— Ну, не слышал, что ли?

Мир свернулся и развернулся, и было свежее, ветреное утро в Джидраше.

Не теряя с Люком контакта через карту, я открывал на кольце канал за каналом.

— Далт, я вполне могу оставить тебя здесь, — сказал я. — И тебя тоже, Найда.

— Нет, — ответил гигант, а Найда вскрикнула:

— Подожди!

— Вы оба уже сошли со сцены, — объяснил я. — Ни одна сторона в вас больше не нуждается. Но Корэл я собираюсь определить в какое-нибудь безопасное место. Себя тоже.

— Ты — центр игры, — сказала Найда. — И, помогая тебе, я могу помочь Люку. Возьми меня с собой.

— Я думаю то же самое, — проговорил Далт. — Все же я очень многим обязан Люку.

— Хорошо, — кивнул я. — Эй, Люк! Ты слышишь все это?

— Да, — отозвался он. — А теперь лучше займись своими делами... Вот черт! Разлил...

Его карта почернела.

Я не ждал мстящих ангелов, языков пламени, сверкающих молний или разверзшейся земли. Я очень быстро вытащил нас из-под юрисдикции Пути.

И очутился на высокой траве под высоким деревом. Мимо плыли клочья тумана. Ниже искрился отцовский Путь. Джарт сидел, скрестив ноги, на капоте автомобиля, с клинком на коленях. Когда мы появились, он спрыгнул на землю. Корвина в поле зрения не было.

— Что происходит? — спросил меня Джарт.

— Я совершенно выбит из сил и собираюсь лежать здесь, уставившись на туман, пока все мое сознание не улетучится. Познакомься с Корэл, Найдой и Далтом. Выслушай их рассказ и поведай им свой. Не буди меня даже ради конца света, разве что это будет из ряда вон выходящее зрелище.

И я продолжил то, что обещал, под постепенно затихающую гитару и отдаленный голос Сары К. Трава была изумительно мягкой. Туман заволакивал мозги упоительной тьмой.

А потом, потом... А потом, сэр...

Прогуливаюсь. Я прогуливаюсь, почти плыву по калифорнийским торговым рядам, где частенько бывал. Мимо стаяк детей, родителей с младенцами, дам со свертками... Слова теряются в грохоте из музыкальной лавки. Сулят приют горшечные оазисы, в воздухе плавают ароматы деликатесов, зазывают вывески.

Прогуливаюсь. Мимо аптеки. Мимо башмачной лавки. Мимо кондитерской...

Узкий, как коридор, переулок слева. Я никогда не замечал его. Надо повернуть...

Странно, почему здесь ковер... и свечи в высоких шандалах, и бра, и канделябры на узких сундуках. Стены сверкают отбл...

Я повернул назад.

Никакого «назад» не было. Аллея исчезла. В той стороне коридор кончался стенкой. На ней висел небольшой гобелен, девять фигур взирали с него на меня.

Я пожал плечами и вновь повернулся.

— Возвращаемся к твоим чарам, дядя, — заметил я. — Что ж, посмотрим.

Прогуливаюсь. Теперь в безмолвии. Вперед. Туда, где блестят зеркала. Похоже, давным-давно я видел это место, хотя его расположение вроде и не свойственно Замку Амбера. Все происходило в глубине памяти — я сам, юный, следуя этим путем, и не в одиночку... Но я знал, что ценой этих воспоминаний будет потеря контроля; здесь и сейчас.

С неохотой я избавился от наваждения и обратил внимание к маленькому овальному зеркалу слева.

Я улыбнулся. Мое изображение тоже. Я высунул язык и получил в ответ такое же приветствие.

Я двинулся дальше. И лишь через несколько шагов сообразил, что у отражения демоническое обличье, а у меня — нет.

Осторожное покашливание донеслось до меня справа. Повернув в ту сторону, я узрел своего брата Мэндора в ромбовидном зеркале с черной рамой.

— Дорогой мальчик, — заявил он, — король умер. Да здравствует твоя августейшая персона, как только она займет трон. Лучше всего тебе поспешить и вернуться на коронацию на Край Света, вместе с невестой Камня или без нее.

— У нас тут возникли кое-какие мелкие проблемы, — сообщил я.

— Сейчас все это пустяки. Твое присутствие во Владениях Хаоса куда важнее.

— Нет, важнее мои друзья, — сказал я.

Мимолетная усмешка коснулась губ Мэндора.

— У тебя будет идеальное положение для помощи друзьям, — промолвил он, — а также для воздаяния врагам.

— Я вернусь, — промолвил я. — Вскоре. Однако не короноваться.

— Как хочешь, Мерлин. Но твое присутствие необходимо.

— Я ничего не обещаю, — сказал я.

Он фыркнул, и зеркало опустело.

Я отвернулся и пошел дальше.

Снова смех — слева. Моей матери. Из красной рамы с вырезанными цветами она взирала на меня; лицо лучилось безграничным довольством.

— Ищи его в Преисподней! — говорила она. — Ищи его в Преисподней!

Я прошел мимо, но еще какое-то время до меня доносился ее смех.

— Х-с-с-ст! — Это справа: длинное, узкое зеркало, окаймленное зеленым. — Мас-стер Мерлин, я ис-скала, но приз-зрачный с-свет мне не вс-стретилс-ся.

— Спасибо, Глайт. Пожалуйста, продолжай поиски.

— Как-нибудь мы с-нова должны ус-сес-стьс-ся в тем-ном мес-стечке, пить молоко и бес-седовать о былых днях.

— Это будет славно. Да, обязательно. Если нас не съест кто-нибудь побольше.

— С-с-с-с-с! — Можно это назвать смехом? — Да. С-с-с!

...И дальше. Прогуливаюсь.

— Сын Амбера, носитель спикарда! — Из темной ниши слева от меня.

Рама была белой, стекло — серым. Внутри мужчина, которого прежде я никогда не встречал — в черной рубаше с воротом нараспашку, в коричневом кожаном жилете. Волосы темно-русые, глаза, похоже, зеленые.

— Да?

— Спикард был спрятан в Амбере, — заявил мужчина, — чтобы ты нашел его. Он придает великие силы. Еще он несет в себе ряд заклятий, что заставляют его обладателя действовать определенным образом в определенных обстоятельствах.

— Я подозревал это. Для чего он предназначен?

— Прежде носимый Свейвилем, королем Хаоса, он заставит избранного наследника принять трон, вести себя соответствующим образом и быть послушным указаниям определенных особ.

— Каких именно?

— Женщины, что смеялась и кричала: «Ищи его в Преисподней». Мужчины в черном, что настаивал на твоём возвращении.

— Дара и Мэндор. Они наложили на спикард эти заклятия?

— Именно так. И мужчина оставил его, дабы ты нашел.

— Очень не хочется отказываться от этой штуки, особенно сейчас, — сказал я, — когда она проявляет себя такой полезной. Можно как-нибудь рассеять эти чары?

— Разумеется. Но это не твоя проблема.

— То есть?

— Кольцо, что ты носишь, не то, о котором я говорю.

— Не понимаю.

— Поймешь, не бойся.

— Кто вы, сэр?

— Меня зовут Делвин, и мы никогда не сможем встретиться на самом деле, разве только высвободятся некоторые древние силы.

Мужчина поднял руку, и я увидел, что он тоже носит спикард. Делвин протянул его ко мне.

— Дотронься до моего кольца своим, — приказал он. — Тогда ему можно будет повелеть доставить тебя ко мне.

Я поднял свой спикард и поднес его к стеклу. В тот момент когда они, казалось, соприкоснулись, сверкнула вспышка, и Делвин исчез.

Я опустил руку. И последовал дальше.

Поддавшись какому-то импульсу, я остановился перед комодом и открыл ящик. Посмотрел туда. Вроде бы ничего этим не достиг. В ящике находилась миниатюрная копия часовни моего отца: крошечные разноцветные плитки, миниатюрные горящие свечи, даже кукольный Грейсвандир на алтаре.

— Ответ лежит перед тобой, дорогой друг, — донесся гортанный голос, знакомый и одновременно незнакомый.

Я поднял взгляд к окаймленному бледно-лиловым зеркалу, висевшему над комодом. У леди в зеркале были длинные, черные как смоль волосы и глаза столь темные, что невозможно было сказать, где кончаются зрачки и начинается радужка. Женщина была ужасно бледна, что

подчеркивалось розовыми тенями на глазах и яркими губами. Эти глаза...

— Ранда! — воскликнул я.

— Ты помнишь! Ты действительно помнишь меня!

— ...И дни наших игр в пляшущие кости, — продолжил я. — Взрослая и очаровательная. Я вспоминал о тебе совсем недавно.

— И я ощутила во сне касание твоего взгляда, мой Мерлин. Жаль, что мы расстались, но мои родители...

— Понимаю, — сказал я. — Они решили, что я демон или вампир.

— Да. — Ранда протянула бледную руку сквозь зеркало, взяла мою ладонь и потянула к себе. Там, внутри зеркала, она прижала ее к губам. Они были холодны. — Родители предпочитали, чтобы я поддерживала знакомство с сыновьями и дочерьми мужчин и женщин, нежели с такими, как мы сами.

Когда она улыбнулась, я обнаружил у нее клыки. В детстве они были незаметны.

— Боги! Ты выглядишь как человек! — сказала она. — Приходи как-нибудь навестить меня в Диком лесу.

Повинуясь порыву, я наклонился вперед. Наши губы встретились в зеркале. Кем бы она ни оказалась, мы были друзьями.

— Ответ, — повторила Ранда, — лежит перед тобой. Навести меня!

Зеркало покраснело и подернулось дымкой. Часовня в комодe ничуть не изменилась. Я закрыл ящик и отвернулся.

Прогуливаюсь. Зеркала слева. Зеркала справа. И в них лишь я.

Затем:

— Ну-ну, племянничек. Обескуражен?

— Как обычно.

Его глаза были насмешливы и мудры, волосы рыжие, как у его сестры Фионы или покойного брата Брэнда. Или у Люка, если на то пошло.

— Блейз, — сказал я, — что за чертовщина здесь происходит?

— У меня есть остаток от послания Делвина, — сказал он, залезая в карман и протягивая мне руку. — Вот.

Я сунул руку в зеркало — и взял еще один спикард, подобный моему.

— Это тот, о котором говорил Делвин, — пояснил дядя. — Ты никогда не должен носить его.

Несколько мгновений я рассматривал кольцо, наконец поинтересовался:

— Что же мне с ним делать?

— Положи в карман. Когда-нибудь может пригодиться.

— Откуда оно у тебя?

— Когда Мэндор оставил его, я подменил на то, что носишь теперь ты.

— Да сколько же их, в конце концов?

— Девять, — ответил Блейз.

— Полагаю, ты о них знаешь все.

— Более, чем остальные.

— А не знаешь ли ты, где мой отец?

— Нет. Но ты — знаешь. Твоя подружка с кровожадными вкусами сообщила тебе.

— Загадки...

— Все же лучше, чем полное отсутствие ответа, — отозвался дядя.

Затем он исчез, и я последовал дальше.

Немного погодя все вокруг тоже пропало. Парение. Чернота. Хорошо. Так хорошо... Немного света проникло сквозь мои ресницы. Я снова захлопнул их. Но прокатился гром, и через какое-то время свет опять проник внутрь.

Темные линии коричневых огромных роговых гребней, папоротниковые леса... Чуть позже проснулась способность воспринимать и оценивать и указала мне, что я лежу на боку, уставившись на покрытую трещинами землю между корнями дерева, тут и там усеянную клочьями травы.

Я продолжал взирать — и вдруг сверканье, будто от вспышки молнии, и сразу громовой раскат. Казалось, земля дрогнула. Я услышал, как барабаны капли по листьям дерева, по капоту машины. Я вглядывался в самую большую трещину, что пересекала долину.

...И свел воедино все, что знал.

То было оцепенелое знание. Истоки эмоций пока дремали. Издалека до меня доносились знакомые голоса, тихие разговоры. Еще я слышал стук ножей и вилок по фарфору. Мой желудок слегка оживился — хорошо бы сейчас присоединиться к друзьям. Но пока было так приятно лежать здесь, завернувшись в плащ, слушая слабый дождик и зная...

Я вернулся к темной впадине своего внутреннего мира...

Земля вновь сотрясалась, на этот раз без молнии и грома. И продолжала трястись. Это рассердило меня, ибо мешало друзьям и родственникам, заставляя их повышать голоса в интонациях, напоминающих тревогу. А еще это расшевелило мой дремлющий калифорнийский рефлекс, в то время как я просто хотел лежать развальясь и смаковать свое новоприобретенное знание.

— Мерлин, ты проснулся?

— Да, — сказал я, резко садясь, быстро протирая глаза и проводя рукой по волосам.

Оказалось, что призрак моего отца стоит передо мной на коленях и трясет меня за плечо.

— У нас, похоже, проблемы, — сказал он, — с весьма далеко идущими последствиями.

Джарт, стоявший за ним, несколько раз кивнул.

Землю еще раз потрянуло, вокруг полетели ветки и листья, запрыгали камешки, поднялась пыль, заматались клочья тумана. Рядом с тяжелой красно-белой тканью, вокруг которой сидели и закусывали Люк, Далт, Корэл и Найда, разбилась тарелка.

Я распутал свой плащ и поднялся на ноги, обнаружив, что, пока я спал, кто-то снял с меня сапоги. Я натянул их. Последовал очередной толчок, и я оперся о дерево.

— В этом проблема? Что-то большее готово сожрать что-то меньшее?

Призрак Корвина ответил мне недоуменным взглядом. Затем сказал:

— Когда я чертил Путь, у меня не было возможности узнать все недостатки этой местности или предугадать, что здесь однажды может произойти. Если эти сотрясения расколют Путь, возникнет проблема... возникнет множество проблем. Насколько я понимаю, тот спикард, что ты носишь, способен привлекать чудовищные источники энергии. Есть какой-нибудь способ заставить его остановить землетрясение?

— Не знаю. Никогда не пробовал ничего подобного.

— Выясни это побыстрее, хорошо?

Но мысли мои уже закрутились вокруг зубцов спикарда, пробуждая каждый к жизни. Затем я ухватился за самый наэлектризованный, энергично привлек его, наполнив всего себя — тело и разум — энергией. Зажигание, нейтральный ход... Я на водительском сиденье, направляю во чрево земли силовые линии из спикарда.

Долго и далеко простирался я в поисках преобразующей метафоры ко всему, что мог обнаружить.

...Пробираясь с берега в океан — волны щекотали мой живот, мою грудь, пальцами ног я ощущал камни, пряди водорослей... Время от времени камешки скользили, ударялись о соседние, плавно опускались на дно... А дна и не разглядеть — глазами. Но я видел камни, видел обломки кораблекрушений, в покое и в движении, видел так же ясно, как если бы дно было полностью освещено.

И вот я ощутил, прочувствовал свой путь в глубь земных пластов, будто ощупывая скалы лучом прожектора, пробуя одно за другим напряжения, изостатические поцелуи гор под землей, замедленно-чувственное движение земной коры, ласкающие плоть минералы в темноте потаенных мест...

Вошел! Скала плавно скользнула в сторону. Мое тело следом. Я углубился в заветную щель и стремительно несясь скользким туннелем, изливая вперед жар, расщепляя скалу, пробивая новые ходы наружу, наружу... Оно пришло этим путем! Я пробился сквозь стену камня, еще одну. Еще. Я не был уверен, что именно так можно отключить стихию, но только так я мог попытаться. Именно так! Будь оно проклято! Именно так!

Я пробрался еще к двум каналам, третьему, четвертому...

Легкая дрожь сотрясла землю. Я открыл следующий канал. Внутри моей метафоры скалы под водами успокаивались. Чуть погода утихла земная дрожь.

Я вернулся к месту, где впервые ощутил скольжение, теперь спокойному, но все еще напряженному. Ощути его, внимательно прочувствуй. Задай вектор. Следуй к точке исходного напряжения. Нет..., это лишь точка соединения векторов. Проследи их.

И опять. Новые точки соединений. Проследи. Открой больше каналов. Следует изобразить всю структуру напряжения, запутанную, как нервная система. Должно постигнуть разумом всю сеть.

Следующий пласт...

Возможно ли это? Быть может, своими топографическими нежностями я пытаюсь соблазнить бесконечность?... Заморозь структуру. Упрости задачу. Игнорирую все, что лежит за пределами кайнозоя. Направляйся к следующей точке соединения. Здесь какие-то узлы. Хорошо. Теперь вовлечена и тектоническая плита. Лучше.

Приложим усилия для следующего прыжка... Не хорошо. Слишком велика картина, чтобы удержать в памяти. Сбросим кайнозой.

Да. Итак, основные линии в общих чертах изображены. Векторы распространения обозначены почти до тектонической плиты. Сила сжатия меньше, чем сила растяжения. Почему? Дополнительная точка ввода вдоль второго вектора, перераспределяющего давление.

— Мерлин? С тобой все в порядке?

— Оставь меня в покое, — донесся до меня собственный ответ.

Еще напрячься, ввести источник, внутрь, ощущая признаки прохождения... То, что предстало передо мной... Логрус?

Я открыл еще три канала, сосредоточил в этой области, начиная разогревать ее. Вскоре треснули скалы, чуть позже расплавились. Заново созданная магма потекла по линии разлома. В точке, откуда происходила низвергающая сила, образовалось свободное пространство.

Назад. Я отозвал свои щупы, захлопнул спикард.

— Что ты сделал? — спросил меня призрак отца.

— Я обнаружил место, откуда Логрус направлял подземные удары, и переместил его. Теперь там небольшая пещера. Если она обвалится, это еще больше ослабит давление.

— Итак, то положение стабилизировано?

— По крайней мере сейчас. Мне не известны пределы возможностей Логруса, но ему придется прокладывать новую трассу, чтобы добраться туда. А потом еще все тестировать. Учитывая, что ему надо отвлекать силы на наблюдение за Путем... Да, это его задержит.

— Итак, ты выиграл передышку, — произнес призрак отца. — Правда, следующим против нас может двинуться Путь.

— Может, — кивнул я. — Я всех и перенес сюда, потому что думал, что здесь мы будем защищены от обеих Сил.

— Надеюсь, игра стоит свеч.

— Ну хорошо, — сказал я. — Настало время выдать им парочку раздражающих факторов.

Я посмотрел на призрака моего отца, стража этого места.

— Я знаю, где находится твой двойник из плоти и крови, — сказал я ему. — И приступаю к его освобождению.

Сверкнула молния. Внезапный порыв ветра вскинул опавшие листья, взболтал клочья тумана.

— Я должен сопровождать тебя, — промолвил призрак.

— Зачем?

— Разумеется, у меня есть собственный интерес.

— Ладно.

Вокруг грохотало, и новый порыв ветра раздул туман. К нам приблизился Джарт.

— Думаю, началось, — сказал он.

— Что? — спросил я.

— Поединок сил. Долгое время Путь сохранял преимущество. Но когда Люк повредил его, а ты похитил невесту Камня, нарушилось вековечное равновесие, баланс качнулся в другую сторону. Тогда Логрус решил атаковать, задержавшись лишь для попытки повредить Путь Корвина.

— Если только Логрус просто не испытывает нас, — сказал я, — а это просто не буря.

Пока мы беседовали, зарядил мелкий дождик.

— Я пришел сюда, ибо думал, что это единственное место, которое никто из них не затронет в перипетиях борьбы, — объяснил Джарт. — Я предполагал, что ни тот ни другой не пожалеет расходовать здесь энергию, необходимую для нападения или защиты.

— Возможно, это рассуждение по-прежнему верно, — сказал я.

— Просто, в виде исключения, мне захотелось оказаться на побеждающей стороне, — продолжал он. — Меньше всего меня волнует, кто прав и кто не прав; это все равно спорные понятия. А я, ради разнообразия, хочу быть с теми парнями, которые выитрывают. О чем ты думаешь, Мерль? Что собираешься делать?

— Мы со здешним Корвином направляемся во Влечения Хаоса, дабы освободить моего отца, — сообщил я. — Затем мы собираемся решить то, что нуждается в решении, а после жить счастливо.

Джарт покачал головой.

— Я никогда не мог понять, то ли ты дурак, то ли есть оправдание твоей самонадеянности. Хотя каждый раз, когда я приходил к выводу, что ты дурак, это дорого мне стоило. — Он поднял взор на темное небо, смахнул капли с лица. — Я действительно перегорел. Ты все еще можешь стать королем Хаоса.

— Нет, — сказал я.

— ...И ты наслаждаешься неким особым родством с Силами.

— Если так, то я и сам того не понимаю.

— Неважно, — сказал Джарт. — Я по-прежнему с тобой. Я подошел к остальным, крепко обнял Корэл.

— Я должен вернуться во Владения. Охраняйте Путь. Мы вернемся.

Небо расцвело тремя яркими вспышками. Ветер сотряс дерево.

Я отвернулся, сотворил в воздухе дверь и вместе с призраком Корвина шагнул в проем.

Глава 12

Так я и попал во Владения Хаоса, проникнув в искривленное пространство скульптурного сада.

— Где мы? — осведомился мой отец-призрак.

— Своего рода музей, — ответил я, — в доме моего отца. Я выбрал его из-за мудреного освещения и обилия укромных мест.

Корвин изучил некоторые фрагменты, располагающиеся на стендах и на потолке.

— Чертовски удобное место для перестрелки, — заметил он.

— Надо думать.

— И здесь ты рос?

— Да.

— Ну и каково?

— О, я не знаю. Не с чем сравнить. Было и хорошо — одному и с друзьями, — а бывали и плохие времена. Как у всякого ребенка.

— Так это...

— Пределы Савалла. Я бы хотел показать тебе тут все, каждый закоулок.

— Возможно, когда-нибудь...

Я осмотрелся по сторонам, надеясь увидеть Призрачное Колесо или Кергму. Как бы не так.

Наконец мы прошли в коридор, приведший нас в зал гобеленов, откуда вел путь в нужное мне место, соединенное переходом с галереей металлических деревьев. Но прежде я услышал голоса, как раз оттуда, куда мы направлялись. Мы затаились в комнате — здесь находился скелет Бармаглота, раскрашенный оранжевым, голубым и желтым — стиль Ранней Зауми. Говорящие приближались. В одном из

них я сразу же узнал своего брата Мэндора, другого только по голосу определить не смог, но, исхитрившись подглядеть, когда они проходили мимо, я узнал лорда Бэнсеза, Верховного Жреца Змея, Что Говорит От Имени Логруса (чтобы разок привести полный титул). В дурном романе они остановились бы у дверей, и я подслушал бы их беседу, поведавшую мне обо всем, что нужно знать.

Проходя мимо, они замедлили шаг.

— Значит, так и будет? — сказал Бэнсез.

— Да, — ответил Мэндор. — Вскоре.

И они прошли, и дальше я не смог различить ни слова. Я вслушивался в удаляющиеся шаги, пока те не утихли. Потом подождал еще немного. Я мог бы поклясться, что услышал тоненький голосок: «Сюда. Сюда».

— Слышал сейчас что-нибудь? — прошептал я.

— Не-а.

Тогда мы ступили в проход и повернули направо, двигаясь в противоположном от Мэндора с Бэнсезом направлении. И тут я ощутил какое-то жжение у левого бедра.

— Думаешь, он где-то поблизости? — спросил призрак Корвина. — Пленник Дары?

— И да и нет, — сказал я. — Ой!

Будто раскаленный уголек впился в ногу. Скользнув в первую попавшуюся нишу, где в янтарном гробу лежала мумифицированная дама, я сунул руку в карман.

Я понял, что это такое, едва нащупав предмет, который сразу попытался завести всевозможные философические рассуждения, на которые у меня сейчас не было ни времени, ни желания; а потому я обошелся с ними освященным веками манером — отложил в долгий ящик.

Это был спикард; горяченький, он лежал у меня на ладони. Почти сразу маленькая искорка проскочила между ним и тем, что я носил на пальце.

Последовала бессловесная связь, цепочка мыслей, образов, ощущений, побуждающих меня отыскать Мэндора и прыгнуть к нему в лапы для подготовки моей коронации в качестве следующего правителя Владений Хаоса. Теперь было ясно, почему Блейз запретил мне надевать эту штуку. Без посредничества моего собственного спикарда его предписания, возможно, были бы непреодолимы. Я использовал свой, дабы запереть этот, воздвигнув крошечную изолирующую стенку.

— Теперь у тебя два чертовых кольца! — заметил призрак Корвина.

Я кивнул.

— Знаешь о них что-нибудь неизвестное мне? — спросил я. — То есть хоть что-нибудь о них знаешь?

Он покачал головой:

— Лишь то, что это порождения изначальной силы, от дней, когда вселенная была сплошным мраком, а Тени лишь чуть обозначены. Когда пришло время, их обладатели уснули, или рассеялись, или преобразовались — ну, куда они там деваются в конце рассказа. Версий, разумеется, масса; версии всегда есть. Но пребывание во Владениях сразу двух колец может привлечь к тебе много внимания, не говоря уж о том, что их присутствие на этом полюсе естества добавляет мощи Хаоса.

— О Боже! — воскликнул я. — Своему я тоже велю затаиться.

— Вряд ли сработает, — сказал он. — Хотя... Полагаю, они должны поддерживать постоянное энергетическое взаимодействие с каждым источником и, по своей природе, непрерывно дают о себе знать.

— Тогда я велю ему настроиться на самый возможно низкий уровень.

Призрак кивнул:

— Вреда не будет, если попросить спикард специально, хотя скорее всего он каким-то образом делает это автоматически.

Я убрал в карман второе кольцо, вышел из ниши и поспешил дальше по коридору. Когда мы, по моим прикидкам, приблизились к нужному месту, я замедлил шаг. Но, похоже, ошибся. Металлического леса не было. Вскоре мы дошли до знакомой выставки, что в этом направлении предшествовала металлическому лесу.

Едва оглянувшись, я понял, что произошло.

— Что это? — спросил мой призрачный отец.

— Похоже на выставку всего мыслимого и немислимого колющего и режущего оружия, которое когда-либо изрыгал Хаос, — сказал я. — Ты заметил, что все клинки направлены острием вверх?

— Ну?

— Это то самое место, где мы должны были забраться на металлическое дерево.

— Мерль, — произнес Корвин, — по-моему, здесь что-то действует на мои мыслительные процессы. Или на твои. Я совершенно ничего не понимаю.

— Это там, почти под потолком, — объяснил я, указывая наверх. — Место я приблизительно знаю, мне кажется. Но сейчас все выглядит немного иначе...

— Что же там?

— Путь — место переправки, подобное тому, через которое мы прошли в зал со скелетом Бармаглота. Только так мы можем попасть в часовню.

— А туда-то мы и направлялись?

— Верно.

Он потер подбородок.

— Ну хорошо, там, где мы проходили, попадались чертовски высокие предметы, и не все они были из камня или металла. Мы могли бы выдрать в том зале тотемный столб, или что это за хреновина, очистить здесь площадку от этих острых штук, поставить его...

— Нет, — сказал я. — Дара наверняка поняла, что кто-то посещал часовню; возможно, в последний раз, когда она почти застала меня врасплох. Потому и изменилась выставка. Есть только два очевидных пути наверх: притащить сюда что-нибудь громоздкое, как ты предлагаешь, и расчислить место от ножицков. Или рассекретить спикард и велеть ему перенести нас на место. Первое слишком долго, и, возможно, нас все равно обнаружат. Второе потребует столько энергии, что, несомненно, переполошит всю магическую защиту, что выставила Дара.

Призрак схватил меня за руку и потащил мимо экспонатов.

— Нам нужно поговорить, — сказал он, заведя меня в альков с небольшой скамейкой. Сел и скрестил на груди руки. — Я собираюсь узнать, что за чертовщина здесь происходит. Пока меня не просветят, нормальной помощи от меня не жди. Какая связь между часовней и человеком?

— Думаю, я понял, что на самом деле имела в виду моя мать, говоря: «Ищи его в Преисподней», — начал я объяснять. — Пол часовни — стилизованное изображение Владений Хаоса и Амбера, выложенное плиткой. На самом краю Владений изображена Преисподняя. Посещая часовню, я никогда не ступал на то место. Готов спорить, что там находится путь, на другом конце которого — место заключения отца.

Призрак начал кивать, пока я говорил, затем осведомился:

— Итак, ты собираешься пройти там и освободить его?

— Точно.

— Скажи мне, эти пути действуют в обоих направлениях?

— Ну... А, понятно, к чему ты ведешь.

— Дай более полное описание часовни, — попросил он. Я продолжил рассказ.

— Меня заинтриговал магический круг на полу, — сказал призрак. — Уж не способ ли это общаться с Корвином, не подвергаясь риску? Нечто вроде обмена образами.

— Если не повезет, придется повозиться, прежде чем понять это, — сказал я. — Предлагаю перенестись туда, войти, попасть к нему через путь в Преисподней, освободить и умотать ко всем чертям. Никаких хитростей, никаких тонкостей. Если не заладится, проложим себе дорогу спикардом. Следует спешить, ибо как только мы начнем, нам станут наступать на пятки.

Он долго смотрел мимо меня, словно что-то напряженно обдумывая. Наконец спросил:

— Нельзя чем-нибудь отвлечь ее стражу?

— Гм-м. Извержением заблудившегося магического потока из настоящей Преисподней. Время от времени такое происходит.

— Чем характерен подобный выброс?

— Магическим осадком или трансформацией, — ответил я.

— Способен ты имитировать подобный феномен?

— Пожалуй. Но какой толк? Они все равно дознаются и, обнаружив, что Корвин исчез, поймут, что это только трюк. Напрасные усилия.

Призрак усмехнулся.

— Но он не исчезнет. Я займу его место.

— Я не могу тебе этого позволить.

— Выбор за мной, — сказал он. — Корвину понадобится время, если он собирается остановить Дару и Мэндора в их стремлении раздуть конфликт между Путем и Логрусом до масштабов, превосходящих события Падения Пути.

Я вздохнул.

— Это единственный способ, — добавил призрак.

— Думаю, ты прав.

Он разомкнул руки, потянулся и встал.

— Приступим!

Я сотворил заклинание. — дело, которым давно не занимался... Ну, полузаклинание — зачем особо стараться, раз уж у меня есть спикард. Затем я наложил его, тщательно окутав всю выставку, превратил часть лезвий в цветы,

орудуя на молекулярном уровне. По ходу дела я ощутил звон в ушах, который принял за душевную тревогу, отмечающую магическую активность и сообщающую о ней в центр. Фонтан энергии подкинул нас вверх. Когда мы приблизились, я ощутил напряжение пути. Я был точно у цели. И дал втянуть нас туда.

Корвин тихо присвистнул, разглядывая часовню.

— Наслаждайся, — сказал я. — Здесь общаются с кумиром.

— Ну. Пленник в собственном храме.

Он вышагивал по комнате, отстегивая пояс с ножнами. Заменял его на тот, что лежал на алтаре.

— Хорошая копия, — сказал призрак, — но даже Путь не способен повторить Грейсвандир.

— Я думал, на лезвии воспроизведена часть Пути.

— Возможно, совсем наоборот.

— Что ты имеешь в виду?

— Спроси другого Корвина. Это относится к тому, о чем мы недавно говорили. — Он подошел и передал мне смертоносный груз: оружие, ножны, пояс. — Будет замечательно, если ты отдашь это ему.

Я застегнул пряжку и перебросил ремень через плечо.

— Хорошо. Надо двигаться.

Я направился к дальнему углу часовни. Приблизившись к месту, где была начертана Преисподняя, я ощутил несомненное напряжение пути.

— Эврика! — воскликнул я, возбуждая каналы спикарда. — Следуй за мной.

Я шагнул вперед, и Путь увлек меня прочь. Мы прибыли в комнату размером примерно пятнадцать на пятнадцать футов.

В центре находился деревянный столб, а пол был каменный, забросанный соломой. Горели несколько больших свечей, как в часовне. Две стены были каменные, две — деревянные. В деревянных стенах были деревянные двери, незапертые. В одной из каменных находилась железная дверь без окошка и с замочной скважиной слева. Ключ примерно подходящего размера висел на гвозде, вбитом в столб.

Я снял ключ и быстро заглянул за деревянную дверь справа, обнаружив большую бочку с водой, ковш, а также различные блюда, чашки и прочее. За другой дверью оказалось несколько шерстяных одеял и груда того, что, вероятно, служило туалетной бумагой.

Я вернулся к металлической двери и постучал в нее ключом. Ответа не последовало. Я вставил ключ в замок и почувствовал, что мой спутник сжал мне руку.

— Лучше это сделаю я, — сказал призрак. — Я мыслю, как он; так будет безопасней.

Я отступил в сторону, не желая спорить с очевидным.

— Корвин, — позвал он. — Мы вытащим тебя отсюда. Это твой сын Мерлин и я, твой двойник. Не прыгай на меня, когда я открою дверь, договорились? Мы будем стоять смирно, и ты сможешь нас разглядеть.

— Открывай, — донесся голос изнутри.

Призрак открыл дверь, и мы встали в проеме.

— Как вы узнали? — раздался наконец знакомый голос. — Вы, парни, похоже, не поддельные.

— Именно так, — сказал призрак, — и, как обычно в подобных случаях, тебе бы лучше поторопиться.

— Ага. — Изнутри донеслись медленные шаги, и появился Корвин, прикрывая глаза левой рукой. — У кого-нибудь есть пара темных очков? Больно на свету...

— Черт возьми! — сказал я, рутая себя за то, что не догадался раньше. — Нет, и если я за ними пошлю, Логрус сможет меня засечь.

— Потом, потом. Зажмурюсь и как-нибудь проковыляю. Сматываем отсюда к дьяволу!

Призрак вошел в камеру.

— Теперь сделай меня бородатым, тощим и чумазым. Удлини волосы и преврати в лохмотья одежду, — сказал он. — А затем запирай.

— Что происходит? — спросил мой отец.

— Твой двойник пока будет представлять тебя в этом узилище.

— Ладно, — заявил Корвин. — Делай то, что сказал призрак.

Я так и сделал. Отец повернулся и протянул руку в камеру.

— Спасибо, дружище.

— Не за что, — ответил двойник, пожимая руку. — Удачи.

— Пока.

Я закрыл и запер дверь камеры. Повесил ключ на гвоздь и повел отца к Пути. Тот пропустил нас сквозь себя.

Когда мы прибыли в часовню, отец отвел руку. Должно быть, полумрак не раздражал глаза. опередив меня, он направился к алтарю.

— Нам надо идти, папа.

Он усмехнулся. Поднял горящую свечку и зажег ею одну из прочих, угасавших, видимо, в определенном порядке.

— На собственную могилу я испражнялся, — объявил он. — Не могу отказаться от удовольствия зажечь себе свечу в собственной часовне.

Не глядя на меня, отец протянул руку:

— Подай мне Грейсвандир.

Я стянул с себя меч и передал ему. Корвин расстегнул ремень и опоясался, поводил мечом в ножнах.

— Все в порядке. Что теперь? — спросил он.

Я стал быстро соображать. Если Даре известно, что я в прошлый раз выходил сквозь стены — а такое, в общем-то, вполне вероятно, — тогда стены могут так или иначе превратиться в ловушку. С другой стороны, если мы используем тот путь, которым я пришел сейчас, то вполне можем встретить сбегавшихся по тревоге стражников.

Проклятье.

— Пойдем, — сказал я, возбуждая спикард, и приготовился унести нас при любом намеке на бесцеремонное вмешательство. — Учти, что наш побег включает в себя левитацию.

Я вновь взял его за руку, и мы приблизились к пути. Как только путь включился, я раскинул энергетическую паутину и по прибытии подкинул нас над полем из клинков и цветов.

Из коридора донеслись звуки шагов. И тогда мы прыгнули в покои Джарта, казавшиеся местом, куда в последнюю очередь заглянут, разыскивая человека, сидящего в темнице; кроме того, я знал, что именно сейчас Джарту его апартаменты не понадобятся.

Корвин растянулся на кровати и покосился на меня.

— Между прочим, — сказал он, — спасибо.

— Всегда рад, — ответил я.

— Ты вполне уверен насчет этого места?

— У нас не слишком большой выбор, — сообщил я ему.

— Тогда как насчет рейда по холодильнику, пока я одалживаю у твоего брата ножницы и бритву?

— Чего бы тебе хотелось?

— Мясо, хлеб, сыр, вино, может, кусок пирога... Только свежее, да побольше. А еще — ты многое должен мне рассказать.

Итак, я проследовал на кухню по знакомым с детства залам и коридорам. Здесь горело лишь несколько свечей, тлели очаги. Вокруг никого.

Я направился в кладовую и завалил поднос необходимыми яствами, добавив фруктов, что попались под руку. Я чуть не уронил бутылку вина, когда услышал у дверей резкий вдох.

Это была Джулия в синей шелковой шали.

— Мерлин!

Я подошел к ней.

— За мной должок — несколько извинений, — произнес я. — Готов принести их.

— Я слышала, что ты вернулся. Говорят, ты станешь королем.

— Забавно, я тоже это слышал.

— Тогда станет непатриотичным сходить от тебя с ума, не так ли?

— У меня и в мыслях не было тебе навредить, — сказал я. — Ни телесно, ни как-то иначе.

Внезапно мы оказались друг у друга в объятиях. Долго это длилось, наконец она промолвила:

— Джарт утверждает, что вы теперь друзья.

— Что-то вроде того.

Я поцеловал ее.

— Если мы снова будем вместе, — сказала Джулия, — он, наверное, опять постарается убить тебя.

— Знаю. И на этот раз результаты могут оказаться по-настоящему катастрофическими.

— Куда же ты сейчас собираешься?

— Есть одно дельце — на несколько часов.

— Почему бы тебе не отдохнуть, когда ты закончишь? Нам много о чем нужно поговорить. Я остановилась в покоех, именуемых Глициниевой Комнатой. Знаешь, где это?

— Да, — сказал я. — С ума сойти.

— Увидимся позже.

— Наверное.

На следующий день я отправился к Краю, так как услышал сообщение, что ныряльщики в Преисподнюю — те, что ищут останки созидания за пределами Края — впервые за поколение приостановили свои операции. Когда я расспросил их, они сообщили мне об опасной активности в глубинах: вихрях, огненных ветрах, потоках новообразованного вещества.

Забравшись в укромный уголок и глядя вниз, я воспользовался своим спикардом, чтобы расспросить второй

Когда я снял защитную оболочку, в которую заключил его, он затянул неизменную песенку: «Иди к Мэндору. Коронуйся. Повстречайся с братом. Повстречайся с матерью. Начинай приготовления». Я вновь укутал и спрятал лже-спикарда. Вскоре он начнет подозревать, что я за пределами его контроля. Другой вопрос: стоит ли беспокоиться по этому поводу?

Я мог бы просто скрыться: уйти с отцом, помогать ему в борьбе, возможной, если усовершенствовать его Путь... Я мог бы даже закопать там оба спикарда, приумножив мощь того места. На худой конец я мог бы, как прежде, полагаться на свою собственную магию. Но...

Мои проблемы коренились именно здесь. Я был выношен и выкормлен, дабы стать идеальным царствующим лакеем, под контролем матери и, вероятно, брата Мэндора. Я любил Амбер, но так же я любил и Владения Хаоса. Бегство в Амбер, где я пока буду в безопасности, решит мои личные проблемы не более чем побег с папой или возвращение на теньевую Землю, которую я тоже люблю, с Корэл или без нее. Проблема была здесь... во мне самом.

Я призвал облако, чтобы перенести меня к подъемному пути, возвращающему в пределы Савалла. По дороге обдумал свои дальнейшие шаги и пришел к выводу, что боюсь. Если дела зайдут так далеко, как это вполне возможно, то очень вероятно, что я умру. Альтернатива — убить кого-нибудь самому, чего мне совсем не хотелось.

Так или иначе следует принять решение, или не видеть мне покоя на этом полюсе моего существования.

Я прошел у лилового потока под зеленым солнцем в зените жемчужного неба. Позвал серо-лиловую птицу, и она прилетела и села мне на запястье. Не отправить ли ее в Амбер с посланием для Рэндома?.. Однако как я ни старался, я не сумел составить даже простенькой записки. Слишком многое зависело от многого, слишком все взаимосвязано. Рассмеявшись, я освободил птицу, прыгнул с берега и проложил еще один путь под водой.

Вернувшись в Савалл, я направился в скульптурный зал. К тому времени я понял, что и каким образом мне следует делать. Я стоял там, где уже стоял — давно ли? — разглядывая массивные конструкции и замысловатые фигуры.

— Призрак? — промолвил я. — Ты здесь?

Ответа не последовало.

— Призрак? — повторил я громче. — Ты слышишь меня?

Ничего. Я вытащил свои карты, нашел сияющий круг — тот, что нарисовал для Призрачного Колеса, — и достаточно пристально глядел на него, но карта холодеть не торопилась. Вполне объяснимо, учитывая некоторые странно-сти пространства, к которому давал доступ этот зал.

Я поднял спикард. Использовать его здесь и на нужном мне уровне — то же, что включить охранную сигнализацию. Воистину...

Я нежно тронул карту силовой линией, пытаюсь увеличить ее чувствительность. Сосредоточился.

Опять ничего. Приложил еще больше силы...

Последовало ощутимое охлаждение.

— Призрак, — проговорил я сквозь зубы, — это важно. Иди ко мне.

Нет ответа.

Тогда я послал энергию прямо вовнутрь. Карта начала светиться, на ней выступили ледяные кристаллы. Вокруг раздалось легкое потрескивание.

— Призрак! — повторил я.

Затем появилось слабое ощущение его присутствия, и я поднажал. Карта раскололась у меня на ладони; оплетя ее паутиной сил, я удержал все части вместе. Карта выглядела, как маленькое витражное окно. Я продолжал тянуться сквозь нее.

— Папа! Я в беде! — донеслось до меня.

— Где ты? В чем дело?

— Я последовал за тем существом, которое встретил. Преследовал ее... его... это. Почти математическую абстракцию. Звать Кергмой. Был схвачен здесь, у границы четно-нечетномерности, где закручиваюсь в спираль. Хорошо провел время, пока...

— Я хорошо знаю Кергму. Кергма — хитрец. Предлагаю, в какую пространственную ситуацию ты попал. Готов посылать разряды энергии, чтобы противодействовать вращению. Дай мне знать, если есть проблемы. Как только сможешь проникнуть сквозь карту, сообщи мне и — вперед.

Я послал импульсы из спикарда, и началось торможение. Чуть позже Призрак сообщил мне:

— Думаю, теперь получится.

— Тогда давай.

Внезапно возник Призрак, вращающийся вокруг меня, словно магический круг

— Спасибо, папа. Я действительно очень признателен. Дай мне знать, когда тебе понадобится...

— Сейчас, — сказал я.

— Что?

— Сожмись и спрячься где-нибудь на мне.

— Снова на запыстье годится?

— Конечно.

Он так и сделал. Затем спросил:

— Зачем?

— Мне может неожиданно понадобится союзник.

— Против чего?

— Всего, — сказал я. — Пора раскрывать карты.

— Мне не нравится, как это звучит.

— Тогда оставь меня. Не обижусь.

— Этого я не сделаю.

— Слушай, Призрак, дело обостряется, и сейчас должна быть подведена черта. Я...

Справа от меня начал мерцать воздух. Я знал, что это означает.

— Позже, — проговорил я. — Сиди смирно.

...И появилась дверь, и она отворилась, чтобы выпустить башню зеленого света: глаза, нос, рот, конечности, кружащиеся в ее мореподобном пространстве — одно из самых внушительных демонических обликов, что довелось созерцать мне в последнее время. Разумеется, я узнал эти черты.

— Мерлин, — сказал он. — Чувствую, ты здесь усердно работаешь со спикардом.

— Не сомневался, что ты заметишь. И я к твоим услугам, Мэндор.

— Неужели?

— Со всем уважением, брат.

— Включающим некий вопрос о наследовании?

— Этот — в особенности.

— Превосходно! А что за дело привело тебя сюда?

— Всего лишь поиски кое-чего потерянного.

— С поисками можно подождать до лучших времен,

Мерлин. Нам надо немедленно идти.

— Да, действительно.

— Тогда прими более привлекательное обличье и пойдем со мной. Мы должны обсудить мероприятия, следующие за коронацией: какие из Домов следует подавить, кого объявить вне закона...

— Мне нужно поговорить с Дарой.

— Я бы сначала заложил некую основу. Пойдем! Изменяйся и давай отсюда!

— Знаешь ли ты, где она сейчас?

— В Ганту, я полагаю. Но мы посоветуемся с ней позже.

— У тебя, случайно, нет под рукой ее карты?

— Броюсь, что нет. У тебя вроде была своя собственная колода?

— Да. Но как-то вечером я по пьяни нечаянно уничтожил ее карту.

— Неважно, — отрезал Мэндор. — Мы встретимся с ней позже, как я сказал.

Пока мы говорили, я открывал каналы на спикарде. И сейчас поймал Мэндора в эпицентр силового смерча. Я видел весь технологический процесс его превращений; плевое дело дать обратный ход и вернуть зеленой кружащейся башне обличье белокурого мужчины, одетого в черное и белое и выглядящего чрезвычайно раздраженным.

— Мерлин! — закричал он. — Зачем ты изменил меня?

— Совершенно очаровательная штучка, — легкомысленно произнес я, помахивая спикардом. — Просто хотелось увидеть, получится ли.

— Теперь увидел?! Будь добр, освободи меня, да и себе поищи более подходящее обличье.

— Момент, — сказал я, когда он попытался расплавиться и вытечь. — Ты мне нужен именно такой.

Я удержал брата от дальнейших попыток и начертил в воздухе огненный прямоугольник. Серией быстрых движений наполнил его приблизительным подобием моей матери.

— Мерлин! Что ты делаешь? — вскричал Мэндор.

Я подавил его поползновение выпутаться с помощью перемещающего заклинания.

— Время посоветаться, — объявил я. — Будь ко мне снисходителен.

Я не просто медитировал над импровизированной картой, подвешенной мною в воздухе, а в сущности атаковал ее зарядом энергий, описывающих крути через мое тело и окружающее пространство.

Внезапно в созданной мною раме восстала Дара — высокая, иссиня-черная, с пламенеющими зеленою глазами.

— Мерлин! Что происходит?!

Я поймал ее так же, как Мэндора, и сжал до человеческих размеров.

— Демократия!. Давайте минутку будем выглядеть одинаково

— Это не смешно, — заявила Дара и принялась меняться обратно.

Я пресек ее попытку.

— Да, не смешно. Но собрание созвал я, и оно пойдет на моих условиях.

— Очень хорошо, — сказала она, пожимая плечами. — Только зачем такая срочность?

— Дело в престолонаследии.

— Это дело уже улажено. Трон твой.

— И в чьих руках я оружие? — Я поднял левую руку, надеясь, что у моих родственников нет способа отличить один спикард от другого. — Эта штука дарует великие силы. Но также взимает плату за услуги. На ней заклятие, контролирующее носителя.

— Кольцо принадлежало Свейвилу, — ответил Мэндор. — Я доставил его тебе, чтобы приучить к могуществу. Да, имеется и цена: носитель должен принимать условия спикарда.

— Я боролся с ним, — соврал я, — и я — его хозяин. Но основные проблемы оказались не космического характера; они — результат ваших собственных стараний.

— Не отрицаю, — сказал Мэндор, — но была веская причина. Ты отбивался от трона руками и ногами. Я ощутил необходимость добавить элемент принуждения.

Я покачал головой:

— Если бы «элемент»!.. Эта штука устроена так, чтобы сделать меня вашим послушным инструментом.

— По необходимости, — парировал Мэндор. — Ты долго отсутствовал. Тебе недоставало глубокого знания местной политической сцены. Мы не могли позволить тебе принять бразды правления и отчалить на все четыре стороны — не те сейчас времена, и ошибки могут очень дорого обойтись. Дому необходимо было как-то контролировать тебя. Но лишь временно, пока не будет завершено твое обучение.

— Позволь мне усомниться, брат, — сказал я.

Он бросил взгляд на Дару, та слегка кивнула.

— Мэндор прав, — промолвила она. — Не вижу ничего дурного в подобном временном контроле, пока ты не научишься делу. Слишком многое поставлено на карту, чтобы действовать иначе.

— Это было заклинание рабства, — сказал я. — Оно заставляло бы меня принять трон и слепо выполнять ваши приказы.

Мэндор облизал губы. Я впервые увидел, как он выдает свою нервность, и сразу насторожился. Чуть позже я сообразил, что и внешнее смятение может быть вполне рассчитанным ходом. Это побудило меня немедленно принять меры предосторожности.

Однако атака пришла от Дары.

Надо мной пронеслась раскаленная волна. Я сразу переключил внимание, стараясь воздвигнуть барьер. Собственно, атака не была направлена против меня лично, а скорее выражала умиротворяющее сдерживание.

Оскалив зубы, я боролся, чтобы сдержать натиск.

— Мать... — зарычал я.

— Нужно восстановить императивы, — решительно заявила она скорее Мэндору, чем мне.

— Зачем? — спросил я. — Вы получаете то, что хотите.

— Трон — это еще не все, — ответила она. — Я теперь не доверяю тебе, а доверие совершенно необходимо.

— Ты никогда не доверяла мне, — возразил я, освобождаясь от остатков ее заклинания.

— Неправда. И вообще это вопрос технический, а не личный.

— Какой бы ни был, — сказал я. — Я на ваши штучки не поддамся.

Мэндор набросил на меня парализующее заклятие, а я оттолкнул его, готовый теперь ко всему. В это время Дара обрушила на меня тщательно подготовленное действие, в котором я узнал Штурм Замешательства. Я не пытался состязаться с ними обоими, отвечая заклинанием на заклинание. Хороший колдун может наложить поддюжины основных заклятий. Продуманного их применения обычно достаточно, чтобы справиться с большинством ситуаций. В колдовской дуэли стратегия использования чар — основная часть игры. Если оба противника устоят до полного истощения заклятий, им приходится опускаться до стычки сырыми энергиями. И тогда преимущество обычно имеет тот, кто контролирует большее количество сил.

Я поднял зонтик против Штурма Замешательства, парировал Астральную Дубину Мэндора, остался цел, пройдя через мамин Раскол Духа, сохранил ощущения в Мэндоровом Источнике Мрака. Все мои главные заклятия иссякли, а новых я не накладывал с тех пор, как стал полагаться на спикард. Я опустил давол опоры на примитивную силу. К счастью, спикард давал мне возможность контролировать почти неиссякаемый ее источник. От меня требовалось

лишь упростить обстановку, заставив противников израсходовать все свои заклинания. Необходимо измотать, опустошить их.

Мэндору удалось подкрасться сзади, слегка пройдясь по мне Электрическим Дикобразом. Тем не менее я обрушил на него силовую стену и швырнул в сеть крутящихся дисков, вспыхивающих во всех направлениях. Дара обернулась жидким пламенем, извивающимся, бушующим, выплывающим круги и восьмерки; приближаясь и отступая, она закидывала меня пузырями то эйфории, то боли. Я старался отбросить их ураганом, вдребезги разбивая огромную фарфоровую личину, с корнем выдирая башни, фамильные замки с их подземельями, испепеляя все формы и очертания. Мэндор обернулся песком, просочился сквозь структуру, по которой рассыпался, и желтым ковром пополз ко мне.

Я отклонял воздействия и продолжал свои энергетические удары. Ковер я швырнул в пламя, а навстречу обрушил фонтан. Смахнув с лица и одежды маленькие огоньки, я направил сознание в онемевшие части левого плеча и ноги. Я рассыпался на кусочки и вновь соединился, как только одолел Распутывающее заклинание Дары. Я вдребезги разбил Бриллиантовый Шар Мэндора и перенес Узы Избавления. Три раза я сбрасывал человечье обличье ради более подходящих, но всегда возвращал прежнюю форму. Такого испытания у меня не было с выпускного экзамена у Сухая.

Но окончательное преимущество, несомненно, было за мной. Единственное реальное преимущество моих противников — внезапность — сейчас уже было потеряно. Я открыл все каналы спикарда, что способно было устроить даже Путь, хотя это, как я позже сообразил, могло бы оглушить и меня самого. Я поймал Мэндора в пучок сил, ободрав его до скелета и мгновенно соорудив заново. Пригвоздить Дару оказалось труднее. Когда я ударил из всех каналов, она поразила меня заклятием Ослепляющего блеска, что держала в последнем резерве, и лишь благодаря этому спаслась от моего намерения обратить ее в статую. Пришлось оставить Дару в смертном облике, ограничившись заторможенностью движений.

Я помотал головой и протер затуманенные глаза.

— Мои поздравления, — произносила она секунд, наверное, десять. — Ты лучше, чем я думала.

— Причем я еще не закончил, — ответил я, глубоко дыша. — Пора применить к вам ваши же методы.

Я приступил к работе, позволяющей мне взять их под свой контроль. И тут заметил слабую, замедленную улыбку Дары.

— Я думала... мы сумеем... справиться... с тобой... сами, — произнесла она, в то время как перед ней начал мерцать воздух. — Я... ошибалась.

Перед ней обрел форму Знак Логруса. И сразу Дара оживилась. Затем я ощутил на себе ужасный и пристальный взгляд. Когда Знак обратился ко мне, эта имитация голоса растерзала мне нервы.

— Я призван сломить твое упорство, о человек, обязанный стать королем.

Снизу донесся грохот обрушившегося зеркального дома. Я посмотрел туда; Дара и Мэндор, только что с трудом вставший на ноги, тоже. Зеркальные панели воспарили в воздухе и поплыли к нам. Они быстро развернулись в боевом порядке, многократно отражая нашу битву под бесчисленными углами. Перспектива была ошеломляющей, ибо само пространство казалось каким-то искривленным и закрученным; в каждом отражении нас окружало кольцо света, хотя я не смог обнаружить его источника.

— Я с Мерлином! — донесся откуда-то голос Призрачного Колеса.

— Конструкция! — воскликнул Знак Логруса. — Ты тот, кто помешал мне в Амбере!

— Пути я тоже слегка помешал, — заметил Призрак. — Это восстановило равновесие.

— Чего ты хочешь сейчас?

— Руки прочь от Мерлина, — сказал Призрак. — Он вершит здесь суд по праву короля. Никаких оков на нем!

Закружились огни. Я направил импульс в спикард, открывая все каналы в надежде связаться с Призраком и дать ему доступ к энергии. Однако контакта установить не удалось.

— Не нужно, папа, — заявил Призрак. — У меня самого есть доступ к источникам в Тенях.

— Что ты желаешь для себя, конструкция? — осведомился Знак.

— Защитить того, кто заботился обо мне.

— Могу предложить тебе вселенское величие.

— Ты уже предлагал. И я тогда отказался, помнишь?

— Помню. И буду помнить всегда.

Зазубренное щупальце от непрерывно перемещающейся фигуры двинулось в сторону одного из кругов света.

Когда они встретились, последовала ослепительная вспышка пламени.

Вновь обретя способность видеть, я не обнаружил никаких изменений.

— Очень хорошо, — признал Знак. — Ты пришел подготовленный. Еще не время ослаблять себя твоим уничтожением — не сейчас, когда другие ждут, когда я споткнусь... Повелительница Хаоса, — продолжил он, обратившись к Даре, — ты должна исполнять пожелания Мерлина. Если его царствование окажется безрассудным, он уничтожит себя своими собственными делами. Если же оно будет благоразумным, ты безо всякого вмешательства получишь то, чего жаждешь.

— Ты готов отступить перед сыном Амбера и его игрушкой? — переспросила она.

— Мы должны дать ему то, что он хочет, — признал Знак. — На данный момент. На данный...

В момент его исчезновения воздух наполнился визгом.

Мэндор улыбался милейшей из улыбок, бесконечно отражающейся.

— Не могу поверить, — пробормотала Дара, становясь кошкой с цветочной мордой, затем деревом зеленого пламени.

— Придется поверить, — сказал ей Мэндор. — Мерлин победил.

Древо вспыхнуло, осыпаясь, и исчезло.

Мэндор кивнул мне:

— Уповаю на одно: ты знаешь, что делаешь.

— Я знаю, что делаю.

— Ладно, поступай по своему разумению. Но если тебе понадобится совет, я постараюсь помочь.

— Спасибо.

— Не желаешь обсудить это за обедом?

— Не сейчас.

Мэндор пожал плечами и обернулся синим смерчем.

— Тогда до скорого, — донесся его голос, прежде чем смерч умчался прочь.

— Спасибо, Призрак, — сказал я. — Ты заметно улучшил свой хронометраж.

— У Хаоса слабина слева, — ответил он.

Я установил местонахождение свежих нарядов из серебряного, черного, серого и белого и вернул их вместе с собой в апартаменты Джарта. Мне было что порассказать.

Мы бродили малохоженными путями, пересекая Тень, и в конце концов вышли к полю заключительной битвы

войны Падения Пути. Годы зарубцевали раны, не оставив и следа всего происшедшего здесь. Корвин долго смотрел, не произнося ни слова.

Затем повернулся ко мне:

— Придется поработать, чтобы расставить все по своим местам, добиться более устойчивого равновесия, обеспечить стабильность.

— Да.

— Как по-твоему, сумеешь пока удержать эту сторону в мире?

— Думаю, да, — сказал я. — Приложу все силы.

— Ни от кого из нас большего ожидать и нельзя, — произнес Корвин. — Ладно. Рэндом, разумеется, должен узнать, что здесь произошло. Не знаю, как он воспримет тебя в качестве своей противоположности... Любопытно.

— Передай ему привет, а еще Биллу Роту.

Он кивнул.

— И — удачи, — добавил я.

— Тайны все еще покрыты тайной, — сказал мне отец. — Я дам тебе знать, как только что-нибудь выясню.

Он сделал шаг навстречу и обнял меня.

— Пора в Амбер. Отправь-ка меня.

— Уже готово, — сказал я. — До свидания.

— ...и привет, — ответил он с конца радуги.

Затем я отвернулся и начал долгий путь к Хаосу.

Содержание

Рыцарь Теней , роман, <i>перевод с английского Е. Доброхотовой-Майковой</i>	5
Принц Хаоса , роман, <i>перевод с английского Е. Волковыского</i>	183

МИРЫ РОДЖЕРА ЖЕЛЯЗНЫ

Хроники Амбера

Ответственный за выпуск *Е. Чутов*

Редактор *В. Баканов*

Технический редактор *К. Козаченко*

Корректоры *Ж. Голубева, И. Лаздина,*

А. Хиришфелде

Операторы компьютерной верстки

Н. Амосова, Е. Глуховская

Оформление форзаца: *А. Кириллов*

Оформление шмуцтитолов: *М. Ермаков*

Качество печати соответствует диапозитивам, предоставленным издательством.

ЛР № 062455 от 23.03.93.

Подписано в печать 13.01.97. Формат 84×108^{1/32}

Гарнитура Балтика. Печать высокая.

Усл. печ. л. 20,16. Тираж 7 000 экз.

Заказ № 2923.

Издательство «Полярис»

Латвийская Республика, LV-1039, Рига, а/я 22

Отпечатано с готовых диапозитивов
на Тверском ордена Трудового Красного Знамени
полиграфкомбинате детской литературы им. 50-летия СССР
Государственного Комитета Российской
Федерации по печати.

170040, г. Тверь, проспект 50-летия Октября, 46.

РЫЦАРЬ ТЕНЕЙ
ПРИНЦ ХАОСА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОЛЯРИС»
1997

МИРЫ РОДЖЕРА ЖЕЛЯЗНЫ

24